РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(83)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия в 2014 г.
Russia, 2014

Россия четверть века назад
Russia Twenty Five Years Ago

Российские реформаторы 1990-х годов
Russian Reformers of the 1990's

Первая мировая война
The First World War

Испытание Украиной
The Ukrainian Trial

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2014

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Старший редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2014. – ISSN 1726–5223. – № 2 (83). – 282 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Ю.С. Пивоваров
Россия: Четырнадцатый год 6

Yu.S. Pivovarov
Russia: The Year Fourteen

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова
Российские реформаторы 1990-х годов: Общественно-политический портрет 35

R.Kh. Simonyan, T.M. Kochegarova
The Russian Reformers of the 1990s: A Sociopolitical Portrait

Д.В. Ефременко
Нормальная катастрофа: Еще раз об исторических развилках 1980–1990-х годов 58

D.V. Yefremenko
A Normal Catastrophe: Again on Historical Crossroads of the 1980–1990's

В.Н. Крутько
Демографические проблемы России: Сетевой проект решения 81

V.N. Krut'ko
Russia's Demographic Problems: A Network Solution Project

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: 100 ЛЕТ НАЗАД

WORLD WAR I: 100 YEARS AGO

И.И. Глебова
В поисках утраченной войны: Первая мировая в российской истории и памяти 93

I.I. Glebova
In the Search of the Forgotten War: World War I in the Russian History and Memory

Т.Г. Леонтьева
Православное духовенство в годы Первой мировой войны 104

T.G. Leontieva
The Orthodox Clergy in the Years of World War I

Винтер Дж., Прост А.
Великая война в истории: Дискуссии и споры, с 1914 г. до настоящего времени. (Реферат) 120

Winter J., Prost A.
The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present (a digest)

Гатрелл П.
Россия в Первой мировой войне: Социально-экономическая история. (Реферат) 133

Холквист П.
Революция ковалась в войне: Непрерывный кризис в России 1914–1921 гг. (Реферат) 144

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Н. Чернега
Россия и ЕС: Проблема исторического выбора 154

Ван Чэньсин, Ли Син
Евразийский союз в оценках китайских исследователей 169

С.С. Алабян, О.В. Морозенкова
Внешнеэкономическая деятельность России в сфере услуг 180

ИСПЫТАНИЕ УКРАИНОЙ

В.А. Радзиевский
Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: Исторический и этнолингвистический экскурс 187

В.Ю. Даренский
Русская идентичность в современной Украине: Проблемы и перспективы 197

В.Н. Бабенко
Украина в паутине национализма: Политические и правовые последствия 211

Gatrell P.
Russia's First World War: A Social and Economic History (a digest) 133

Holquist P.
Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921 (a digest) 144

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

V.N. Chernega
Russia and EU: The Problem of Historical Choice 154

Wang Chenxing, Li Xing
The Eurasian Union as Seen by Chinese Researchers 169

S.S. Alabyan, O.V. Morozenkova
Russia's Foreign Economic Activities in the Services Sphere 180

TRIAL BY UKRAINE

V.A. Radzievsky
Eastern Slavic Subcultural Entity of Russia and Ukraine: An Historical and Ethnolinguistic Excursion 187

V.Yu. Darensky
Russian Identity in Contemporary Ukraine: Problems and Prospects 197

V.N. Babenko
Ukraine in the Web of Nationalism: Political and Legal Consequences 211

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

С.А. Королёв
Архив в пространстве истории: Метаморфозы и тренды 222

Д.И. Рублёв
Опыт гражданской самоорганизации: Движение против уплотнительной застройки в Москве, 2007–2008 гг. 238

И.Н. Лаврикова
Массовый праздник: Из прошлого в настоящее 249

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Д.В. Родионов
Национальный музей театра 259

В.В. Леонидов
История создания Музея Леонида Пастернака в Оксфорде 267

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 271

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

S.A. Korolev
The Archives in a Historical Space: Metamorphoses and Trends

D.I. Rublev
An Experience in Civilian Self-Organization: The Movement against Narrow Space Construction in Moscow, 2007–2008

I.N. Lavrikova
Mass Holidays: From Past to Present

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

D.V. Rodionov
The National Museum of Theatre

V.V. Leonidov
Leonid Pasternak Museum in Oxford: A History

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.С. Пивоваров

РОССИЯ: ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, директор ИНИОН РАН.

Предлагаемый текст является своеобразным способом быстрого реагирования на происходящее в нашей стране. Настоящее осмысление придет, конечно, позже, когда нынешние события оформятся в новые непреложные факты. Но и сегодняшние эмоции и реакции имеют познавательный смысл, поскольку, как говорил Б. Пастернак, «сквозь них история орет».

Содержательному измерению текста соответствует и его стилистика. Это – совокупность фрагментов, в которых обсуждается та или иная тема(ы), в определенный момент показавшаяся автору особенно актуальной. Отсюда, разумеется, и «публицистичность» языка.

Историческое испытание и искушение

Весна четырнадцатого года… Заканчивается суицидальный для христианского человечества столетний период. Таковым он случился потому, что наши прадеды не выдержали того объема свободы, сложности, противоречий, неожиданно открывшихся возможностей и пр., которые обрушились на них в конце XIX – начале XX в. (конечно, серьезные ученые назовут гораздо более важные причины мирового самоубийства в августе 14-го)…

А вот что скажут о нас, о нашей весне-лете-осени четырнадцатого? Как будут оценены патриотический подъем большинства россиян, молчание меньшинства, протесты единиц? Какой исторический приговор будет вынесен русской власти, неожиданно вновь взявшейся за привычные дела – скажем мягко – собирать земли и пасти народы?

Кстати, о нашем народе. Я служу в научном учреждении, где собралась по преимуществу просвещенная публика. Так вот, в грозные крымские и донецко-луганские дни на доске объявлений профкома появились очередные белые листики, видимо, с какими-то сообщениями для членов этой организа-

ции, которой как будто бы и нет, но и все же немного есть. Обычно перед этой доской никого. Ну, что сегодня может молвить профком (теперь это слово звучит старомодно, как когда-то «милостивый государь»). Однако на этот раз люди там были. Что-то читали, комментировали, и, как я приметил, отходили довольными и приятно взволнованными. Будто получили какую-то важную моральную поддержку.

На этой доске было три текста. Сентиментальный стишок о русском Севастополе Александра Городницкого, довольно добродушный и поучающий фрагмент какой-то статьи А.И. Солженицына, направленный против эгоистического украинского национализма, и необъяснимо-грубое, какое-то совершенно немыслимое для этого человека, оскорбительное для украинцев, стихотворение Иосифа Бродского. Я не случайно именно в такой очередности поставил русских сочинителей. По возрастанию антиукраинства (у Городницкого его и вовсе нет, но в контексте наших дней прочитывается так).

К чему я клоню? – Просвещенная научная публика, как всегда, колеблется. С одной стороны.., с другой… И хочется, и колется, и кто-то не велит… И Крым всегда был русский, это Никита-дурак разбазаривал наши земли, и Новороссия, и Донбасс, и князь Потемкин, и большевики с их насквозь фальшивой национальной (а по сути антирусской) политикой. Но и нарушение международного права, и санкции, и Запад, и последствия… В общем черт ногу сломит. – А здесь ясно, недвусмысленно **показано**, куда ж нам плыть. И «наше все», наши безупречные Бродский и Солженицын говорят **куда**. И как толковать происходящее.

Так что ж? Чего смущаться: разве прежние великие – Пушкин, Тютчев, Достоевский – учили нас иному?

Выходит, великая русская культура XIX–XX столетия, защитница униженных и оскорбленных, дает нам моральную санкцию поддержать и действия властей, и восторг соотечественников. Вновь мы «и до Тавриды». И уже не фантастическим кажется, что «матерь городов русских…», и с замиранием шепчется тютчевское: «над русской Вильной стародавней родные высятся кресты…». Но тише, тише…

Кстати, почему «тише». Не кружилась ли сладко голова весной **того** 14-го – «Босфор, Дарданеллы, Царьград с Софией». И «все как будто под рукою, и все как будто на века». Ну, ну. Посмотрим, во что выльется нашенская ситуация. А вот та, столетней давности, босфоро-дарданелльская завершилась величайшей катастрофой в русской истории. Сегодня даже и не понять, чего хотели эти господа (царь, бюрократия, генералы, общественники), почему благое будущее их Отечества связывалось с доминированием русских в этих районах Восточного Средиземноморья. Кстати, спросите об этом у миллионов россиян, которые уже два десятилетия проводят свои отпуска на курортах Турции.

Найдутся люди, которые скажут, что проливы и Царьград одно, а **русский** Крым другое. И если бы мы его сейчас не вернули, то в самом скором времени Севастополь из базы Черноморского флота РФ превратился бы в порт приписки какого-нибудь Шестого флота США. – Отвечу: вполне возможно. Американцы действительно, во всяком случае, в последнее время полагают значительную часть мира чем-то вроде вотчины. Правда, эта ожидаемая опасность **нашему** Крыму очень похожа на угрозу со стороны империализма США и НАТО для СССР в 1968 г. Тогда уверяли, что если бы Советский Союз не оккупировал Чехословакию, то через некоторое время над пражским Градом развевались враждебные «нам» флаги…

Да, за два столетия Крым сросся, сроднился с Россией, стал ее частью. И к Малороссии имел косвенное отношение (и наоборот). И даже 1954 год ситуацию принципиально не изменил. Однако распад СССР зафиксировал Крым в составе суверенной республики Украина. Российская Федерация, наряду с другими государствами, признала границы нового субъекта международного права и его территориальную целостность. Более того, подпись под Будапештским меморандумом (1994) сделала Россию, так сказать, привилегированным, эксклюзивным гарантом неприкосновенности территории Украины.

Потеря Россией Крыма, если говорить выспренно, это плата за поражение наших предков в начале XX в. Под поражением я подразумеваю позорный Октябрь Семнадцатого и неудачу в героической попытке восстановить страну в ходе Гражданской. Все части Российской империи, включая Крым, превратились в части *бывшей* Российской империи. Кто что подбирал из красных победителей, по сути, не столь важно. Они совершенно искусственно перекроили Россию на вымышленные республики, края, области, округа. Сегодня трудно разобраться, кто и на что имел право в стране, где семь десятилетий никто не имел прав ни на что. Можно, конечно, сказать, что схожим образом действовали европейские колонизаторы в Африке. Наверное, это так. Но большевики резали по живому в своей стране. Это, разумеется, не снимает ответственности с западных империалистов, но объясняет, почему Крым – иное.

И еще одно соображение. При всех эксцессах, безобразиях, несуразностях, при всей жестокости, крови, в условиях фактического раскола страны, в Киеве произошла народная революция. События конца 2013 – начала 2014 г. на Украине сопоставимы лишь с тем, что было в Центрально-Восточной Европе в 1989 г. Череда антикоммунистических и антисоветских революций: от «бархатной» революции в Чехии до кровавого свержения режима Чаушеску в Румынии. Их интенсивность и жестокость зависели от национальных традиций, от того, что в науке называется политической культурой. Именно это случилось сегодня на Украине. «Правый сектор», «бандеровцы», «фашист-

вующие группировки», вне всякого сомнения, в наличии, но не они определяют главное в украинской драме (революция всегда драма).

…Знаменательно, что в России майданный Киев, Крым, Донецко-Луганское восстание против победителей режима Януковича в своей совокупности существенно способствовали резкому похолоданию политического климата, дальнейшему усилению репрессивно-авторитарного измерения режима, фактической адаптацией верхами многих идей «Изборского клуба». То есть тенденции, набиравшие все последние годы вес и влиятельность, постепенно превращаются в мейнстрим русской политики. Мы вновь попадаем под обаяние и искушение музыки «гром победы раздавайся…», «от тайги до британских морей…», «мы за ценой не постоим…» Разумеется, в таких обстоятельствах любое **иное** мнение, позиция, поступок квалифицируются как – «шаг в сторону – побег».

Россия вступила в историческую полосу глубоких испытаний.

О партийцах, чекистах и, как всегда, русской власти

В 12-м и 13-м годах я писал книжку о «русском настоящем и советском прошлом», и мне думалось, что ответ на их «соотношение» чуть ли не найден. Что советское должно быть и будет преодолено. Пусть этот процесс и окажется долговременным. Ведь предупреждал А.И. Солженицын: «Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150–200 лет выздоровления, мирной национальной России»[1]. Добавим только: удар мы нанесли сами по себе. И еще одно соображение Александра Исаевича представлялось мне принципиальным, неотменимым: «Соотношение между ними («русским» и «советским». – *Ю. П.*) такое, как между человеком и его болезнью»[2]. Я видел в этом послание тем – а их голоса все громче, все «массовее» – кто в той или иной форме и с разными целями стремится «оправдать» советское (так сказать, все действительное разумно).

…И вдруг в самом конце июня 13-го года, через месяц после выборов нового руководства Академии наук, за пару дней до начала летних вокаций «вероломно, без объявления войны» власть напала на РАН. Сразу же началось общественное, в том числе и академическое, сопротивление. В который раз за последние, с Болотной, годы показалось: **у нас есть гражданское общество**. Последовали переговоры, первое лицо государства – на-

1. Солженицын А.И. Публицистика: Статьи и речи. – Париж: УМСА-press, 1981. – С. 323.

2. Там же. – С. 306.

сколько это известно – согласилось отменить наиболее одиозные и разрушительные для отечественной науки предложения анонимных авторов законопроекта. В какой-то момент возомнилось: пусть и с потерями, пробоинами, но корабль Академии продолжит свой ход (ведь не за морями уже ее 300-летие; старейший российский светский институт!) – А затем между 11 и 17 сентября власть молниеносно разыгрывает комбинацию по «окончательному решению» академического вопроса. Все было сделано столь виртуозно, что к возмущению, обиде, непониманию добавились удивление и невозможность поверить во все это. Онемели уста, перехватило дыхание, глотку забило унижением.

И вновь, как в молодости, грохнул Галич: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл! / Начал делать – так уж делай, чтоб не встал»! «А я ему по-русски, рыжему: / «Как ни целься – выше, ниже ли, / Ты ударишь – я, …, выживу, / Я ударю – ты, …, выживи!». «Ты, …, думаешь, напал на дикаря? А я сделаю культурно, втихаря, / Я, …, врежу, как в парадной кирпичом! – / Этот, с дудкой, не заметит нипочем!»

Не надо морщиться от неприличного слова, от уголовной лексики. Александр Галич был великий поэт и аутентично представлял мир, людей, их язык. Эта эстетика, этот экспрессионизм в полной мере выражают ментальность тех, кто осуществил очередной, бандитский наезд на русское гражданское общество, причем в особо циничных, издевательских формах. (Честно говоря, с младых ногтей не испытывал такого бессильного унижения. Помню, как нас, мальцов-первоклашек, старшие переворачивали головою вниз и, держа за ноги, вытряхивали копейки, которые родители давали на чай и пирожки. Обидно было до слез, да и сдачи этим верзилам не дашь…)

И вновь русская поэзия дает **формулу** того, что произошло. – «Люди сметки и люди хватки / Победили людей ума – / Положили их на лопатки, / Наложили сверху дерьма. / Люди сметки, люди смекалки / Точно знают, где что дают, / Фигли-мигли и елки-палки / За хорошее продают. / Люди хватки, люди сноровки / Знают, где что плохо лежит. / Ежедневно дают уроки, / Что нам делать и как нам жить…» (Б. Слуцкий).

Так выходит, что «болезнь» (по А.И. Солженицыну) нас не оставила, что «советское» совсем не «прошлое»? Более того, может, перефразируя Е.И. Замятина, «советское прошлое» – наше будущее? – Возможно. Но это вполне ожидаемый вывод. И стоит ли ради него огород городить? Думается, на самом деле ситуация сложнее. Ну, конечно, мы еще «больны», и у советского сохранился немалый потенциал. Важнее другое: да, наша самоэмансипация – громадное достижение русской истории. Однако ее, так сказать, медленно-эволюционный характер наряду с плюсами имел (имеет) существенные минусы. Может быть, наиболее неприятный из них в том, что «болезнь» стала столь привычной, в известном смысле даже необходимой. То есть она уже и

не болезнь вовсе, не девиантность, но – норма, нормативность для «русского настоящего». И полагать день сегодняшний преодолением (пусть и не окончательным) советизма нельзя. А это означает, что в начале XXI в. «русское» и «советское» почти равны друг другу (конечно, полной идентичности нет). И потому название моей писавшейся книжки («Русское настоящее и советское прошлое») следовало бы изменить на «Советско-русское настоящее-прошлое»…

Впрочем, и это более или менее понятно. А вот стиль, тип поведения власти в ходе ее победоносного блицкрига против Академии наук (эх, не нашлось у нас своего Жукова, да и мы не уперлись как наши отцы и деды под Москвой…) все-таки малообъясним. Зачем так? Просто Черчилль какой-то: «a riddle wrapped in a mystery inside an enigma»… В общем мы вновь возвращаемся к теме «власть».

Но – повременим. И скажем о значении события, которое произошло совсем незадолго до окончания непростого 13-го года.

… 16 декабря 1986 г. Михаил Горбачёв позвонил сосланному в Горький академику Андрею Сахарову, который был главным символом тогдашнего русского противостояния режиму. Именно с того момента стало ясно, что заявления верхов о начале новой эры – не просто очередной приступ демагогии, но действительные намерения. При этом Сахаров выдвинул условие своего возвращения в Москву и включения в процесс преобразований: освобождение политических заключенных. Михаил Сергеевич согласился и сдержал свое слово. А за несколько дней до этого в одном из пермских лагерей умер Анатолий Тихонович Марченко. Он объявил голодовку, требуя от мирового сообщества заставить советские власти прекратить уничтожение инакомыслящих (уничтожение – не перебор; популярный ныне Андропов за несколько лет до этих событий перешел к физической расправе над активистами диссидентского движения)…

Прошло 27 лет. Россия провозгласила себя демократическим, конституционным, правовым, социальным государством. Ее строй базируется на принципах разделения властей, верховенства закона, примата международного права над национальным. Статьи Основного закона 1993 г., посвященные правам человека, могут быть признаны образцовыми для мирового сообщества. Свобода слова достигла небывалого для истории Отечества уровня. Практически нет никаких ограничений для выражения взглядов и крайне радикальных национал-социалистов, и радикальных либералов.

19 декабря 2013 г. Президент РФ В.В. Путин, закончив традиционную ежегодную пресс-конференцию, неожиданно заявил, что бывший олигарх М.Б. Ходорковский попросил у него помилования и получит его. Действительно, 20 декабря 2013 г., через 10 лет и 2 месяца после ареста, в День ра-

ботников госбезопасности (96 лет со дня учреждения ВЧК) Михаил Ходорковский был освобожден.

Два этих события, конечно случайно, пришлись на декабрь[3]. Действующие лица этих историй не похожи друг на друга. Объединяет два события только одно: слава Богу, страдальцы были освобождены. Все остальное настолько несхоже, что даешься диву.

Но как все-таки разуметь решение Путина выпустить Ходорковского? Думаю, это была еще одна победа президента. До нее – Сирия, Иран, Украина[4], формирование большой коалиции в Германии (насколько эти победы исторические, скажет история, но именно к ним стремился Владимир Владимирович). Освобождение Ходорковского – такой бравурный финал большой музыкальной композиции.

Чего же хотел достичь этим освобождением наш президент? Кажется, правы все комментаторы этого события. Здесь и стремление улучшить имидж России перед Олимпийскими играми, и вообще послать человеколюбивый мессидж Западу (уж больно расстроились там после договоренности с Януковичем) и русскому обществу (власть заботится обо всех, и даже заблудшую овцу хотя сначала жестко и справедливо накажут, но потом великодушно помилуют), и правящей верхушке (могу всё, вашего мнения не спрашиваю, до конца никого не убиваю, но более всего ценю преданность).

Наверное, люди, придумавшие и продумавшие эту спецоперацию, полагали одним выстрелом убить всех зайцев. И им это удалось. Но значение этого события, конечно, в другом.

Когда-то, довольно давно, Игорь Клямкин и Андраник Мигранян[5] испугали прогрессивную перестроечную общественность перспективой установления у нас диктатуры. Ну, пусть не диктатуры, а лишь твердой власти, авторитаризма по-научному. Они объясняли это тем, что демократия сразу после коммунизма невозможна. Мы к ней когда-нибудь придем, но пока, в пере-

3. А может быть, и не случайно. Во всяком случае, второе. Напомним об одном эпизоде. 19 декабря 1999 г. «Единство» победило на выборах партию «Отечество – Вся Россия». На следующий день, 20 декабря, по инициативе В.В. Путина на Лубянке была восстановлена памятная доска Ю.В. Андропову. Вечером 20 декабря, в День работника органов госбезопасности, выступая в том же здании перед сотрудниками этих органов, Путин сказал: «Группа сотрудников ФСБ, направленная вами в командировку для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется».

4. Мы еще не знали, что нас ждет Крым, а тогда, в конце «тринадцатого», напомню, удалось отговорить Януковича от подписания соглашений с ЕС.

5. А теперь Миграняна не просто «испугал», он – как бы это точно сказать? – кончил свою моральную жизнь самоубийством. Речь идет о его позорнейшей статье в «Известиях» против А.Б. Зубова.

ходный период, для проведения всяческих (экономических, в первую очередь) реформ необходима сильная рука сверху. – В те эйфорически-эмансипационные времена слышать это было странно. Ведь до царства свободы (и изобилия) оставалось-то самое большое 500 дней.

Но если бы наша общественность была пограмотней, она, конечно, вспомнила бы, что русская мысль в эмиграции, да и в СССР обо всем этом уже сказала. К примеру, Иван Ильин (столь любимый ныне, но не тогда), или многое интеллектуально взявший у него Александр Солженицын. Идея посткоммунистического авторитарного транзита, о которой почему-то забыли на рубеже революционных 80–90-х, довольно интенсивно обсуждалась в 70-е. Скажем, мой учитель, покойный профессор Николай Никанорович Разумович (фронтовик, сын расстрелянного священника, историк мысли, правовед, человек, повлиявший на формирование многих тогдашних молодых ученых), неоднократно утверждал: скоро коммунизм падет, СССР развалится. Украина, Белоруссия, балтийские страны уйдут на Запад, настанут экономически очень тяжелые времена. И в этих условиях, держа своей целью либерально-демократический порядок и правовой строй, Россия неизбежно выберет себе форму «полицейского государства». Для того чтобы сдержать общество от гражданской войны, чтобы вообще удержаться и не повторить Февраля. Правда, Н.Н. Разумович, говоря «полицейское государство», подразумевал «Polizeistaat» Нового времени, а не какое-нибудь новое издание казарменной полицейщины. То же самое надо сказать и о линии Ильина–Солженицына. Они мечтали о просвещенно-правовом, духовно-благородном авторитаризме.

Но Россия вновь всех обманула и обманулась сама. Она, конечно, возвела здание авторитаризма. Субъектом строительства и эксплуатации, как нам известно, стали «славные ребята из железных ворот ГПУ» (это Осип Мандельштам – на нынешнем языке – о спецслужбистах). Об этом сейчас пишут все, кому не лень. Мне же важнейшим здесь кажется следующее. Во времена «оттепели» (и моего детства) утверждалось, что при Сталине «органы» вышли из-под контроля партии, и это-то наряду со злой волей отца народов объявлялось причиной террора. Соответственно, задачей дня становилось возвращение контроля партии за деятельностью чекистов. Надо признать: партийцам это в целом удалось. Несмотря на всю свою мощь, КГБ подчинился ЦК. Им убедительно и показательно напомнили, что они не сами по себе, а органы при партии; на официальном языке – при государстве. Это и было зафиксировано в названии: КГБ при Совмине СССР. И вот в начале XXI в. в новых исторических условиях «органы» берут реванш. Они главенствуют и господствуют, наверное, во всех сферах русской жизни. Иными словами, «партия» опять под спецслужбами. Реванш взят!

Таким образом, мы получили чекистский авторитаризм. Кстати, символически это зафиксировано в триумфе Сталина и ничтожестве Хрущёва в народном сознании.

Различие между партийцами и чекистами кардинальное (все-таки не получилось того, о чем мечтал Григорий Зиновьев: каждый коммунист – чекист, каждый чекист – коммунист). Партийцы, хотели они этого или нет, но всегда были ограничены некоей долей публичности, официальщины, идеологической формальностью. В общем вслух они были обязаны «исповедовать» определенные «принципы». Разумеется, эти принципы были для них не догмой, а руководством к действию. И, решая те или иные вопросы, они вели себя, так сказать, практически, т.е. цинично. Тем не менее рамки существовали.

Что касается чекистов, то история их повседневности была такова, что им просто приходилось каждый день преодолевать любые принципы и рамки. Это к ним «относится» название самой романтической книги самого романтического поэта России XX столетия: поверх барьеров.

Надо сказать, что партийцы не заметили, как ЧК начала брать реванш. ЦК направил в КГБ одного из самых эффективных своих менеджеров – Ю.В. Андропова. И этот человек постепенно вернул КГБ надлежащее положение в системе. Надлежащее – значит решающее.

Ю.В. Андропов возродил и возвел на новые высоты чекистское племя. При нем вновь стало почетно и престижно работать или сотрудничать с КГБ. С этой службы удалили палаческий «нимб». Ее новый статус был закреплен в общественном сознании в кинохитах «Щит и меч», «Адъютант его превосходительства», «Семнадцать мгновений весны», «Вариант “Омега”», «ТАСС уполномочен заявить». Все это – эстетическо-информационные продукты высшего качества (не иронизирую). И вполне понимаю чувства В.В. Путина, увидевшего подростком сериал «Щит и меч» («С чего начинается Родина…» – с чего, чего? – со службы в ГБ).

Но Андропову удалось и другое. При нем КГБ, особенно те его направления, которые работали за пределами страны, на самом деле комплектовались способными, энергичными, честолюбивыми, квалифицированными людьми. Им давалась счастливая возможность учить иностранные языки, работать за границей, в целом вести образ жизни, гораздо более качественный, чем обще-серо-уныло-эсэсэровский. Более того, определенная выведенность из брежневской системы позволила сохранить в их рядах и определенную «чистоту». То есть по бóльшей части в силу объективных обстоятельств они оказались за пределами разлагающе-освобождающей коррупционности брежневизма.

Поясню, что я хочу сказать. М.С. Горбачёв рассказывал (25 мая 2005 г.; семинар, посвященный 20-летию начала перестройки, на котором я присутствовал), что когда он стал членом Политбюро (1979), то был ознакомлен с

данными КГБ СССР, согласно которым советская экономика примерно на 25% является теневой. Но это была лишь часть «коррупционной составляющей» системы. Коррупция – это ведь не только взятки и внезаконные производства, но и вообще внеправовой передел и договоренности по поводу вещественной и невещественной субстанций (например, пристроить сына в университет, получить орден или разрешение на покупку иномарки – речь ведь идет о советском периоде). Андропов понимал, что это гниение, разложение советской системы. От себя добавлю: в такой извращенной форме происходило и освобождение от нее.

Юрий Владимирович хоть и прославился своим парадоксалистским высказыванием: мы-де не знаем страны, в которой живем, очень даже хорошо ее знал. И бросил свои чекистские силы на спасение системы. Это не означает, что он был чекистом до мозга костей, чекистом по преимуществу. Нет, скорее он был даже похож на партийца. В его жизненном устройстве была какая-то интрига, может быть связанная с его неясным происхождением, а может и с чем-то другим. Но как бы там ни было, этот странный Андропов сыграл в истории спецслужб решающую роль. Сейчас гадают, кем бы занять место «железного Феликса» на Лубянке. Предлагаю: Юрием Владимировичем. Кстати, со мной согласен и такой авторитетный человек, как А. Кончаловский. – Он снял об Андропове комплиментарный фильм.

Поначалу, как мы знаем, эксперимент был поставлен в Азербайджане, одной из наиболее коррумпированных республик юга СССР. Шеф тамошнего КГБ Г.А. Алиев возглавил ЦК республики, абсолютно повсюду расставил своих (чекистских) людей и взял под контроль всю республику. Заметьте, Азербайджан и сейчас – под контролем клана Алиевых. Бакинский вариант оказался модельным и для будущей России.

И здесь, у нас, после небольшого демократического эксперимента у власти оказались дети Андропова. Они пришли на смену детям Арбата. Сегодняшний управляющий слой – это на столько-то процентов… (точно знает О. Крыштановская) выходцы из КГБ, причем не только советско-андроповского призыва, но уже и постсоветского, современного.

Политическая наука утверждает: политика есть поле деятельности, конкуренции и сотрудничества элит. Допустим, что это так. Какие элиты правили Россией в XX столетии? При этом не будем говорить о царских. Все-таки XX век начался у нас в 1917 г. Тогда ответ прост: номенклатура. Ее в 1920 г. принялся создавать И. Сталин. Идея была проста: иметь универсалов-управленцев, т.е. могущих руководить всеми сферами жизни общества, от идеологии до химии, и лишенных (впервые в новой истории) частной собственности. Этот проект провалился. Оказалось, что человек хочет иметь (в этом смысле абсолютно ложной является дилемма популярного неомарксиста

Э. Фромма: иметь или быть; русская жизнь подправила этого мечтателя: быть – это значит иметь).

В рамках советской системы возникло два новых проекта. Правда, проектами их можно назвать только сегодня. Тогда, естественно, мы их так не понимали. – Слишком рано было. Проект первый: партийная номенклатура превратилась в частных собственников или, по модному ныне выражению, хозяйствующих субъектов. Проект второй: ими становятся чекисты, которые уже были призваны к этому делу Андроповым.

Исторически возобладал второй проект. И понятно почему. Партийная аристократия во главе с Л.И. Брежневым была глубоко интегрирована в коррупционно-передельный порядок 1960–1980-х годов. И вместе с этим порядком – совершенно неожиданно для себя, как «Титаник» – налетела на «айсберг». Что касается чекистов, то на «Титанике» находилась только их часть. Остальные (оставшиеся) и пришли на смену.

В этом – принципиальное отличие антикоммунистической революции от антисамодержавной. В той сгинули все без исключения элиты старого режима. В этой, напротив, победила одна из двух главенствующих элит предшествующего порядка (правда, и некоторая часть партийцев сумела пристроиться к новому русскому порядку)[6].

Такой вывод, подчеркнем, предполагает дополнительное изучение советской системы. Это тема соотношения двух главных ее элит. Она предполагает вопрос: почему режим советского типа порождает две типологически близкие, но разные элиты. И не являются ли борьба, сотрудничество, компромисс двух этих элит «переносом» в XX столетие ситуации, описанной более века тому назад В.О. Ключевским: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений (тогда главными акторами были МВД и Минфин). В социумах подобного типа конкуренция социальных сил, видимо, заменяется конкуренцией привластных группировок. Это не значит, что последнее есть девиант-

6. Кстати, конфликт «Путин – Ходорковский» помимо противостояния Власти и Собственности, в ходе которого последняя выдвигала претензии, подобно Власти, на статус Субстанции, что означало бы конец исторического доминирования в России феномена «властесобственность», можно трактовать и иначе. В известном смысле, это было противостояние в новых условиях «чекистов» и «партийцев». Ведь Михаил Борисович, не случись горбачёвской перестройки, вполне возможно сделал бы хозпарткарьеру. Многообещающий комсомольский работник, всегда узнаваемый тип позднесоветского молодого общественника – Комитет ВЛКСМ вуза, Фрунзенский райком комсомола, скорое, что было непросто, членство в КПСС. По собственному признанию всегда (в 90-е) тяготел и брал за образец талантливых дельцов-партийцев: Геращенко, Вольского, Маслюкова и др. Конечно, это лишь осторожное предположение, которое возникло при чтении книги Ходорковский М. Тюрьма и воля / Ходорковский М., Геворкян Н. – М.: Говард Рорк, 2012. – 400 с.

ность, но – особый и малоэффективный тип саморегуляции социальной цельности…

О Первой мировой войне и очередных задачах нынешней власти

В самое последнее время обнаружилась тенденция трактовать финал Первой мировой войны для России следующим образом (причем, именно обнаружилась – она еще не возобладала; но сам факт ее появления весьма значителен). – Утверждается: Россия проиграла эту войну, хотя русские, как всегда, проявили свои великие качества: мужество, стойкость, самоотверженность и т.д. То есть со стороны нашего народа это был очередной исторический подвиг, но бездарные царь и верхушка тогдашнего русского общества, а также злонамеренные и безответственные действия «темных сил» сорвали уже близкую победу. Позорный Февраль и какой-то пока еще не очень ясный Октябрь (не очень ясный для нынешних верхов – до конца не определились) стали вехами на пути поражения Великой России. Однако правительство большевиков, заключив договор с Германией и Австро-Венгрией, вывело Россию из мировой бойни.

Брестский мир – одно из важнейших событий в русской истории XX столетия – по сей день не получил какого-то очень важного, решающего определения: что это было? Ведь как ни крути, как ни поноси большевиков, но разве окончание кровавой драки есть предательство национальных интересов? Понимаем этот термин в самом практическом смысле слова: сбережения народа. Действительно, ну, отдали территории (около 1 млн км^2) с людьми (миллионов **эдак пятьдесят**). Но ведь сотни тысяч были избавлены от предстоящей им смерти – людей молодых, здоровых, за которыми будущее. Да и тогдашняя немецкая армия пришла в Белоруссию, на Украину, на Дон и т.д. не как вермахт с гестапо и СС через четверть века. Тогда еще немцы (впрочем, и мы) были нормальными. Никакого особого ужаса войска Второго рейха на территории Российской империи не творили. Более того – свидетельствуют очевидцы тех событий – они пытались установить хоть какой-то порядок на территориях, впавших в хаос в процессе русской революции.

Так, может, правы те, кто сегодня пытается (и, наверное, у них официально это получится) выдать позорный Брестский мир за русский финальный аккорд в Первой мировой войне? Кстати, хочется напомнить: Брестский мир в качестве позорного квалифицировал В.И. Ленин. Этот циничный человек никогда никого не обманывал. И если он что-то обещал или как-то называл, то это всегда было прямо и по существу. Так что же получается? Современная демократическая Россия признает позорный и вынужденный Брестский мир событием, за которое отвечает историческая Россия (мы ее не идеализи-

руем; действительно, это была «страна рабов, страна господ»; но другой России у нас нет – именно та была исторической; и она никогда в своей новой истории, т.е. со времен Петра Великого, не могла, не хотела и не прибегала к действиям типа Брестского мира; максимум, на что была готова историческая Россия, это Парижский мирный договор 1856 г., смысл которого был только в том, что Россия – и ее верхушка это отчетливо понимала – на время отказывалась от сегодня малопонятной, но навязчивой в предшествующие времена мечты овладеть Босфором и Дарданеллами; т.е. повторим, на время отказалась от мечты морской экспансии; правда, вскорости, и мы уже касались этой темы, вернулась к ней[7]).

Получается (скажем, неожиданное): современная Россия полагает, пусть и в неявной форме, Брестский мир основой своей легитимности. А ведь что, собственно, связывает Российскую Федерацию с империей? По сей день ни юридически, ни всерьез исторически нынешняя власть не определила себя преемницей тысячелетней России. Есть ряд заявлений всех трех президентов РФ, которые можно было бы толковать так. Есть концепция нового школьного учебника, которая тоже, вроде бы, говорит об этом. Но это все-таки признаки и знаки, а не общественные и государственные установления, особенно на фоне активной любви к Сталину и ко всему советскому.

Так вот Брестский мир здесь как раз и подходит. Через него большевики, неожиданно для них самих, связываются с царизмом. И нынешний режим также, поскольку РФ признала себя правопреемником СССР. При этом, поскольку Первая мировая война признается теперь началом XX в., ее заключительная фаза становится важнейшим событием, а Февраль и Октябрь 1917-го теряют свои позиции в исторической памяти.

Короче говоря, начало русского XX в. выглядит так. Позорный царизм в лице неудачливого Николая II, несмотря на предупреждения проницательных русских революционеров, реакционеров и консерваторов (заметим, всякие там либералы и марксисты-ревизионисты поддержали эту авантюру), вступил

7. А вот ныне мы, легко минуя Босфор и Дарданеллы, без участия военно-морского флота и танковых армий, а также славной авиации, входим в Европу. И не с помощью и посредством четырех Украинских и двух Белорусских фронтов, но через Норд-стрим и Зюйд-стрим. Перефразируя известную русскую поговорку, скажем: чем богаты, тем и можем. Как и предполагал великий русский мыслитель В.В. Розанов, пошлое, т.е. нормальное, обычное, возобладает над героическим, т.е. высоким и жертвенным. Победителями оказались не русские цари и Милюков, а газ и нефть. И в этом смысле знаменитые слова Александра III, что единственными союзниками России являются армия и флот, предлагаем перефразировать: газ и нефть. – Это было написано до Крыма, Луганска, Донецка. Оказывается, что все-таки «армия и флот» не окончательно сданы в архив. И как-то само собой вспоминаются слова Мирабо: «Пруссия – это не государство с армией, а армия с государством».

в самоубийственную для русского народа войну. Но, как теперь стало известно (и мы уже говорили об этом), русский народ в своем большинстве проявил всегда присущий ему героизм. И если бы не ретроградные генералы и министры (см. об этом «Август 14-го» А.И. Солженицына), конечно же, разгромил бы германцев и австрияков. Большевики, которые были олицетворением нечистой силы, – ну, не все, конечно, а Ленин и его компания (об этом с гоголевской гениальностью писал в своем «Ленин в Цюрихе» все тот же А.И. Солженицын; однако были еще Сталин и его будущая компания – а это уже приемлемые люди[8]) заключили позорнейший Брестский мир. Но и в истории случается чудо. Это, казалось бы, очевидное национальное предательство помогло Ленину и Троцкому отсидеться в Кремле. Затем, умыв Россию кровью, установить диктатуру. Дальнейшее расписание движения нашего исторического поезда в XX в. хорошо известно.

Вот и получается: в начале января 1918 г. разогнав Учредительное собрание и в начале марта 1918 г. подписав Брестский мир, эти люди начали новую русскую эпоху. Отменой Учредительного собрания они закрыли (глагол «закрыли» употребляем как синоним уголовного «закрыть на зоне») вековую мечту русских свободных людей. Подписанием позорного мира покончили с традиционными русскими государственностью, территориальностью, амбициями. Впоследствии чудесным образом большевики сумели все это превратить (конвертировать) в новую империю, новый империализм, новую социальность. Сегодняшняя Россия, безусловно, и следствие, и последствие уничтожения Учредиловки и похабного мира (это вновь выражение В.И. Ленина). И по сути дела это единственное, что связывает современную российскую традицию с Российской империей.

Еще раз: это как апофатическое богословие – бытие Божие утверждается через отрицание этого бытия. Так и здесь: преемственность РФ с исторической Россией осуществляется через ряд деяний, в свое время направленных на разрушение последней. Негативная диалектика, негативное преемство.

Нет, есть еще одно. Об этом рассказал известный литературный критик Бенедикт Сарнов. В 1947 г. он ехал в поезде с вернувшимся на родину из Франции русским эмигрантом. Юноша Сарнов спросил этого пожилого мужчину, что осталось в СССР от той России, в которой когда-то жил этот буду-

8. Если верить свидетельству Вяч. Малышева, наркома танковой промышленности, в марте 1945 г. на приеме в Кремле Сталин назвал себя «славянофилом-ленинцем». Так-то вот! А я еще удивлялся, чего это Г.А. Зюганов все о соборности и соборности. Помню в советские времена работы типа «Социалисты-утописты Герцен и Чернышевский – предшественники научного социализма». Пора писать монографию: «Славянофилы-утописты Хомяков и Самарин – предшественники научно-материалистического славянофильства».

щий репатриант. Они стояли в коридоре вагона у окна. Дело было зимой. И тот ответил: только снег. Значит, современная Россия связана с дореволюционным разгоном Учредиловки, Брестским миром и снегом.

Правда, современная ситуация доведена до абсурда. Учредительное собрание не созвано вновь. Брестский мир реализовался: в 1991 г. Россия потеряла все те земли, которые ушли от нее и в 1918-м. К тому же (а в это вообще трудно поверить) на новый 2014 г. в России не было снега.

Сочи, или Россия как Новая Канада

После марта четырнадцатого трудно себе представить, что еще несколько месяцев назад все разговоры были о Сочи. Казалось: русская жизнь сведена к Сочи. Эта была замечательная придумка для того, чтобы и людей отвлечь, и потешить, и вызвать гордость и сожаление.

Любой результат Олимпийских игр был на руку власти. Выиграем – президент герой, проиграем – замечательный способ «перебрать людишек». Поддержали бы все – от Немцова до Проханова. Кстати, то, что на юге России создается – со всеми оговорками – регион с современной инфраструктурой, неплохо. И психологически точно. Советский человек всегда полагал раем свой юг – Сочи и Крым. Но Крым только-только вернулся. Под «незалежными» впал в ничтожество, потерял всякое райско-курортное значение и несмотря на старания и обещания, он еще не скоро наберет былую форму. Поэтому сегодня – лишь Сочи.

Итак, Сочи назначены быть парадизом. Ну, как Петр свое убежище на чухонских болотах назвал парадизом. И все получилось!

А у Путина сложится? Возможно. – Михаил Ходорковский в интервью «Новой газете» (Дмитрию Быкову) сказал, что для него Канада есть образец для русских. Действительно, родина хоккея самая северная из всех успешных стран. Михаил Борисович объяснил, почему она столь удачлива. Оказывается, подавляющее большинство канадцев, вся канадская экономика, культура, цивилизация сосредоточены на юге. На их севера́х, сказал бывший олигарх и мученик, живет что-то около 400 тыс. человек. Но богатство Канады черпается именно с северо́в, где как и у нас, лежит чуть ли не вся таблица Менделеева. И в этом смысле не Португалия, как когда-то говорил нам президент Путин, является нашим целеполаганием.

В свете этого указания МБХ перестройка Краснодарского края предстает перед нами как попытка создания новой Канады. В начале XX в. многие русские мечтатели (например, поэт А. Блок) полагали Россию новой Америкой. Через 100 лет потомки Александра Александровича несколько снизили для России планку: новая Канада. И только теперь становится ясен замысел устроителей Олимпиады. В ходе ее подготовки и в результате проведения Рос-

сия сосредоточивается в Краснодарском крае. Вся остальная территория превращается в канадские севера́, где лучшая часть населения находит способы и истоки своего существования. То есть Краснодарский край и прежде всего Сочи превращаются в юг Канады. Вся остальная Россия, как мы уже говорили, – в новые севера́.

Надо сказать, что М.Б. Ходорковский, безусловно, человек стратегически мыслящий. Но он не заметил, что Канада «вытянута» к Северу. И там, действительно, главная проблема, скажем мягко, меридиальная. А у нас – параллельная, широтная. Мы – это – с запада на восток. И уже хотя бы поэтому Канада не может быть для нас образцом. Русская история не угрожает нам потерей солнечного Магадана и не менее солнечного Ханты-Мансийска. А вот что касается Дальнего Востока и Сибири… Или уже не «наших» Украины, Белоруссии…

И все-таки главное отличие Канады от России – не в том, куда и как они вытянуты. А в том, что различие между человеком-канадцем и человеком-русским на сегодняшний день принципиальное. Канадское «счастье» основано на творчестве и самоотдаче свободной личности, но не на территориальной конфигурации и минеральных ресурсах. Русское «счастье» – на «несчастье»: много минеральных ресурсов, тяжелый климат и несвободный человек. Мы неслучайно говорим «человек». Личность есть синоним свободы.

Однако отбросим привычные для нас псевдоэкзистенциалистские мотивы и поговорим о материях, для нас персонально чуждых. Назовем их так: пространство, история, власть. Принято считать – и на этом основана вся русская мысль и культура, а также во многом западное россиеведение – что Россия отличается от Европы (Запада) огромностью своей девственно-нордической территории и «азиатским» варварством. Вообще, русские пространства становятся каким-то заклинанием в попытках понять своеобразие нашего исторического процесса. Причем здесь неважно, с какой коннотацией: положительной или отрицательной.

Чаадаев: если бы мы не простирались от Вислы до Камчатки, нас бы никто не заметил. Бердяев: русская география съела русскую историю. Евразийцы с их «месторазвитием». Далее – «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». Или Павел Коган (советский Гумилёв): но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще падем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла родина моя. Кстати, скромнее всех оказывается Пушкин. У него – другой масштаб. Правда, тоже немалый: от Перми – до Тавриды[9]. А теперь все это

9. Всех, конечно, превзошел Ф.И. Тютчев (впрочем, не случайно, он же «мидовец»): «Москва и град Петров, и Константинов град – / Вот царства русского заветные столицы… / Но где предел ему? и где его границы – / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим временам судьбы их облачат… / Семь внутренних морей и семь

бросим в корзину. Всё это стишки-с. Пространственно-властно-историческое развертывание России ничем, за исключением одного обстоятельства, о котором мы скажем позже, не отличается от соответствующих процессов в Европе.

Действительно, английские религиозные диссиденты, покинувшие родину в 1620 г. на паруснике «Майский цветок», в течение XVII столетия вполне освоили восточное побережье Нового Света. Мы начали раньше, в начале 80-х годов XVI-го. В 1639 г. Семен Дежнев вышел к Тихому океану. В XVIII в. Англия и Франция начали строить свои колониальные империи. Их основное направление было южным. То же самое делала Россия.

На протяжении XVIII–XIX столетий обе эти европейские метрополии и мы синхронно распространялись к югу. К концу XIX в. все три великие державы достигли максимума того, что они могли переварить. Конечно, у каждой из них были и свой максимум, и своя способность переварить. Но общего между ними было больше, чем различий. Это общее: завоеванные территории включались в состав империи; в среде аборигенов выискивалась и выращивалась имперская элита; насаждался имперский язык; создавались территории протогосударств, которые впоследствии станут настоящими states. Различия, повторим, носили второстепенный характер.

Скажем, маркиз Доменик де Прадо, государственный деятель Португалии, в ставшей впоследствии образцовой для европейских колонизаторов книге «Колонии» призывал пересаживать европейские модели на неевропейскую почву. Кстати, этот политический бестселлер начала XIX столетия по-своему уникален. Португалия была оплотом католической, антиреволюционной, антипросвещенческой реакции. Но менеджериальные инструкции Прадо были реализацией духа Просвещения – универсалистского, унифицирующего и тотального. Так вот, «наш Прадо» – генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский – счел наказ лиссабонского маркиза для русско-сибирских условий нерелевантным. Он решил – и это решение для России стало нормативным, – что к присоединенным территориям необходим дифференцированный подход. Или, как говорили в советские времена, социалистический по содержанию, но национальный по форме. Проще говоря, надо учитывать национальную (местную) специфику.

На самом деле это мелочи, не с точки зрения национальной истории, но мировой. Главное, что никакого «Sonderweg» – в смысле: «история, власть, пространство» – у нас не было и нет. Мы, как всегда, с Западом (а мы отчасти и есть часть его) идем параллельными путями. Соединиться нам мешают два

великих рек… / От Нила до Невы, От Эльбы до Китая, / От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная… Вот царство русское … и не прейдет вовек, / Как то предвидел Дух и Даниил предрек». – Федор Иванович имел в виду пророка Даниила с его идеей сменяющих друг друга царств.

обстоятельства. И это проблема, которую надо решить немедленно – времени не остается. Хотя как – не знаю. Убежден только в одном: если отказаться от попыток решения, плохо будет и успешному Западу, и «неуспешному» (нам).

Обстоятельство первое. Франция ушла из Алжира и чуть не погибла. Спасли Средиземное море и генерал де Голль[10]. Россия в принципе тоже ушла с Кавказа и из Средней Азии. Но между нами нет морского барьера. Как быть? – Не ведаю. И, по-видимому, ответа нет ни у кого. Это не означает, что проблема не решаема или следует отказаться от ее решения.

Второе обстоятельство: в России должен возобладать свободный человек, т.е. личность. Эта проблема еще более сложная, чем отсутствие Средиземного моря. Но это не означает, что надо ее игнорировать, поскольку последствия отказа будут катастрофическими.

В чем основная проблема русской жизни?

На Западе противостояние различных политических сил – это относительный (в смысле релятивный) и легитимный процесс. Витальные основы социума, как правило, политикой не затрагиваются. Жизнь держится на вековых традициях, сложившихся укладах, правовых нормах. А в России политический раскол (борьба) – всегда раскол сущностный. Потому что этого живого фундамента нет, господствует принцип «кто кого». Победа одних означает уничтожение других и полное изменение человеческого существования.

Почему у России всегда неопределенное будущее? Всерьез ведь нельзя даже на небольшие сроки предположить, что будет. Потому что те, кто находится у власти, всегда делают типологически одно и то же: закладывают взрывчатку в устоявшиеся представления о прошлом и взрывают их. Одновременно выдвигают новую версию истории. И также всегда она прямо противоположна взорванной. В соответствии с новым прошлым строят новое настоящее. То есть меняют правила игры, принципы экзистенции общества.

Иными словами, Россия всегда имеет разное историческое прошлое и настоящее, которое тоже каждый раз строится заново. В результате у нас нет ни прошлого, ни настоящего, т.е. того самого живого фундамента, на котором строится жизнь на Западе, да, наверное, и на Востоке. Оттого нет и будущего. Из чего же ему произрасти? Традиция здесь – это бесконечная война с прошлым и героические попытки каждый раз сочинить настоящее из ничего.

10. Правда, во Франции была и другая точка зрения. Министр внутренних дел Франсуа Миттеран (в будущем президент республики, 1981–1994), выступая 5 ноября 1954 г. в Национальном собрании, заявил: «Алжирский мятеж может закончиться только войной. ...Алжир – это Франция. ...Средиземное море разделяет Францию не более, чем Сена разделяет Париж».

Разумеется, в такой борьбе шансов больше у тех, кто в этих попытках беспощаднее и тотальнее. Как любил говорить И. Бродский, главное – это величие замысла. В этом деле с Иваном Грозным, Петром Великим и большевиками не поспоришь.

Даже свободомыслящие русские любят порассуждать на тему о мнимом и поверхностном либерализме Александра I, о незавершенности реформ Александра II, о просчетах и недочетах Витте–Столыпина; об ограниченности разоблачений сталинской диктатуры КПСС на XX съезде и т.д. Действительно, по русским меркам все это было как-то недоделано, незавершено, недоразоблачено, недостроено. Так оно и есть. Это ведь на Западе политика, как мы уже сказали, носит относительный, релятивный характер. То есть она в принципе отрицает завершенность, тотальность, поскольку история там – процесс открытый. И в этом смысле никакие заключительные аккорды не предполагаются. Русские же либералы всегда проигрывают русским нелибералам, так как и взорвать-то по-настоящему прошлое не могут. И настоящее загнать полностью каждый раз в новое величие замысла тоже не могут. Да и не хотят.

Так и живем.

О русской власти и ничтоизации личности

Почему власть все время запускает одну и ту же операцию, смысл которой в расстройстве общества (бывший террорист, а впоследствии реакционер Лев Тихомиров говорил: есть люди-устройства, а есть люди-расстройства). Во-первых, власть – это единственное, что у нас сложилось. Общество слабое, а власть – ого-го! Имеется, правда, и церковь. Но как только власть сложилась, тот же час начала борьбу с церковью. Это не исключало ее использование, опору на нее. И это не противоречило личной вере представителей и персонификаторов власти.

Власть потому и расстраивала общество, что не хотела, чтобы оно сложилось. Если бы это произошло, она в данном виде уже была бы невозможна. Подобные ее действия – не случайность, не прихоть, не ошибка, но проявление самого сильного из всех инстинктов – самосохранения. И в каждую историческую эпоху перед нашей страной стоит вопрос – что мы выбираем: сохранение власти или сотворение общества. И надо сказать, что почти всегда наш народ выбирает власть.

Но это не странно. Ведь человеку тоже – не только власти – свойственен инстинкт самосохранения.

И даже если порою под гнетом власти он и теряет свою личность (это христианское начало в нашей культуре), ему, как правило, сохраняют его физическое естество. Лишь однажды всерьез и по-крупному власть стала отби-

рать у человека и его биологическую самость. – Понятно, что речь идет о сталинском периоде. И совершенно ясно почему. Слишком далеко к 1917 г. зашел в России процесс общественного устройства, усложнения социальной и пр. сфер жизни. В этих условиях власть почувствовала для себя смертельную угрозу и начала карать русского человека до основания. «Припугнув» его таким образом, она снова перешла к более цивилизованным формам ничтоизации личности и фактически к поощрению перманентного передела.

Представляется, что это один из возможных способов понимания «русского» в его исторической ретроспективе. То есть это не описание болезни. Это социологический диагноз. Если бы Россия была не частью мира, а, скажем, отдельной планетой во Вселенной, то все это можно было исследовать подобно тому, как сегодня люди пытаются изучать Венеру или Марс – как некую данность, неизменяемую реальность. Поскольку же мы всего лишь часть мира, то всячески – хотелось бы нам этого или нет – вписаны в него, зависимы от него, уязвимы перед ним. И в этом контексте подобная властно-социальная диспозиция, во всяком случае в сегодняшнем мире, представляет для самой России очевидную угрозу. Все зависит от понимания и соответствующих действий людей (и власти, и общества). Не маленькие уже. На кону сбережение того, что мы называем Россией.

О конституционной легитимности

XX – начало XXI века показали, что развитие государства и общества, конечно, не предопределено, но во многом зависит от того, на каких основаниях происходит утверждение нового порядка. Дело в том, что последние 100 лет, начиная с Балканских войн и Первой мировой, происходила очень активная перекройка политической карты Европы. Иными словами, речь идет о различных видах легитимности. Причем если ранее мы знали три основных типа легитимности: сакральную, правовую и историческую, то теперь к ним добавились некоторые иные.

Мне уже приходилось в нашем журнале, да и не только в нем касаться темы «легитимность». Но трансформация политической ситуации в стране, появление ряда законов, имеющих в целом запретительно-ограничивающий характер, все более громкие призывы к изменению Конституции (скажем, отмена ст. 13 – «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»; или предложение депутата Е. Мизулиной внести в Преамбулу Основного закона запись о роли православной религии в истории России («фундамент»), заставляют нас вновь обратиться к этому вопросу. И каким бы далеким от нужд повседневной жизни, каким бы «теоретическим» он ни казался, убежден, от того как он решен во многом зависит устойчивость всякой социо-политической системы.

Классический пример – Германия. Она четырежды в этом столетии переучреждалась: в 1919, 1933, 1949 и 1990 гг. Веймарская Конституция 1919 г. зафиксировала весьма странное состояние этой страны. На развалинах Второго рейха была создана республика. Однако первая статья Конституции гласила: «Германский рейх есть республика» (рейх в переводе на русский империя). То есть рейх стал республикой. Во главе этого рейха стоял не кайзер, а президент, который избирался на семь лет. Практически не было никаких ограничений типа «на один срок», «на два срока». То есть в принципе был возможен пожизненный президент. И еще одно изменение: парламент получал бóльшие права, чем имел в эпоху Вильгельма II. Но в принципе в политико-правовом отношении Веймарская республика была исторически закономерной модернизацией вильгельмовского режима.

В скобках скажем: в отечественной науке мало обращают внимания на схожесть властных конфигураций Германии, согласно Веймарской конституции, и Франции, согласно Конституции V Республики. И понятно почему: слишком исторически далеко друг от друга 1919 и 1958 гг., слишком далеки друг от друга исторические традиции Франции и Германии. Здесь интересно другое: как в различные исторические эпохи и в различных политических культурах работают схожие юридические модели. Во Франции получилось в высшей степени успешно, а в Германии она привела к катастрофе.

Однако вернемся к теме легитимности. Правовая в веймарскую эпоху была двоякой: а) сама республиканская конституция; и б) связь с немецким рейхом. Подчеркнем: эта связь носила не только исторический характер, что вполне понятно, но и закреплялась юридически (республика есть рейх). Важнейшей легитимностью Веймарской республики был также Версальский договор, который, по известному выражению, «поставил Германию на колени». То есть Веймарский порядок вырастал из поражения в войне, национального позора и унижения. Естественно, что для большинства немцев Веймар был по преимуществу продуктом распада не только могучей, прогрессировавшей, энергичной мировой державы, но и некоей привычной нормы, нормальности. Это и привело к ситуации, которую зафиксировал Т. Манн: «Республика без республиканцев, демократия без демократов».

Кстати, и в самом тексте Конституции 1919 г. слово «республика» употреблено лишь один раз (в первой статье). Когда говорится о стране, всегда используется «рейх». И по всему этому Основному закону сплошные: рейхспрезидент, рейхсканцлер, рейхстаг, рейхсрегирунг, рейхсминистр, рейхсвер и т.д. Да и вторая главная часть Конституции называется «Основные права и обязанности немцев». Не граждан, но – немцев!

Сегодня ретроспективно совершенно ясно, что у такой Германии было два пути: усиление демократического потенциала, заложенного в Конституции, и демократического потенциала самого общества или путь диктаторско-

го реваншизма. В целом Германия пошла по второму пути, «обогатив» его взрывом звериного национализма и мобилизационно-тотальных технологий. Здесь, конечно, громадную роль сыграл великий экономический кризис, «отменивший» возможность социальной демократии и подтолкнувший страну к тотальному дирижизму общества (элементы мобилизационного дирижизма были характерны тогда для всех стран – США, СССР, Аргентины, Японии и т.д.).

Понятно, что режим, построенный на таких легитимностях, был непрочным.

Национал-социалистический порядок тоже имел букет легитимностей. Включая, кстати говоря, и отрицательную, т.е. легитимность преодоления поражения, унижения и отказа от Веймарской демократии. Эта негативная легитимность порождала легитимность позитивную: мы встанем с колен! мы это можем! мы это сделаем! И как обязательное следствие: мы им отомстим! – внутри: национал-предателям и «пятой колонне», вовне – западным плутократам, мировому еврейству и жидобольшевизму.

С точки зрения правовой легитимности гитлеровский порядок был, так сказать, двойным. Это, кстати, зафиксировано в классической книге Эрнста Фрэнкеля «Двойное государство». Согласно Фрэнкелю, в 1930-е годы элементы веймарской системы сохранялись. Хотя по мере приближения к войне и в ходе войны заметно уступали свое место нацистской чрезвычайщине. То есть национальный социализм в ходе своей эволюции вытеснял остатки Веймара. Попутно заметим, что диктатор внес изменения и в саму конструкцию 1919 г. «Законом о главе Германского рейха» от 01.08.1934 он объявлялся и рейхспрезидентом и канцлером одновременно. 2 августа, т.е. на следующий день, умер Гинденбург, и Гитлер упразднил пост президента, теперь он был «фюрер и рейхсканцлер».

С этого момента (1934) Германия обрела еще одну легитимность: фюрерскую. Ее можно квалифицировать как квазирелигиозную, но это не вполне исчерпывает ее содержание. Я думаю, что должно быть найдено какое-то иное определение. Дело в том, что, с одной стороны, фюрерская легитимность была зафиксирована в лозунге: «Адольф Гитлер – это Германия, Германия – это Адольф Гитлер». С другой стороны, известно также, что участники движения так называемых немецких христиан (протестанты), в которое вошло до четверти протестантских священников, утверждали, что Гитлер есть явление арийского Христа. И в этом смысле фюрерская легитимность являлась одной из важнейших, фундаментальных для всего порядка.

Еще одна легитимность – идеократическая. Причем, как и в случае с большевизмом, идеократия выходила за рамки социально-политического и претендовала на универсалистский статус. Она выступила и со своей антропологией, и со своей физикой, и со своей этнологией и т.д.

Ключевой легитимностью также следует назвать антисемитизм. Здесь речь шла не только о «священной» ненависти к евреям. Антисемитизм выступил – и это самое главное – в качестве универсальной формулы нацистского мировоззрения. Он был доведенной до абсолютного предела теорией и практикой абсолютного зла. Смысл этих теории и практики был в том, что дихотомия «свой-чужой» / «друг-враг» объявлялась базовой для человечества, и «чужой-враг» были обречены на уничтожение. По отношению к врагам и чужим действовал принцип: в плен не брать; раскаянию не верить; гадину раздавить до конца.

Немаловажной формой легитимности было коллективное соучастие во зле, негласный сговор верхушки и немецкого народа жить «по умолчанию», закрывать глаза на творящиеся вокруг преступления и беззакония. Это к вопросу о коллективной вине и коллективной ответственности. Немецкий народ, как это ни горько сознавать, в своем большинстве дал санкцию на то, что происходило в Германии в 1930–1940-е годы. Разумеется, эта санкция имела как активную, так и пассивную формы.

Интересно отметить, что режимам типа нацистского не просто не хватает традиционных видов легитимности. Эти последние играют крайне незначительную роль. На первые же позиции выходят кровь, почва, судьба, рок, история, музыка, антропометрика, физическое устройство мира и т.д. Именно в этом настоящая тоталитарность таких режимов, где политическая диктатура является лишь средством, но не целью. Цель – это тотальный (используем новояз) войнопорядок. Такие режимы функционируют лишь на основе тотальной войны «своих» с «чужими», «друзей» с «врагами».

В 1949 г. произошло учреждение нового германского государства и социального порядка, основанного на классических западных ценностях. Впервые Германия (ее западная часть) встала на рельсы единого западного развития. На этот раз поражение в мировой войне и крах режима имели совершенно иные последствия для немцев, чем это было в 1920-е годы. Важнейшей легитимностью ФРГ стало признание вины Германии и немецкого народа за преступления Третьего рейха. История показала, что это единственный и единственно эффективный тип легитимности для посттоталитарных сообществ. Дело не только в необходимости и плодотворности признания вины, покаяния и т.п., но и, что не менее важно, в возвращении из состояния тотального войнопорядка и тотальной идеократии в «посюсторонний», «расколдованный», секулярный, релятивистский социальный и правовой порядок, в котором абсолютное принадлежит лишь совести человека и в миру действует релятивистско-плюральным способом. Иными словами, «или / или» меняется на «и–и».

В 1990 г. Германия учредилась в четвертый раз. На бывшую ГДР были распространены все те легитимности, которые существовали в ФРГ. К ним

добавилась еще одна: преодоление режима СЕПГ–Штази. Разумеется, для жителей Саара это играло одну роль, а для жителей Саксонии – другую. И это тоже очень важно. Включение ГДР в ФРГ привело к тому, что тема вины за преступления Третьего рейха в значительной степени утратила свое легитимизирующее значение. И, напротив, преодоление коммунистического эксперимента на востоке Германии для западных немцев стало естественным и доступным средством по излечению от боли былых преступлений.

Бремя внутренней вины, говоря языком Бердяева, было объективировано и перенесено на жителей бывшей ГДР. – Теперь пусть они каются. Мы свой путь покаяния уже прошли. Это великое событие – объединение Германии – могло бы сыграть с немцами злую шутку, но, убежден, этого не произойдет. Современная Германия в 1990-е и «нулевые» годы обрела еще одну легитимность, которая уравновешивает возможные негативные последствия объединения страны. Это общеевропейская легитимность. Смысл ее только в том, что Германия есть составная часть какого-то бóльшего целого, и что преимущественной идентичностью современного немца является то, что он – европеец. Может быть, на сегодняшний день это самая мощная и эффективная легитимность для всех европейских государств и всех европейцев. И, напротив, чем больше в тот или иной момент становится зазор между, например, понятиями «грек-европеец», «португалец-европеец», тем менее устойчива греческая или португальская системы. В этом, скажем попутно, величие замысла и претворения европейской интеграции. Это необходимо подчеркнуть, поскольку сегодня Европейский союз переживает не самые лучшие времена, а недоброжелатели не устают соревноваться в прогнозах его скорого развала.

Мне кажется, что в контексте нашей новейшей истории этот краткий экскурс в прошлое и настоящее легитимности власти в Германии весьма небесполезен и поучающ. Во всяком случае, немцы показывают нам и позитивные, и негативные варианты решения этого вопроса. Разумеется, у нас своя специфика. Но это не отменяет методологического и типологического значения германского примера.

Wohin treibt Rußland?

Действительно, куда? И движется ли она вообще? К тому же двигаться можно и вперед, и назад, и вбок.

Сегодня у нас есть удивительная площадка, с которой мы можем оценить недавнее прошлое нашей страны и одновременно сделать осторожное предположение, куда она может пойти. Как мы хорошо знаем, в социально-исторической жизни народов нет таких предопределенностей или законов, как в природе, где царствует закон необходимости. В истории этого быть не

может. Решающую роль играет свободная воля человека. Собственно говоря, это и есть величайший дар, который получили мы, скажем метафорически, от Бога.

Главное наше отличие от других живых существ – даже не интеллект, но возможность различения добра и зла. И тем не менее существует то, что в науке называется коридором возможностей. Выбор, который делает общество, ограничен определенными рамками. И это не только рамки добра и зла, а экономические, правовые, ментальные и др. ограничения. Вот и посмотрим на возможный выбор России – куда она может двигаться – с этих позиций.

Но есть еще одна позиция, кстати говоря, очень удобная. В советские времена достижения СССР традиционно сравнивались с 1913 г. Поэтому интересно посмотреть, что за 100 лет произошло с нашей страной. В новой же концепции единого учебника истории для средней школы 1914 год назван фактическим, а не хронологическим началом XX в. Это тоже площадка для обзора уже случившегося и анализа настоящего.

Скажем сразу, наша страна имеет обыкновение обманывать предположения самых проницательных аналитиков. Всем известен прогноз Д.И. Менделеева о том, что к 2000 г. в России должно жить до 400 млн человек. Но этого не случилось. Или в коллективном труде зарубежных ученых под руководством русского социолога и правоведа Николая Сергеевича Тимашева «Великое отступление» утверждалось, что если бы Россия не остановилась в своем развитии в 1917 г., то к 1940 г. вышла бы на первое место в мире по ВВП на душу населения, т.е. обогнала бы США. И было еще много обещаний, но они не исполнились.

Кстати говоря, были не только приятные предсказания, но и совершенно пессимистические. О чем это говорит? Во всяком случае не о том, что «умом Россию не понять», а о том, что мы должны быть крайне осторожны в своих предвидениях и заранее знать об их относительности. Это опять же связано со свободной волей человека, с тем, что она всегда может порождать новые возможности и новые конфликты. Вот почему науке остается говорить лишь о коридоре возможностей. В этом состоят назначение и ограниченность социально-гуманитарного знания.

Сначала о хронологии. Нам сказали, что XX век начинается войной 1914 г.[11] Вообще-то, это довольно распространенная точка зрения в европейской и американской историографии. Именно у англичан и французов Великая война – это Первая мировая, а не Вторая, как у нас. Мы почти готовы согласиться с этим. Действительно, без войны, видимо, не было бы ни Февраля, ни Октября. Не рухнули бы Германская и Австро-Венгерская империи.

11. Мы об этом уже говорили, но здесь – другой контекст.

Именно она окончательно подорвала Францию как великую мировую державу, и в результате, и вследствие ее США стали, выражаясь современным языком, сверхдержавой.

Но по мне «почти» – важнее, чем «согласен». Для русских, если принять эту точку зрения, 1917 год и все, что за ним, прочитывается как разрушительное воздействие мировых процессов на русско-национальное. И здесь собственные причины трагедии русских революций уступают место внешним. Причем это влияние внешних обстоятельств варьируется в диапазоне объективных социально-экономических и проч. условий до конспирологических теорий – теорий заговора. В данном случае неважно, какие они, – главное, что внешние. Нас же интересует внутреннее. Поскольку мы согласны с тезисом, что прежде всего обсуждаются не условия, в которых живет человек, а то, как он себя ведет в данных ему условиях.

В этом смысле – а наша цель, напомним, хотя бы отчасти понять, куда движется Россия, – назначить началом столетия начало Первой мировой войны означает перевести 1917 год в разряд следствий, а не причин. На самом деле права была советская историография, когда говорила, что именно 1917 год открыл новую эру в истории человечества. Только в отличие от советчиков, для которых это была апологетика, для меня – центральный пункт моего понимания и акт морального выбора. И я утверждаю, что XX век в России, а потом и в мире (поскольку Россия является одним из мировых центров) начался снежным Февралем 17-го года.

В том, что мы называем Февральской революцией, с невероятной отчетливостью выявилась (проявилась, отразилась) эссенция истории. Февраль – это, на первый взгляд, триумф, а на поверку поражение мировой культуры, цивилизации, прогресса. Что это означает? Что за странные слова? В Феврале 17-го русская история, вроде бы, достигла своей кульминации. Казалось, мы приехали на ту станцию, к которой стремились всегда. Февраль осуществили лучшие русские люди. Можно ли представить себе более завидную, более человеколюбивую биографию, чем у первого министра – председателя Временного правительства, князя Георгия Евгеньевича Львова? Или более искусного и искушенного политика, чем Павел Николаевич Милюков? Более пылкого, чистого человека и великого оратора, чем Александр Федорович Керенский? Более благородного homo politicus, чем Владимир Дмитриевич Набоков? И именно этим людям мы обязаны самым страшным саморазгромом России за всю ее историю.

Скажем и другое. В отличие от большинства исследователей (подчеркнем: исследователей, а не идеологов), я утверждаю: последний русский император Николай Александрович Романов, даже в сравнении с Александром I и Александром II, – лучший русский царь по одной простой причине: при нем – а он не мешал тому и даже по мере понимания способствовал –

произошел самый большой за все тысячелетие расцвет Отечества. Этот человек – не мое наблюдение, но я им воспользуюсь – был лучшим в породе властителей, как Юрий Андреевич Живаго в породе интеллигенции. Хочется напомнить: роман «Доктор Живаго» потому и стал событием мирового значения, что не только реабилитировал то великое, что создала Россия в ходе своего тысячелетнего развития, а именно: интеллигенцию, но и обеспечил ей навсегда статус мирового уровня. Это понятие стоит в одном ряду с такими, как греческие философы, римские юристы, средневековые схоласты, мастера эпохи Возрождения и т.д.

Так вот, Николай II – это квинтэссенция русской власти в ее лучшем и мировом смысле. Он был внуком двух выдающихся государей-реформаторов: датского Христиана IX и нашего Александра II. И своею судьбой соединил два этих либеральных тока – русский и европейский. Величие этого человека заключается в том, что всей своей органикой – и человеческой, и самодержавно-царской – он не хотел и даже боялся этих реформ. Но позволил им быть. Что-то высшее, чем «органика», вело его. Он всегда принимал *единственно* правильное решение. Это касается лишь самого существенного. – По мелочам он ошибался постоянно. Главный итог его царствования – не в том, что он все проиграл (а вместе с ним – мы). Главный итог в том, что он показал, как можно.

Но и к этому человеку должно предъявить претензии. Он был обязан в решающий момент спасти страну. Не имел права отрекаться (права не юридического, но нравственного). Болезнь наследника, обида на ближайшее окружение и, наверное, что-то другое не оправдывают его срыва. И он, и те, кто его свел с престола, навсегда несут ответственность перед нами. И не потому, что ошиблись. И не потому, что проиграли. Чтобы Россия имела таких властителей и таких оппозиционеров мы потратили тысячу лет. Они безответственно распорядились этим тысячелетием. Последовавшее столетие стало расплатой за их несостоятельность.

Казалось бы, после такого поражения Россия была обречена. И мне до недавнего времени так казалось. Тем более, что главный человек русского XX столетия – А.И. Солженицын – сказал, что мы напрочь проиграли этот век. И вот – конец этого столетия. В обстоятельствах, в которых оказался русский народ, он впервые в своей истории стал субъектом исторического развития. Не попы, помещики и капиталисты, как говорил мой отец, но, повторим, народ оказался субъектом русского процесса.

Народ выжил в условиях коллективизации и индустриализации – в переводе на обычный русский, в обстоятельствах его планомерного уничтожения. Он восстановил себя, пожертвовав тридцатью миллионами, в условиях самой страшной за всю историю человечества войны. Скажу кощунственные слова, но готов за них отвечать. Все эти гитлеры, гестапо и СС заставили русский

народ подняться с колен. В этом смысле совершенно точны памятники в Трептов-парке и в Пловдиве: русский солдат – во весь рост. Мы встали на колени, не решив внутренние проблемы, а поднялись с них, когда ощутили себя ответчиками за весь мир. В этом величие событий первой половины 1940-х годов. В этом фундамент для нашего будущего. В этом, если угодно, индульгенция за позор революции и гражданской войны.

Но к этому никакого отношения не имеют большевистский режим и Иосиф Сталин. Они – это те самые условия, которые не обсуждаются. Обсуждаемся мы с вами.

Сразу откроем все карты. Наши «верхи», как властные, так и оппозиционные, мы сами (то, что называется русским народом) позволили разрушиться тысячелетнему русскому дому, но мы же сами начали процесс его восстановления. И в этом главный смысл XX столетия. Всегда любил цитировать Пастернака: но пораженье от победы ты сам не должен отличать. А почему, собственно, не должен? Просто обязан. Я много раз бездумно повторял эти прекрасные слова. Может быть, они и верны по отношению к каждому конкретному человеку – в каком-то воспитательном, педагогическом смысле, но не верны по отношению к социальной жизни. Еще как надо отличать!

XX век был для России не только поражением, но и победой. Повторим: именно в этом столетии русский народ стал субъектом своей (и мировой) истории. Звучит, конечно, странновато. Когда же над ним ставились такие эксперименты? (Идти в колхозы, в коммунизм.) Да никогда. Но и никогда он не решал сам свою судьбу. Уже не было просвещенных русских политиков, просвещенных русских властителей. Были Сталин и ЧК. И вдруг этот самый народ взял и сказал: не хочу сдаваться германцу, не хочу Сталина, не хочу ЧК – и последовал маленковско-хрущёвско-брежневско-косыгинский период. И впервые в русской истории не цари, не графы Толстые (Львы и пр.), не графы Уваровы и пр., а «просто русские» могли сказать себе: вот я и делаю ракеты, перекрываю Енисей, и даже в области балета я впереди планеты всей. В этом был великий ответ русского народа на то, что ему было предложено русской историей в XX столетии.

* * *

…Казалось бы, наконец, поставлена точка. И то, что хотелось сказать было сказано (в меру умения…). Но еще о **нашем** Четырнадцатом. Он все смешал и одновременно расставил по местам. Стало ясно: завершился какой-то период истории. Какой? – Хронологически, видимо, четвертьвековой. От весны 89-го (I съезд народных депутатов СССР), когда мы впервые ощутимо вдохнули воздух свободы и до весны 14-го, вернувшей Крым Российской Федерации и закрывшей для русских (надеюсь, все же на время; вопрос

в том: на месяцы, годы или..?) тему «свобода». Когда-то по Брестскому миру Ленин отдал часть территории России, чтобы сохранить себе власть. Он разменял пространство на время-для-себя. Сегодня руководство страны прирастило земли с тем (в том числе), чтобы укрепить свою власть. То есть прямо противоположная конфигурация. Увеличение времени-для-себя на основе расширения пространства.

Но эта нынешняя операция тоже требует определенных жертв. Это – сокращение нашей свободы, нашего времени (кстати, типологически схоже с большевистским вариантом). Иными словами, при всем внешне разительном различии операций двух Владимиров сущностно они близки. И в первом, и во втором случаях за все должно платить общество («кто не с нами, тот против нас», «классовый враг», «социально чуждый элемент», «пятая колонна», «национал-предатели», «иностранные агенты»).

Еще один Владимир, Набоков (писатель), говорил, что у России две истории – (тайной) свободы и (тайной) полиции. Скобки ставлю уже я. Сегодня и свобода у нас не тайная, худо-бедно в Конституции закрепленная и поведением-сознанием людей подтвержденная, да и полиция совершенно явная. Думаю, весенние события – это переход к новому историческому периоду (не обязательно по длительности сопоставимому с ушедшим), по набоковской классификации – полицейскому.

Ну, что ж – «час мужества пробил на наших часах».

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ 1990-х ГОДОВ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Кочегарова Тамара Михайловна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Весной 2011 г., в преддверии 20-летия экономических реформ, премьер-министр В. Путин призвал к новой индустриализации. Этот призыв активизировал научную общественность в поиске ответа на вопрос: как могло случиться, что великая страна в мирное время, имея огромные доходы от продажи ценного сырья, в течение 20 лет даже не стояла на месте, но пятилась назад? В то время как все постсоциалистические государства Европы и Азии, не обладающие ни технической базой, ни интеллектуальными ресурсами, ни природными богатствами, сравнимыми с Россией, более или менее успешно развивались. Ответ на этот вопрос пытаются найти в общественных закономерностях, в «особом» историческом пути России, предопределяющем траекторию ее политического развития, оставляя в стороне философский постулат о возрастании роли субъективного фактора в историческом процессе, что искажает наши представления о происшедшем.

По справедливому замечанию П. Штомпки, «Новейшая история перестала быть естественно-историческим и становится ***социально***-историческим процессом, решающую роль приобретают субъективные факторы – политическая воля, личность руководителя, люди его окружения» [25, с. 290]. В нашей научной литературе подробно рассматривались вопросы, связанные с российскими реформами 1990-х годов, их последствиями для России, но практически не было попыток анализа субъективного фактора российской реформации.

Между тем именно этот фактор оказался решающим в выборе методов проведения реформ, и, прежде всего, их политэкономической основы – приватизации, в результате которой в России возникли новые отношения собственности. Эти отношения как были, так и остаются базовыми, они определяют все остальные общественные отношения – социальные, политические, правовые, духовные, этнокультурные, нравственно-психологические.

В момент грандиозных событий руководителем России оказался Б. Ельцин, о котором как у нас, так и за рубежом сформировалась обширная литература, в том числе и мемуаристика. Разумеется, деятельность первого президента России – это события совсем недавнего прошлого, и большинство россиян хорошо помнят и этот период, и все эпизоды, характеризующие его. А для тех, кто наблюдал за Россией со стороны, итог деятельности Б. Ельцина подвел известный британский журналист и политолог М. Симпсон в газете «Гардиан»: «Б. Ельцин довел бóльшую часть своего народа до невообразимой нищеты, одновременно фантастически обогатив свою клику. Президент, который ограбил целое поколение, украв их пенсии, опустил уровень жизни и урезал на десятки лет среднюю продолжительность жизни российских мужчин… Человек, начавший свою карьеру популиста с кампаний против коррупции партийных функционеров, позже стал главой страны такой широкомасштабной коррупции и бандитизма, какие не имеют аналогов в мировой истории… Он не только пресмыкался перед западными интересами, но и руководил почти окончательным уничтожением своей страны»[1]. Можно привести свидетельство Т. Грэхема, одного из руководителей посольства США в период 1991–1997 гг.: «Ельцин делал такие уступки США, которые не соответствовали мнению большинства россиян. У нас была уверенность, что мы можем им манипулировать, как того захотим»[2]. Еще более откровенно высказался в своих мемуарах «Русская рука» С. Тэлботт, курировавший тогда в Госдепартаменте США отношения с Россией: «Ельцин всегда воспринимал дипломатию как спектакль. А когда он был пьян, его спектакли напоминали бурлеск». Причем, как следует из содержания книги, пьян Ельцин был практически всегда, в том числе и на важнейших переговорах, затрагивавших судьбы нашей страны [3, с. 422–423].

Но в бурный период 1989–1990 гг. об этих увлечениях Б. Ельцина мало кто знал, да они, по существу, никого особенно и не интересовали. Немалая часть осведомленных прощала ему этот грех, подтверждающий, что он «свой», в отличие от М. Горбачёва, который в мае 1986 г. ввел «сухой закон». Ажиотаж вокруг фигуры «диссидента в КПСС» был так велик, что ему были

1. The Guardian. – London, 27.04.2007.
2. Век. – 2000. – № 14. – С. 6.

готовы простить все. Массовая поддержка Б. Ельцина населением России была вызвана их долгожданной надеждой на перемены, надеждой, которую не оправдала горбачёвская перестройка, зашедшая в тупик. Б. Ельцин был противником надоевшего всем М. Горбачёва, и это было весомым фактором для его избрания главой государства. У тех, кто был более осведомлен о человеческих слабостях нового лидера России, имелись серьезные опасения за судьбу страны.

Эта тревожность проявилась на инаугурации 8 июля 1991 г. в словах, с которыми Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II обратился к только что избранному президентом России Б. Ельцину: «В эти минуты, первые минуты первого президента России, я хотел бы обратиться к Вам, но не со словами поздравления, а со словом о России. Мой долг Патриарха сказать Вам слова о том, какую ответственность, какую великую ношу Вы принимаете на себя»[3]. Уж слишком многое зависело тогда от личных качеств президента РФ – в ситуации, сложившейся в России к концу 1991 г., как и в любой исторической развилке, «кадры решали всё».

Многие поступки первого президента России было невозможно прогнозировать. Почему Б. Ельцин предпочел вдруг команду Е. Гайдара авторам-разработчикам уже имеющейся и поддержанной научным сообществом и широкой общественностью программы «500 дней» С. Шаталина – Г. Явлинского другим известным программам? Почему он не реагировал на жесткую критику гайдаровской концепции со стороны многочисленных оппонентов и практически всех без исключения видных экономистов и социологов? Почему было скрыто от общественности письмо 45 ведущих российских и американских экономистов, в том числе шести нобелевских лауреатов (Л. Кляйн, В. Леонтьев, Д. Норт, К. Эрроу, П. Кругман, Д. Тобин), предупреждавших Б. Ельцина о разрушительности для страны гайдаровской модели?

Ответ, не столько убедительный, сколько показательный, дает бывший министр экономики в 1990-х годах, а ныне научный руководитель созданного в 1992 г. правительством Гайдара Государственного университета Высшая школа экономики профессор Е. Ясин – как писала «Российская газета», «духовный учитель тех реформаторов, которых возглавлял Егор Гайдар»[4]: «Быть может, в стране нашелся бы еще с десяток людей, которые бы знали все это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было еще иметь и волю. Представим, что на месте Гайдара был бы человек, которого я очень уважаю – последний председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. Он знал российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал (именно так по тексту. – *Р. С.*), что нужно высвобождать

3. Известия. – 09.07.1991. – С. 2.
4. Российская газета. – 18.11.2011. – С. 3.

цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жесткую финансовую политику, чего бы это ни стоило, стоять насмерть и не слушать никого. А Гайдар все это знал»[5].

В перечне многократно перечисляемых соратниками Е. Гайдара качеств, которые определили его преимущество перед другими претендентами, – «знал», «не боялся взять на себя ответственность», «обладал решительностью», «имел непреклонную волю», «никого не слушал» – последнее качество было действительно совершенно исключительным, если не уникальным. Редкостная в общественной практике (а тем более в научной – ведь Е. Гайдар, как и многие другие члены его правительства, имел ученую степень) способность «никого не слушать», избегать какого-либо диалога с оппонентами – родовое качество российских реформаторов. Они не утратили его и сегодня.

Можно привести характерный эпизод из жизни Института экономики переходного периода, который Е. Гайдар создал в 1992 г. и являлся его бессменным директором. На одном из совещаний в июле 1993 г. Е. Гайдар рассказал руководителям подразделений института о том, что к автомобилю, который его вез на работу, во время остановки перед светофором подбежали двое мальчишек и стали протирать окна автомобиля, двери и капот. Многие читатели еще помнят, как в тот период на московских перекрестках школьники, в дыму выхлопных газов, сновали между потоком автомобилей в надежде заработать подобными услугами. Е. Гайдар увидел в новом явлении светлую перспективу для России. Эти мальчишки, сообщил он своим сотрудникам, наши будущие Дюпоны, Рокфеллеры и Меллоны. На что руководитель одного из подразделений института возразил, что скорее это наши будущие Сальваторе Марциано, Аль Капоне и Джоны Диллинджеры, если подростки вообще не угробят свое здоровье, занимаясь столь рискованным «бизнесом». Это замечание Е. Гайдар оставил без ответа, но сотрудника-оппонента на заседания больше не приглашали.

Через год-полтора, когда последствия реформ стали очевидными для мало-мальски мыслящих людей, Е. Гайдар продолжал уверенно твердить, что выбрал единственно правильный путь. Такое упрямство могло бы даже вызвать уважение, если бы оно отражалось только в сфере литературного творчества и научных полемик, но ведь речь шла о судьбах великой страны.

Интрига, связанная с выбором реформаторов, высвечивает и другие качества тогдашних руководителей России. По словам М. Полторанина, кандидатуру Е. Гайдара буквально навязал Ельцину Г. Бурбулис [17, с. 243]. Объясняется это тем, что «Бурбулис, зная, что он будет “первой скрипкой” в новом правительстве, не хотел приглашать профессионала или известного экономиста,

5. Московский комсомолец. – 25.01.2010. – С. 5.

чей авторитет довлел бы над первым вице-премьером, а предпочел неизвестного в ту пору Гайдара» [4, с. 237]. Впоследствии об этом вполне откровенно говорил сам Г. Бурбулис – в частности, своим друзьям и единомышленникам П. Авену и А. Коху [8, с. 71].

Председатель Верховного Совета РФ в 1991–1993 гг. Р. Хасбулатов пишет: «Зная хорошо Ельцина, я до сегодняшнего дня задаю себе вопрос: почему он так отчаянно дрался за Гайдара? Другую команду, которая могла бы так бездумно осуществить самые жестокие мероприятия, трудно было бы отыскать. Скорее всего, причиной была не привязанность к Гайдару (Ельцин ни к кому "не привязывался"), а фанатичное доверие к американцам, уверенность в том, что он получит от них помощь»[6]. Этот довод приводят Г. Попов и Ю. Лужков: «Б. Ельцин, отбросивший всех других претендентов, назначил Е. Гайдара, которого абсолютно не знал, только по усиленному навязыванию США, обещавшими в этом случае оказать России многомиллиардную финансовую помощь»[7].

А. Илларионов (в то время первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ) считает, что Е. Гайдар обошел Г. Явлинского потому, что Б. Ельцин не согласился с вполне разумным условием последнего сохранить экономический договор между постсоветскими государствами. «Предложение Явлинского об экономическом договоре республик показалось Ельцину подозрительным, поскольку воспринималось им в качестве шанса Горбачёва сохранить на месте СССР "мягкую конфедерацию" под вывеской Союза Суверенных Государств (ССГ). Тем более что по инициативе Назарбаева 1 октября 1991 г. в Алма-Ате были начаты переговоры руководителей 13 союзных республик о создании экономического сообщества. Сохранение Межреспубликанского союза в какой бы то ни было форме означало вероятность сохранения Горбачёва в качестве значимой политической фигуры и, следовательно, неизбежный раздел власти с ним. На это Ельцин, естественно, пойти не мог» [11, с. 160]. В этой ситуации Е. Гайдар оказался более покладистым, он не стал выдвигать такого условия. Возможно, его сговорчивость объясняется еще и разницей статусов: Г. Явлинский в отличие от Е. Гайдара был авторитетной общественной фигурой. Так или иначе, но российское руководство предпочло пойти на разрыв хозяйственных связей, на отторжение республик от России. Б. Ельцину нужна была полная власть. Даже ценой разрушения исторически сложившегося общего экономического пространства. И здесь Е. Гайдар пригодился: он был одним из наиболее активных участников подготовки Беловежского соглашения. Сегодня, 23 года спустя, российское руководство пытается исправить

6. Аргументы и факты. – 2010. – № 6. – С. 12.
7. Московский комсомолец. – 22.01.2010. – С. 4.

содеянное и создать некое подобие экономического союза, но теперь это – неизмеримо более трудная задача. А. Илларионов подчеркивает приоритеты исторического решения: «Выбор реформаторской команды определило не **содержание программы** реформирования, а **лояльность** ее руководителя политическому курсу Б. Ельцина» [11, с. 162]. Подобный критерий выбора характеризует и первого президента России, и его премьер-министра как, безусловно, отрицательных персонажей в истории Российского государства.

К этому можно добавить и историческую аналогию. И. Сталин, как впоследствии и Н. Хрущёв, возвысили Трофима Лысенко только потому, что тот «и решительно, и смело, и ответственно» обещал быстрый результат в агрономии, чего, естественно, не мог позволить себе академик Николай Вавилов, потому что как подлинный ученый знал, что так не бывает. Этот эпизод, по существу, характеризует уровень профессиональной компетентности идеолога реформ: ведь Е. Гайдар обещал не просто быстрый, а чрезвычайно быстрый успех реформ – через полгода, т.е. к осени 1992 г., что дало тогда основание первому президенту РФ громогласно пообещать россиянам лечь на рельсы в случае неуспеха. Г. Явлинский предлагал более медленное, постепенное вхождение в рынок – начать реформы с продажи гражданам государственной собственности со стерилизацией полученных денежных средств и постепенной либерализацией цен, как это и происходило во всех постсоциалистических странах.

Академик РАН Н. Моисеев, характеризуя Е. Гайдара, пишет: «Меня несколько озадачила его “самодостаточность”. Способность “не сомневаться“, столь необходимая военачальнику, но никак не отвечающая обязанностям аналитика. Как председатель Совета Академии наук по анализу критических ситуаций я 4 раза писал письма Е.Т. Гайдару с предложением услуг, но он на них даже не посчитал нужным ответить. Трижды наш совет организовывал в Верховном Совете слушания, и наши доклады направлялись в правительство. Ни разу я не видел ответной реакции... В 1992 г. Е.Т. Гайдар стал стремительно продвигать “шоковую терапию”. При этом он говорил о том, что цены возрастут в несколько раз. Но академик А.А. Петров (тогда он был еще членом-корреспондентом Российской академии наук), владевший развернутой системой математических моделей российской экономики, предсказывал повышение цен в 4–5 тыс. раз. А поскольку расчеты А.А. Петрова были строго обоснованы, то я стал подозревать, что Е.Т. Гайдар просто вообще ничего не считал. Как я теперь понимаю, он и не мог считать, ибо это делать он не умел» [15].

Итак, именно набор качеств, которые были присущи Е. Гайдару, определили выбор Б. Ельцина. В том, что у руля управления российской экономикой оказались именно Е. Гайдар с А. Чубайсом, А. Кохом, П. Авеном, А. Вавиловым, В. Машицем, А. Нечаевым и другими членами «команды ре-

форматоров», никакой исторической закономерности не было. Как ее не было и в конце XVII в., когда на российском престоле оказался Петр I, а не его сестра Софья[8]. Не было фатальной неизбежности октябрьского переворота. Л. Троцкий задавался вопросом: «Взяли бы большевики власть, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 г.?», что было, по его мнению, весьма и весьма вероятно. И отвечал со всей категоричностью: «Не будь Ленина, не было бы и Октября» [23, с. 332].

Появление на сцене тех или иных персоналий – результат ситуации, возникающей порой в результате взаимодействия самых незначительных, а иногда даже курьезных факторов. А случайные люди во главе государства – тривиальнейший сюжет в мировой истории. Он повторился в очередной раз в октябре 1991 г.

Б. Ельцин – не первый, и не последний в длинном ряду не вполне компетентных руководителей нашей страны за последние десятилетия. В отечественной литературе появилось много материалов на тему, громко заявленную одним из героев ставшего культовым кинофильма «Доживем до понедельника»: «России за последние 100 лет очень не везло с царями». Из всех известных нам авторов этих материалов, пожалуй, наиболее точную оценку качеств руководителей нашей страны позднесоветского и, особенно, постсоветского периода дает философ и публицист Дм. Галковский: «Происходят грандиозные события, события, которые миллионы забитых и ограбленных русских ждали десятилетиями, поколениями. Но совершаются эти события даже не временщиками, а людьми “иного порядка разумения”. Они не совершают математических ошибок, потому что не подозревают о существовании математики… Речь идет не только о захвате власти в богатейшем государстве мира, но о событиях, которые действительно определяют судьбы человеческие» [9, с. 97–98].

В стране, где объективный процесс формирования и воспроизводства политической элиты общества подменен субъективными механизмами попадания в правящую номенклатуру, анализ этих механизмов становится особенно актуальным в ситуации глубокого общественного кризиса, порожденного ими.

Какие качества характеризовали людей, принимавших для страны судьбоносные решения? Существует понятие «кабинетный специалист». Слабое знание собственной страны и собственного народа становится особенно непростительным, если речь идет об управленцах. И становится еще более разрушительным, если речь идет о проведении государственных реформ. Этот

8. Ночью 6 июня 1698 г. в начале восстания стрельцов Петру в последний момент удалось бежать в Лефортово.

фундаментальный недостаток реформаторов отмечают те, кому приходилось сотрудничать с ними.

Что́ объединяло «младореформаторов», как тогда называли правительство Е. Гайдара, так это стандартная служебная карьера. После школы институт, аспирантура, защита диссертации, работа в качестве научного сотрудника, участие в аппаратных совещаниях, подготовке нормативных документов – вся эта деятельность ограничена стенами служебных помещений. «Было очевидно, что правительство возглавили люди, абсолютно оторванные от практики, – свидетельствует один из самых успешных российских губернаторов Михаил Прусак, достаточно близкий к реформаторам. – Они и выбрали самый радикальный, самый болезненный вариант, поскольку не видели другого» [19, с. 14]. Можно добавить, что и не желали видеть, ибо на российский народ смотрели как на сборище «совков», коммунистических иждивенцев. Лишенные представлений о реальной жизни, они создавали свои схемы, нисколько не задумываясь об особенностях социума, в котором будут действовать эти схемы.

Кабинетные экономисты слабо разбираются в том, что такое реальная экономика и экономическое хозяйство, принимая за высшую истину прочитанные ими книги и учебники. Они всегда находятся под влиянием той книги, которую прочитали последней, полагая, что все богатство экономической теории заключено именно в ней. Сначала российские реформаторы читали Маркса – и были марксистами. Последними книгами были американские учебники по экономике, сделавшие их монетаристами.

Узкопрофессиональный подход российских адептов «чикагской школы» М. Фридмана к решению государственных проблем исключил их интерес не только к собственной стране, но и вообще к европейскому континенту. В Европе, в отличие от США, сильны социал-демократические ценности, имеющие полуторавековую историю, здесь задают тон социальные государства и социально ориентированные экономики. В первую очередь речь идет о Скандинавских странах и Финляндии – наших непосредственных соседях, которые объединяются генетическим стремлением к равенству. В советское время широко употреблявшийся термин «шведский социализм» подчеркивал эту их особенность. Но стремление к равенству присуще и русскому социальному мышлению. Более того, в нашей ментальности – это одна из базовых ценностей. Социальная справедливость у нас означает, по существу, тот же феномен равенства, только в более категорическом, можно сказать, даже сакральном выражении. Российские реформаторы выбрали американскую, ультралиберальную, совершенно чуждую российскому менталитету модель капитализма, в то время как рядом, по соседству, успешно – и экономически, и общественно-политически, и культурно-исторически – функционировала социал-демократическая модель, психологически более близкая и приемле-

мая для России. Основная теоретико-методологическая проблема 1990-х годов – в коренном расхождении реалий экономической жизни и представлений о них людей, отвечающих за российскую экономику.

Незнание – очень часто источник враждебности. Махатма Ганди утверждал: чтобы хорошо управлять, надо знать и любить свой народ. Как поступки, так и высказывания российских реформаторов свидетельствуют, что ни того, ни другого у них не было. В начале 1990-х годов реформаторы часто высказывали пренебрежительные и даже бесчеловечные сентенции касательно собственного народа и его судьбы, вроде допустимости гибели 30 млн, не сумевших приспособиться к рынку, сентенции, от которых впоследствии приходилось публично отказываться[9]. Об этом, например, свидетельствует суждение, высказанное в феврале 1992 г. Е. Гайдаром на совещании по социальным проблемам: «Уход из жизни людей, неспособных адаптироваться к радикальным преобразованиям – дело естественное»[10]. Еще пример – его столь же откровенный ответ на вопрос о том, что будет в итоге реформ с пенсионерами: «они умрут»[11]. М. Бергер приводит характерное высказывание П. Авена – одного из членов правительства Е. Гайдара: «Безусловно, когда большевики рубят лес, то щепки летят. Чубайс не любит концентрироваться на щепках, а любит указывать на достигнутые результаты. С залоговыми аукционами, я считаю, щепок было слишком много, и они слишком опасно разлетелись, кое-кого поубивало даже» [1, с. 139]. Следует согласиться с этим запоздалым признанием, «щепки» их тогда не интересовали, главным был достигнутый результат.

Начиная реформы, Е. Гайдар и его единомышленники постоянно повторяли, что не так важно, как будет получена собственность, главное – чтобы возникли собственники. По существу, это означало отмену морали. «Современное российское общество – это больное общество, – пишет В. Кичин, – и все наши усилия по подъему экономики будут бессильными, пока мы не начнем лечить главную причину недуга – всеобщее падение морали»[12].

Общественные науки в советское время были партийными, а все члены гайдаровской команды, несмотря на свою молодость, успели вступить в КПСС, сам же Е. Гайдар руководил отделами экономической политики сначала главного теоретического журнала партии – «Коммунист», а затем газеты

9. С.М. Соловьёв. Говорит и показывает Анатолий Чубайс // Промышленные ведомости. – М., 2002. – № 17–19 (53–55).

10. Московский комсомолец. – 22.01.2010. – С. 4.

11. Олег Попцов 2 января 2008 г. напомнил об этом радиослушателям «Эхо Москвы».

12. Российская газета. – 23.10.2003. – С. 5.

«Правда», т.е. выполняемыми обязанностями был связан с двумя самыми важными идеологическими органами ЦК КПСС.

Анализируя корни ущербной морали первых руководителей России, американский писатель Д. Сэттер, более 12 лет проживший в России, приходит к следующему выводу: «Большинство этих "молодых реформаторов" в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать "построению коммунизма". Хотя они были в значительной степени прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным воззрениям. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них беспощадность по отношению к другим чиновникам коммунистического режима и к россиянам вообще» [22, с. 47].

Выношенная ненависть к советской власти постепенно переросла в неприязнь к собственному народу. К тому же у абстрактных теоретиков – неважно, более образованных или менее образованных – нередко исчезает гуманистическая составляющая социального поведения. Цель становится высшим и безоговорочным приоритетом. Она стала таковой и для В. Ленина, учившегося в Казанском университете, и для И. Сталина, учившегося в Тифлисской семинарии, и для Пол Пота, учившегося в парижской Сорбонне.

Игнорирование средств ради цели указывает на кровное родство большевиков («нравственно все, что ведет к победе коммунизма») и нынешних «либералов» («нравственно все, что ведет к победе рынка»). Просто в первом случае, замечает директор Института экономики РАН Р. Гринберг, в России победил радикализм левого толка, а во втором – правого [10, с. 8]. Если в первом случае экспроприировали частную собственность ради создания государственной, то во втором – экспроприировали государственную ради создания частной. Но с двумя существенными отличиями. Во-первых, большевики отнимали у богатых, чтобы поделить между бедными, тогда как нынешняя российская власть отнимает у бедных, чтобы поделить между богатыми. Во-вторых, большевики, отнимая у богатых, в первую очередь стремились использовать экспроприированные средства на развитие производства, предоставить рабочие места неимущим и делить уже продукт промышленного производства и его денежный эквивалент. Целью большевиков было производство. Цель реформаторов – раздел («распил»). В этом отношении можно сказать, что большевики были гораздо бóльшими экономическими либералами, чем те, кто называет себя таковыми сегодня.

23 года руководства российской экономикой убедительно показали, что категория «производство» – чуждая для них. Справедливо подмечено, что операцию «продать товар, получить деньги и купить более дорогой товар» они еще понимают, а вот операцию «вложить деньги, произвести товар большей стоимости, чем вложено, и продать его за бóльшие деньги» – нет.

Они не умеют того, что умел любой капиталист XVIII в. – «организовывать производство прибавочной стоимости» [24, с. 19].

Отмеченное Е. Ясиным качество реформаторов «никого не слушать» крепло по мере их карьерного роста. Они только что стали кандидатами наук, а Е. Гайдар – доктором экономических наук (1991), и постдиссертационный синдром – возгонка самомнения – только усиливался. Апломб доминировал как в поведении, так и в высказываниях «младореформаторов». Вот оценка В. Машица, председателя Госкомитета РФ по экономическому сотрудничеству с государствами – участниками СНГ в правительстве Е. Гайдара, приведенная в журнале «Forbes»: «Я думаю, что Гайдар себя позиционировал в интервале от Кейнса до Эрхарда»[13]. А. Солженицын уловил исторический типаж: «Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост. Но в одном качестве они очень сходны. В том, как фанатик, влекомый только своей идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берется за скальпель и многократно кромсает тело России» [21, с. 20].

Анализируя книгу Е. Гайдара «Государство и эволюция», в которой автор оправдывает свою концепцию приватизации, Ф. Бурлацкий отмечает гипертрофированное самомнение автора и почти полное отсутствие рефлексии. «Не может не позабавить само название книжки Гайдара. Это очевидная заявка на продолжение и опровержение известной работы Ленина “Государство и революция”, претензия автора на историческую роль, которая может быть сравнима с ролью основателя советского государства. Тот повернул Россию в сторону коммунизма, этот рассчитывает повернуть ее обратно… Манера и стиль тоже позаимствованы у Ленина – та же безаппеляционность, то же нежелание обременять себя аргументами и фактами, та же спешка. Совершенно удивительно, но практически нет цифр, нет экономического анализа. Работа, которая претендует на обоснование экономических реформ, начисто лишена экономического фундамента, поэтому не может быть отнесена к категории экономических. Еще в меньшей степени она может быть признана философской или политологической. Это попросту не научная работа, а манифест идеолога, декларация политика. Раз поверив в концепцию Милтона Фридмана, он готов идти за ним до конца. Его не волнует ни падение производства и жизненного уровня, ни демографическая катастрофа, ни утрата реальных рынков в бывших союзных республиках, в Восточной Европе, в других регионах мира. Гайдара вообще не занимает цена реформ. Пусть провалится страна, ее народ, только бы торжествовал принцип» [2, с. 230–231]. При этом Е. Гайдар, подчеркивает Ф. Бурлацкий, ни в чем не раскаивается, ни о чем не жалеет, нигде не видит своих промахов. «Оставляя в стороне не-

13. http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/66709-my-byli-kak-v-grazhdanskuyu-voinu-burzhuaznye-spetsialisty

соизмеримость масштабов личностей, Гайдар отличается в худшую сторону от Ленина, который все же признавал свои ошибки» [2, с. 233].

Внимательное знакомство с книгой Е. Гайдара «Государство и эволюция», где он защищает свою концепцию реформ, позволяет сделать вывод, что идеолог приватизации в России все же вынужден согласиться, что, проведенная таким способом, она нанесла громадный ущерб национальным интересам России. Но в то же время осознает невозможность исправить содеянное: «Не национализировать же назад то, что наконец-то стало “своим”, не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распихать (именно так в тексте. – *Р. С.*) по карманам» [6, с. 193]. Следовательно, он уже тогда в 1994 г. осознавал, к чему привели реформы.

Фраза «успели распихать по карманам» – своеобразная оговорка по Фрейду – является, на наш взгляд, ключевой для понимания тех принципиальных различий, которые разделяют приватизацию в России, и приватизацию в других постсоциалистических странах. Е. Гайдар, надо отдать ему должное, воспользовался, может быть, по неосторожности, очень точным словом: «распихать». В этом просторечном глаголе содержится указание на максимальное проворство, стремительность неблаговидного действия – пока не хватились!

Е. Гайдар после небольшой книги («Государство и эволюция»), в которой была попытка изложить концепцию реформ, и, главное, оправдать выбранный способ приватизации, через 12 лет напишет монографию – «Гибель империи. Уроки для современной России». Ее выход накануне 15-летия реформ не случаен: в связи с круглой датой в российском обществе развернулась особенно острая критика их результатов. Но разворачиваться на 180° было нельзя. И какой-либо, условно говоря, «НЭП» был невозможен. Это большевикам, ничего не «распихавшим по карманам», такие кульбиты не угрожали. По оценкам Госдепа США, уже к 1995 г. на зарубежных счетах российских олигархов находилось не менее 600 млрд долл.[14] И Е. Гайдар, вероятно, как никто другой, понимал, что какие-либо попытки исправления сформировавшейся системы были уже в принципе невозможны. Но не отреагировать хоть как-то было нельзя. Идеологу реформ нужно было что-то предъявить обществу, дать какое-то объяснение.

В книге «Гибель империи» подробно показано, как СССР шел к распаду. Слова «трещины в фундаменте», ««череда ошибок», «кризис», «банкротство», «крушение», «коллапс», «катастрофа», «крах», «агония» бесконечно повторяются не только в тексте, они вынесены в заголовки. То есть великая страна на виду у всех погибала, ее надо было срочно спасать, что имплицитно

14. Аргументы и факты. – 1997. – № 14. – С. 8.

указывало на неимоверную ответственность и тяжесть ноши, которую Е. Гайдар и его команда на себя взвалили, не взвесив последствий. «Гибель империи» Е. Гайдара – месседж российскому обществу, в котором основная тема – это попытка оправдания (и, возможно, самооправдания) содеянного, поиск смягчающих вину обстоятельств. Поэтому книга – реквием не по Советскому Союзу. Это реквием по Экономическим Реформам.

Тяжелое положение, в котором оказалась Россия после распада СССР, было характерно и для других бывших союзных республик. Даже в «привилегированной» Прибалтике ситуация была столь же, если не более плачевная. Многочисленные промышленные предприятия, полностью зависимые от российских заказов и поставок, сразу же оказались в глубочайшем кризисе[15]. Никаких других ресурсов в тот момент у них не было, поэтому разрыв хозяйственных связей поставил наших соседей в действительно катастрофическое положение. Тот, кто в 1992–1993 гг. бывал в Прибалтике, мог видеть это собственными глазами. Но были и более яркие примеры. Абсолютно никакого сравнения с Россией не выдерживает ситуация, в которую попали Грузия, и особенно Армения, – там реально не было запасов продовольствия, отсутствовали тепло- и водоснабжение, энергообеспечение, не работал транспорт, т.е. вообще ничего не работало. Так как жилые помещения не отапливались, то горожане в этих республиках действовали как ленинградцы времен блокады. Они мастерили печки «буржуйки» и согревали квартиры теми дровами, которые могли добыть в городских парках и скверах. В отличие от Ленинграда, на окраинах которого было много деревянных домов (их разобрали на топливо в первую зиму блокады), в городах Закавказья деревянных домов нет, поэтому в печку шли полы и мебель. Стоит напомнить читателю, что Армения в течение трех с половиной лет находилась в реальной блокаде. Люди бросали дома и уезжали. Но ведь далеко не все могли уехать. Поэтому руководителю российского правительства вряд ли стоило так эгоистично и безапелляционно приватизировать трагедию распада СССР. **Гибель империи (как и ее собственность!) была общенародной.**

Морально-психологическую ситуацию, в которой оказались реформаторы, и прежде всего, идеолог российских реформ, оценить несложно. Можно по-человечески понять его, и понять его «не слишком комфортное» положение в своей стране. В этой связи показательно, что в одном из своих последних телеинтервью (В. Познеру) Е. Гайдар признался, что он знает о ненавис-

15. По сложившейся еще в первые годы советской власти традиции, Российская Федерация была для целого ряда союзных республик до момента распада СССР в экономическом смысле постоянным и незаменимым донором. Поэтому разрыв хозяйственных связей был менее болезненным (а порой и позитивным) для России, чем для других постсоветских стран.

ти к себе большинства населения России. Жить под подобным морально-психологическим прессом – тяжелое испытание даже для очень смелого и очень решительного человека. Один из его ближайших сподвижников А. Нечаев потом это подтвердит: «Гайдар, конечно, понимал, что зачеркивает себе политическое будущее и взваливает на себя крест, который ему пришлось нести всю жизнь. Фактически он свел его в могилу»[16]. Можно предположить, что рефлексия ему была свойственна, чувство вины он все-таки ощущал. Проведенный контент-анализ его мемуарного текста «Дни поражений и побед» (1997) также указывает на то, что нравственная ответственность не была ему полностью чужда.

Его соратники – П. Авен, А. Кох и В. Машиц – свидетельствуют: «В 1991 г. приступая к реформам, Е. Гайдар хотел быть премьер-министром. Только! Поэтому 18 декабря 1992 г., когда Верховный Совет РФ выразил ему недоверие, он отказался остаться первым замом у В. Черномырдина»[17]. Но после завершения реформ его самовосприятие меняется. В 2007 г. в интервью А. Коху в журнале «Медведь» уже иной тон и сверхоткровенное признание: «Я как политик равен нулю»[18]. Анализ публикаций и высказываний Е. Гайдара в последние годы жизни дает основание предположить о нарастающем чувстве ответственности за произошедшее как источнике острого психологического дискомфорта.

Подобное предположение очень трудно, пожалуй, даже невозможно сделать по отношению к членам его команды. Они это как-то пытаются обосновать. Акцентируя различия руководителя и исполнителей, П. Авен подчеркивает: «Мы разной наукой занимались, у каждого была своя наука, а кроме этого были реформы. А у Гайдара никакой науки своей, кроме этих реформ, не было. Он был полностью поглощен идеями реформ» [15, с. 17]. Действительно, у Е. Гайдара не было своих банков, своих миллионов – только реформы. После его преждевременной кончины – в 53 года (как и Ленин) – его единомышленники сообщили: «Е. Гайдар – создатель современной России». Эту оценку как мантру они многократно повторяют все последующие годы. Возможно, они подсознательно (или сознательно) таким образом избавляют себя от ответственности.

Это вызывает сомнение в правомерности вошедшего в 1990-х годах в общероссийский обиход выражения «команда Гайдара». Вероятно, их связывало нечто иное. Ведь они не ушли вместе с ним из правительства в конце

16. Интервью с А. Нечаевым // Итоги. – 2013. – № 48. – С. 34.

17. http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/66709-my-byli-kak-v-grazhdanskuyu-voinu-burzhuaznye-spetsialisty

18. Медведь. – 2007. – № 9 (107). – С. 34.

декабря 1992 г., на что он рассчитывал. Как ни старался, он не смог их уговорить – горький урок, безусловно, повлиявший на его самооценку.

Стержень и основа гайдаровских реформ – приватизация. Организационной структурой приватизации, ее оперативным штабом был Госкомимущества РФ, возглавлявшийся «самым способным», по словам Е. Гайдара, среди реформаторов администратором и управленцем, или, по нынешней терминологии, самым «эффективным менеджером», А. Чубайсом. Мало кто из российских политиков и государственных деятелей новейшего времени может сравниться с А. Чубайсом по постоянству присутствия в политике на заметных ролях. С ноября 1991 г. – председатель Госкомитета по имуществу РСФСР. До апреля 1998 г. с небольшими перерывами он занимает различные ключевые посты в государстве, входит в руководство влиятельных партий и общественных организаций. Весь постсоветский период в постоянной близости к первым лицам государства. Вместе с тем А. Чубайс – самый непопулярный политик России. По данным различных опросов, неприязнь к нему испытывают от 83 до 92% населения России.

О том, что А. Чубайс наделен особым талантом эффективного менеджера, не пишут у нас только самые ленивые массмедиа. Хотя есть и иная, более близкая к российским реалиям точка зрения. «Коллективный Чубайс создал в России теорию и практику “эффективного менеджера”, – характеризует новое явление в российской экономике С. Белковский. – Эффективный менеджер приходит на любую должность с одной-единственной универсальной целью: правильно организовать финансовые потоки. Так, чтобы большая часть этих потоков оседала на офшорных счетах. Эффективный менеджер – это и есть самое страшное, что бывает в нынешней России»[19]. В июле 1992 г. А. Чубайс создал «Отдел технической помощи и экспертизы», в котором работали 36 американских экономистов-советников. Руководитель отдела Дж. Хэй, по заявлению бывшего председателя Госкомимущества В. Полеванова, был сотрудником ЦРУ. В. Полеванов так характеризовал деятельность советников А. Чубайса: «Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие секретную продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Дж. Хэй с помощью Чубайса купил 30% акций Московского электродного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ “Графит” – единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолетов-невидимок типа “Стелс”. После чего Дж. Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий» [26, с. 11].

19. Московский комсомолец. – 09.03.2010. – С. 3.

Генерал А. Лебедь в интервью одной из французских газет предельно точно охарактеризовал тех, кому российскими реформаторами была отдана национальная собственность: «Березовский – апофеоз мерзости на государственном уровне: этому представителю небольшой клики, оказавшейся у власти, мало просто воровать – ему надо, чтобы все видели, что он ворует совершенно безнаказанно»[20]. Подобная демонстрация своей ловкости в неправовых действиях – характерная черта «эффективных менеджеров». Мы уже приводили откровенные признания А. Чубайса о том, как ему ловко удалось протащить программу залоговых аукционов через Верховный Совет [20, с. 33]. В ноябре 2004 г. в интервью газете «The Financial Times» А. Чубайс прояснил, наконец, «истинную» (и вовсе не криминальную, а вполне идеологическую!) цель приватизации: «Приватизация была проведена исключительно с целью борьбы за власть против коммунистических руководителей. Нам нужно было от них избавляться, а у нас не было на это времени. Счет шел не на месяцы, а на дни». Посредством залоговых аукционов «самые ценные и крупные российские активы были переданы группе магнатов в обмен на займы и поддержку тяжело больного Б. Ельцина на выборах 1996 г.». По мнению А. Чубайса, передача олигархам контроля над предприятиями с сотнями тысяч рабочих помогла приобрести реформаторам административный ресурс, который предотвратил победу оппозиционеров на президентских выборах: «Если бы мы не провели залоговую приватизацию, то коммунисты выиграли бы выборы в 1996 г.»[21]. В этом же интервью он признается в обмане – обещанная стоимость ваучера равная стоимости двух автомобилей была всего лишь «пропагандистским обеспечением».

В президентской кампании 1996 г. А. Чубайс был замешан в «деле о коробке из-под ксерокса», когда А. Евстафьев и С. Лисовский, члены предвыборного штаба Б. Ельцина, возглавляемого А. Чубайсом, были задержаны при попытке вынести из Белого дома коробку с 538 тыс. долл. наличными. Вскоре последовал писательский скандал с получением от американцев 90 тыс. долл. за ненаписанную книгу. Общественный резонанс заставил Б. Ельцина удалить А. Чубайса из государственной службы, он становится председателем РАО ЕЭС. Но и здесь реформаторы не теряют своих специфических свойств. Вскоре после великого аварийного отключения электричества в Москве в мае 2005 г. журналисты договорились о встрече с главным энергетиком России. О том, как проходило это интервью, пишет М. Ростовский: «Глава РАО ЕС А. Чубайс вошел в комнату, прочитал краткое заявление и направился к выходу. Мы попытались его остановить: “Анатолий Борисович, куда же вы?

20. Le Figaro. – Paris, 17.04.1997.

21. Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // The Financial Times. – 13.11.2004. – P. 8–9.

У москвичей к вам куча вопросов!". Чубайс повернулся и тоном, с каким обычно говорят с очень маленькими, несмышлеными детьми, произнес: "У москвичей нет ко мне вопросов! Я это прекрасно знаю: я сам – москвич и у меня нет к себе вопросов"»[22].

17 августа 2009 г. на Саяно-Шушенской ГЭС произошла крупнейшая в российской истории катастрофа: погибли 75 человек, был разрушен самый мощный гидроэнергетический объект страны. «Авария уникальна, – сообщил министр РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С. Шойгу. – Ничего подобного в мировой практике не было»[23]. Специалисты и организации, в том числе сам С. Шойгу, сравнивали Саяно-Шушенскую аварию по ее значимости и влиянию на экономические и социальные аспекты жизни России с аварией на Чернобыльской АЭС.

В акте комиссии Ростехнадзора указаны трое должностных лиц, несущих «главную вину за создание условий, способствовавших возникновению аварии», в том числе бывший руководитель РАО «ЕЭС России» А.Б. Чубайс. Он публично признал свою вину. Да и отчего же не признать, если не нести, как это отмечено выше, за это никакой ответственности?

С 2008 г. А. Чубайс – генеральный директор государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий». За шесть лет корпорация никаких новых технологий не представила, но в уже апреле 2013 г. аудитор Счетной Палаты РФ С. Агапцов заявил, что при проверке «РОСНАНО» был выявлен огромный объем финансовых нарушений. Одна только программа по разработке отечественных планшетных устройств принесла убытки более 23 млрд руб. Как тут не вспомнить индийского философа Бракована Шри Радгнеша (Ошо), который писал: «Вы слышали, что грешники отправляются в ад, – но это не так. Наоборот, куда бы ни попал грешник, – он там создает ад» [18, с. 79].

У российских реформаторов понятие не только греха, но вообще каких-либо нравственных запретов напрочь отсутствует в их рациональном жизненном кредо. В упомянутом интервью газете «The Financial Times» А. Чубайс признался: «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски». В нашей периодике это интервью было многократно прокомментировано. «Для эффективного менеджера реальные плоды его трудов не имеют значения. Его принципиаль-

22. Московский комсомолец. – 22.01.2014. – С. 1.
23. Техногенное самоубийство // Эксперт. – 24.08.2009. – С. 6–7.

ная позиция – твердая безответственность, – замечает С. Белковский. – У такого управителя всегда виноват кто-то другой. Страна Россия с ее тоталитарной историей. Русский народ, который можно заставить работать только под дулом автомата. Скверный Ф.М. Достоевский, который вместо азов бизнеса преподавал этому народу какую-то эсхатологическую хрень»[24]. «Если ты доцент, и у тебя нет бизнеса, то на кой черт ты мне вообще нужен! – пытаясь в очередной раз объяснить особенности нового курса на модернизацию, заявил Анатолий Чубайс на заседании Правительства Иркутской области. – Преподаватель, не способный создать бизнес, ставит под вопрос свой профессионализм»[25].

Штаб приватизации – Госкомимущество РФ – А. Чубайс передал своему заместителю А. Коху. Переход из замов в председатели Госкомимущества А. Кох предварил стажировкой в Чили, где до него уже проходил стажировку Е. Гайдар (хотя, как пишет тогдашний декан экономического факультета МГУ Г. Попов, ему предлагали Швецию).

После А. Чубайса А. Кох – вторая из наиболее одиозных фигур реформаторов. Эту репутацию он приобрел благодаря залоговым аукционам, стремительно проведенным в течение 1995–1996 гг. Вынужденный уход из правительства связан с так называемым «делом писателей» и «квартирным делом», по которым на А. Коха прокуратурой Москвы были заведены уголовные дела о злоупотреблениях должностными полномочиями. В декабре 1999 г. они были прекращены по амнистии. В сентябре 1997 г. Кох занял пост председателя совета директоров управляющей компании ЗАО «Montes Auri» (ведущий оператор на рынке ценных бумаг), в июне 2000 г. назначен генеральным директором холдинга «Газпром-Медиа», в феврале 2002 г. он – в Совете Федерации от Ленинградской области, но по требованию областного прокурора был лишен мандата сенатора. Московская прокуратура возбудила против А. Коха новое уголовное дело. Одним из эпизодов в нем стал залоговый аукцион по комбинату «Норильский никель», проданный А. Потанину за бесценок. Спасаясь от уголовного преследования, А. Кох эмигрировал в США.

Фигура А. Коха особенно привлекательна тем, что в концентрированном виде представляет психотип российских реформаторов. Как уже было отмечено выше, эти люди не только не проявили даже малой степени национальной солидарности с собственным народом, но, сознательно и умело, воспользовавшись его доверием, ограбили его. Более того, как уже говорилось, в действиях молодых российских реформаторов была даже какая-то внутренняя ненависть к народу, который привел их к власти. Она часто проявлялась

24. Московский комсомолец. – 09.03.2010. – С. 3.

25. Промышленные ведомости». – 2009. – № 11–12. – С. 18.

в оговорках и обмолвках реформаторов. И именно А. Кох, находясь в США, в интервью одной из ведущих американских радиокомпаний – нью-йоркскому радио WMNB 23 октября 1998 г. эту крайнюю неприязнь и к России, и к русскому народу выразил предельно откровенно.

Психологически объяснимо, почему обманщик относится к обманутому им с известным презрением. Жаргонное словечко «лох» безжалостно определяет меру этого презрения. Возможно, и грабитель презирает тех, кого он так ловко ограбил. Во всяком случае, обвинение в воровской приватизации А. Кох отпарировал фразой: «Народ не был ограблен изначально, потому что ему все это не принадлежало». На вопрос о будущем России через десять лет дал еще более уничижительную оценку: «Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех, кто умеет думать. В последующем – превращение в десяток маленьких государств. Россия никому не нужна. Она только мешает… В мировом хозяйстве для нее нет места. Россия – обанкротившаяся страна» [5, с. 318]. Откровения А. Коха не следует рассматривать только как ненависть к собственной стране, это прорвавшееся наружу внутреннее убеждение, политическое кредо представителей этой группы. Они именно ***так*** видели Россию и делали все, чтобы она и становилась ***такой***.

Не странно ли, что людям с подобными взглядами было поручено проводить реформы в России?

Для полноты социального портрета реформаторов следует добавить еще двух персонажей. Министром внешних экономических связей в правительстве Гайдара был П. Авен, работавший до этого по контракту ведущим научным сотрудником в Международном институте прикладного системного анализа в Вене. Осенью 1991 г. он прервал свой контракт и по приглашению Е. Гайдара возглавил Комитет внешнеэкономических связей, получив еще и пост первого заместителя министра иностранных дел РСФСР. В январе 1992 г. возглавил вновь созданное Министерство внешних экономических связей РФ. П. Авен был одним из наиболее последовательных сторонников жесткой шоковой терапии в экономике. При нем полностью был ликвидирован государственный контроль за внешнеэкономическими операциями, движением товарных и денежных потоков. По оценкам экспертов, политика П. Авена на посту министра привела к гигантским валютным потерям, уменьшению внешнеторгового оборота, катастрофическому падению экспорта готовой промышленной продукции, к фактическому уходу страны с многих рынков. П. Авен вместе с А. Вавиловым и А. Нечаевым был заместителем Е. Гайдара по валютно-финансовым операциям, что означает особую доверительность к этим персонам. П. Авен был советником Б. Березовского по организации скандально знаменитого «ЛогоВАЗа». После ухода из правительства П. Авен и А. Нечаев стали преуспевающими руководителями (соответствен-

но, «Альфа-банка» и «Российской финансовой корпорации») и главными апологетами реформ.

И наконец, последний персонаж – А. Вавилов, замечательный тем, что он стал единственным из всех оправдавшим героическое предназначение той команды, которую Б. Ельцин призвал доводить до конца начатый еще до них процесс перехода к рынку, – команды «камикадзе». Только А. Вавилову пришлось бежать из страны. По этому критерию он вполне подходит под жертвенную во имя высших государственных целей категорию «камикадзе».

А. Вавилов был ключевой фигурой гайдаровского правительства. Его назначение первым заместителем министра финансов РФ состоялось в конце марта 1992 г., когда окончательно определился масштаб возможностей, и конкретизировались цели и задачи реформ. В сферу ответственности Вавилова входили разработка и реализация макроэкономической политики, решение проблем федерального бюджета и выстраивание отношений с международными финансовыми организациями, такими как Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Российская финансовая сфера была в заботливых руках А. Вавилова. В годы гайдаровских реформ он был ответственным секретарем различных правительственных комиссий: по вопросам кредитной политики, по государственному внешнему долгу и финансовым активам Российской Федерации и др. Везде он проявлял незаурядную активность и выдвигал продуктивные идеи. А. Вавилову принадлежит не только идея, но и организация «черного вторника» (катастрофический обвал курса рубля на торгах ММВБ 11 октября 1994 г.). Что было уже слишком: афера вызвала широкое возмущение общественности. Пришлось А. Вавилову объявить строгий выговор «за допущенную в октябре 1994 г. критическую ситуацию на финансовом рынке, создавшую угрозу экономической безопасности Российской Федерации». «Черный вторник» был знаковым событием – он четко обозначил направление деятельности реформаторов даже для тех, у кого оставались еще какие-то сомнения в задачах «младореформаторов». Знакомство с биографией А. Вавилова вызывает ассоциации со знаменитым героем Ильфа и Петрова – подпольным миллионером А. Корейко. Широкой общественной известности А. Вавилов не имел, он никогда не был министром, только заместителем, никогда не появлялся в массмедиа, всегда предпочитал оставаться в тени.

Да и зачем известность человеку, который с августа 1995 г. визировал от имени Минфина документы по залоговым аукционам, представлявшим собой «самую масштабную и самую быструю передачу государственной собственности в частные руки»[26]. 3 февраля 1997 г. возле здания Минфина был

26. Независимая газета. – 04.02.1997. – С. 4.

взорван автомобиль А. Вавилова. Многие эксперты выразили мнение, что причину взрыва следует искать в деятельности первого заместителя министра финансов: «Цель громкой акции – подтолкнуть если не премьера, то президента к тому, чтобы рассмотреть деятельность Вавилова и в конечном итоге заменить его. Аргументация проста – Вавилов запутался в сомнительных связях. От него пахнет уголовщиной – вот, смотрите, об этом знает вся страна, увидевшая его пострадавший от взрыва автомобиль»[27]. Но его государственный статус неизменно повышается. С марта 2000 г. А. Вавилов председательствует в совете директоров нефтяной компании «Северная нефть». И лишь 29 мая 2001 г. его вызывают в Генпрокуратуру, где следователи сообщают, что против него будет возбуждено уголовное дело. После допроса А. Вавилов был госпитализирован в одну из столичных больниц. «Сведущие люди давно знали о реальных полномочиях замминистра финансов – полномочиях, которые выходят далеко за пределы его формально очерченных функций. Преступники точно знали, кто в министерстве финансов “номер первый”. Первый, конечно же, тот, кто распределяет деньги, а не тот, кто красиво говорит с трибуны или рисует стрелочки на пенсионной карте страны. С представительско-политическими функциями в Минфине прекрасно справляется его номинальный руководитель Александр Лившиц, с денежно-распорядительными – реальный глава этого ведомства Андрей Вавилов – самый богатый чиновник России»[28]. (Ну чем это не «Геркулес» Ильфа и Петрова?) По словам газеты, А. Вавилов прочно занимал вершину теневого рейтинга влиятельности.

Неудивительно, что в 1996 г. – время президентских выборов – казначеем предвыборной кампании президента России Б. Ельцина был назначен именно он. Разумеется, без каких-либо постановлений, так как это было бы грубейшим нарушением законодательства. В мае 2005 г. А. Вавилов был назван журналом «Forbes» в числе 100 самых богатых россиян. Его состояние на тот период было оценено журналом в 580 млн долл. В 2007 г. – уже после кончины Б. Ельцина – суд установил, что А. Вавилов присвоил 231 млн долл., но так как преступление было совершено в 1994 г., то за давностью срока уголовное дело было закрыто с его согласия, но обвинение в хищении 231 млн долл. не было снято. Из-за этого «камикадзе» был вынужден эмигрировать в США, где он теперь проживает в своей вилле под Лос-Анджелесом. Возможно, пишет книгу об успехах российских экономических реформ. О тех самых успехах, о которых не устают повторять его соратники в России.

24 сентября 2011 г., выступая на X съезде партии «Единая Россия» премьер-министр В. Путин подчеркнул «ее (России. – *Авт.*) беспрецедентное разграбление в 1990-е годы. Такого вообще в истории не было – по сути,

27. Коммерсантъ-Daily. – 05.02.1997. – С. 3.
28. Сегодня. – 05.02.1997. – С. 4.

“убили” и промышленность, и сельское хозяйство, и социальную сферу. В самое сердце России вонзили нож гражданской войны, довели до крови на Северном Кавказе, по сути дела, подвели страну к катастрофе, к пропасти»[29].

В 1990-е годы российскому обществу был преподан исторический урок. Волевые качества, уровень образования, организационные способности национальных лидеров – необходимое условие для процветания государства, но недостаточное. Необходим еще и высокий уровень нравственности, ответственности перед обществом и государством. Как декларировалось в недавние коммунистические времена – приоритет общественных интересов над интересами личными. К сожалению, по этому критерию новые реформаторы оказались абсолютно несостоятельными. А если обращаться к «российской специфике», на которую любят ссылаться реформаторы и их окружение, то у «гайдаровской команды» не оказалось ни той морали, ни той мотивации, которая была характерна для Г. Потёмкина, М. Воронцова, Н. Панина, И. Шувалова, Н. Мордвинова, А. Горчакова, Е.Ф. Канкрина, М. Сперанского, М. Рейтерна, П.П. Мельникова, А. Головнина, М. Лорис-Меликова, С. Витте, В. Коковцова, П. Столыпина и многих других реформаторов в истории Российского государства. А главное, нынешние реформаторы в отличие от своих предшественников были лишены чувства идентичности со своей страной.

По этому важнейшему критерию они не представляли элиту своего народа. Это была всего-навсего лишь новая, постсоветская, номенклатура. Будучи лучшей частью народа, элита выражает его интересы, проявляет о нем заботу, стремится к его просвещению. Солидарность элиты со своим народом проявляется, прежде всего, в заинтересованности физическом и нравственном здоровье и благополучии народа. Это историческая закономерность, ибо здесь между целым и его частью существует родовая связь: исчезнет народ – исчезнет и его элита. У номенклатуры нет аналогичных связей с народом, здесь иная природа, иная мотивация, иные отношения. «Ошеломленная от своего неожиданного сверхбогатства, – писал о российской правящей верхушке 1990-х годов А. Солженицын, – эта сплотка корыстных людей бесконечно равнодушных к судьбе подвластного им народа и даже к тому, выживет ли он вообще или нет» [21, с. 25]. Люди, лишенные чувства идентичности со своим народом, если не осмысленного, то хотя бы инстинктивного понимания чаяний своего народа, ощущения кровного единства с ним – не могут проводить благотворные реформы. Сегодня Россия снова перед необходимостью перемен, и вновь определяющую роль будет играть субъективный фактор. Поэтому трагический опыт 1990-х годов должен стать предостережением.

29. Российская газета. – 25.09.2011. – С. 2.

Литература

1. Бергер М. Крест Чубайса. – М., 2008. – 352 с.
2. Бурлацкий Ф. Политическая наука и реальная политика. – М., 2008. – 296 с.
3. Бушуев В. От Ленина к Путину. Заметки о развилках и персонажах российской истории. – М., 2006. – 472 с.
4. Валовой Д. От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. – М., 2007. – 448 с.
5. Валянский С., Калюжный Д. Понять Россию умом. – М., 2002. – 416 с.
6. Гайдар Е. Государство и эволюция. – М., 1995. – 208 с.
7. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., – 248 с.
8. Галкин А. О прошлом и настоящем. – М., 2013. – 224 с.
9. Галковский Дм. Магнит. – Псков, 2004. – 240 с.
10. Гринберг Р. Россия: Экономический успех без развития и демократии? // Россия и современный мир. – М., 2006. – № 1. – С. 5–16.
11. Илларионов А. Трудный путь к свободе. О роли личностей и их мировоззрения в недавней российской истории // Континент. – М., 2010. – № 3 (145).
12. Кейнс Дж. Избранные произведения. – М., 1993. – 560 с.
13. Лихачёв Дм. Раздумья о России. – СПб., 1999. – 672 с.
14. Минкин А. Письма президенту. – М., 2006. – 288 с.
15. Моисеев Н. http://www.yabloko.ru/Union/MMYA/Moiseev/moiseev.html
16. Нечаев А. Реформы Гайдара: Мифы и реальность // Экономическая политика. – М., 2010. – № 2.
17. Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. – М., 2011. – 512 с.
18. Ошо (Бхагаван Шри Раджнеш). Начало начал. – М., 1992. – 296 с.
19. Прусак М. Реформы в провинции. – М., 1999. – 184 с.
20. Симонян Р., Кочегарова Т. О стремительности экономических преобразований и «заслугах» реформаторов // Россия и современный мир. – М., 2013. – № 3. – С. 29–46.
21. Солженицын А. Россия в обвале. – М., 2009. – 208 с.
22. Сэттер Д. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. – М., 2004. – 336 с.
23. Троцкий Л. К истории русской революции. – М., 1990. – 416 с.
24. Черняховский С. От Адама Смита до Милтона Фридмана // Горизонты экономики. – М., 2011. – № 2.
25. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996. – 432 с.
26. Щепоткин В. Пресса выступила. Слово – прокурору // Российская Федерация. – М., 2005. – № 1.

Д.В. Ефременко

НОРМАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА: ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ РАЗВИЛКАХ 1980–1990-х ГОДОВ

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, заместитель директора ИНИОН РАН.

Название этой статьи вдохновлено двумя авторами. Один из них – Владимир Путин, другой – Чарльз Перроу.

Известное путинское высказывание о том, что распад Советского Союза стал «величайшей геополитической катастрофой XX века», на Западе часто интерпретируется как прямое указание на реваншистские устремления российского лидера и его ревизионизм по отношению к существующему мировому порядку [см., например: Aron 2008; Bremmer 2009]. На деле такие интерпретации лишь дезориентируют тех, кто пытается разобраться в приоритетах путинской внутренней и внешней политики. Определение «величайшая», разумеется, было оценочным, адресованным миллионам жителей постсоветских государств, у которых аббревиатура «СССР» вызывает ностальгию. Термин «катастрофа» – дескриптивный. Попытка проанализировать крушение советского государства и коммунистического режима именно в качестве катастрофы может дать заслуживающие внимания результаты.

Книга Чарльза Перроу «Нормальные аварии. Жизнь с технологиями повышенного риска» [Perrow 1984] считается едва ли не пророческой, поскольку ее автор – известный американский специалист по теории риска и социологии организаций – буквально накануне трагедий Бхопала, Чернобыля и «Челленджера» показал, что в сложных технических или организационных системах катастрофические сбои, ведущие к разрушению системы, неизбежны и одновременно непредсказуемы. Дисфункции или сбои на уровне дискретных элементов системы, по отдельности не представляющие для нее серьезной опасности, в какой-то момент вступают друг с другом в резонансное взаимодействие, способное дестабилизировать систему в целом. И в этот момент решающим может стать фактор оператора, который, даже не совер-

шая грубых ошибок (в рамках логики штатного функционирования системы) или успешно справляясь с уже известными техническими проблемами, оказывается неспособным адекватно реагировать на такого рода системные сбои. Иначе говоря, возможность катастрофического саморазрушения изначально атрибутирована любой сложной системе[1], из чего, однако, не следует, что эта возможность обязательно реализуется за предусмотренный проектом срок ее функционирования. Вместе с тем прогнозировать катастрофический системный сбой на основе традиционных методов оценки риска не представляется возможным.

Если буквально проецировать логику Ч. Перроу на советскую коммунистическую систему, то можно сказать, что возможность саморазрушения была заложена в ней точно так же, как и в любой другой сложной системе. Из этого ни в коем случае не следовало, что крах системы должен был произойти именно на рубеже 1980–1990-х годов. Вне всякого сомнения, в начале 1980-х годов советская система переживала стагнацию, но это состояние в принципе могло продолжаться неопределенно долго. Как здесь не вспомнить Э. Гиббона, чей классический труд назывался «История упадка и разрушения Римской империи», причем «упадок и разрушение» по Гиббону охватывали период почти в полтора тысячелетия...

В начале и даже в середине 1980-х годов развитие советской системы по сценарию длительной стагнации / частичной трансформации казалось наиболее вероятным. Советский режим мог двигаться и далее от одной неудачи к другой (а иногда и добиваться отдельных успехов даже на нисходящей фазе своего существования), но система в целом казалась слишком большой и громоздкой, чтобы всерьез можно было поверить в ее скоротечный коллапс. Консервативная логика «too big to fail» ретроспективно кажется несостоятельной в отношении СССР периода перестройки, но поведение ответственных политических лидеров (например, Дж. Буша-старшего), которые ее придерживались почти до самого конца страны Советов, представляется абсолютно обоснованным.

Начиная с 1985 г. Советский Союз на протяжении короткого отрезка времени преодолел несколько исторических развилок, причем преодолел их та-

1. Д. Фурман, имея в виду крах советской и ей подобных социально-политических систем, отмечает следующее: «летальный кризис всегда “подкрадывается незаметно” – его неожиданность имманентна системам, в которых нет обратной связи власти и общества, где в избытке поступают сигналы об опасностях нереальных, но не поступают сигналы об опасностях реальных» [Фурман, 2010, с. 154]. Следует отметить, однако, что обратная связь власти и общества является значимым фактором устойчивости, но никак не гарантией бессмертия той или иной сложной социальной системы.

ким образом, что наступление разрушительного системного сбоя стало необратимым. Анализ этих развилок предполагает комплексную реконструкцию как внутрисистемных факторов будущей катастрофы, так и роли оператора. Данная статья ни в коей мере не претендует на осуществление подобной полноценной реконструкции. Скорее, речь идет об эскизном наброске нескольких аргументов для дискуссии о позднесоветских и ранних постсоветских исторических развилках.

Прелюдия

Волну массовых ожиданий больших перемен породила уже первая в 1980-х годах смена власти, когда во главе партийного и государственного руководства оказался Ю.В. Андропов. Эти ожидания едва ли можно назвать ожиданиями либерализации режима; скорее, то были разнонаправленные устремления, общим знаменателем которых была неудовлетворенность в самых разных слоях общества status-quo брежневской эпохи. Первые шаги Андропова – весьма ограниченные по масштабам чистки в среде номенклатуры, отдельные громкие отставки и кампания по «укреплению дисциплины» и «наведению порядка», не слишком проясняли суть программы нового лидера, но, очевидно, вполне отвечали общественному настрою. Сегодня можно только гадать, была ли вообще у Андропова продуманная программа преобразований. Но он, несомненно, лучше чем кто бы то ни было в Советском Союзе начала 1980-х годов видел те узлы коммунистической системы, дисфункция которых может привести к ее крушению. Свидетельство А.И. Вольского, согласно которому Юрий Андропов вынашивал план ликвидации деления СССР на национальные республики [Вольский 2006], показывает, что преемник Леонида Брежнева был глубоко озабочен наличием встроенного в систему механизма ее саморазрушения. Механизм этот был далеко не единственным, но вполне логично, что казавшийся многим фиктивным принцип договорной федерации, вызывал у Андропова наибольшее беспокойство. Другой вопрос, что время для попытки ликвидации деления СССР на 15 национальных республик к началу 1980-х годов, скорее всего, уже было упущено. Без радикального и долгосрочного ужесточения режима осуществление такой попытки могло бы закончиться системной катастрофой.

О понимании Андроповым многих системных угроз и о том, что у него нет глубоко проработанной программы их преодоления, свидетельствовало и беспрецедентное признание генсека на июньском (1983) пленуме ЦК: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, неполностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и

ошибок» [Андропов 1983, с. 245]. Судя по всему, огромный объем информации, которым обладал бывший руководитель КГБ, позволял ему реалистично оценить, насколько не соответствуют масштабам социальных и национальных проблем существующее экспертное знание и те теоретические конструкции, которыми оперируют советские обществоведы. Появившийся в апреле 1983 г. так называемый Новосибирский манифест – полузакрытый доклад Т.И. Заславской «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии» [Zaslavskaya 1989, с. 158–184], в котором, кстати, уже присутствовало и слово «перестройка», вполне может рассматриваться как теоретический прорыв, еще более подчеркивающий, однако, ограниченность экспертного обеспечения намечавшихся преобразований. Слабая экспертная проработка и инкрементализм отличали и большинство политических решений второй половины 1980-х годов, которые в конечном счете перевели Советский Союз в режим системной катастрофы.

Прелюдия перестройки не продлилась и двух с половиной лет. За это время не было принято значимых политических решений, способных укрепить либо дестабилизировать систему, но нарастающие ожидания изменений сами по себе служили мощным фактором последующей дестабилизации. Эти ожидания лишь усилились за время пребывания у власти К.У. Черненко, которое воспринималось большинством как своеобразная необрежневизация. Сменивший Черненко Михаил Горбачёв сумел благодаря массовым ожиданиям перемен добиться высокого уровня популярности и существенно укрепить свои позиции в первые полтора-два года после избрания генеральным секретарем ЦК КПСС. Он же затем превратился в заложника этих ожиданий.

«Ускорение» и первые системные сбои

Как известно, лозунг перестройки был взят на вооружение М.С. Горбачёвым далеко не сразу. В апреле 1985 г. новый советский лидер на пленуме ЦК КПСС провозгласил курс на ускорение социального и экономического развития, т.е. сделал ставку на мобилизацию внутренних ресурсов системы, прежде всего за счет технологической модернизации и опережающих инвестиций в машиностроение. О фундаментальных реформах советской политико-экономической модели речь не шла – доминирующим был дискурс повышения эффективности и качества управления; о запуске механизмов материального стимулирования труда и ограниченной децентрализации управления Горбачёв начал говорить лишь через несколько месяцев (в частности, на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г.). Однако попытка вывести на новые обороты стагнирующую систему означала резкий рост внутреннего напряжения и усиление уже существовавших диспропорций. Так, в частности, инвестиционная накачка машиностроения и массированный импорт оборудования

для этих отраслей привели к резкому росту бюджетного и товарного дефицитов, быстрому увеличению иностранной задолженности. При этом, однако, не находило разрешения одно из фундаментальных противоречий – недостаток рабочей силы по сравнению имеющимся количеством рабочих мест, следствием чего становились общее снижение эффективности позднесоветской экономики и затухающие темпы ее роста.

В отличие от вложений в сельскохозяйственное производство и пищевую промышленность, ставка на машиностроение не могла дать никакого краткосрочного эффекта с точки зрения массовых ожиданий. Напротив, гражданам Советского Союза следовало смириться с перспективой дальнейшего роста товарного голода. В этом отношении ресурс массовой поддержки растрачивался Горбачёвым наименее эффективным образом.

Еще одним политическим решением, способствовавшим системной дестабилизации, стала антиалкогольная кампания, развернутая в мае 1985 г. Эта кампания дала ряд краткосрочных позитивных эффектов в социальной сфере и демографии, в частности, привела к росту продолжительности жизни мужчин, непродолжительному сокращению смертности и снижению бытовой преступности [Халтурина, Коротаев 2006; Николаев 2008], но уже в 1986 г. серьезно разбалансировала союзный бюджет и спровоцировала рост теневой экономики. Если учесть, что за первый год пребывания Горбачёва у власти цены на нефть упали почти вдвое, а военные расходы неуклонно увеличивались, то станет ясно, что синергия всех этих процессов создала серьезнейшую перегрузку для советской экономики[2]. Правда, в период между 1986 и 1991 гг. конъюнктура нефтяных цен несколько изменилась в более благоприятном для экспортно ориентированной экономики СССР направлении, а серия советско-американских соглашений по контролю, ограничению и сокращению ядерных и конвенциональных вооружений к началу 1990-х годов создала условия для снижения бремени военных расходов.

Поистине шоковым ударом, потребовавшим мобилизации огромных человеческих и материальных ресурсов, стала Чернобыльская катастрофа. Достаточно сказать, что в ликвидации последствий аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС участвовали более 600 тыс. человек, а экономический ущерб только за годы перестройки превысил 15 млрд долл. [Chernobyl's Legacy 2006]. Однако связь между крупнейшей техногенной катастрофой и крушением Советского Союза далеко не исчерпывается социально-экономическими эффектами Чернобыля.

2. По оценке Н.И. Рыжкова, общий финансовый ущерб от антиалкогольной кампании составил 67 млрд руб. [Рыжков 1995, с. 101].

Характерную оценку сути Чернобыльской катастрофы дал один из видных деятелей польской «Солидарности» Адам Михник: «Польская забастовка в августе 1980 года была организована людьми, поляками. В Советском Союзе на наших глазах начинают бастовать неодушевленные объекты» [Доббс 2011, с. 95]. В этом суждении есть явная политическая передержка, но несомненно также, что Чернобыль – это очень советская история. Чарльз Перроу показал «встроенность» катастрофического исхода в дизайн сложных социотехнических систем и, по сути, на уровне внутрисистемных связей и связей «оператор – система» описал сценарий будущей трагедии. Однако конкретные обстоятельства – начиная с конструктивных особенностей реактора РБМК-1000 и проектных характеристик ЧАЭС и заканчивая действиями управляющего персонала – отражали характерные особенности советской технической и управленческой культуры. Более того, четкое разграничение технического и социального далеко не всегда возможно или оправданно. Весь «единый народно-хозяйственный комплекс СССР» уместно рассматривать как особую техносферу, включавшую в себя наряду с техническими объектами, инфраструктурой обслуживания и персоналом, также институты управления, планирования и координации, процесс принятия решений, за которыми в свою очередь стояли специфические политико-экономические интересы, идеологические и ценностные установки. Распад СССР означал не исчезновение, но дезинтеграцию и фрагментацию этой техносферы, разрыв институциональных и хозяйственных связей, необходимость крайне болезненного приспособления к новым экономическим и политическим условиям.

Ликвидация последствий Чернобыльской катастрофы стала, по сути, последним успехом советской мобилизационной социально-политической модели. Экстренная мобилизация ресурсов всей страны для ликвидации последствий Чернобыля обнаружила множество уязвимых мест, но система в целом все еще была в состоянии справляться с вызовами такого масштаба. Можно только гадать о размерах бедствия, если бы подобная авария на атомном реакторе произошла не в 1986 г., а спустя пять или шесть лет.

Социально-психологические последствия катастрофы 26 апреля 1986 г. обычно называют «чернобыльским синдромом», причем речь, как правило, идет о массовом восприятии техногогенных угроз и о реакции людей на информационные потоки, связанные с этими угрозами. Осознание просчетов в информационном сопровождении мер по ликвидации аварии на ЧАЭС, очевидно, послужило одним из стимулов к большей информационной открытости советской системы. Однако комплексные социально-политические эффекты Чернобыля еще ждут своего анализа. Один из них – до сих пор малоизученный – связан с резонансом требований экологической безопасности и подъема национализма в ряде союзных республик. «Чернобыльский синдром» трансформировался в этих республиках в «эконационализм»

[Dawson 1996], создавший условия для появления общественных движений, которые теснейшим образом увязывали задачи охраны окружающей среды с национальными целями – достижением государственной независимости либо полноценного суверенитета в составе СССР.

В случае эконационализма следует отличать причину от повода. Нет никаких оснований утверждать, что мощный подъем сепаратизма в балтийских республиках был вызван реакцией населения на экологические последствия Чернобыля. Но еще в доперестроечные времена выступления в защиту окружающей среды, наряду с движением за охрану памятников истории и культуры, оставались в национальных республиках СССР одним из немногих легальных, пусть и весьма ограниченных, способов оппонирования жесткой централизации и партийному диктату. В 1986–1987 гг. демонстрация обеспокоенности угрозами «мирного атома» давала возможность подчеркнуть глубокое несоответствие между интересами местного населения и политикой союзного центра по размещению производительных сил. В Литве, например, внимание общественности, заинтересованной в экологической проблематике, было, прежде всего, сосредоточено на работе Игналинской атомной электростанции. Лидеры экологического движения указывали на то, что повторение аварии на АЭС, сопоставимой с Чернобылем, будет означать для литовцев национальную катастрофу. Общественный клуб, возглавляемый сотрудником Института физики Литовской академии наук З. Вайшвилой, предпринял исследование вопросов безопасности на АЭС, и весной-летом 1988 г. провел ряд митингов, пресс-конференций и открытых слушаний, получивших широкий общественный резонанс. Вместе с тем в эту дискуссию был привнесен национальный момент, связанный с тем, что обслуживающий персонал АЭС состоял преимущественно из нелитовцев, ранее работавших на других объектах атомной энергетики СССР. В частности, указывалось на неблагополучие в г. Снечкус, основную часть населения которого составляли работники Игналинской АЭС. Этот фактор в интерпретации некоторых представителей литовского экологического движения рассматривался как дополнительная причина для беспокойства и недоверия.

В середине 1988 г. большинство участников литовских экологических групп активно включились в работу Литовского движения за перестройку («Саюдис»), целью которого стало восстановление государственной независимости. В рамках достижения этой цели экологическая проблематика, включая вопросы функционирования Игналинской АЭС, стала одним из важных направлений активности «Саюдиса». В программном документе «Саюдиса», подготовленном к выборам депутатов в новый парламент СССР в марте 1989 г., экологические требования были сформулированы следующим образом:

«1. Экологическое положение в Литве особенно ухудшилось за последние десятилетия, когда Республика стала объектом хищнических интересов московских ведомств.

2. Расширение хозяйственной деятельности, не оправданное экономически, энергетически, демографически, с каждым годом все губительнее изменяет и отравляет природу, разрушает здоровье и жизнь народа, нарушает его генетический код.

3. Экологическое положение в Литве можно улучшить лишь с приобретением правового и политического суверенитета. Исключительной собственностью Республики необходимо объявить ее землю, недра, воды, морской шельф, леса, атмосферу, природные ресурсы.

4. При решении проблем окружающей среды необходима полная гласность.

5. Государственные природоохранные органы должны стать подведомственны не исполнительной власти, но Верховному Совету Республики.

6. Лозунг "Чистая природа – сильный Народ" должен быть претворен в жизнь» [цит. по: Ефремов 1990, с. 294].

Следует подчеркнуть, что соединение сепаратистских устремлений с экологическими лозунгами в ретроспективе событий периода перестройки выглядит как частный эпизод, как несколько новых штрихов к картине обвала сверхдержавы. Тем не менее понятно, что феномен эконационализма стал следствием угрожающего взаимоусиления процессов, каждый из которых уже являлся вызовом для системы. Одновременно эконационализм можно рассматривать и как признак того, что дестабилизация системы достигла нового качества, что катастрофическая развязка перестает быть просто одним из возможных сценариев, и что цена усилий, необходимых для ее предотвращения, может оказаться сопоставимой с социальной, политической и экономической ценой самой катастрофы.

Открывая ящик Пандоры

Первая и решающая историческая развилка периода перестройки может быть уверенно датирована рубежом 1986–1987 гг. К этому моменту стало очевидно, что стратегия преобразований в версии «ускорения» глубоко забуксовала. Первоначальный импульс был практически исчерпан, а массовые ожидания неопределенных положительных изменений вот-вот могли трансформироваться в глубокое разочарование новым лидером и его риторикой. Михаил Горбачёв, по всей видимости, отчетливо ощущал, что номенклатурная вертикаль – не столько эффективный инструмент его политики, сколько ограничитель. В свою очередь, представители нижнего и среднего слоев партийной и государственной номенклатуры, на первых порах испытывавшие

энтузиазм не столько по поводу риторики Горбачёва, сколько в связи с перспективами карьерного продвижения, за полтора года убедились, что реальные проблемы, с которыми им приходится иметь дело, накапливаются как снежный ком, а московское руководство все чаще оставляет их с этими проблемами один на один.

Понимая необходимость серьезной коррекции курса, Горбачёв и его ближайшее окружение явно недооценивали серьезность экономического положения. По оценке Е.Т. Гайдара, союзное руководство стало осознавать взаимосвязь расстройства финансовой системы, денежного обращения и нарастания дефицита товаров на потребительском рынке лишь в конце 1988 г., т.е. в тот момент, когда финансы и потребительский рынок страны были фактически развалены [Гайдар 2006, с. 192]. Здесь, очевидно, сыграли свою роль неудовлетворительность экспертного обеспечения процесса принятия политических решений, ригидность системы и самоуверенность самого Горбачёва.

Иначе говоря, находясь перед исторической развилкой 1986–1987 гг. Михаил Горбачёв видел ее общие очертания, но явно не отдавал себе отчета в цене предстоящего политического выбора. По сути дела, это была последняя возможность перевести реформы на китайский путь. Конечно, различия в социальной структуре, уровнях индустриального развития и урбанизации, квалификации и стоимости рабочей силы не позволяли в СССР детально копировать реформы Дэн Сяопина. Однако их общий принцип – переход к рыночной экономике при сохранении жесткого политического контроля со стороны правящей коммунистической партии – вполне мог быть реализован в конкретных исторических обстоятельствах начала 1987 г. Разумеется, в качестве первого шага следовало снизить нагрузку на экономику, связанную с инвестициями в машиностроение и антиалкогольной кампанией, т.е. дезавуировать основные меры, инициированные Горбачёвым в первые месяцы после прихода к власти. Однако сам Горбачёв едва ли был способен пойти на такой шаг. К тому же признание правильности пути, по которому идут китайские коммунисты, было маловероятным в условиях, когда межгосударственные отношения СССР / КНР и межпартийные отношения КПСС / КПК еще не были нормализованы.

С подачи А.Н. Яковлева [Яковлев, 2008, с. 63–69] Горбачёв сделал выбор в пользу первоочередности политических преобразований. Январский (1987) пленум ЦК КПСС, посвященный кадровым вопросам, зафиксировал этот выбор. Использовав в докладе на январском пленуме термин «механизм торможения», Горбачёв фактически возложил ответственность за неудачи первого этапа перестройки на партийно-советскую номенклатуру. Намеченные на пленуме перетряска кадров на всех уровнях номенклатурной иерархии, внедрение альтернативности при избрании кандидатов в партийные и советские органы, «демократизация общественной жизни» [Горбачёв 1987] стали

рассматриваться не только как шаги в сторону политических изменений, но и как инструменты решения экономических задач. При этом, стремясь рекрутировать в правящую корпорацию новых людей и повысить ее внутреннюю кадровую мобильность, Горбачёв фактически вел дело к дестабилизации опорного каркаса системы в целом. Следствием принятых решений становились снижение сплоченности номенклатуры, ее дифференциация и оформление внутрипартийных течений.

Радикализация процессов, запущенных на январском пленуме, стала возможной благодаря политике гласности. Сегодня, возвращаясь к событиям четвертьвековой давности, нельзя не признать, что достигнутая благодаря горбачёвской гласности свобода интеллектуального поиска и самовыражения является величайшим завоеванием, которое сохраняется даже в условиях консолидации во многих постсоветских государствах авторитарных и полуавторитарных режимов. Однако для прежней советской системы именно гласность сделала катастрофическую динамику необратимой[3]. В этом смысле можно согласиться с тезисом М.Я. Геллера о том, что эпоха Горбачёва была «победой гласности и поражением перестройки» [Геллер 1997].

В 1987–1989 гг. с каждым свежим номером «Московских новостей» или «Огонька» происходило растабуирование проблем исторического прошлого и настоящего, а миллионы читателей начинали осознавать, что происходит не просто расширение «сферы дозволенного», но что в рамках системы либо по отношению к ней становится возможной принципиально иная модель социального поведения. Эффект был поистине опустошительным: не успевали умеренные сторонники системных трансформаций выстроить оборону под лозунгом возвращения к чистоте «ленинских идеалов социализма», как информационный вал с легкостью сметал этот редут. Многие из тех, кто еще в 1987 г. верил в возможность «демократического социализма», к 1989–1990 гг. превратились в убежденных антикоммунистов. Привнесение в общественно-политический дискурс моральных категорий и их использование для оценки политического режима вели к десакрализации и демонизации «отягощенной злом» системы.

Гласность радикально ускорила структурирование публичного пространства, она выступила в качестве катализатора процессов, которые впервые начали развертываться еще во времена хрущёвской «оттепели». В 1987–1990 гг. редакции газет и журналов представляли собой подобия политических партий, а дискурсы доперестроечной диссидентской среды мультиплицирова-

3. Здесь стоит привести характерное высказывание В.В. Игрунова, в тот период активно участвовавшего в развитии неформального движения в СССР: «Мне стало ясно, что катастрофа неизбежна, когда было объявлено об отмене предварительной цензуры» [Игрунов 2012, с. 149].

лись и наполнялись новыми смыслами благодаря появлению множества возможностей формальной и неформальной коммуникации.

Политическая поляризация охватила не только интеллигенцию и тот социальный слой, который с известной долей условности можно назвать советским городским средним классом, но и (с незначительным временны́м лагом) правящую номенклатурную корпорацию. Серьезные разногласия в высшем руководстве отчетливо проявились накануне июньского (1987) пленума ЦК КПСС [Горбачёв 1995, с. 348–359], но моментом начала полномасштабной поляризации стал демарш Б.Н. Ельцина в октябре 1987 г. Фактически Ельцин спровоцировал внутрипартийный кризис; его незапланированное выступление на Октябрьском пленуме стало первым случаем в правление Горбачёва, когда политическая повестка определялась не генсеком. Сам демарш был весьма симптоматичным: «посаженный» на Москву амбициозный провинциал за короткие два года сумел популистской риторикой и решительной кадровой перетряской привлечь к своей активности внимание не только столичных жителей; затем, однако, Ельцин отчетливо осознал невозможность добиться радикальных перемен в рамках существующей системы. Он мог пойти по пути укрепления коалиции с другими сторонниками радикальных реформ внутри партии (а они вплоть до запрета КПСС оставались недостаточно консолидированной группой), и таким образом усиливать давление на Горбачёва. Однако феноменальная политическая интуиция, которой обладал Ельцин, побудила его пойти по пути внутрисистемного бунта, сделать предельно рискованную ставку, которая, в конце концов, принесла ему баснословный выигрыш.

Политическая опала не стала для Ельцина политической смертью; довольно быстро он начал превращаться в центр притяжения как для наиболее радикальных сторонников реформ внутри партии, так и для формирующейся антикоммунистической оппозиции. Горбачёв с этого момента перестал быть фигурой, обеспечивающей консолидацию партии и общества. Он стал олицетворением центристской позиции, причем центристской не в смысле продуманной политической программы, а в смысле дистанцирования от политических крайностей. С конца 1987 г. его база поддержки и свобода политического маневра неуклонно сокращались. Однако на первых порах основные группировки внутри высшего руководства продолжали вести борьбу «за Горбачёва». Консервативная группировка ожидала, что после «казуса Ельцина» Горбачёв наконец-то «опомнится» и даст «задний ход». Когда выяснилось, что Горбачёв не решается окончательно отмежеваться от радикалов, консерваторы предприняли попытку подтолкнуть генсека к выбору ретроградного курса, организовав публикацию статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» («Советская Россия», 13 марта 1988 г.) и скоротечную кампанию поддержки сформулированной в этой статье программы. Горбачёв, осознавая, что для него уже слишком поздно возглавлять кампанию

свертывания им же начатых преобразований, предпочел на сей раз отмежеваться от Е. Лигачёва и других консерваторов. Ослабление позиций консерваторов продолжилось на XIX партконференции (28 июня – 1 июля 1988 г.). Но теперь каждая такая победа Горбачёва обеспечивалась тактическим маневрированием, формированием неустойчивых коалиций с представителями то одной, то другой группировки.

Сделав выбор в пользу первичности политических преобразований, Горбачёв не просто отодвинул на второй план экономическую реформу. Начиная с 1987 г. каждый новый шаг в сторону рыночной экономики оказывался осложнен необходимостью «вписываться» в быстро меняющийся политический контекст, а ожидаемый политический эффект от намечаемых экономических мероприятий поначалу побуждал Горбачёва и его окружение выбирать из возможных решений те, которые казались наименее рискованными и наиболее «проходимыми» через Политбюро и партийные пленумы. В результате экономические мероприятия даже после июньского (1987) пленума ЦК КПСС, посвященного экономической реформе, представляли собой набор паллиативных мер, осуществляемых избирательно и вне четкой последовательности. В таком виде эти меры приводили к дальнейшему усилению экономических и социальных диспропорций, к углублению общего кризиса системы. Замена директивного планирования на индикативное, расширение экономической самостоятельности союзных республик, перевод предприятий на хозрасчет и самофинансирование, выборность их директоров, снятие ограничений на рост заработной платы представляли собой набор действий, подрывающих основы функционирования командно-административной экономики, но не приводящих к запуску новой хозяйственной модели и – тем более – к достижению макроэкономической стабильности. В частности, заимствованная из опыта титовской Югославии практика выборности руководителей предприятий обернулась тем, что к руководству предприятиями стали приходить некомпетентные люди или авантюристы, сумевшие заручиться поддержкой трудового коллектива благодаря демагогии и малореалистичным обещаниям. Эти производственные руководители новой генерации, как правило, начинали свою деятельность с безудержного раздувания фонда заработной платы, под которое не было никакого дополнительного товарного обеспечения. В условиях кадровой чехарды расшатывалась и без того невысокая производственная дисциплина. Происходившее одновременно расширение финансово-хозяйственной самостоятельности предприятий создавало условия для серьезных злоупотреблений, а в первые годы после краха СССР – для перевода активов под полный контроль директоров или стоящих за ними групп (зачастую, криминальных).

В числе экономических мероприятий периода перестройки наиболее «рыночным» принято считать Закон «О кооперации», принятый 26 мая

1988 г. [см., например: Ясин 2002, с. 208]. Однако рамочные условия для развития этой формы предпринимательства определялись не только и даже не столько данным законом, сколько ранее принятым решением о прогрессивном налогообложении кооперативов. Статистические данные о росте кооперативного движения в последние годы перестройки, безусловно, впечатляют: на 1 января 1988 г. в СССР действовало 13,9 тыс. кооперативов, а на 1 января 1990 г. – 193 тыс.; численность работников выросла со 156 тыс. человек в 1988 г. до 4,9 млн человек – в 1990 г.; объем продукции в годовом исчислении в ценах тех лет вырос с 350 млн до 40,4 млрд руб.; в объеме ВНП доля кооперативов в 1988 г. составляла менее 1%, а в 1989 г. – уже 4,4% [Трудный поворот к рынку, 1990, с. 184]. Но необходимо учитывать, что 80% кооперативов были созданы при государственных предприятиях и фактически служили легальным каналом вывода ресурсов этих предприятий.

Экспансия кооперативов как никакая другая экономическая мера горбачёвского руководства способствовала разложению госсектора. В этом смысле данные о росте объема продукции кооперативов коррелируются с показателями спада производства в госсекторе, разумеется с поправкой на схемы «оптимизации» налоговой нагрузки за счет сокрытия прибыли кооперативов. Уход от налогов, доступ к дефицитным фондам снабжения, проводка через кооперативы сбыта продукции госпредприятий становились возможными благодаря формированию коррупционного симбиоза между кооператорами, менеджментом госпредприятий, местной партийно-государственной номенклатурой, чиновниками отраслевых министерств, представителями правоохранительных органов и криминальными структурами. По сути, в нерыночной системе появилось множество квазирыночных акторов, которые начали использовать множественные ее прорехи и законодательные лакуны для достижения максимальной прибыли. Эти акторы процветали на разложении старой, иерархически организованной командно-административной системы, но для становления новой, рыночной системы давали минимум – в лучшем случае стартовый капитал, специфический опыт и связи, необходимые для достижения прибыли в условиях распада советского государственного сектора и получения доступа к его самым лакомым кускам. Зато благодаря такого рода связям можно было обеспечить воспроизводство в качественно новых условиях связки «власть / собственность», освободив ее от политико-идеологических ограничений советской эпохи. Именно это и произошло впоследствии в результате осуществления гайдаровских реформ.

1987–1988 гг. можно считать решающими для судьбы СССР в том смысле, что в этот период были одновременно активированы несколько мощных механизмов ее разрушения – ликвидация идеологической монополии и цензуры, ослабление внутреннего единства КПСС и появление возможностей прихода в структуры власти людей, позиционирующих себя в качестве оппо-

нентов режима, эрозия плановой экономики, подъем сепаратизма в ряде союзных республик и использование его активистами легальных способов борьбы за национальное самоопределение и независимость. Происходило взаимное усилие этих разрушительных процессов, нагрузки на систему возрастали с каждым месяцем. В то же время количество людей, социальных слоев и элитарных групп, продолжающих связывать свою судьбу со старым режимом, начало быстро сокращаться. И, напротив, множились ряды тех, кто в силу различных мотиваций – нравственных, идеологических, карьерных, националистических или материальных, – был заинтересован в крахе системы. Абсолютным же было большинство людей дезориентированных, смутно осознающих угрозу гибели коммунистического государства и связанного с ним привычного образа жизни, но уже не способных встать на их защиту.

Синергия дестабилизирующих процессов, в конце концов, достигла той стадии, когда негативные последствия любой попытки спасения системы с использованием насильственных методов начали перевешивать последствия самой системной катастрофы. «Откровением» в этом смысле для очень многих в Советском Союзе и за его пределами стал I съезд народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.).

Чрезвычайно усложненный дизайн новых представительных органов власти СССР, формировавшихся по смешанному принципу (территориальные округа, национально-территориальные округа и квотированное представительство общественных организаций), очевидно, был задуман для того, чтобы гарантировать контроль со стороны партийного руководства. Такой контроль, в самом деле, был обеспечен, но с течением времени стало понятно, что двухуровневая модель «Съезд народных депутатов / Верховный Совет СССР» не столько гарантирует в быстро изменяющихся политических условиях всевластие КПСС, сколько способствует дисперсии властного ресурса. Ни съезд, ни Верховный Совет не становились самостоятельными центрами политического влияния, но при этом они вносили вклад в ослабление КПСС как монопольного центра принятия ключевых политических решений. Двухуровневая модель законодательной власти придавала съезду как политическому институту своеобразный ореол экстраординарности, а практика прямой теле- и радиотрансляции заседаний превращала это событие (по крайней мере, I съезд народных депутатов СССР) в идеальный информационный шторм. Медийный эффект прямых трансляций I съезда многократно превзошел те ожидания, которые связывали с реформой законодательной власти ее авторы. На потрясенную аудиторию советских массмедиа прямые трансляции обрушили целый вал тем, каждая из которых по отдельности была способна спровоцировать если не политический кризис, то острейшие дебаты. Американский журналист М. Доббс метко сравнил I съезд с вавилонским столпотворением [Доббс, 2011, с. 96], имея в виду известное предвидение маркиза

де Кюстина: «…народы немотствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого народа, и изумленному миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение» [Кюстин 1990, с. 167].

Именно на I съезде народных депутатов СССР по-настоящему «встретились» поднимающиеся националистические и сепаратистские движения союзных республик и народившаяся оппозиция коммунистическому режиму. По сути дела, между ними на съезде был заключен тактический союз, хотя народные депутаты от балтийских республик – наиболее сплоченная и организованная фракция противников единого союзного государства – подчеркнуто воздерживались от формального объединения с оппонентами режима, представлявшими «метрополию» (исключение было сделано только на индивидуальном уровне: эстонский депутат В.А. Пальм стал одним из пяти сопредседателей Межрегиональной депутатской группы наряду с Ю.Н. Афанасьевым, Б.Н. Ельциным, Г.Х. Поповым и А.Д. Сахаровым). Этот союз, влияние которого на распад СССР еще остается недооцененным, сохранялся вплоть до признания Москвой независимости Латвии, Литвы и Эстонии в сентябре 1991 г. Ясно также, что балтийская тактика борьбы за суверенитет, реализация которой предшествовала принятию Актов о восстановлении независимости балтийских государств, была с известными коррективами использована «Демократической Россией» для установления контроля над Верховным Советом РСФСР и избрания Б. Ельцина его председателем в мае 1990 г. А с принятием 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР была активирована последняя мина под единство союзного государства.

Coup d'état в несколько дублей

В сущности, уже в 1989 г. историческая развилка состояла в следующем: катастрофа всей системы или «редукция сложности» за счет сокращения сферы контроля. Первым шагом по пути сокращения сферы влияния СССР, получившим почти полную поддержку во всех слоях советского общества, стал вывод войск из Афганистана в 1988–1989 гг. По сути, это означало признание провала афганской авантюры брежневского Политбюро, хотя просоветский режим Наджибуллы сумел после вывода войск продержаться у власти в Кабуле еще три года. В конце 1980-х годов были сделаны решающие шаги к урегулированию региональных конфликтов в Кампучии (Камбодже) и Никарагуа; значительно сблизились позиции сверхдержав в отношении урегулирования конфликтов в Анголе и Мозамбике. Фактический отказ от советской

сферы влияния в странах третьего мира создавал возможность сокращения нагрузки на систему, которое, впрочем, уже было не способно перекрыть совокупное действие внутренних факторов дестабилизации.

Падение берлинской стены и «бархатные революции» в странах Восточной Европы стали для горбачёвского руководства серьезнейшим испытанием, поскольку в этом случае речь шла об утрате основных геополитических результатов победы СССР во Второй мировой войне. Попытка силового подавления «бархатных революций» за пределами СССР автоматически привела бы к запуску сценария внутреннего переворота. Даже если бы Горбачёв решился возглавить этот переворот, он, в конце концов, неизбежно стал его жертвой. Однако и оппоненты Горбачёва в высшем руководстве, очевидно, осознавали, что у Советского Союза уже не хватит возможностей и ресурсов для удержания контроля над Восточной Европой. Они предпочли, чтобы вся ответственность за геополитическое отступление легла на незадачливого реформатора. Развитие событий в Восточной Европе продемонстрировало многообразие вариантов крушения коммунистических режимов – от польской модели «круглого стола» до кровавого антикоммунистического восстания в Румынии. Пугающая перспектива краха режима способствовала консолидации консервативных сил внутри КПСС, причем именно Горбачёв превратился в основной объект их атак (на последнем в истории пленуме ЦК КПСС в апреле 1991 г. эти атаки едва не завершились смещением Горбачёва с поста Генерального секретаря).

Геополитическое отступление СССР из Восточной Европы послужило вдохновляющим примером для сепаратистских движений и антикоммунистической оппозиции. Поэтому выдвижение новых идей «редукции сложности» системы имело большой резонанс. Во всяком случае, едва ли было случайностью, что эссе А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» было опубликовано 18 сентября 1990 г. тиражом 28 млн экз. Программа Солженицына была радикальной: спасать не систему, а единство исторической России (в составе тогдашней РСФСР, Белоруссии, Украины и Казахстана), причем спасать за счет ампутации остальных 11 союзных республик:

«Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови – да и *не надо* удерживать такой ценой! Как у нас все теперь поколесилось – так все равно “Советский Социалистический” развалится, *всё равно*! – и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только – поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, четко объявить: три прибалтийских республики, три закавказских республики, четыре среднеазиатских, да и

Молдавия, если ее к Румынии больше тянет, эти одиннадцать – да! – непременно и бесповоротно будут отделены» [Солженицын 1990, с. 2].

Несмотря на активное обсуждение, программа Солженицына не обрела поддержки влиятельных политических акторов, способных противопоставить ее цепной реакции распада советского национально-государственного устройства. Для реализации программы в предложенном Солженицыным варианте не оказалось ни правовых механизмов, ни – главное – политической воли. Однако начало в апреле 1991 г. переговоров между Центром и руководством большинства союзных республик о подготовке нового союзного договора фактически могло привести к той же самой ампутации нескольких республик, лидеры и большинство избирателей которых настаивали на достижении полной независимости от Москвы. По всей видимости, такой результат мог позволить затормозить или даже остановить процесс распада основного территориального массива СССР хотя бы в силу устранения балтийского сепаратизма, который стал играть дестабилизирующую роль в масштабе, далеко выходящем за пределы Литвы, Латвии и Эстонии.

Следует подчеркнуть, что именно такое развитие событий представлялось наиболее вероятным в период между 23 апреля, когда в Ново-Огарево было принято совместное заявление М.С. Горбачёва и глав девяти союзных республик о подготовке нового союзного договора, и 19 августа 1991 г., ознаменованным отстранением Горбачёва и провозглашением ГКЧП. Неудачная попытка государственного переворота перечеркнула всякую возможность трансформационного варианта сохранения государственного единства большинства союзных республик. Однако само выступление ГКЧП можно рассматривать как последнюю из нескольких попыток переворота, призванного остановить насильственным путем процессы катастрофического распада советской системы.

Начиная с алма-атинских событий в декабре 1986 г. горбачёвскому руководству все чаще приходилось использовать силу для подавления массовых беспорядков, вызванных подъемом национализма и межэтнической рознью. Насильственный разгон митинга в Тбилиси 9 апреля 1989 г. сопровождался человеческими жертвами; изучение причин и обстоятельств этой трагедии комиссией Съезда народных депутатов СССР во главе с А.А. Собчаком стало первым случаем гражданского расследования действий армии и силовых структур. Одновременно это расследование стало прецедентом ухода от ответственности Горбачёва и других союзных руководителей, переложивших всю вину за гибель людей на армию и местные власти. С этого момента появился и начал быстро увеличиваться зазор между силовыми структурами и высшим политическим руководством.

Карабахский конфликт был ознаменован не только наиболее длительными и кровопролитными межэтническими столкновениями, но и осуществле-

нием войсковых операций, введением различных форм особого управления территориями и чрезвычайного положения. Трагической кульминацией межэтнического конфликта в Закавказье стал бакинский «черный январь» 1990 г., когда при помощи армейских войсковых соединений, спецподразделений МВД и КГБ было осуществлено восстановление советской власти в азербайджанской столице. Несмотря на общую дестабилизирующую роль межэтнических конфликтов, союзные силовые структуры накапливали в их ходе опыт «наведения порядка», который в дальнейшем мог быть использован и для силового подавления протестов в Москве и крупных городах России. В апреле 1990 г., с принятием закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», под этот опыт была подведена юридическая база.

Согласно имеющимся свидетельствам [см., например: Альбац 1992, с. 247–248; Бобков 2006, с. 46–47], осенью 1990 г. центральным руководством было принято политическое решение о «наведении порядка» в вышедших из-под контроля Центра балтийских республик. Но в отличие от Алма-Аты, Тбилиси, Баку и других зон этнополитических конфликтов, ликвидация основного очага сепаратизма уже не могла ограничиться локальной силовой акцией. Начало силового подавления движений за независимость в Балтии запускало цепную реакцию, результатом которой неизбежно становился политический переворот в общесоюзном масштабе. Однако в тот момент все замыкалось на Горбачёве.

Действия Горбачёва периода 1990–1991 гг. весьма часто приравнивают к политической агонии, соотнося его политическое поведение с итоговым результатом – отставкой с поста президента переставшей существовать сверхдержавы. Но такой взгляд представляется излишне упрощенным. Следуя инстинкту политического выживания, Горбачёв демонстрировал виртуозное политическое маневрирование в условиях катастрофического падения личной популярности и превращения недавней опоры его власти в основную угрозу его политическому будущему.

Избрание Горбачёва президентом СССР 15 марта 1990 г. на III съезде народных депутатов СССР имело своим следствием значительный переток властного ресурса от высших партийных структур к новым структурам, связанным с институтом президентства. Вместе с тем создать президентский аналог партийной иерархии Горбачёв не успел. По отношению к КПСС генеральный секретарь ее ЦК стал осуществлять программу, позднее охарактеризованную А.Н. Яковлевым следующим образом: «У нас был единственный путь – подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали» [Яковлев 1998, с. 5].

После избрания Б.Н. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР и провозглашения 12 июня 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» Горбачёв оказался между двух огней – возглавляемой руко-

водством России группой союзных республик, все более решительно настаивавших на перераспределении властных полномочий в свою пользу, и номенклатурно-силовым конгломератом, усиливавшим давление на Горбачёва ради предотвращения распада СССР и сохранения в нем господства КПСС даже после отмены 6-й статьи советской Конституции. С конца июля 1990 г. (достижение недолговечного соглашения между Горбачёвым и Ельциным о подготовке и запуске программы «500 дней») по конец апреля 1991 г. (ново-огаревский компромисс) Горбачёв неоднократно совершал крутые политические виражи, маневрируя между двумя лагерями, но не делая окончательного выбора в пользу одного из них. С одной стороны, эта тактика еще более усиливала политическую турбулентность, с другой – она сокращала шансы на успех попытки реакционного переворота. Подобная попытка в любом случае уже не могла восстановить догорбачёвский status-quo, а ее гуманитарная, экономическая и политическая цена оказалась бы в тот момент выше цены коллапса союзного государства. Фирменный политический стиль Горбачёва – стремление «заболтать» проблему, уйти от окончательного решения – нельзя считать заведомо провальным, поскольку в ряде случаев много значил сам по себе выигрыш времени, позволяющий «переждать» момент синергии наиболее опасных дестабилизирующих процессов.

Тем не менее события января 1991 г. в Вильнюсе и Риге, по сути, представляли собой увертюру переворота, который, однако, оказался застопоренным все из-за того же страха президента СССР принять на себя полноту политической ответственности. Сценарий переворота начинал осуществляться, но его естественный руководитель тут же нажимал на стоп-кран. Испытывая мощное давление со стороны сил реванша, Горбачёв к моменту принятия окончательного решения сталкивался с еще более сильным давлением московской улицы (самые массовые антикоммунистические демонстрации стали откликом на трагические события в Литве и Латвии) и Запада.

О роли внешнего влияния стоит сказать особо. Для множественных интерпретаций событий перестройки в духе теории заговора внешнее воздействие на ход распада советской системы является центральным. Несомненно, что к началу правления Горбачёва США сумели до предела поднять ставки в гонке вооружений; администрация Р. Рейгана также делала ставку на системную дестабилизацию Советского Союза и Восточного блока. Ситуация радикально изменилась к 1988 г., когда в западном подходе к событиям в СССР возобладала мотивация «помочь Горбачёву». Эта помощь, помимо сдержанности в отношении радикальных оппонентов советского лидера, имела и весомое материальное выражение: внешняя задолженность СССР с 1985 по 1991 г. увеличилась более чем в 2 раза. Политические условия получения западных кредитов стимулировали Москву смириться с геополитическими итогами «бархатных революций» в Восточной Европе и с перспективой расста-

вания с частью союзных республик, решительно настроенных на выход из состава СССР [см.: Мэтлок 2003; с. 291, Добрынин 1996, с. 671]. Зависимость от западной помощи к концу эпохи перестройки достигла стадии, когда не только западные лидеры, но даже американский посол Дж. Мэтлок всерьез примеряли на себя роль арбитров в спорах между Москвой и союзными республиками [см.: Черняев 2008, с. 889]. Вполне естественно, что решительные действия по ликвидации сепаратизма и демократического движения привели бы к блокировке западной помощи Советскому Союзу.

Вторая попытка переворота с высокой степенью вероятности должна была последовать после референдума 17 марта о сохранении союзного государства, результаты которого обеспечивали формальную легитимность подавления очагов сепаратизма. Скорее всего, решающие события на сей раз могли развернуться в Москве, где на 28 марта была намечена очередная массовая демонстрация в поддержку Ельцина и «Демократической России»[4]. Однако и в этот раз Горбачёв в последний момент нажал на тормоз, а через несколько недель он, как казалось, решился на окончательный выбор в пользу компромисса с Ельциным и другими лидерами большинства союзных республик. Во всяком случае, с момента достижения ново-огаревских договоренностей Горбачёв перестал рассматриваться в качестве лидера, способного возглавить акцию по «наведению порядка».

Авантюра ГКЧП в отсутствие единственной легитимной фигуры, имеющей широкие полномочия в вопросах введения режима чрезвычайного положения, в ситуации, когда исполнители среднего звена по прошлому опыту знали, что в случае неудачи или чрезмерно рьяного исполнения приказов именно на них будет возложена вся ответственность, изначально имела низкие шансы на успех. Наряду с сопротивлением Ельцина и его сторонников, именно позиция Горбачёва, блокировавшего более ранние попытки запуска механизма переворота, существенно подорвала способность путчистов эффективно использовать силовые структуры для достижения поставленных целей. Провал ГКЧП стал последним толчком к необратимой катастрофе советской системы и окончательной дезинтеграции Советского Союза.

Заключение

Была ли обречена советская система? Несомненно, да, если принять во внимание наличие целого ряда «встроенных» в нее механизмов саморазрушения, ее ригидную иерархическую организацию, насилие и устрашение как

4. Сама демонстрация явилась реакцией на попытку противников Б.Н. Ельцина сместить его с поста Председателя Верховного Совета РСФСР на III съезде народных депутатов РСФСР.

основные методы ее создания и функционирования. Была ли эта система и вместе с ней Советский Союз обречена на гибель в 1991 г.? Очевидно, нет, если бы действия политического руководства не вызвали системные сбои и запуск механизмов саморазрушения. Преодоление исторических развилок периода горбачёвской перестройки прошло таким образом, что и «китайский вариант» трансформации системы, и возможность сохранения Союза в усеченном виде оказались упущенными. Фактически реализованный сценарий крушения советской системы нельзя считать предопределенным и даже наиболее вероятным сценарием. Вплоть до выступления ГКЧП наиболее высокой оставалась вероятность сохранения на договорной основе государственного единства большей части советских республик. Разумеется, это уже не был бы Советский Союз. В известном смысле такой результат можно было бы назвать катастрофой-light, или недокатастрофой. Ясно также, что готовившийся к подписанию 20 августа 1991 г. новый союзный договор не давал гарантий прекращения противостояния между союзным центром и республиками, но он, по крайней мере, мог уменьшить скорость деструктивных процессов, обеспечить некоторый выигрыш во времени, который позволил бы «переждать» период резонанса сил саморазрушения.

Катастрофа советской системы вовсе не завершилась в Беловежской пуще или морозным вечером 25 декабря 1991 г., когда с кремлевского флагштока был спущен красный флаг. Гайдаровские реформы также нельзя рассматривать как преобразования, начатые с чистого листа. В них, помимо явных и скрытых намерений реформаторов, необходимо видеть и динамику финальных этапов схлопывания советизма, и даже попытку институционализации субпродуктов системного распада [см.: Kotkin 2008, с. 113–169]. Для России и большинства постсоветских стран исторический смысл эпохи 1990-х годов по преимуществу заключался не в строительстве новой государственности, рыночно-демократическом транзите, становлении гражданского общества, а в исчерпании динамики распада и «обживании» руин советской системы. Богато насыщенный событиями, первый этап постсоветской истории оказался довольно беден в смысле оригинального внутреннего содержания. Стратегический замысел преобразований 1990-х годов, который сами реформаторы характеризовали как «обмен власти на собственность» и «выкуп России у номенклатуры»[5], трудно считать чем-то принципиально новым по сравнению

5. «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно "выкупить". Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности. Дальше свои позиции каждому владельцу придется

с объективной направленностью экономической политики горбачёвского руководства периода 1988–1991 гг. На деле состоялся не обмен, а модификация в рыночных условиях дуалистического единства «власти / собственности» и производного от него социального порядка. Даже изменения в составе элиты дают основания говорить, скорее, о континууме или эволюционной трансформации, но никак о революционной смене правящего слоя: «системообразующий элемент пожертвовал Системой ради спасения себя самого» [Пивоваров 2009, с. 54]. Однако катастрофа советской системы – нормальное событие с точки зрения динамики социотехнических систем – несомненно, относится к числу экстраординарных исторических событий, эхо которых будет слышимо и на протяжении XXI в.

Литература

1. Альбац Е.М. Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. – М.: Русслит, 1992. – 314 с.

2. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1983. – 320 с.

3. Бобков Ф.Д. Последние двадцать лет. Записки начальника политической контрразведки. – М.: Русское слово – РС, 2006. – 80 с.

4. Вольский А.И. Четыре генсека. Воспоминания // Коммерсант, № 169 (3500), 12 сентября 2006 г.

5. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция – М.: Евразия, 1995. – 206 с.

6. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 448 с.

7. Геллер М.Я. Горбачёв. Победа гласности и поражение перестройки // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. – Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Российск. гос. гуманитарный ун-т. 1997. – С. 546–576.

8. Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. – Книга I. – М.: Новости, 1995. – 600 с.

9. Горбачёв М.С. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва 27 января 1987 г. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 94 с.

10. Доббс М. Между Толстым и Карлейлем // Pro et Contra. – М.: Московский центр Карнеги. – Т.15, № 5 (53), сентябрь-октябрь 2011. – С. 90–97.

11. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – М.: «Автор», 1996. – 688 с.

12. Ефремов Г.И. Мы люди друг другу. Литва: Будни свободы 1988–1989. – М.: Прогресс, 1990. – 343 с.

13. Игрунов В.В. Прогнозы А.А. Амальрика – сценарий для современной России // Политическая наука, 2012, № 1. – М.: ИНИОН РАН. – С. 141–159.

подтверждать делом. В любом случае такой обмен власти на собственность означал бы шаг вперед от "империализма" к свободному, открытому рынку, от "азиатского способа производства" к европейскому, означал бы конец самой номенклатуры как стабильной, пожизненной, наследственной, не подвластной законам рынка политико-экономической элиты» [Гайдар 1995, с. 103].

14. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия / Пер. с фр. – М.: Терра, 1990. – 285 с.

15. Мэтлок Дж.Ф. Смерть империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза. – М.: Рудомино, 2003. – 579 с.

16. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11. – С. 67–78.

17. Пивоваров Ю.С. О русских революциях. Послесловие // Труды по россиеведению. Вып. 1. – М.: Издательство ИНИОН РАН, 2009. – С. 21–67.

18. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. – М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. – 576 с.

19. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Литературная газета. – М., 18 сентября 1990 г.

20. Трудный поворот к рынку. Сб. статей под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Экономика, 1990. – 559 с.

21. Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. – М.: Весь мир, 2010. – 168 с.

22. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. – М.: УРСС, 2006. – 127 с.

23. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох: 1972–1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1047 с.

24. Яковлев А.Н. Российских фашистов породил КГБ // Известия. – 1998, 17 июня. – № 108.

25. Яковлев А.Н. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. – М.: Международный фонд демократия, 2008. – 872 с.

26. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. – М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2002. – 437 с.

27. Aron L. The Georgia watershed // Russian outlook. – Fall 2008. – Washington D. C.: American enterprise institute. – P. 1–10.

28. Bremmer I. Revisionist Russia // Global dialogue. – Vol. 11. – Winter-spring 2009. – Mode of access: http://www.worlddialogue.org/content.php?id=447

29. Chernobyl's Legacy: Health, environmental and socio-economic impacts and recommendations to the governments of Belarus, the Russian Federation and Ukraine. – The Chernobyl forum: 2003–2005. Second revised version. – IAEA: Vienna, 2006. – 57 p.

30. Dawson J.I. Eco-nationalism. Anti-nuclear activism and national identity in Russia, Lithuania, and Ukraine. – Durham / London: Duke university press, 1996. – 221 p.

31. Kotkin S. Armageddon averted: The Soviet collapse, 1970–2000. – Oxford – NY: Oxford university press, USA, 2008. – 304 p.

32. Perrow Ch. Normal accidents: Living with high-risk technologies. – New York: Basic Books, 1984. – 386 p.

33. Zaslavskaya T. The Novosibirsk report / Yanovitch M. (ed.). A voice of reform: Essays by Tatiana Zaslavskaya. – Armonk, N.Y. – L.: M.E. Sharp, 1989. – P. 158–184.

В.Н. Крутько

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ: СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ РЕШЕНИЯ

Крутько Вячеслав Николаевич – доктор технических наук, кандидат биологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН.

Медико-демографическое проблемное поле России

Несмотря на то что здоровье нации является в настоящее время главным приоритетом, декларируемым руководством страны и материализованным в национальном проекте «Здоровье» и ряде других программ, продолжительность жизни россиян все еще существенно отстает от развитых стран (на десять и более лет). Еще больше, особенно в трудоспособных возрастах, отставание в качественных характеристиках здоровья – уровнях заболеваемости, смертности и биологического возраста [2, с. 279].

По имеющимся демографическим прогнозам, Россия еще очень долго, практически в течение всего XXI в., будет испытывать последствия демографической катастрофы 90-х годов прошлого века, выразившейся в резком снижении рождаемости и росте смертности, в первую очередь когорты трудоспособного населения. Интенсивность смертности превысила рождаемость, что положило начало продолжающемуся до сих пор снижению численности жителей России – печально известный «Русский Крест».

В результате этих процессов за прошедшие 20 с лишним лет в России было «потеряно» за счет эффектов *«недорождения»* и *«сверхсмертности»* около 20 млн человек. По имеющимся наиболее вероятным прогнозам [5], к 2050 г. в России может остаться 100–120 млн жителей, что, учитывая величину территории страны и ее богатство природными ресурсами, представляет серьезную геополитическую угрозу самому существованию страны.

Имеется и еще ряд не столь очевидных и простых, но не менее значимых и тяжелых последствий демографической ситуации 90-х годов. Одним из них является *увеличение коэффициента демографической нагрузки*. Если сейчас

в России на 100 трудоспособных приходится 40 нетрудоспособных, то к 2050 г. прогнозируется увеличение данного показателя до 70 [5], что ляжет очень тяжелым грузом на экономику и социум.

Следующей серьезной проблемой, с которой столкнется Россия в ближайшем будущем, является *резкий дефицит трудовых ресурсов*. На семинаре Е. Ясина в Высшей школе экономики было убедительно показано, что основным фактором, сдерживающим инновационное развитие России в ближайшие десятилетия, будет являться ее кадровый потенциал. Дефицит трудовых ресурсов может быть существенно снижен, если повысить уровень здоровья и работоспособности когорты трудящихся (15–60 лет), а также дать возможность активно трудиться когорте пожилых (60–80 лет), посредством подъема уровня их здоровья и трудоспособности.

Следующей очень острой проблемой является *стремительное старение населения*, характерное и для мира в целом. За последнюю половину века в 5 раз увеличилась доля лиц в возрасте старше 65 лет. Значительная доля этих людей хронически тяжело больна, обездвижена, не могут самообслуживаться, требуют постоянной заботы и ухода. Инвалиды и пожилые люди в настоящее время представляют собой наиболее социально незащищенную группу населения, имеющую серьезные проблемы обеспечения достойного качества жизни и здоровья. Процесс старения населения ложится тяжелым бременем как на экономику государства и общество в целом, так и лично на самих стареющих людей, их семьи и ближайшее окружение.

Высказываются идеи о том, что депопуляцию, увеличение коэффициента демографической нагрузки и кадровую проблему можно решить за счет трудовых мигрантов – порядка 1 млн человек в год. Если учесть, что с каждым из мигрантов будут приезжать и их семьи, то в результате количество иностранцев в России будет стремительно расти, и мы столкнемся с не менее серьезными межэтническими проблемами. За примерами далеко ходить не надо. Мы наблюдаем их во всей красе в странах ЕС.

Есть ли надежда на обеспечение повышения рождаемости с помощью экономических стимулов?

Для того чтобы количество живущих в стране увеличивалось, коэффициент рождаемости (или коэффициент фертильности – среднее количество детей, рожденных одной женщиной за всю ее жизнь) должен превышать так называемую величину уровня простого воспроизводства, равную 2,15. Если коэффициент рождаемости меньше данной величины, то количество жителей страны будет неуклонно падать.

Проблема низкой рождаемости и связанной с этим депопуляции не нова. С этой проблемой, пусть и в не столь резкой форме, как в России, столкну-

лось во второй половине XX в. большинство развитых стран, где коэффициент рождаемости снизился до величин, лежащих в диапазоне 1,1–2,1, т.е. в диапазоне, недостаточном для воспроизводства населения. Естественно, правительства этих стран предпринимали все возможные меры, чтобы повысить данный показатель, однако все попытки искусственно поднять рождаемость у народов со стабильной или снижающейся численностью оказались безрезультатными [2, с. 279].

Результативность попыток стимуляции рождаемости в разных странах проанализировал и обобщил в 80-х годах прошлого века демограф с мировым именем – Натан Кейфиц. Главным выводом из данного анализа было то, что коэффициент рождаемости является исключительно трудно управляемым извне демографическим параметром. Он зависит от множества факторов, аргументов и общих социально-экономических, культурологических и политических характеристик жизни страны, которые, зачастую подсознательно, интегрируются в голове конкретной женщины, принимающей ключевое решение – родить или не родить ребенка, – причем не только с учетом текущей ситуации, но и собственных представлений о перспективах своей будущей жизни в ближайшие 10–20 лет. Попытки правительств развитых стран повлиять на этот процесс принятия решения женщиной с помощью экономических и социальных стимулов (а эти стимулы во многих случаях были существенно сильнее, чем сейчас в России), зачастую, приводили к возникновению ответа популяции, выражающегося в кратковременном незначительном подъеме рождаемости, после чего уровень рождаемости возвращался к прежним устойчивым значениям, хотя стимулы сохранялись.

В России в конце 80-х годов началось резкое кризисное падение коэффициента рождаемости с величины 2,23 до 1,16 в конце XX в., обусловленное сложными экономическими условиями, неустойчивостью жизни и неуверенностью женщин в завтрашнем дне. Это падение, начиная с 2000 г., сменилось плавным ростом, что дало возможность достичь величины коэффициента рождаемости 1,61. Но эта величина совершенно недостаточна для преодоления депопуляции. Дальнейшее ощутимое увеличение коэффициента рождаемости, в связи с вышесказанным, представляется маловероятным.

Таким образом, попытка решения проблемы депопуляции России путем административных воздействий на рождаемость представляется малоперспективной, хотя не вызывает сомнения, что необходимо приветствовать, поддерживать и поощрять любые средства и меры помощи нашим женщинам в деле рождения и воспитания детей.

Инновационный путь радикального увеличения продолжительности активной жизни человека и возможного повышения рождаемости

В качестве основного источника здоровья и долголетия в настоящее время, как в России, так и в развитых странах, принято рассматривать здоровый образ жизни (ЗОЖ). Анализ многочисленных эпидемиологических исследований эффектов ЗОЖ на здоровье показывает, что масштаб данных эффектов может быть охарактеризован величинами в 15–25 лет прироста ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) [2, с. 279]. Эти величины характеризуют разницу в ОПЖ между маргинальными группами – группой лиц, «по максимуму» применяющих основные элементы ЗОЖ в своей жизни и группой «анти-ЗОЖ», т.е. лиц, характеризующихся наиболее негативными для здоровья значениями факторов ЗОЖ, много пьющих, курящих, переедающих и физически неактивных. По сравнению со среднестатистическим жителем страны, эффект активного применения ЗОЖ может быть охарактеризован величинами 10–12,5 лет прироста ОПЖ. Главной сложностью массового внедрения ЗОЖ является необходимость менять сложившийся уклад и стиль жизни человека, отсутствие у него сильной мотивации тратить на это время и силы. Поэтому при реализации государственных программ массового внедрения ЗОЖ нельзя реально рассчитывать на большой процент активистов ЗОЖ. Это в лучшем случае будет 5–10% от всего населения, поэтому ожидаемый от этих программ результирующий прирост ОПЖ может составить величину, лежащую в диапазоне 0,5–2 года в среднем по всему населению страны.

Наибольший эффект от ЗОЖ можно получить, если поставить его на современный фундамент биомедицинских знаний и современную платформу информационных технологий. Мы называем такой ЗОЖ – «ЗОЖ-HiTech». Имеются все возможности для широкого внедрения «ЗОЖ-HiTech» в России. В частности, в Национальном геронтологическом центре[1] создано семейство компьютерных систем для здоровья и активного долголетия и семейство виртуальных диагностических приборов, которые могут существенно повысить эффективность технологий ЗОЖ и облегчить их массовое применение.

ЗОЖ, несомненно, полезен и заслуживает массового распространения при активной поддержке государства. Однако эффект его для здоровья и ОПЖ ограничен и массовое внедрение достаточно трудно. Существует другой *класс инновационных технологий, основанных на сдерживании и реверсии старения*, которые сулят значительно больший эффект и не требуют для своего применения изменений в привычках и образе жизни. Действительно, процесс естественного, нормального старения обусловливает снижение об-

1. www.ngcrussia.org

щей сопротивляемости организма, снижение общей жизнеспособности и соответствующий рост общего риска смерти примерно в 500 раз в возрастном диапазоне от 10 до 95 лет. Пример возрастной динамики рисков смерти приведен на рисунке 1. В десятки и сотни раз меняются с возрастом риски смерти от отдельных заболеваний. Закономерно задать вопрос: чем в первую очередь объясняется при этом факт смерти – специфическим патогенным фактором, вызвавшим заболевание или общей изношенностью организма в связи с его старением, экспоненциально растущей с возрастом.

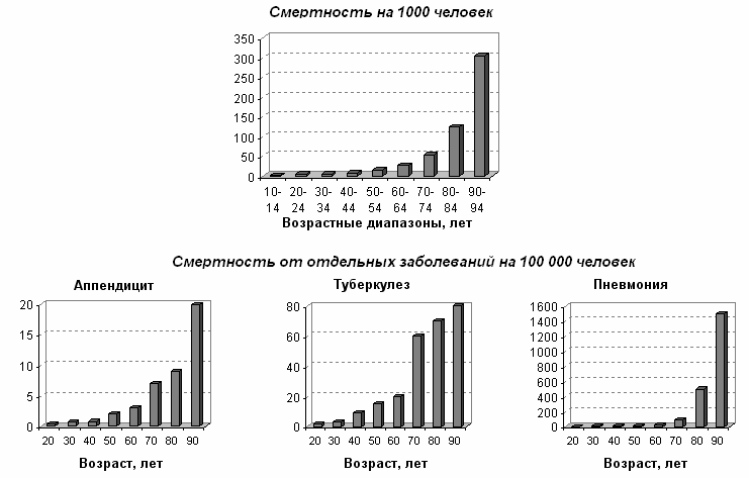

Рис. 1. Возрастные изменения общего риска смерти и рисков смерти от отдельных заболеваний в России

Прежде всего необходимо четко осознать, что генеральной причиной смерти, главным убивающим человека патологическим процессом, главной сверхболезнью является не совокупность хронических заболеваний – основных формальных причин смерти по традиционным взглядам медиков, а *нормальное старение*, обусловленное нормальными процессами метаболизма, протекающими и в абсолютно здоровом теле, и в абсолютно экологически чистой среде. Риск смерти с возрастом, а точнее сказать из-за возрастных изменений, обусловленных нормальным старением, увеличивается в 500 раз! Соответственно, в 500 раз снижается жизнеспособность организма, его сопротивляемость повреждающим агентам, инфекциям и т.д. Именно на этой

основе расцветают хронические заболевания, но врачи лечат следствие, а не глубокую причину.

Ведущие геронтологи с мировым именем в последние годы уже не раз высказывали мысль о том, что имеющийся объем фундаментальных знаний о механизмах старения и средствах его сдерживания позволяет *ставить и решать задачу создания практических технологий сдерживания старения и существенного увеличения периода активной полноценной жизни человека*, и это соответствует действительности. В настоящее время в развитых странах, в частности в США, странах ЕС, а также в Китае, развернуты интенсивные исследования механизмов старения и возможностей его коррекции.

Данные о потенциальной эффективности средств сдерживания и реверсии старения (геропротекторов), позволяющих рассчитывать на дополнительный прирост ОПЖ человека (среднестатистической 50-летней американской женщины) на величину порядка 30 лет, в частности, были представлены в докладе «За пределами терапии» Совета по биоэтике президенту США в 2003 г. [3, 353 p.]. В данном докладе также сравнивалась эффективность средств сдерживания старения с традиционными медицинскими технологиями. Например, гипотетическое изобретение «чудо-таблетки» от рака даст прирост ОПЖ на два года, а «чудо-таблетки» от сердечно-сосудистых заболеваний, основной формальной причины смерти, на 3,5 года. Сравните эти показатели с величиной прироста ОПЖ в 30 лет при применении геропротекторов.

Задача практического переноса технологий геропротектирования с животных на человека очень сложна, но вполне разрешима. В Национальном геронтологическом центре (НГЦ) [5], созданном в 1996 г. по инициативе Министерства науки и технологий Российской Федерации в целях стимуляции и координации процесса развития «профилактики старения», как нового направления медицинской науки и практики, и объединяющего специалистов ведущих вузов и НИИ России, занимающихся проблемами антистарения, разработан проект такого переноса, а также концептуальный базис и ряд необходимых для решения этой задачи практических технологий [1; 2]. Результаты исследований специалистов НГЦ в рассматриваемой области нашли свое отражение в 17 монографиях и более чем в 300 научных статьях в ведущих журналах [5].

Главное, что сделано в результате данной работы – на концептуальном уровне решена задача переноса технологий сдерживания старения (геропротектирования) с животных на человека, т.е. разработан *«доказательный базис»* эффективности геропротектирования на человеке. Он основан на междисциплинарном синтезе методов биоинформатики, эпидемиологии, экспериментальной биологии и клинической медицины, в частности методов оценки и прогноза состояния космонавтов, развитых в космической медицине.

Именно к междисциплинарному подходу, сулящему прорыв в области технологий антистарения, призывает «Дорожная карта исследований старения в Европе» [3]. Идеи носятся в воздухе и подходы к решению задачи радикального увеличения продолжительности активной жизни человека, аналогичные тем, которые мы использовали при создании «доказательного базиса», в настоящее время начали реализовываться в Испании и Великобритании. В Китае создано несколько больших научно-исследовательских институтов, занимающихся изучением механизмов старения и разработкой технологий антистарения. В США организован ряд специальных коммерческих фирм для опережающего получения технологий антистарения, так как прорыв в этой области сулит миллиардные прибыли.

Таким образом, сумма знаний и результатов экспериментального радикального продления жизни у млекопитающих, имеющихся в отечественной и мировой науке, а также имеющийся в России концептуальный, теоретический и методический задел, позволяет на равных конкурировать с западными странами в области создания практических технологий антистарения. Для их реализации необходимо понимание руководством страны важности данного подхода и политическая воля, что откроет для России реальный путь выхода в лидеры по главному показателю качества жизни – продолжительности активной жизни. В Национальном геронтологическом центре разработана программа, позволяющая практически решить данную задачу. В случае ее реализации существенно облегчатся все вышеупомянутые проблемы России, и каждый ее гражданин получит дополнительно один-два десятка лет здоровой активной жизни, что само по себе неизмеримо ценно. В частности, проведенные нами оценки показывают, что увеличение ОПЖ в среднем на 20 лет приведет к росту населения России примерно до 160 млн человек.

Коммерческий и социально-экономический эффекты программы создания и внедрения технологий антистарения

Рынок раскален и находится в нетерпеливом ожидании средств омоложения и продления жизни, количество которых в продаже увеличивается сейчас в несколько раз за год и их оборот оценивается суммами в десятки миллиардов долларов. Поэтому любое более-менее серьезно обоснованное средство приносит баснословную прибыль. Пример – недавняя рекламная кампания фирмы «Герон» по поводу «средства против эффекта Хейфлика», позволившая на 45% увеличить стоимость акций и получить несколько десятков миллионов долларов прибыли. На этом фоне выиграет тот, кто представит серьезно обоснованные средства антистарения. Именно на получение таких средств и направлен предлагаемый проект, *ориентированный на опережение рынка*.

Эффекты данной программы далеко не ограничиваются ощутимым приростом продолжительности жизни, хотя и это до сих пор не достигнуто ни одной из государственных программ. Имеются и другие очень важные эффекты.

Первый – *биоактивация*, при которой человек имеет *более высокий функциональный статус*, более трудоспособен, живет более активной и интересной жизнью, как бы получает в единицу времени больший объем жизни.

Второй – сдерживание глубинных процессов старения или собственно *геропротектирование*. Такой эффект дает резкое *увеличение трудового потенциала России и существенное снижение коэффициента демографической нагрузки* на общество, который, по имеющимся демографическим прогнозам, в России возрастет к середине столетия до величины 0,7, т.е. практически на одного работающего будет приходиться один иждивенец, что перегрузит и без того кризисную экономику. Широкое применение ожидаемых результатов проекта позволит снизить смертность и получить *эффективное средство решения глобальной проблемы старения населения*, исключительно актуальной для России и всех высокоразвитых стран мира, так как позволит существенно увеличить (на 20–30 лет) период жизни, когда человек находится в активном деятельном состоянии. Технологии антистарения существенно улучшат качество жизни пожилых, дадут возможность их более активного участия в трудовом процессе, увеличат возможности самообслуживания и, в результате, снизят коэффициент демографической нагрузки на социум, а также улучшат качество жизни родственников и близких пожилых людей, дадут молодому поколению возможность более эффективной производственной деятельности и счастливой личной жизни.

Третий – *увеличение срока жизни как такового* и, если так можно сказать, *увеличение «коэффициента полезного действия жизни»*, т.е. существенный рост отношения того периода, когда человек живет полноценно, к периодам неполноценности. Не стоит сбрасывать со счетов и *политический капитал* (известность, популярность, бессмертное имя), который получит заказчик данного проекта.

Четвертый – *«гармонизация старения»*, обеспечивающая более достойную комфортную старость. Этот эффект достигается заблаговременным определением темпов старения различных органов и систем организма и поддержкой слабых звеньев.

Пятый – существенно *более высокая социально-экономическая эффективность геропротекторных технологий* по сравнению с традиционными подходами, где эффективность определяется отношением количества прибавленных лет здоровой полноценной жизни на единицу финансовых затрат. Так, например, прибавка в 10–15 лет средней продолжительности жизни в России традиционными способами ЗОЖ возможна, по большому счету, лишь

при превращении ее в развитое капиталистическое государство, уровня, скажем, Швеции по всем основным социально-экономическим показателям. Понятно, каких усилий и средств это стоит и как нескоро это возможно. Осуществление и широкое массовое внедрение результатов программы может дать такой же эффект, но стоит не более чем другие российские федеральные программы.

Шестой – опережающее создание геропротекторных технологий в России позволит ей занять достойное место на *мировом рынке индустрии здоровья*, который по своему масштабу превосходит рынок вооружений. Это будет *торговля высокими технологиями*, а не природными ресурсами.

В заключение заметим, что широкое внедрение технологий антистарения может заметно повлиять и на увеличение рождаемости. Принятие женщиной решения о рождении ребенка существенным образом зависит от ее оценки величины предстоящего периода своей активной трудоспособной жизни. Как правило, геропротекторы не только увеличивают этот период, но и оказывают омолаживающее действие, существенно продлевают период фертильности, т.е. физиологической возможности зачать и родить ребенка.

Таким образом, предлагаемая программа *является одним из наиболее конструктивных и реальных средств реализации приоритетов и достижения целей стратегического развития России до 2020 г.*, обозначенных Президентом России В. Путиным.

- Инновационная экономика – увеличить темпы инновационного развития.
- Инновации в человеческий капитал.
- Абсолютные приоритеты – образование и здоровье.
- Цель – увеличить среднюю продолжительность жизни к 2018 г. до 74 лет.
- Цель – сделать Россию самой привлекательной для жизни страной.
- Мы ставим амбициозные задачи, но основанные на реалиях, и нужно идти вперед.

Поезд в бессмертие (лирико-футуристическое отступление)

Медицинские технологии XX в. за период с 1900 до 1960–1980 гг. увеличили ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ) человека практически вдвое – с 30–40 лет до 70–80 лет. Имеются серьезные прогнозы футурологов [4], основанные на анализе динамики развития биомедицинских технологий, говорящие о том, что скорость развития науки растет, и в ближайшие 30–40 лет на основе нового поколения технологий XXI в., в первую очередь основанных на управлении старением, будет достигнуто следующее удвоение

ОПЖ до величин 140–160 лет и т.д. вплоть до бессмертия. Чтобы не остаться в стороне от этого процесса, *необходимо энергично действовать здесь и сейчас – активно создавать и внедрять технологии антистарения, чтобы иметь возможность дожить до момента появления ТЕХНОЛОГИИ БЕССМЕРТИЯ – иметь шанс успеть вскочить на подножку поезда, уходящего в БЕССМЕРТИЕ*. Желательно держать процесс создания таких технологий в своих руках, чтобы иметь уверенность в их безопасности и эффективности, так как ажиотажный спрос на услуги омоложения уже сейчас приводит к огромному числу жульнических предложений.

Организационные механизмы практического решения проблемы радикального увеличения продолжительности активной жизни человека в России

Для того чтобы эффективно строить здоровье нации, необходимо четко осознать и устранить существенно мешающую и типичную как для России, так, впрочем, и для многих других стран ситуацию, когда осознанно или по недомыслию путаются и подменяются понятия здоровья и болезни, когда под лозунгами о приоритете здоровья и профилактики финансовыми потоками управляют врачи, тратящие деньги на лечение болезней, потому что этому и только этому их учили – это их любимое дело, и в этой сфере они чувствуют себя комфортно.

Поэтому, чтобы иметь возможность реально улучшить здоровье нации, следует, прежде всего, понять, что существуют три существенно разные и крайне важные и необходимые обществу функции здравоохранения, между которыми нужно провести четкие водоразделы – по целям, по финансовым потокам, по контрольным показателям эффективности и отвечающим за них управленцам, по типам привлекаемых к работе специалистов [1, с. 212–216]. Соответственно сути этих функций должны существовать три масштабные, отдельные, не мешающие друг другу отрасли:

1) «здраворемонт» (клиническая и поликлиническая медицина, занимающаяся обнаружением болезней (поломок) и их лечением (ремонтом));

2) «здравоохрана» (гигиена и санитария, занимающаяся охраной человека от вредных факторов окружающей среды);

3) «здравостроение» (отрасль, активно, конкретно и масштабно занимающаяся управлением внешними и внутренними для человека факторами и процессами, прямо и непосредственно улучшающими резервы здоровья и функциональные показатели, снижающими риски смерти и, главное, увеличивающими ОПЖ).

Специалисты в области здравостроения должны мыслить не в терминах диагностики и лечения болезней, а в терминах диагностики и коррекции резервов здоровья, физической и психической работоспособности, жизнеспособности в целом, рисков смерти, степени возрастного износа различных структур и функций организма и, самое главное, в терминах ОПЖ. Для этого они должны иметь соответствующее образование, которого в медицинских вузах сейчас не дают. С одной стороны, они должны иметь базовое медико-биологическое образование, должны профессионально знать, как устроен организм человека и как он может реагировать на те или иные воздействия, в том числе, какие изменения могут вызвать те или иные заболевания, с другой – если это касается программ массового внедрения ЗОЖ, то они должны достаточно профессионально владеть знаниями психолога, социолога, системного аналитика, экономиста, менеджера, юриста. Если же эти специалисты занимаются сдерживанием и реверсией старения, то они должны очень хорошо и профессионально знать эти процессы, механизмы воздействия на старение, а также возможные реакции организма на эти воздействия. Базой для таких специалистов должны быть медицинские университеты, но со специальной подготовкой на специальных факультетах.

Прежде всего, как к этому уже давно призывает академик РАМН А. Разумов, необходимо заниматься здоровьем здоровых. Идеализированный объект для отрасли здравостроения – это человек, у которого «врач-здраворемонтник» не может диагностировать ни одной болезни и искренне говорит, что ему здесь делать нечего. И тут «врач-здравостроитель» говорит: «Нет, не так все просто – этот человек за минуту своей жизни постарел ровно на одну минуту, а это означает, что у него за данную минуту накопились структурные дефекты и повреждения жизненно важных систем организма, уменьшились функциональные резервы, снизилась жизнеспособность, увеличились риски смерти». Все эти процессы, если их активно не диагностировать и своевременно не корректировать, неизбежно приведут человека к состоянию системного износа, к состоянию дряхлости, к букету тяжелых хронических болезней, которые «врач-здраворемонтник» с удовольствием начнет лечить, но будет уже поздно, человек уже одной ногой стоит в могиле. Пора наполнить официально декларированный лозунг здравоохранения: «Приоритет – профилактике!» – реальным организационно-финансовым содержанием.

Как уже говорилось, проблема подмены понятий и неизбежного скатывания со «здравоцентрической» позиции на «болезнецентрическую», когда за дело берутся врачи, актуальна и мешает развитию профилактического направления не только в России. Так, например, в США, понимая высокую значимость проблем психического здоровья, особенно для вернувшихся с войны ветеранов, в 1947 г. по решению Конгресса был организован Национальный институт психического здоровья. Были выделены беспрецедентные

финансовые средства, однако к руководству институтом пришли психиатры и институт под этой вывеской стал реально заниматься психическими болезнями. Проблемы психического здоровья остались за бортом и лишь в 90-х годах прошлого века ситуация была осознана и тематика института была приведена в соответствие с его названием.

Таким образом, важно, особенно на первом этапе становления отрасли здравостроения, понимая вышеописанные эффекты подмены целей и методов, в определенной мере дистанцироваться от клинической медицины – от «здраворемонта», создать независимые структуры, финансируемые из специальных независимых от системы здравоохранения источников, управляемые либо не врачами, либо врачами со специальным образованием и опытом профилактической деятельности, *отвечающие за результаты своей деятельности по вышеупомянутым критериям здоровья и, прежде всего по приросту ОПЖ*, если они в состоянии взять на себя эту ответственность. Данные структуры должны напрямую подчиняться президенту, поскольку в цивилизованных странах именно президент отвечает и персонально отчитывается перед избирателями за здоровье нации.

Литература

1. Крутько В.Н., Гундаров И.А. Концепция создания инновационной системы формирования здоровья нации // Материалы научно-практических мероприятий V Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России»». – М., 2009. – Т. 5.

2. Крутько В.Н., Смирнова Т.М. Человеческий капитал: Проблема и ресурс инновационного развития России. – М., 2012.

3. Beyond Therapy: Biotechnology and the Pursuit of Happiness, a report of the President's Council on Bioethics. – Washington, 2003.

4. Kurzwell R., Grossman T. Fantastic Voyage: Live Long Enough to Live Forever. – N.Y., 2005.

5. World Population Prospects: The 2010 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2011).

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: 100 ЛЕТ НАЗАД

И.И. Глебова

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ВОЙНЫ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ПАМЯТИ*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

«Забытая война» – так все чаще стали у нас определять последнюю войну Российской империи 1914–1918 гг. в преддверие ее 100-летнего юбилея. В народе ее называли «германской», в левых кругах «империалистической», а с разворачиванием военного конфликта 1939–1945 гг. она получила имя Первой мировой. Все эти определения верны: они точно указывают, как в разные времена воспринималась у нас та война. Для нынешних россиян Первая мировая – «забытая», «чужая» война. Ее как бы нет в национальной памяти, она не является чем-то важным, тем более установочным для нации.

О возвышении и репрессировании памяти

Для Европы война 1914–1918 гг. стала Великой – конечно, прежде всего для французов и англичан; немцы воспринимали (и воспринимают) ее по-другому. Однако в целом та война превратилась в одно из главных оснований европейских самоопределения и самопонимания. То, что Первая мировая – величайшее событие мировой истории, по существу открывшее XX век, – так по-разному вошла в память европейского и российского обществ, имеет свое объяснение.

Великой в памяти европейцев война 1914–1918 гг. стала потому, что во многом сформировала современную Европу – ее устройство (политическое, социальное и пр.), ее проблемы, ее культуру. По существу, из войны 1914–1918 гг. вышел современный европеец. К тому же война задала Европе впол-

* *Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00061.*

не очевидную перспективу: неслучайно Вторую мировую многие воспринимали как непосредственное продолжение Первой.

Повторим: у нас это не так. «Забытая» Первая мировая, к примеру, не сыграла в русской истории (и для русской истории) одной очень важной роли. Она не произвела необходимого, как мы это теперь понимаем, «продукта». А вот в Европе сыграла – причем, как в стане победителей, так и среди поверженных.

Речь идет о культурной и мировоззренческой роли «потерянного поколения». Чтобы далеко не ходить за примерами, сошлемся на прозу Хэмингуэя, Ремарка, Олдингтона, Арагона и др. Если угодно, это поколение «произвело» модальный тип личности западной цивилизации 1920-х годов. Эти люди создали принципиально новую литературу и философию (экзистенциализм, персонализм). И эта литература, и эта философия на протяжении всего XX столетия оказывали (наверное, оказывают и поныне) сильнейшее воздействие на формирование европейского человека.

К нам это пришло лишь в 60-е годы прошлого века – но именно пришло: из Европы и Америки. Отсутствие подобного доморощенного опыта сильно обеднило и нашу культуру, и русскую личность. И даже такая талантливая генерация отечественных литераторов, как аксеновская, в полной мере не сумела восполнить этот пробел. При всем уважении к этой линии шестидесятничества признаем, что это была (в значительной мере) поздняя реплика западного опыта.

Можно сказать, что современная Европа вышла из Первой мировой войны. Современная же Россия – из революции; точнее, серии революций 1917 г. и Гражданской войны, а также социального переворота 1930-х годов[1]. Вполне понятные усталость от войны, напряженное ожидание ее окончания разрядились у нас в Февральской революции, по существу поставившей точку в той исторической драме. Февраль как бы подменил собой победу; точнее, общество, народ разменяли победу в войне на революцию. С февраля 1917 г. главной темой для России стала сама Россия, а не мировой конфликт; страна переключилась на внутренние проблемы. Они перекрыли собой влияние войны; масштаб и воздействие событий 1917–1939 гг. оказались неизмеримо выше.

Революции 1917 г. выбросили Россию из стана победителей; несостоявшиеся победители ушли в Гражданскую войну. В 1920–1930-х годах у нас культивировалась память о революции как начале новой исторической эры, о закономерной победе «красной России» в Гражданской. Воспоминания о Первой мировой не только стали социально несущественны, периферийны, но и последовательно изгонялись, стерилизовались государственной полити-

1. Впрочем, и Россия вышла из Первой мировой – только в другом значении этого слова. Вышла, как выходят из поезда или трамвая на ходу, не дотерпев до остановки. Подобные выходы, как правило, заканчиваются трагедией.

кой. Вот один частный эпизод из частной же истории, отражающий картину большого прошлого. В 1938 г. за вредительскую деятельность, участие в антисоветском военном заговоре был арестован и расстрелян А.И. Верховский, генерал-майор, военный министр в последнем кабинете А.Ф. Керенского, служивший во время Гражданской в Красной Армии и с конца 1920-х преподававший в высших военных учебных заведениях[2]. Одним из «доказательств» его причастности к подготовке терактов против руководителей партии и правительства послужил найденный при обыске наградной пистолет, полученный Верховским в 1916 г. за отличия в боях с немцами. Герои, участники Первой мировой в СССР были в массе своей репрессированы. Вспоминать о них и об их войне стало непринято, неловко, опасно. Память о Первой мировой в нашей стране была выбита, расстреляна. Ее отчасти использовали в период поражений 1941–1942 гг., а в остальном предавали забвению, искажали. Советская власть попросту не дала этой памяти состояться.

Окончательно тему Первой мировой закрыла в СССР Победа 1945 г. Это был своего рода реванш за недавнюю (менее 30 лет прошло) военную «неудачу», пик нашего самоутверждения в истории. Русские почувствовали себя и главными революционерами, и главными победителями – вообще, главными деятелями XX в. Потому именно 1945-й год окончательно сделал их советскими, смирил с советским. 9 мая 1945 г. – установочная для советского человека дата, сделавшая малосущественным весь прежний опыт. Советское в его сознании отчасти слилось с русским. При этом СССР культурно и ментально «возобладал» над исторической Россией, подчинил себе память о ней.

Как возвращаются воспоминания

Тот факт, что в современной России стали говорить о Первой мировой как о «забытой» войне, свидетельствует о стремлении вернуть ее в культурную память общества. И это тоже объяснимо. Возрождение памяти происходит на волне общего подъема интереса к военной истории. Ее двигатель – тема Победы в Великой Отечественной войне. Именно на этом событии строятся самопонимание и самоидентификация российского общества, в нем оно находит себе оправдание, источник жизненных сил.

Так сложилось, что в России каждое новое поколение конституируется через войну – память о прошлой великой Победе и ожидание будущего столкновения с внешним врагом. В XIX в. точкой отсчета была Отечественная 1812 г., в 1920–1930-е годы жили воспоминаниями о революции / Граж-

2. См. недавнюю публикацию фрагментов его военного дневника: Верховский А.И. Бессознательное чувство долга (Россия на Голгофе: Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Стратегия России. – № 1. – М., 2014. – Янв. – С. 87–96.

данской и предчувствием мировой войн. Послевоенные поколения самоопределялись через войны Отечественную и «холодную». Новизна настоящего момента – в том, что у общества нет исторически близкой «своей» войны (афганская, чеченская и т.п. на эту роль не подходят) и реальной (а не имитационной) нацеленности на будущее военное противостояние. Поэтому основой нашего самоопределения может быть и является теперь только Отечественная. Это наша Великая война – как Первая мировая – для европейцев.

В определенном смысле война 1914–1918 гг. призвана составить в памяти россиян фон для Великой Отечественной – служить для нее резонатором, усиливая ее величие, ее победный блеск. Для нее самой это шанс на «улучшение»: подпитавшись энергетикой победной Отечественной, она может стать, наконец, для России «своей» войной. Сейчас для этого очень подходящий момент. Возрождением памяти о Первой мировой как бы восстанавливается связь не только двух глобальных войн XX в., но и советской истории – с дореволюционной. Через мировые войны, рассмотренные в основном в победно-парадной логике, можно протягивать связующие нити и дальше в прошлое: к Отечественной 1812 г., ко всем воспоминаниям о доблести и славе русского оружия, будящим в россиянах восторг и гордость за себя. Тем самым реализуется популярная в наши дни идея исторического синтеза, обеспечиваются целостность и непрерывность российской истории.

Правда, при таких реализации и обеспечении возникают разного рода казусы, исторические недоразумения. У нас, к примеру, до сих пор остается не выясненным вопрос: когда для России закончилась Первая мировая война? Сегодня вполне зримой стала тенденция назначить ее русским финалом Брестский мир. Это, собственно говоря, советская точка зрения, давно нам известная. Однако в новом историческом контексте и она становится неожиданно новой.

Теперь Первая мировая в нашей памяти – уже не империалистическая по преимуществу, а отчасти даже и Отечественная (кстати, так и называли ее в 1914 и 1915 гг. патриотически настроенные публицисты). Конечно, реабилитация войны 1914–1918 гг. (ее трактовка как очередного исторического подвига России) вступает в логическое противоречие с попыткой «завершить» ее Брестским миром, «позорным» и «похабным» (Ленин). Но в том-то все и дело, что такая комбинация совершенно соответствует нынешнему типу исторического самоопределения российской власти и ее идеологов. Этот тип сознания не боится никаких противоречий (в том числе и моральных). Ведь если бы правящий режим признал выход из войны и тот мир действительно позорным и похабным, то за этим неизбежно следовал бы ценностный пересмотр начального этапа существования советской власти (ее рождения и мужания). А за этим – и всего советского.

Тогда получается, что СССР вырос из беспрецедентной (как для нашего Отечества, так, наверное, и для всех стран мира) национальной измены. За то,

чтобы сохранить свою власть и развязать Гражданскую войну, большевики не только пожертвовали огромными пространствами и многочисленным населением, но и перечеркнули жертвы и подвиг русского народа, действительно достойно сражавшегося на фронтах Первой мировой. Брестским миром они спасали не Россию, а свою революцию. За это их вождь, 90-летие смерти которого ознаменовалось линией на реабилитацию (восстановлением его исторического величия, возвращением в общественную память как положительного символа революционного, партийного, советского), готов был сдать Петроград, отступить за Урал. Совсем как в 1812 г. Александр I – во имя спасения России (за готовность дойти аж до Тихого океана, но не сдаться врагу его насмешливо стали называть при дворе императором Камчатским).

Государство, неважно по каким причинам назвавшее себя правопреемником СССР, и общество, всеми своими нитями связанное с советским, восстанавливающее мемориальные доски Брежнева и Андропова и тоскующее по Сталину, никогда – в обозримое время – не признают ни факта этой национальной измены, ни преступности советского режима. Отсюда и непрямое, но совершенно очевидное оправдание Брестского мира. Надо сказать, даже отец этого мира Ленин относится к нему определеннее и прямее (по-своему, разумеется).

Первая мировая для России – не проигранная, а незавершенная война, причем обидно незавершенная: она должна была, но не успела окончиться победой. Военные события 28 июля 1914 – 3 марта (ст. ст.) 1917 г. никогда не порождали необходимости капитуляции или переговоров типа Брест-Литовских. Россия не просто не могла проиграть войну в начале 1917 г. – в военном отношении она была готова к победе. Это понимали руководство армии и ее верховный главнокомандующий – именно желанием победно завершить почти трехлетнюю военную эпопею во многом объяснялось отречение.

По существу, «слабый и безответственный» Николай II пытался разменять корону на победу, себя на Россию – об этом свидетельствует его последнее обращение к войскам[3]. Чтобы победить, нужно было продолжать войну,

3. «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые войска… Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его – тот изменник своего Отечества, предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг как до сих пор. Защищайте нашу великую Россию из всех сил. Слушайтесь ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы только на руку врагу…» Как бы высокопарно это ни звучало, отречение было для Николая II жертвой, подводившей черту под его жизнью (видимо, неслучайно после этого он много читал о русской Смуте и Французской революции). Ни современники, ни потомки жертву не оценили: считали и считают отречение проявлением слабости, малодушия, уходом от ответственности. Вину за падение империи, за революционный хаос вменяют последнему царю. В этом

но это оказалось невозможно по внутренним причинам. Россия царская, не потерпев военного поражения, пала; ее падение «закрыло» победную перспективу. Военные неудачи 1917 г. и Брестский мир – дела России революционной. Это не доигрывание Первой мировой, но разворачивание Гражданской. Брест принадлежит другой войне; он был возможен тогда и понятен сейчас только в контексте внутреннего социального противостояния.

О потенциале памяти

Конечно, Первая мировая война интересна и российскому правящему классу и российскому обществу не только как дополнительное воспоминание, своего рода поддержка памяти о главном: Победе в Великой Отечественной. Сейчас, как никогда, актуальны темы столетней давности, непосредственно связанные с войной 1914–1918 гг.: распад империи, отношения власти и общества, синдром врага (внешнего и внутреннего), механизм революции, отношения России и Европы. Сквозь призму опыта Первой мировой войны эти сегодняшние проблемы видятся иначе, приобретают особый – исторический – смысл.

«Забытая» нами война – вполне современное событие. Не древности и давности, а уже наша автобиография. Причем это событие для нас в той же мере установочное, что и для Европы. В войне 1914–1918 гг. интенсифицировался процесс перемола традиционно-патриархальной социальности, рождалось современное – т.е. массовое – российское общество. Она окунула нашего человека в экстремальный опыт выживания и насилия, с которым он не мог развязаться почти весь XX в. В ней сложился тот человеческий тип (или человеческие типы), который стал модальным для раннесоветского мира: «помазанный» войной, нацеленный на воспроизводство новых – массовидных, технизированных, анонимных, чрезвычайных – социальных форм, управленческих технологий. Этот человек строил социализм и разрушал прежнюю общественную жизнь, воевал, умирал, побеждал, восстанавливал. Он создал современную страну, поэтому наша связь с ним до сих пор неразрывна.

В этом и во многих других отношениях Первая мировая – история для современного человека: она позволяет понять мир, в котором мы живем. Переживание таких историй и делает русского русским, давая ощущение принадлежности к этим пространству, традициям, культуре. Однако, возрождая это событие в памяти, важно не совершать старых ошибок, уже искажавших наши воспоминания.

есть логика: в русской системе персонификатор отвечает за всё. Но нет правды: образ Николая II, впечатанный в массовое сознание с советских времен, так же мало соответствует истории, как наша память о Первой мировой.

Война 1914–1918 гг. – это первый для России в XX в. опыт мирового противостояния и сотрудничества. Было бы непростительным упрощением превратить эту войну только в «свою» – событие исключительно национальной истории. Напротив, она дает нам основание для интеграции в единое европейское пространство памяти, истории, культуры («евроинтеграции»). Нельзя закрыться и от многих «внутренних» смыслов Первой мировой, сведя ее к одному, сейчас модному: «гром победы, раздавайся!»

В понимании той войны во всей ее сложности – ключ к осмыслению революции, «родившей» СССР. Но препятствием для такого понимания является советский опыт. До сих пор наша память (в значительной мере и наша наука) находится в плену того представления о войне 1914–1918 гг., которое сложилось в советское время. Историческая легитимация советской власти требовала решения большой задачи: опорочить царизм, весь дореволюционный строй русской жизни. Официальный взгляд на Первую мировую (а другого, напомню, не было) был подчинен этой задаче. Он базировался на презумпции неизбежности (исторической закономерности) военного поражения, которое подтверждало недееспособность, бессилие, разложение царской России. Этот взгляд, ставший одним из оснований мировоззрения советского (и постсоветского) человека, препятствует познанию войны, ее интеграции в национальную память. Он должен быть и неизбежно будет пересмотрен.

И тогда у нас появятся совсем иные, чем раньше, вопросы к Первой мировой. К примеру: чем так непохожа была она на Отечественную 1941–1945 гг. – почему не стала для России священной войной, почему Победа в ней не превратилась в национальную задачу? Иначе говоря, почему «военно-отечественные» смыслы не стали для Первой мировой определяющими, сдали позиции смыслам революционным? Только ответив на этот вопрос, мы поймем, каково место войны в нашей истории. А оно, повторим, вовсе не проигрышное, как мы его традиционно понимали.

Первая мировая была вытеснена на периферию российской памяти как историческая «неудача» (так она воспринималась и воспринимается теперь): не завершившись, подобно войне 1941–1945 гг., убедительной и блестящей победой, она выглядела как цепь ошибок, неудач, поражений, предательств и т.п. Нам долго казалось: здесь нечем гордиться. Конечно, Первая мировая несоизмерима со Второй – для нас Отечественной. Не стала она вровень и с войной 1812 г., юбилей которой страна торжественно отметила буквально накануне 1914 г. Первая мировая не подчинила себе всю жизнь страны и все жизни, не заставила весь народ пойти на всеобщий подвиг, стоять насмерть, забыв о цене побед и поражений. В ней не шла речь о жизни и смерти народа, о самом его существовании в истории. И логика власти не определялась тогда

формулой: «любой ценой», которая в действии способна на столетия вперед обескровить любой народ.

Были и еще причины, по которым Первая мировая не могла стать Отечественной, в отличие от войн 1812 и 1941–1945 гг. В начале XIX в. русское общество после столетнего обучения у Европы было готово к созданию собственной современной, мирового уровня культуры. Но для этого требовался какой-то важнейший и, может быть, даже единственный обряд инициации. Все великие культуры рождаются из подвига. Или, другими словами, подвиг является главным импульсом для формирования высоких культур. Так было начиная с Древнего мира. Так родились, к примеру, современные Соединенные Штаты. У нас это произошло в 1812 г. Мы не можем представить себе ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Л. Толстого, которые и есть великая русская культура, вне и без этого события.

В 1941 г., к осени, мы оказались на краю пропасти. И вновь, как за 130 лет до этого, огромная страна встала – поднялась дубина народной войны. Но и тогда была еще одна причина для всеобщего подвига – для начала Великой Отечественной. Она, конечно, рационально не осознавалась, но ощущалась наиболее проницательными людьми. Как всегда в России, это поэты: от Ахматовой и Пастернака – до молодежи, создававшей военную лирику. На исторической повестке дня стояли две задачи, которые волею судьбы слились в одну: спасение Родины от того безусловного зла, которое несли немецкие армии, и освобождение себя от более чем 20-летнего перманентного большого террора. Этот террор таил в себе не меньшие опасности, чем германец со свастикой. Так случилась вторая Отечественная, так был сотворен второй в российской истории народный подвиг. Современная Россия во многом есть результат этого подвига.

В 1914 г. ничего этого не было – ни экзистенциальной угрозы Отечеству, ни необходимости формирования новой культуры, ни настоятельной потребности остановить самоуничтожение (перманентную внутреннюю войну). Россия жила в своем «золотом веке». Места для национального подвига в той ситуации не было. Поэтому Первая мировая – при всей ее трагичности (а трагична любая война), невиданном (по существу, планетарном) масштабе, убийственной технологичности (это первая война новой – массовидной, механистической – эпохи, нормализовавшая практику массового анонимного убийства) – оказалась для России просто войной, не более и не менее.

Первая мировая и европейская гражданская

Для нас война 1914–1918 гг. гораздо важнее не в военном, а в социальном отношении, так как она ввергла Россию – вместе со всей Европой – в чрезвычайно сложный и трагический процесс. Первая мировая разожгла пла-

мя европейской гражданской (внутренней, социальной) войны, которая раньше всего вспыхнула в России. В одних странах эта гражданская война привела к установлению идеократических диктатур, в других – к обострению классовой борьбы, которую все-таки удалось купировать. Но для этого понадобилась выработка принципиально новых мировоззренческих, социальных, организационных технологий. И в этом смысле странный, казалось бы, призыв Ленина: превратить войну империалистическую в войну гражданскую – имел под собой реальную основу. Ленин по-своему и преследуя собственные, весьма определенные цели, верно уловил одну из главных тенденций социального развития, которую принесла Первая мировая.

По всем внешним показателям это была война национальных государств и национальных культур. В первые ее дни классовое замирение произошло абсолютно во всех странах-участницах, включая Россию. Но затяжной, крайне изнурительный характер войны, к которому оказались психологически не готовы не только будущие побежденные, но и будущие победители, во многом разрушил культурно-цивилизационную оболочку человека, обнажив в нем архаичные инстинкты войны всех против всех. Это и был переход к гражданской войне в общеевропейском масштабе.

Побежденные – немцы и русские – вышли из нее, повторю, через установление крайне жестких диктатур. Победители – французы и англичане – на протяжении межвоенных десятилетий с помощью тех самых новых технологий пытались восстановить у себя социально-психологическое равновесие. Оно, однако, оказалось зыбким в обеих сферах – и в социальной, и в психологической. Под покровом мира царили смута, растерянность, потерянность. В том числе и этим объясняется, к примеру, полная неготовность французов ко Второй мировой[4].

Известно, что межвоенный период стал самым серьезным испытанием для западной либерально-плюралистической цивилизации: целый ряд ее фундаментальных принципов был поставлен под вопрос. Выскажу предположение: великий экономический кризис 1929–1933 гг., как океанический тайфун, прошедший по США и Европе, имел своими причинами не только экономические противоречия и болезни, но и психологические. Принято счи-

4. Раймон Арон, французский социолог и политический мыслитель, говорил: «Тридцатые годы я прожил, обуреваемый чувством горечи от сознания того, что Франция приходила в упадок. Мне казалось, что она погружается в небытие. Уже нельзя было не предчувствовать грозящей ей военной катастрофы… Я остро, с глубокой грустью переживал этот упадок и был одержим одной мыслью – избежать гражданской войны… Многие окружавшие меня французы отдавали себе отчет в нашем упадке… Я… никогда не испытывал… чувства исторической, если можно так выразиться, горечи. Ибо после 1945 г. Франция преобразилась» (Арон Р. Пристрастный зритель. – М.: Праксис, 2006. – С. 89–90).

тать, что в ходе и после окончания этого кризиса значительная часть западного общества впала в психологическую депрессию. Думаю, такая депрессия была не только следствием, но и, повторю, причиной кризиса. То есть сам кризис явился следствием той депрессии. Вот еще один глобальный результат Первой мировой. В целом Европа покончила с гражданской войной только в следующей мировой.

Вообще, ситуацию 1914–1945 гг. можно в некотором отношении уподобить Тридцатилетней войне XVII в. (1618–1648). Из той мировой вышел новый порядок, основой которого стало национальное государство. В Европе совершился переход от религиозной идентичности к государственно-политической. В результате 30-летней войны XX в. (1914–1945) перешли от национально-классовой (от nation state и классовой дифференциации общества) и социально-дифференцированной идентичности к наднационально-гуманистической и социально-примирительной. В этом значение событий, которые произошли в мире (прежде всего в Европе) в середине XX столетия.

Надо сказать, что Россия оказалась вне этих трансформаций. Впрочем, как и всегда. В первую 30-летнюю войну она отметилась неудачной осадой Смоленска (1632–1634) и вполне эффективной помощью протестантским государствам – прежде всего Дании, которая получала от нас зерно по сниженным ценам (как сегодня получает газ Белоруссия и до недавнего времени получала Украина). И в 30-летней войне XX в. у России совершенно особое место, ничем не похожее на ситуацию XVII столетия. Ситуация в Европе складывалась так, что СССР–Германия оказались на одной стороне. Однако именно России–СССР суждено было сыграть решающую роль в уничтожении главного зачинщика европейской войны – Германии. СССР уничтожил силы европейской социально-гражданской деструкции и, как оказалось в перспективе, обеспечил победу силам социального консенсуса / согласия.

Взгляд на Первую мировую войну с точки зрения общеевропейских результатов / последствий, вероятно, и должен стать определяющим для ее изучения. Прежде всего у нас, в России. В этом ракурсе иначе выглядят и сама война, и советская история.

О Великой войне и Великой революции: Диалектика воспоминаний

Что же касается возрождения в современной России памяти о войне 1914–1918 гг., то об этом необходимо сказать еще следующее. Кажется, что таким образом мы (мы: это общество, власть – вместе, помогая друг другу) пытаемся нейтрализовать и заместить воспоминания о революции 1917 г. Они были установочными для «старой» (советской) системы, но в нашем «новом» мире оказались необязательными, ненужными, излишними. Когда-

то революция вытеснила из нашей памяти Первую мировую войну – теперь, почти через столетие, происходит обратный процесс.

Революция для нынешних россиян (и для «управляющих», и для «управляемых») – это проблема, с которой мы не хотим и не можем разбираться. Именно потому, что ответив на вопрос: «чем была русская революция?», мы со всей определенностью скажем – «кто мы». В современной России и такие вопросы, пугающие своей серьезностью, и ответы на них неактуальны. Она бежит от проблем и сложностей, от определенностей – и в отношении прошлого, и в отношении будущего. Имеет значение только настоящее – как бытовое обустройство, текучка, сиюминутность. Но оно утомляет и разочаровывает, пугает неподконтрольностью и отсутствием уверенности в будущем. Чтобы выжить в нашем настоящем, нужна опора.

Такой опорой для современных россиян стала память – не история, многообразная, сложная, подчас трагическая и большей частью прозаически-негероическая (ведь такова человеческая жизнь), а ее идеализированные образы, представления, воспоминания, дающие счастливое забвение. Современная Россия как в убежище укрывается в иллюзорном мире сконструированного прошлого, перекрывает им тяжелую, малопонятную реальность. Она живет, ностальгируя, вне истории (факты – то, как было «на самом деле», – не имеют над ней власти), разменяв на утопические грезы реальные перспективы. Воспоминания о славном, героическом, великом прошлом отчасти успокаивают, гася сомнения и неуверенность в себе, отчасти будоражат, заводят, возбуждают, требуя подтверждения: новых побед – правда, не над собой (внутренним преобразованием, улучшением российской жизни), а над другими.

В последнее десятилетие главным символическим убежищем было для многих нас советское прошлое. В нем мы обрели свой «золотой век». Теперь зоной побега от сложностей настоящего, неопределенности перспектив и вопросов, которые ставит перед нами история, становится и Первая мировая война. На наших глазах происходит ее глоризация (прославление, воспевание), в связи с ней раздувается пафос исторической обделенности России (она всем пожертвовала и все потеряла, плоды ее победы присвоены). Образами великой, но забытой войны может быть перекрыта революция, замаскирован смысл этого главного события русской истории XX в. Попытка инкорпорировать войну 1914–1918 гг. в исторический фундамент легитимности нынешнего режима и национальной идентичности определена, на наш взгляд, именно этой логикой.

Т.Г. Леонтьева

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Леонтьева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета.

Тотальный характер Первой мировой войны требовал максимальной мобилизации духовных ресурсов воюющих сторон. Насколько эффективной оказалась в этом отношении Русская православная церковь? Удалось ли духовенству вдохновить массы простых людей на победу?

Исход войны для России не дает однозначный ответ на этот вопрос. На деле положение было сложнее, причем в современной исследовательской литературе эта сторона истории православной церкви все еще обходится стороной.

Накануне войны Александр Введенский, будущий лидер обновленцев, сделал характерное заявление: «Неверие растет. …Сомнения в Божестве Христа все растут и растут» [8, с. 3, 65] (возможно, тогда и зародилась идея «Живой церкви»). Один из думских депутатов выражался куда более резко, с его слов, 90% православных – еретики или отпавшие от веры и церкви [30, с. 270]. Обрядово-культовый характер официального православия признавал и обер-прокурор Св. Синода [12]. Эту мрачную картину дополняли всем известные факты бедности рядовых, особенно сельских, священников, их аграрные споры с крестьянами, внутрипричтовые склоки [37, 46, стб. 1391–1392; 23, с. 279–299]. Причем, если ранее она считалась типичной лишь для центральной части России, то в начале XX в. к числу проблемных стали относиться и некогда благополучные юго-западные губернии. Митрополит Евлогий (Георгиевский), в 1912–1914 гг. архиепископ Холмский, отмечал наличие в крае обнищавших сельских приходов, морально подавленных, пьянствующих священников. С его слов, даже в «образцовой» Почаевской лавре некоторые насельники возомнили себя аристократами, а других считали «мужичьем и дармоедами» [16, с. 214–217, 225, 228, 227]. «Внутриведомст-

венные» проблемы усугублялись трениями между католиками, униатами и православными, распространением антисемитизма [2, с. 195, 201, 210–211]. Высокие нравственные качества отдельных представителей духовенства не меняли общих негативных представлений о косном, погрязшем в мирских пороках сословии [9, с. 253–254; 41, с. 136–137]. Словом, ключевой христианский идеал «братского единения и христианского смирения» имел мало общего с конфессиональной обыденностью.

Между тем возможность войны требовала от духовенства корпоративной сплоченности, единения с паствой и взаимопонимания со светской властью. Но в начале XX в. острые проблемы обнаружились и в военном духовном ведомстве. Беспомощность полковых священников в ходе Русско-японской войны была столь очевидной, что одни иереи заговорили о бесполезности института военных священников вообще, другие – о необходимости радикальных реформ. В повседневной жизни приходские служители считали своих военных собратьев «белой костью», однако престиж армейских и судовых священников также был невысок. Военное командование, сознавая значение института военного духовенства для «окормления» личного состава, стремилось поддержать его престиж, но офицерское сообщество упорно не признавало «попов» равными в сложившейся армейской иерархии. Зачастую офицеры позволяли себе вульгарно-снисходительное, реже – корректно-холодное отношение к священникам [10, с. 320].

Наиболее прозорливые представители духовного ведомства считали подобные «перекосы» принципиальной ошибкой. Назначенный в 1911 г. протопресвитером[1] Георгий Шавельский, зарекомендовавший себя опытным полковым священником в русско-японской кампании, немедленно заявил о необходимости перемен. Программа его деятельности выражалась в двух тезисах: максимально облегчить работу военного и морского духовенства и привлечь в его ряды лучшие силы [42, с. 436, 442]. В журнале «Вестник военного и морского духовенства» развернулась весьма горячая полемика относительно положения армейских священников, в ходе которой выяснилось, что и им не чужды иные «солдатские» пороки. Самого Шавельского, впрочем, больше огорчало, что в экстремальных условиях они ведут себя подчас «неразумно и дико», а потому он предлагал специально готовить их для работы на поле брани [40, с. 79].

По инициативе о. Георгия 1–11 июля 1914 г. в Петербурге состоялся Всероссийский съезд военного и морского духовенства – первый за 100 лет существования ведомства. 49 священников – делегатов от всех 12 военных округов России разработали подробную инструкцию (памятку). Военным

1. В соответствии с Табелью о рангах титул протопресвитера приравнивался к званию генерал-майора в военном ведомстве, в церковном – архиепископа.

священникам, кроме исполнения привычной работы (требы, проповеди, распространение духовной литературы, борьба с сектантами и пьяницами), предписывалось помогать в перевязке ран, эвакуации с поля боя убитых и раненых. Они обязаны были извещать родных о смерти солдат, создавать общества помощи семьям убитых и увечных воинов, заботиться об уходе за воинскими захоронениями, устраивать походные библиотеки[2].

По замыслу Шавельского, военные священники должны были также наблюдать за политическими настроениями «окопников». Гражданскому духовенству, в свою очередь, рекомендовалось вести пропаганду среди отпускников и запасников для поддержания верноподданнических чувств. Духовному правлению при протопресвитере поручалась также разработка инструкций по организации обществ трезвости [27].

Новые начинания общество восприняло несколько иронично. Но, как оказалось, решения съезда пришлись кстати – не успели делегаты разъехаться по домам, как была объявлена мобилизация.

С началом войны ведомству протоиерея Шавельского Св. Синоду и тыловому духовенству пришлось решать непростую задачу: вдохновлять беспокойное население поликонфессиональной империи на служение верой и правдой царю и Отечеству с оружием в руках. Ситуация в значительной степени осложнялась разномыслием внутри «господствующей и первенствующей» церкви. Синод оказался в эпицентре скандалов, связанных с Г. Распутиным; как результат: иные епархиальные архиереи уклонялись от контактов с неуважаемым начальством [24, с. 401–402]. Между тем от их слаженного взаимодействия во многом зависел боевой дух армии. Удалось ли православным священникам выполнить свое предназначение? Попытаемся прояснить вопрос, опираясь на малоизвестные источники личного происхождения, материалы региональных архивов и периодической печати.

* * *

В первый день войны после молебна о даровании победы русскому воинству в Казанском соборе состоялось экстренное заседание Св. Синода, посвященное координации деятельности церковных структур [31, с. 9]. После повеления императора особо отмечать каждую военную победу, Св. Синод принял определение о совершении служб с колокольным звоном во всех церквах империи. Предписывалось также формировать контингент армейского духовенства с непременным привлечением священников из тех епархий, где квартировали те или иные воинские части.

2. Подробнее см.: Вестник военного и морского духовенства (ВВ и МД). 1914. № 17.

Активизировалась церковная пресса. Ей вменялось решать непростую с точки зрения христианского этоса задачу – обосновывать необходимость и даже «полезность» войны, разоблачать враждебные замыслы государств-противников и «внутренних врагов». Многие иереи в этом деле заметно «преуспели». Так, кишиневский миссионер в полемике с баптистами доказывал, что «война за правое дело есть дело Божие, есть дело священное… наивысший долг любви, заповеданной Спасителем.., и всякий, говорящий иное, есть изменник Богу, царю, вере, родине и всей нашей русской христианской жизни, и самый коварный враг и предатель дорогой родины»[3].

Поначалу главная задача виделась в обосновании вступления России в войну. Идеологи церкви сразу же подхватили идею «решающей схватки» славянства с германизмом, хотя славянство, как известно, не было едино в конфессиональном отношении. При этом РПЦ решительно отбрасывала либеральную идею о «борьбе права с произволом» (где право представляла Антанта, произвол – «тевтоны»), а делала акцент на антихристианскую сущность противников славянства. И здесь православные идеологи невольно впали в противоречие: в справедливости войны со стороны России могли усомниться не только российские лютеране и католики, но и все христиане неславянского происхождения (грузины, армяне, не говоря уже о малых народах).

Непросто было православной церкви определить свои позиции по отношению к исламу. Со страниц «Церковного Вестника» обывателю внушалась, к примеру, мысль о существовании «двух “исламов”, протестантского и мусульманского в лице Германии и Турции, фанатично ненавидящих восточное христианство», заставляющих Россию «взять в руки меч Олега и Игоря». Так создавался образ жестокого врага-нехристя с «дикой, варварской, хищной и кровожадной» душой. Только победа над ним сулила «мирное царство Божие» [37, 44, стб. 1324; 47, стб. 1426–1427; 39, стб. 1162; 40, стб. 1190; 46, стб. 1395; 48, стб. 1448; 52, стб. 1573]. Читателю попроще внушалась мысль о необходимости «ратного подвига» во искупление многочисленных грехов. Особенно часто этот сюжет мелькал в епархиальной прессе[4].

* * *

Европейская война не могла восприниматься – и не только в России – иначе как в эсхатологическом духе. Она вызвала несомненный подъем религиозных чувств – как искренних, так и фарисейских. Даже секуляризированная интеллигенция склонялась к тому, что «войну надо принимать религиоз-

3. Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. – 1914. – № 11. – С. 236.

4. Подробнее: Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). – 1914. – № 31; Орловские епархиальные ведомости. – 1914. – № 43; Тверские епархиальные ведомости (ТЕВ). 28 июля 1914 г. – № 30. – С. 562. Также см.: [5, с. 345–348; 37, 45. стб. 1346].

но», хотя такая позиция явно походила на презираемый ею казенный патриотизм [13, с. 294].

Во всех городах России объявление войны встретили массовыми манифестациями. Трудно сказать, что руководило людьми: настоящее патриотическое чувство или испуг перед неизвестностью, но непременными их участниками становились священники, семинаристы и воспитанницы епархиальных училищ. Практически в каждой духовной семинарии и академии обнаружились добровольцы [10, с. 170–171]. Получив «Молитвенную памятку воину, идущему на поле брани», они уходили на фронт с надеждой, что война закончится взятием Берлина к Рождеству.

С началом войны протопресвитер Шавельский вошел в число присутствующих на Военном совете и в Ставке Верховного главнокомандующего, получил право личного доклада императору (чего не удостаивались его предшественники), стал присутствующим членом Св. Синода [42, с. 14; 40, с. 100]. Побывав на фронте, о. Георгий лишний раз убедился в несовершенстве работы армейского духовенства. Обнаружились также изъяны поспешной «церковной мобилизации» в тылу: епархиальные архиереи, пользуясь случаем, отправляли на фронт престарелых, скандальных, а порой и запрещенных в служении священников и дьяконов. Случалось, что иные из них за определенную мзду «заменяли» священников, не желавших покидать насиженный приход. Протопресвитеру приходилось разъяснять, что «действующая армия не приют для престарелых и не духовный дисциплинарный батальон». Были однако и отрадные исключения: протопресвитер отмечал 29 молодых кишиневских священников «первого набора» – образованных, энергичных, самоотверженных, прошедших специальные медицинские курсы [42, с. 445–446]. В один из полков прибыл служить обладатель университетского диплома А. Введенский [22, с. 23]. В составе санитарно-питательного отряда отправился на войну молодой монах (в будущем известный митрополит) Николай (Ярушевич)[5]. Однако в большинстве своем мобилизованные священники нуждались в «надзоре и руководстве».

Согласно статистике, в рядах «духовного воинства» к 1914 г. насчитывалось около 730 священников, 150 дьяконов и псаломщиков, а в разгар войны – до 5 тыс. человек [33, с. 161; 18, с. 38]. Но и последнюю цифру нельзя признать значительной: в рядах не столь многочисленной французской армии насчитывалось 16–20 тыс. католических священников, были среди них и добровольцы, отправившиеся в армию капелланами за свой счет [37, 43, стб. 1310]. В русской армии также вводились должности римско-католических капелланов, евангелическо-лютеранских проповедников, мулл,

5. Колокол. – 1914. – № 43. – Стб. 1303.

армяно-грегорианских священников, ламаистского духовенства и раввинов. Впервые учреждались должности старообрядческих священнослужителей. Но в среднем на одного священника приходилось более 2500 человек «окормляемых», а к 1917 г. – 3200 [18, с. 40, 46–47, 39], что значительно усложняло решение возложенных на них задач.

Уже первые соприкосновения с военной действительностью подтвердили, что империя, позиционирующая себя «мировым ктитором и защитником православия», недостаточно заботится о «титульной» церкви. Неудивительно, что война стала рассматриваться ее служителями как благоприятный момент для поднятия своего авторитета [37, 47, стб. 1423]. Однако проповедникам слова Божьего предстояло не просто наставлять «христолюбивое воинство» на подвиги, но и способствовать формированию особой надконфессиональной идентичности и единой воли к победе [2, с. 235; 39, 25–27, стб. 551].

Применение новейшей техники – аэропланов, цепеллинов, отравляющих газов, тяжелой артиллерии – требовали особой психологической адаптации: преодолевать страх приходилось не только солдатам, но и самим священникам. Служить в таких условиях, даже опираясь на грамотно составленную инструкцию, священникам было непросто. Им предстояло сформировать новое «религиозное отношение к войне»: смотреть на нее как на «попущение Божие, необходимое для благих конечных целей Промысла» [37, с. 39, стб. 1165]. Уверенность в собственной «силе духа» вряд ли доходила до бывших крестьян, оказавшихся под огнем тяжелых орудий.

В этих условиях помогала потребность в привычном ритуале. Высшее военное начальство, офицеры, солдаты рядом стояли на молебнах, регулярно причащались, хотя кое-кому подобное поведение казалось архаичным чудачеством [2, с. 185; 9, с. 275]. Солдаты помогали священникам устраивать походные часовни, организовывать хор на общей молитве или панихиде. Военврач А. Оберучева вспоминала, что однажды за ночь они построили церковь из оконных рам и молодых деревьев, раздобыли облачения, местночтимые иконы и сосуды для службы[6]. Раненых прямо на кроватях и носилках выносили к алтарю. Но порой священникам приходилось проводить службы прямо в окопах, куда пробирались по ночам с риском для жизни [2, с. 203, 225; 37, 44, стб. 1334].

Один из военных корреспондентов так описывал службу на фронте: «Походная церковь. Двери убраны ельником, прибиты зеленые кресты. В небольшой с низким потолком комнате шла Вечерня. С молитвою начинал русский воин всякое дело и ею завершал каждый прожитый день…» [20, с. 151].

6. Только в 1916 г. был открыт Комитет по сооружению подвижных храмов, налажен выпуск военно-походных и плавучих церквей [33, с. 163]. Их производство организовал фабрикант С.С. Мешков [26, с. 300].

Известны случаи, когда службы проводились в униатских храмах, костелах, а то и вовсе в молельнях беспоповцев, на турецком фронте – в армянских храмах и мечетях. Бывало, что, окропив святой водой сараи, амбары, помещения вокзалов и театров, священники и там совершали литургию[7].

Тяжелым испытанием для священников стала служба в госпиталях: приходилось самим искать место для исполнения треб умирающих. «…Батюшка очень спешил, так как раненые умирали; он весь дрожал от утомления и сильных переживаний, – вспоминала монахиня. – Картина была ужасная: на полу, сплошь залитом кровью, лежали раненые, у многих сильно поврежден череп, виден был мозг, липкая кровь обливала лицо, прилипали надоедливые мухи» [2, с. 174].

В этих условиях по-новому воспринималось таинство смерти. Сохранились свидетельства о трепетном отношении к похоронной процедуре всех ее участников – ее воспринимали как проводы на вечный покой [2, с. 240–245]. Когда удавалось, на месте погребения сооружали часовни. Раненые и верующие из персонала настаивали, чтобы священники сопровождали погибших воинов до кладбища [7, с. 21]. Порой их отпевали вместе с солдатами противника. Один из очевидцев описал такой случай: на носилках семь русских солдат и один немец в синей шинели. Немца похоронили рядом, поставили над ним особый крест [20, с. 120]. Мало-помалу откровенно-простодушный цинизм войны брал свое, на панихидный ритуал взирали, как на обычную «работу»[8].

Мало кому из военных священников удавалось устраивать свой быт с подобающими чину удобствами. Размещаться приходилось где придется, чаще всего под одной крышей с военными врачами, которые имели обыкновение задавать «простодушный» вопрос: война есть нарушение Божьих заповедей, зачем же священникам отправляться на войну?[9]. Один из полковых батюшек, сокрушался, что врачи порой демонстративно раздевались «рядом со святынями», бросали на них свою одежду, не говоря уже о том что «неподобающе вели себя с сестрами» [2, с. 179–180]. «Интеллигентский нигилизм» так или иначе подтачивал устои сакрального.

Военная повседневность скрашивалась праздниками. Они сближали православных с инославным окружением. В Польше в одном храме в пасхальные дни оказались православные медсестры и женщины-католички [2, с. 194–

7. Кострюков А.А. Особенности богослужения в действующей армии в начале XX в. (об одном «свидетельстве» Н.Д. Жевахова) // Церковно-общественный вестник (ЦОВ). – 2007. – № 14. – С. 158–159.

8. Письма прапорщика Е.Г. Герасимова с фронта Первой мировой войны // Электронный ресурс. Режим доступа: http://vladregion.info/articles/pisma...

9. ВВ и МД. – 1915. – № 6. – С. 163.

195]. Пресса публиковала трогательные рассказы о совместных молениях солдат с галичанами «в бедной униатской церкви»[10]. Генерал А.Е. Снесарев после совместной рождественской службы, заявил: «Если наши духовные вожди не будут слишком формальными, возврат униатов в лоно Православной церкви совершится скоро и сам собою» [34, с. 76]. Формальная обрядность уступала место естественной вере, обостренной близостью смерти. Враждующие комбатанты уже в 1915 г. на Пасху выходили друг к другу, христосовались, обменивались угощениями[11].

Как обычно, в канун праздников возрастало число исповедующихся. Один из священников сообщал: «Более высокого и чистого состояния на исповеди, чем со своими солдатами, я никогда не переживал… Душа открытая, раскаяние легкое… замечательные лица…Таково христолюбивое воинство…» [37, 50, стб. 1519, 1520]. Первое время все священники подчеркивали «истинно христианскую» незлобивость русских солдат. Известный проповедник В. Востоков приводил якобы типичный случай: русский солдат просил в госпитале: перевяжите сначала немца, мы нанесли раны друг другу, но он страдает сильнее[12].

По мере ожесточения воюющих благостные настроения сходили на нет. Перемены в религиозных переживаниях солдат отразились в письмах с фронта: упование на Бога, вера в силу молитвы и охранительную мощь креста просто исчезали. Боевые неудачи, голод, вши, плохое обмундирование, инфекционные болезни[13], а равно и слухи об «измене» царя и царицы, похождениях Распутина также сказывались на уровне «окопной религиозности». Все чаще у солдат и матросов обнаруживались антицерковные настроения, а «потеря души» оборачивалась депрессией и откровенным богохульством. Известны случаи, когда солдаты сжигали кресты на братских могилах [36; 11; 3, с. 412]. Если в 1915 г. священников и церковь лишь упрекали в отступлении от заповедей Христовых [28, с. 394], то в 1916 г. случались массовые уклонения от исполнения обрядов, переходящие в отрицание Бога [36, с. 100, 111, 120]. Образ героя-священника, крестом поднимающего на подвиг, в сознании солдат сменился образом попа, склонного к амурным прегрешениям. В солдатском фольклоре появляется фигура попа-волокиты за сестрами милосердия [21, с. 336–337].

10. ВВ и МД. – 1915. – № 4. – С. 105.

11. Локтева Н.А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патриотического духа солдата // Электронный ресурс. Режим доступа: http://august-1914.ru/lokteva.html

12. Друг пахаря. – 1915. – № 3. – С. 4–5.

13. Локтева Н.А. Там же.

Разумеется, потребность ***в вере*** не исчезала. Сохранилось «коллективное завещание» офицеров и воинов 464-го пехотного Селигерского полка (расквартированного в Тверской губернии), подписанное полковым священником о. Василием (Беляевым). Солдаты и офицеры, ожидавшие отправки на фронт, просили тверского губернатора установить постоянную молитву в храмах и обителях о здравии воинов, а после их гибели – непрестанное поминовение [35, с. 140–142]. Предполагалось, что так можно добиться «молитвенного единения… с населением местности», где дислоцировался полк. Инициатива священника получила широкую известность, и вскоре командованию полка пришлось деликатно сетовать на переизбыток подарков из родных мест – икон, крестиков и предметов обихода [35, с. 145–146].

Протопресвитер Шавельский считал, что священники в большинстве своем достойно выполнили свой долг [41, с. 91–108]. По отзывам тех, кто был с ними рядом, их старания возрождали «христианскую любовь первых веков» [2, с. 171, 174]. Но нельзя забывать и о других мнениях. «Духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск,.. вера не стала началом, возбуждающим на подвиг или сдерживающим от развития… звериных инстинктов», – констатировал А.И. Деникин [14, с. 79–80]. Представляется, что генерал задним числом преувеличивал степень ответственности «титульной» церкви за военно-политические неудачи самодержавия.

* * *

Несомненно, духовенство попыталось укрепить свои позиции по отношению к государству, пользуясь тем, что «народ духовно воскрес». В ужасах войны (мобилизация, реквизиции, наплыв беженцев и военнопленных, первые потери и призрак голода) людям виделась кара Божья. Повсеместно отмечался наплыв народа в храмы, наблюдалось заметное увеличение «показателей обрядности»: росли продажи просфор, чаще заказывались молебны с акафистами [43, с. 252–253]. Известны случаи массовых венчаний перед отправкой на фронт, «дабы встретиться хотя бы на небесах»[14]. Считалось, что «частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства …гасли в общем массовом благочестии»[15].

Общественности, как светской, так и церковной, казалось, что большую роль сыграло «благодетельное отрезвление народа по Царскому слову» –

14. Так, в селе Адашево в 1914 г. венчались 19 пар. См.: Приход Троицкой церкви с. Адашево Кадошкинского района. Республика Мордовия // Электронный ресурс. Режим доступа: http://troickaya.adashevo.ru/istoriay/page5.htm Подобные случаи известны также в Тамбовской губернии и других регионах России [43, с. 244].

15. ГА ТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 34378. Л. 32.

прекращение торговли вином. Писали, что «отовсюду идут сообщения, что за один месяц русский народ духовно совсем переродился», осознав, «каким великим благом может быть …трезвость» [33, с. 162; 37, 44, стб. 1313]. В деревне вроде бы даже исчезли ссоры и кражи; сельские и волостные сходы стали проходить спокойнее [19, с. 439–450; 24, с. 403–404]. Полицейские сводки рисовали трогательную картину осознания народом необходимости «войны на благо Родины»[16].

Повсеместно наблюдалось «деятельное» отношение к войне. Так, при больнице Почаевской лавры открылся перевязочный пункт, монахи поголовно стали братьями милосердия, приобретавшими на свои средства перевязочные материалы, необходимый инвентарь, продукты питания. В Житомире был создан церковно-общественный комитет во главе с митрополитом Евлогием для координации деятельности госпиталей, размещенных в зданиях духовного ведомства. К врачам и священникам присоединились «дамы высокой души», зачастую обслуживавшие раненых при транспортировке их по месту жительства.

Скоро появились раненые и в центральных губерниях. Первых из них население встречало цветами, восторженными приветствиями, вкусной едой. Но вслед за тем по дорогам потянулись перегруженные подводы с изуродованными телами солдат (железнодорожного транспорта не хватало), которых по прибытии на место попросту сваливали на землю. Стало ясно, что требуется особая помощь страждущим на пути их следования [7, с. 23–25]. Между тем светские организации помощи раненым находилось в состоянии беспорядка [6, с. 84]. К делу призрения раненых, беженцев, членов семей мобилизованных присоединились практически все епархии[17]. Уже в августе епархиальные лазареты появились в Москве, Твери, Петербурге, Перми, Томске, Барнауле, Пензе[18].

В лазареты и в действующую армию направлялись вещевые посылки, в тылу открывались приходские школы для детей беженцев[19]. Отдельные причты, епархиальные архиереи, жены священников жертвовали деньги и

16. ГА ТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 241–242.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2787. Л. 10 об.

18. См.: Московские церковные ведомости. – 1917. – № 3–4. – С. 55; ГА ТО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–22 об.; Пензенские епархиальные ведомости (ПЕВ). – 1914. – № 23. – 1 декабря. – С. 981; Пермские епархиальные ведомости. 1915. Сентябрь. См. также: [37, 41, стб. 1238; 43, стб. 1301; 44, стб. 1337];

19. Святомученик Андроник, Архиепископ Пермский и Кунгурский // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng... ПЕВ. – 1914. – № 23. – С. 981.

вещи[20]. Священник-композитор о. Василий (Зиновьев, г. Ярославль) сочинил кантату «Русь Святая», партитура которой оказалась весьма востребованной. Средства от ее продаж по распоряжению автора полностью шли на военные нужды[21]. Только в 1915 г. силами православного духовенства на нужды фронта было собрано 6,1 млн руб.[22].

В госпитальном движении активно участвовала и православная молодежь. В 1914 г. добровольцами на фронт направились воспитанники духовных семинарий и училищ. Даже в 1916 г., когда военно-патриотическая эйфория угасла, семинаристы продолжали рваться в действующую армию[23]. Искренний энтузиазм не мог остаться незамеченным. Однако бедствия нарастали. В госпиталях уже осенью 1914 г. свирепствовали сыпной тиф, дизентерия, холера [2, с. 181, 229].

Недостаток должного ухода за ранеными возбудил в прессе вопрос о восстановлении древнего института диаконис, которые могли бы стать квалифицированными наставницами сестер милосердия [37, 41, стб. 1236]. Церковное руководство готово было откликнуться на это предложение. Но развитие событий, как в тылу, так и на фронте, стали определять иные факторы.

* * *

Духовная жизнь страны неуклонно политизировалась. Православные миссионеры объявили настоящий крестовый поход против «социализма, еврейства, масонства и неверия». Аргументация была проста: Карл Маркс и Фердинанд Лассаль были «типичными евреями со всеми свойственными этой расе нравственными недостатками» [37, 42, стб. 1264; 38, 3, стб. 76; 46, стб. 1384–1385; 39, 25–27, стб. 540; 43–45, стб. 773–776]. Трудно сказать, какая часть духовенства поддерживала подобные установки. В любом случае в главенствующей церкви назревала настоящая смута по вопросу внутриконфессионального бытия.

Ситуация усугублялась тем, что религиозный аффект первых месяцев войны сменился растерянностью, в тылу нарастал разгул страстей отнюдь не христианского свойства. «Вера православная расшатывается, приход разлагается, влияние духовенства падает, сектантство растет, усиливается», – такое

20. Смоленские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23. – С. 719; № 24. – С. 751–753; Кижаева Т.А. Социально-каритативная деятельность православных учреждений Томской епархии в годы Первой мировой войны // http:new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/70.html; ПЕВ. – 1914. – № 23. – С. 981. ТЕВ. – 1915. – № 3. – 19 января. – С. 21. См. также: [24, с. 403].

21. Электронный ресурс. Режим доступа: www.horist.ru/biblioteka/zinovijev.shtml

22. См.: ЦОВ. – 1915. – № 2.

23. ГА ТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1550. Л. 83.

заявление приходского священника Тихомолова в ноябре 1914 г. звучало еще необычно [39, 46, стб. 1390]. Однако уже в начале 1915 г. настоятели приходов указывали на внешние признаки снижение благочестия: торжища по воскресеньям, уклонение от храмовых служб и исполнения треб, непочтительность к церковной братии[24]. Протоиерей И. Восторгов отмечал, что «все сознают, что современная война во многом… разочаровала, много верований и воззрений поколебала» [29, 51, с. 2495]. Священнослужители – депутаты Государственной думы в записке обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру констатировали «оскудение в церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества»[25]. Подобные настроения отмечали епископы Вятской, Московской, Нижегородской, Вологодской, Рижской и Харьковской епархий [17, с. 46–48].

Епархиальные архиереи наперебой предлагали меры противодействия «духовным нестроениям». Тверской епископ Серафим (Чичагов), предвидя негативные последствия возвращения фронтовиков, озлобленных войной и казармой, призывал приходское духовенство вести работу в семьях мобилизованных, чтобы сдерживать «размахавшихся в штыковых боях» солдат[26].

Безверие было связано и с другим фактором. Было замечено, что «хулиганство и легкомысленное отношение к вере встречаются по преимуществу среди той части молодежи, которая занимается отхожими промыслами». Многие из них «забывают храм Божий… нравственно падают» [17, с. 45–47]. В связи с этим поступали предложения соединить усилия церкви и земства, актуализировать тематику проповедническо-назидательных собеседований с молодежью[27]. В Харьковской губернии особо отмечалась распущенность «пролетарской» молодежи, непочтительной «к родителям и вообще к старшим» [39, 25–27, стб. 544].

Некоторые иереи ополчились на редакции газет, «захваченных в плен… неверами, чаще – врагами Церкви, явными и тайными» [29, 26, с. 729]. Другие заявляли, что «распространение в народе неверия – результат работы деревенских просветителей» [37, 46, стб. 1398]. Считалось, что горожане развращаются чтением газет, кинематографом; как результат, иные из них отказываются держать в домах иконы и впадают в сектантство[28].

Наиболее решительные клирики считали, что «причину надо искать в самом духовенстве» [37, 46, стб. 1390], намекая на внутрипричтовые раздоры. Дурной репутацией пользовались некоторые монахи. Наиболее одиозный из

24. ГА ТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169. Л. 150–163.
25. Христианская мысль. – 1916. – № 6. – С. 141–142.
26. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5; ТЕВ. – 1915. – № 2, 12 января. – С. 21.
27. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2752. Л. 14 об.
28. См.: Современный мир. – 1916. – № 4. – С. 135–145; См. также: [1, с. 10, 29].

них – иеромонах Илиодор (Труфанов) проявил себя не только как праворадикальный политик, но и интриган, распускавший антидинастические слухи [21, с. 538–539]. Ходили разговоры о том, что ставленник Распутина епископ Тобольский Варнава (Накропин) принимал в псаломщики для освобождения от военной службы, грубо обращался со священниками, а семинаристов обзывал «ослами» [15, с. 71]. Авторитет церковных верхов катастрофически падал.

Грехи (реальные и выдуманные) приходских настоятелей обычно бывали попроще. Иные из них неоправданно завышали стоимость треб – а тем временем панихид становилось все больше [43, с. 255]. Пермский владыка Андроник признавал, что в народе развилось «подлое хищничество, взяточничество» и стремление «нажиться на чужой беде»[29].

Даже женщины, усердно посещавшие церковь, подчас проникались едва ли не ненавистью к ее служителям [17, с. 52]. Непопулярная война все больше ассоциировалась не только с продажным правительством и бездарным командованием, но и беспринципным духовенством. Антипоповские настроения захватывали, в первую очередь, солдаток. Многие, получая пособие за мобилизованных мужей, забрасывали хозяйство и предавались сомнительным развлечениям с военными [43, с. 254–255].

Епархиальные архиереи один за другим сетовали, что их прихожан «смущают» прибывающие на побывку фронтовики [17, с. 47–49, 51–52, 55–56], их рассказы действительно обретали социально-деструктивное качество. По словам вятского преосвященного Феофана, солдаты, раненые, отпускные «проповедуют гнусные идеи, прикидываются неверующими атеистами; доходят до богохульства и святотатства». Еще большее зло он усматривал в привычке иных из них впрыскивать морфий, которая, с его слов, захватила и часть священников [25, с. 332–334]. Потерявшие страх Божий ратники, оказавшись в тылу, бесстыдно воровали, позволяли «себе безобразные выходки, брань, угрозы и даже насилие». Так, нижние чины запасного батальона в г. Зубцове Тверской губернии «превратили кладбище в место общественных гуляний» и разгромили его так, что «стали видны кости покойников» [35, с. 374–375, 380–389]. Священники признавали, что даже в праздники не наблюдалось былого благочестия, верующие демонстративно игнорировали посты[30].

Вызывало беспокойство церковного сообщества «размывание» духовного сословия; писали даже о «полном подавлении и порабощении православно-русской богословской мысли чуждою немецко-протестантскою» [38, 2,

29. Святомученик Андроник...

30. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 9 об.

стб. 47]. Обострилась проблема кадрового дефицита[31]. Пытаясь решить ее, Св. Синод разрешил в 1916 г. допускать женщин к исполнению обязанностей псаломщиков. Таковыми становились, как правило, жены священников или еще недоучившиеся семинаристы [43, с. 230][32]. В Тверской епархии в этой связи в 1915 г. вознамерились открыть школу для псаломщиков на 70 человек[33].

Все чаще со стороны духовенства звучали мрачные пророчества[34]. «Я предвижу великие несчастья для нашей святой церкви», – заявлял вятский владыка Феофан. Аналогично высказывались архиепископы Пензенский Владимир (Путята) и Уфимский Андрей (Ухтомский) [25, с. 332–334]. Пермский владыка Андроник в середине 1916 г. и вовсе предрекал: «Церковь от нас – русских – может уйти… и даже весьма скоро»[35].

Тем не менее в массе своей лица духовного звания оставались с народом, разделяя с ним тяготы невиданной войны. В 1914–1918 гг. они понесли немалые людские потери: около 40 священников погибли, около 400 получили ранения или контузии, более 200 оказалось в плену [42, с. 453; 37, 50, стб. 1531–1532; 39, стб. 1167]. Подвиги «духовного воинства» были отмечены наградами[36]. Но духовные чада, с которыми они вместе оказывались под пулями, перестали видеть в них теперь своих пастырей. Мужество, отвага и жертвенность представителей военного духовенства не спасли Россию.

Конечно, Русская православная церковь, чье естественное подвижничество столетиями сковывалось бюрократической государственностью, объективно была мало приспособлена к вдохновенной работе в экстремальных условиях великой войны. Кто-то из священников оказался на высоте своего пастырского долга, кто-то уныло тянул приходское «тягло», кого-то охватила политическая суетность своего времени.

Война обернулась крушением создававшейся веками российской государственности, а следовательно, и многовекового союза государства и православной церкви. Как часть государственного механизма, РПЦ развалилась; выжить без привычной поддержки духовное сословие не могло. Неслучайно «духовенство в массе своей …легко поддалось революционному психозу»

31. Журналы епархиального съезда ...Московской епархии 1916 года. – С. 61.

32. ТЕВ. – 28 июля 1914 г. – № 30. – С. 526.

33. ТЕВ. – 1915. – № 2, 12 января. – С. 28–29.

34. Журналы епархиального съезда ...Московской епархии 1916 года. – С. 71–76.

35. Святомученик Андроник...

36. Священники получили 227 золотых наперстных крестов на георгиевской ленте, 14 орденов Святого великомученика Георгия, 85 орденов св. Владимира 3 степени с мечами, 203 ордена св. Владимира 4 степени с мечами, 304 ордена св. Анны 2 степени с мечами, 239 орденов св. Анны 3 степени с мечами. Сам протопресвитер был награжден орденами Александра Невского и св. Владимира 2 степени [40, 1, 186].

[32, с. 425–429]. Но обретение церковью долгожданной самостоятельности не привело к ее возрождению. Напротив, пришла пора еще более тяжелых испытаний – целенаправленных и, зачастую, кровавых гонений священства и церкви со стороны большевистской власти.

Литература

1. Айвазов И.Г. «Сектоведы» нашего времени. – Пг.: Колокол, 1916. – 24 с.
2. Амвросия (Оберучева), мон. История одной старушки. – М.: Изд-во храма свв. бесср. и чудотв. Космы и Дамиана на Маросейке, 2008. – 557 с.
3. Асташов А.Б. Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. – М.: РОССПЭН. – 2004. – С. 399–425.
4. Брояковский С., свящ. Война четырнадцатого года (по рассказам участников и очевидцев). – Киев: Духовная беседа, 1915. – Вып. 1. – 192 с.
5. Букалова С.В. Православная печать о причинах Первой мировой войны (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие: Доклады и выступления участников Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». – М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. – С. 344–348.
6. Валдрон П. Образ раненного солдата в официальной пропаганде и народном восприятии во время Первой мировой войны // Маленький человек и большая война в истории России. Середина XIX – середина XX века. Научные доклады. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 80–91.
7. Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия // Доброволицы. Сборник воспоминаний. – М.: Русский путь, 2001. – 331 с.
8. Введенский А. Религиозные сомнения наших дней. Т. 1. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1914. – 335 с.
9. Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. Мои духовные встречи. – М.: Отчий дом, 1998. – 414 с.
10. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. – М.: Изд-во «Правило веры», 2004. – 841 с.
11. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 542 с.
12. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. – СПб.: Духовная литература, 1913. – 336/230 с.
13. Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Кн. 1. – 400 с.
14. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. – М.: Наука, 1991. – 518 с.
15. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 438 с.
16. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. – М.: Московский рабочий, 1994. – 620 с.
17. Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. – Л.: Наука, 1976. – 180 с.
18. Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. – М.: Летопись, 2008. – 752 с.
19. Карпачев М.Д. Воронежское крестьянство в годы Первой мировой войны // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. / Отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 439–450.

20. Ксюнин А.И. Народ на войне. Из записок военного корреспондента. – Пг.: Изд-во Б.А. Суворина, 1916. – 242 с.

21. Колоницкий Б.Н. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – СПб.: НЛО, 2010. – 655 с.

22. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Изд-во Крутицкого патр-го подворья, 1996. – 670 с.

23. Леонтьева Т.Г. Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М.: Наука, 2000. – С. 279–299.

24. Никон (Рклицкий), арх. Антоний (Храповицкий) и его время. 1863–1936. Кн. вторая. – Н. Новгород: Изд-во Братства во имя св. князя Александра Невского, 2004. – 741 с.

25. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 492 с.

26. Поляков Г., протоиер. Военное духовенство России. – М.: ТИИЦ, 2002. – 536 с.

27. Приказы по военному ведомству. – СПб., 1914. – 1–586 с.

28. Поршнева О.С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 355–398.

29. Прибавления к Церковным ведомостям. 1915.

30. Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004 – 560 с.

31. Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг., 1916. Репр. изд. 2012. – 366 с.

32. Священный собор Православной российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. – 451 с.

33. Сенин А.С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. – 1990. – № 10. – С. 159–165.

34. Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914–1917. – М.: Кучково Поле, 2012. – 800 с.

35. Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. – Тверь: Изд-во Герс, 2010. – 491 с.

36. Федорченко С.З. Народ на войне. Фронтовые записки. – Киев: Изд-во подот. Ком. Юго-Западного фронта Всероссийского земского Союза, 1917. – 140 с.

37. Церковный вестник. 1914.

38. Церковный вестник. 1915.

39. Церковный вестник. 1916.

40. Шавельский Г. протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – Т. 1. – 414 с.

41. Шавельский Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – Т. 2. – 412 с.

42. Шавельский Г., протопр. Русская церковь перед революцией. – М.: Артос-Медиа, 2005. – 510 с.

43. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. – Тамбов: Изд-во Юлис, 2004 – 507 с.

Винтер Дж., Прост А.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ: ДИСКУССИИ И СПОРЫ, С 1914 г. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ. (Реферат)*

Winter J., Prost A.

The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present – Cambridge etc.: Cambridge univ. press., 2005. – VIII, 250 p.

В общем ряду исторических дисциплин военная история, тесно связанная с историей техники, а также с военной наукой (анализ опыта прошлых войн как один из источников для дальнейшего развития военного искусства, наряду с теоретическими изысканиями на основе анализа современной ситуации), занимает несколько обособленное положение. Тем не менее эта область в последние годы довольно активно осваивается специалистами по социальной и культурной истории, изучающими не только социокультурные аспекты самих вооруженных конфликтов, но и влияние таких конфликтов на общество и культуру вовлеченных в них стран. Результаты подобных исследований представлены, в частности, в издаваемой в Кембридже серии «Труды по социальной и культурной истории современной войны» («Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare»), в рамках которой опубликована и реферируемая монография Джея Винтера (Йельский университет, США) и Антуана Проста (Университет Париж-1), посвященная историографии и, шире, исторической памяти о Первой мировой войне. Структура книги выстроена по тематическому принципу и состоит из введения и девяти глав, в семи из которых рассматриваются различные аспекты глобального конфликта 1914–1918 гг. в представлениях трех поколений историков, литераторов и кинема-

* *Реферат перепечатывается из сборника ИНИОН РАН, подготовленного по гранту РГНФ «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований», проект № 13-01-00061, 2013–2014 гг.*

тографистов, главным образом немецких, французских и британских. Авторы анализируют не только исследования по военной истории и истории дипломатии, но и различные социальные и культурные интерпретации описываемых событий.

Как отмечается во введении, за десятилетия, прошедшие с момента окончания Первой мировой войны, в мире изданы десятки тысяч посвященных ей работ – научных, популярных и публицистических; даже для того, чтобы всего лишь прочитать эти тексты, не хватит человеческой жизни. В то же время серьезных историографических исследований с целью как-то систематизировать этот корпус литературы, выявить основные направления, школы, тенденции развития, до сих пор не предпринималось. Именно это и составляет основную цель работы Дж. Винтера и А. Проста.

В книге рассматривается историография событий 1914–1918 гг., хода Первой мировой войны и ее непосредственных последствий. Авторы анализируют главным образом франко- и англоязычную литературу, а также немецкую и некоторые итальянские работы. За рамками исследования остались исторические школы стран, возникших на месте Австро-Венгерской империи, российская историография, а также исторические изыскания в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Чтобы глубже понять изучаемую проблематику, авторы не ограничиваются трудами профессиональных историков (хотя и отдают им предпочтение) и привлекают также работы, написанные в рамках других научных дисциплин, мемуарную литературу и, наконец, любительские исследования. Поскольку «в большинстве книг с заглавием “история войны” обычно рассматриваются ее политические, дипломатические или собственно военные аспекты» [с. 3], они анализируют не только специальные работы, посвященные Первой мировой войне, но и сочинения с более широким тематическим и хронологическим охватом, в которых затрагиваются интересующие их вопросы. Особое внимание в монографии уделяется сравнительному анализу национальных историографических традиций. В предисловии к английскому изданию авторы отмечают, что история Первой мировой войны «целиком и полностью многонациональна и многоязычна, и тем не менее ученые попрежнему отделены друг от друга не только языковыми барьерами», но и более глубокими различиями в теоретических концепциях и методологических подходах [с. VII]. В своей книге они попытались преодолеть, хотя бы частично, это разделение.

Первые попытки осмыслить феномен Первой мировой войны были предприняты еще до того, как замолчали пушки. Эта работа продолжилась и после окончания боевых действий. Фактически до начала 1960-х годов историей конфликта занимались главным образом очень немногочисленные профессиональные ученые. В методологическом отношении этот период харак-

теризуется тем, что история войны изучалась по преимуществу «сверху», исследователей интересовали прежде всего политические, дипломатические и стратегические вопросы. Социальная и экономическая история, не говоря уже о культурной истории и истории повседневности, оставались вне их поля зрения; в качестве исключения, подтверждающего правило, авторы указывают на книгу Э. Халеви «Мировой кризис 1914–1918 гг., интерпретация»[1]. Огромный пласт солдатских воспоминаний и дневников, наиболее активно публиковавшихся в первые годы после окончания войны и в 1928–1934 гг., также не привлек внимания профессиональных историков, поскольку ценность этих произведений для науки еще не была осознана. Единственной попыткой их источниковедческого анализа стала работа Ж.Н. Крю «Свидетели»[2], однако идеи автора не нашли понимания у его коллег, в чьих книгах по-прежнему речь шла «о войне в большей степени, нежели о воинах» [с. 15].

Ситуация начала меняться на рубеже 1950–1960-х годов. Тому было несколько причин, среди которых – опыт Второй мировой войны и последующих вооруженных конфликтов, расширение круга доступных источников (в 1960-е годы были, в частности, открыты военные архивы в связи с истечением 50-летнего срока секретности) и численный рост образованных слоев населения, следствием которого было, с одной стороны, скачкообразное увеличение количества профессиональных историков, с другой – не менее резкий рост интереса к истории среди читающей публики. Поскольку история, таким образом, стала пользоваться спросом, появился обширный рынок научно-популярных произведений, включая не только книги, но и, к примеру, телепередачи. Все эти факторы в совокупности, а также заметное в то время марксистское влияние, способствовали значительным изменениям как в исследуемой проблематике, так и в методологии. Доминирующими направлениями стали социальная и экономическая история Первой мировой войны, а одним из центральных вопросов историографии – взаимосвязь между войной и революцией (в Германии – также роль прусского империализма и милитаризма в генезисе нацистского движения), тогда как в 1920–1930-е годы наиболее болезненным был вопрос о виновниках войны. Дипломатическая история отодвинулась на второй план и, кроме того, тоже пережила определенную смену парадигм: если в предшествующий период исследователей интересовали прежде всего истоки конфликта, то теперь большее внимание уделялось изучению целей воюющих держав и шире – тех явных и скрытых мотивов, которыми руководствовались отдельные политики, ответственные за развязывание войны. Это не отменяло исследований в области собственно

1. Halévy E. The world crisis of 1914–1918, an interpretation. – Oxford: Clarendon press, 1930.

2. Cru J.N. Témoins. – P.: Les Etincelles, 1929.

военной истории, но образ Первой мировой войны в целом сделался гораздо более сбалансированным и более многогранным.

Следующая смена парадигм произошла на рубеже 1980–1990-х годов, причем исключительно быстро и без сопутствующей смены поколений ученых, как в предыдущем случае. Авторы считают ее началом современного этапа в развитии историографии Первой мировой войны, на котором центральным направлением исследований стала культурная история. Причинами такого сдвига были крушение коммунистических режимов, приведшее к разочарованию в марксизме в целом с его преимущественным интересом к социально-экономической сфере, и тот исторический опыт, который был накоплен человечеством на протяжении XX столетия и породил новые «вопросы» к прошлому. Если в 1920–1930-е годы Первая мировая рассматривалась как последняя война, а в 60-е – уже как первый этап своеобразной новой Тридцатилетней войны, то для поколения 90-х годов она стала в определенном смысле началом и фундаментом «короткого» XX в. с его беспрецедентной жестокостью, первым шагом на пути к Холокосту и преступлениям сталинского режима. Нарастающая глобализация порождает кризис идентичности, что, в свою очередь, стимулирует широкий интерес к исторической памяти – не только национальной, но и семейной. Авторы отмечают также, что для новых поколений, живущих в относительно благополучном обществе потребления, опыт участников и современников войны 1914–1918 гг. во многом является уже чем-то чужеродным и непостижимым. В этих условиях интересы исследователей сместились к таким новым областям, как история искусства, науки, медицины, литературы, включая вопрос о том, какое влияние на эти сферы оказала война. Активно изучается история повседневности, предметом исследования стали представления, чувства, эмоции людей, вынесших на себе тяготы войны. Выходят новые работы и по дипломатической, военной, социальной и экономической истории Первой мировой войны, но теперь в изучении этой проблематики также учитывается культурный фактор.

Основная часть книги (главы 2–8) посвящена эволюции отдельных предметных областей в историографии Первой мировой войны. Материал излагается в той очередности, в которой происходила смена акцентов при переходе от одной исследовательской парадигмы к другой: сначала дипломатическая история (глава 2) и военная история, точнее, ее раздел, посвященный процессам, протекавшим на оперативно-стратегическом уровне (глава 3), важнейшие направления исследований в 1920–1930-е годы, затем история окопной войны (глава 4), военной экономики (глава 5) и рабочего класса (глава 6), выдвинувшиеся на первый план в 1960-е годы, и, наконец, исследования процессов, протекавших в тылу (глава 7), а также исторической памяти (глава 8) – наиболее перспективные направления с точки зрения современной парадигмы.

В дискуссиях 1920–1930-х годов о политической истории Первой мировой войны центральным был вопрос об ответственности за развязывание конфликта. Статья 231 Версальского договора возлагала на Германию и ее союзников ответственность за ущерб, понесенный в ходе войны странами Антанты, что часто воспринималось (и самими немцами, и их недавними противниками) как попытка объявить Германию виновником войны в целом, что для немцев было категорически неприемлемо. Некоторые из английских и французских историков со временем также вынуждены были признать, что и страны Антанты несут свою долю ответственности за то, что июльский политический кризис 1914 г. закончился войной (Россия поторопилась с объявлением всеобщей мобилизации, Великобритания не обозначила заранее и максимально отчетливо свою позицию относительно нейтралитета Бельгии и т.д.). Эта тенденция обозначилась уже в 1930-е годы.

Хотя споры об истоках Первой мировой войны и отличались тогда заметной политизированностью, историки предпринимали попытки преодолеть эту ситуацию. Их задача отчасти облегчалась тем обстоятельством, что сама война уже закончилась и хотя бы в какой-то мере перестала быть вопросом текущей политики – в отличие, скажем, от Версальской системы. Многие французские историки стремились кроме того разграничить те вопросы, для исследования которых в их распоряжении уже имелась достаточная документальная база, и те, которые приходилось признать неразрешимыми за недостатком источников. Американские историки чувствовали себя свободнее, чем их европейские коллеги, и старались рассматривать историю войны 1914–1918 гг. с позиций третьей стороны.

В 1960–1980-е годы круг исследуемых проблем и используемых источников значительно расширился, дипломатическая история кризиса 1914 г. и Первой мировой войны трансформировалась в более многоаспектную историю международных отношений, были предприняты попытки рассмотреть не только непосредственные причины конфликта, но и более глубинные факторы, включая экономические и внутриполитические. К этому добавился вопрос о взаимосвязи между Первой и Второй мировыми войнами. Позже, уже в рамках культурной истории, стали изучаться культурные истоки европейского конфликта, включая представления, предубеждения, стереотипы и системы ценностей, бытовавшие в различных странах в начале XX в., как в политических кругах, так и среди простых граждан. Любопытно, что Первая мировая война в представлении историков и их читателей трансформировалась таким образом из преступления (понятие, подразумевающее необходимость найти и наказать виновника) в трагическую ошибку, причины которой требуется уяснить. «В этом историографическом контексте, – отмечают авторы, – мы вновь наблюдаем бесконечный диалог между свободой и необходимостью в делах человеческих» [с. 57].

В историографии боевых действий, стратегического управления, отношений между политическим и военным руководством в годы Первой мировой войны авторы выделяют три этапа. В межвоенный («героический») период боевые действия рассматривались в основном в категориях XIX столетия. На этой стадии изучение военной истории носило отчетливо национальный характер, серьезных попыток проанализировать ход войны в целом еще не было, преобладающим жанром оставались официальные истории отдельных стран (армий) или соединений. Определенное внимание уделялось также истории крупнейших сражений и операций 1914–1918 гг., но и в таких работах речь шла в основном о действиях армии той страны, в которой жил автор; даже действия союзников в той же операции рассматривались вскользь.

В 1960–1970-е годы значительно расширился доступ к архивам, а в исторической науке участников войны сменило новое поколение исследователей. На данном этапе на первый план выдвинулся вопрос о действиях командования в непривычных условиях индустриальной войны. В этот же период вышла, в частности, и монография Н. Стоуна «Восточный фронт»[3] – первое крупное исследование участия России в Первой мировой войне. В 1980–1990-е годы, когда доминирующим направлением стала культурная история, специалистам по «традиционной» военно-исторической проблематике, попрежнему занимающим относительно обособленное положение в научном сообществе, в некотором смысле пришлось доказывать, что интересующие их вопросы все еще сохраняют свою актуальность. Военная история стала даже более политизированной, чем в предшествующий период, а национальные школы остаются все такими же разобщенными. Представители данного направления отличаются изрядным консерватизмом, что сказывается и на качестве их работ, в которых до сих пор преобладает тенденция к изолированному рассмотрению отдельных командиров или армий. Как следствие, даже анализ боевых действий оказывается однобоким, поскольку в действительности война – это всегда двусторонний процесс. «Интернациональной истории сражений, – заключают авторы, – в которых участвуют люди по обе стороны фронта, сталкивающиеся с проблемами и затруднениями одного и того же рода, еще предстоит быть написанной» [с. 81].

Повседневный опыт простых солдат в межвоенный период практически не изучался профессиональными историками – главным образом из методологических соображений, поскольку научная история в те годы ассоциировалась прежде всего с изучением макроисторических процессов. Тем самым одно из важнейших отличий Первой мировой от предшествующих войн – ее массовый характер, по сути, осталось вне поля зрения исследователей.

3. Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. – N.Y.: Scribner, 1975.

В широких читательских кругах существовал запрос, и довольно сильный, на информацию такого рода – современников, не принимавших непосредственного участия в боях, интересовало, «как это было» и «как это выглядело», – но этот запрос удовлетворялся обширной мемуарной и художественной литературой; профессиональные исторические труды интереса не вызывали.

Предметом научного анализа индивидуальный фронтовой опыт участников Первой мировой войны стал в 1970-е годы в Великобритании и в 1980-е – во Франции. Такие исследования были тесно связаны с социальной историей – изучалось, к примеру, влияние культуры рабочего класса на поведение солдат на фронте; в рамках этого направления был написан, в частности, двухтомник А. Уайлдмена «Конец русской царской армии»[4]. Для английских исследователей характерно особое внимание к проблеме жестокости на войне, тогда как во французской историографии, особенно с начала 2000-х годов, активно обсуждается вопрос о мотивации солдат, о соотношении согласия и принуждения. Любопытно, что начало этих изменений совпало по времени с приходом в профессию молодых историков, не принимавших участия в мировых войнах, и с нарастающей в Европе тенденцией к неприятию насилия, в том числе и повседневного. Новым поколениям европейцев стало труднее понимать реалии начала XX в. Изучение социальной и культурной истории войны 1914–1918 гг. продолжается и в настоящее время; авторов, однако, беспокоит то обстоятельство, что ученые, занимающиеся этими вопросами, часто тяготеют к широким обобщениям, хотя в действительности повседневность окопной войны отличалась значительным разнообразием.

В изучении экономической истории Первой мировой войны также можно выделить три этапа. В межвоенный период исследовалась главным образом экономическая политика воюющих держав. При этом ключевое значение в объяснении хода и результатов глобального противоборства придавалось собственно военному фактору, так что экономическая история играла скорее вспомогательную роль. Любопытно, что и занимались ею в это время в основном экономисты, а не историки. Опыт 1914–1918 гг. был использован в развитии экономической теории и экономической политики в 1920–1930-е годы, в том числе при разработке планов экономической мобилизации в преддверии Второй мировой войны.

В 1960–1970-е годы фокус переместился на отношения между деловыми кругами, наукой, государством и военными, иными словами, на формирование и функционирование того, что позже будет названо военно-промышленным комплексом. Именно в этот период экономический фактор

4. Wildman A. The end of Russian Imperial Army. – Princeton: Princeton univ. press, 1980. – Vol. I: The old army and the soldiers' revolt (March-April 1917); Vol. II: The road to Soviet power and peace.

начал рассматриваться как одна из решающих причин поражения Центральных держав. Для последних же десятилетий характерен многоаспектный анализ экономики противоборствующих сторон, объединяющий предыдущие два подхода. Открытым остается вопрос о соотношении между негативными и позитивными последствиями глобального конфликта для мировой экономики, а также об экономических причинах победы стран Антанты.

Историографии рабочего класса авторы посвящают самостоятельную – шестую – главу своего труда, отдельно от следующей за нею седьмой главы, где рассматривается историография гражданского населения в целом. История рабочего вопроса тесно связана с историей революционного движения, а значит, и с проблемой взаимосвязи между войной и революциями в России и ряде европейских стран, поэтому данной проблематике посвящен самостоятельный и довольно обширный круг литературы. Этот раздел историографии Первой мировой войны развивался несколько иначе, чем другие. Вплоть до середины 1960-х годов доминирующим подходом был политический (история рабочего движения). Ситуацию не изменило даже распространение марксистских идей после окончания Второй мировой войны, поскольку их приверженцы так же, как и их предшественники, больше внимания уделяли политической истории и истории идеологии, а не экономике и социальным процессам. Социальный подход, т.е. собственно история рабочего класса в точном смысле слова, выдвинулся на первый план довольно поздно, а в 1990-е годы разочарование в коммунистической идее, последовавшее за крушением советского блока, вкупе с кардинальными переменами в структуре западных обществ на переходе от индустриальной эпохи к постиндустриальной, привели к свертыванию исследований по истории рабочих, так что культурно-историческая парадигма в данной области представлена пока лишь весьма поверхностно и фрагментарно.

Что касается истории тыла в целом, то на протяжении 1920–1930-х годов она вызывала среди исследователей лишь весьма ограниченный интерес и занимала второстепенное положение по сравнению с историей событий на фронте. Наиболее активно изучалась внутренняя политика воюющих держав: мобилизация, пропаганда, снабжение продовольствием и т.д. После того, как в 1960-е годы возобладал социологический подход, основным предметом исследования стало влияние войны на социальные конфликты, кульминацией которых стали революции в Германии, Австро-Венгрии, России и Турции.

В 1980-е годы произошел переход к культурно-исторической парадигме, как и в других разделах историографии Первой мировой войны, и кроме того завершилось отмежевание культурной истории, как дисциплины, изучающей представления и практики широких слоев населения, от интеллектуальной истории, сфокусированной главным образом на элитарной культуре. В современных исследованиях по истории тыла в 1914–1918 гг. авторы выде-

ляют два основных направления: исследования материальной культуры, т.е. условий и способов выживания в экстремальной обстановке тех лет, и работы, посвященные так называемой культуре войны. Последнее понятие охватывает довольно широкий круг социокультурных практик, нацеленных на адаптацию к непривычным условиям военного времени. В рамках этого же направления исследуются и такие вопросы, как поддержка войны обществом, мотивации солдат и гражданского населения. Подобный подход, помимо всего прочего, позволил историкам преодолеть существовавшее в литературе предшествующих лет своеобразное разделение между фронтом и тылом: в современной историографии значительное внимание уделяется настроениям, представлениям и особенностям поведения, общим для солдат и гражданского населения. Важное значение на современном этапе приобрело также изучение истории женщин на войне. Кроме того, в 1990-е годы, под влиянием событий в бывшей Югославии, в центре внимания вновь оказался вопрос о военных преступлениях, что стимулировало растущий интерес исследователей к проблеме насилия против мирного населения в Первую мировую войну, которая, будучи первой тотальной войной в истории человечества, во многом предопределила специфику вооруженных конфликтов XX столетия, включая систематические нарушения правил и обычаев войны, геноцид и т.д.

Авторы обращают внимание на два существенных пробела в современной литературе по истории гражданского населения в годы Первой мировой войны. Во-первых, вне поля зрения исследователей до сих пор остается повседневный опыт сельских жителей, что совершенно неоправданно, поскольку они составляли весьма значительную часть населения стран – участниц конфликта, а деревенская культура довольно сильно отличалась от городской. Во-вторых, недостаточно изученной в западной историографии остается история Восточного фронта, в том числе и военный опыт мирного населения Восточной и Юго-Восточной Европы.

В эволюции исторической памяти о Первой мировой войне Дж. Винтер и А. Прост выделяют два этапа: до конца 1960-х годов и с начала 1970-х по настоящее время. На первом из них профессиональная историография развивалась довольно изолированно, а образ «Великой войны» в массовом сознании определяли в основном ее участники, благо многие из них были еще живы и пользовались заслуженным авторитетом, как непосредственные свидетели событий. Особую группу составляли те авторы, которые в 1914–1918 гг. занимали высокие государственные и военные должности (У. Черчилль, Р. Пуанкаре, Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж, Э. Людендорф и др.), – их воспоминания по своей информативности были сопоставимы с историческими сочинениями. Известную роль в формировании национальной памяти играла и государственная пропаганда.

Роль научной историографии значительно выросла в 1960-е годы, расширился и круг специалистов, интересующихся Первой мировой войной. Интерес к событиям 1914–1918 гг. распространился за пределами собственно исторических кафедр; важным шагом к формированию такого направления, как культурная история Первой мировой войны, стали работы историков литературы П. Фасселла и С. Хайнса[5]. В англосаксонском мире сказался кроме того недавний опыт войны во Вьетнаме; с появлением первых исследований посттравматического синдрома специалисты, включая и историков, вновь обратились к публикациям предшествующих лет, посвященным феномену военного невроза *(англ.* shell shock – буквально «снарядный шок», т.е. психическая травма, полученная во время артиллерийского обстрела) у участников Первой мировой войны. Историки континентальной Европы занялись этой проблематикой гораздо позже. Для 1980–1990-х годов было характерно активное развитие музеев Первой мировой войны, а также появление многочисленных литературных произведений и фильмов о ней. В формировании массовой памяти о «Великой войне» профессиональные историки, таким образом, по-прежнему остаются в меньшинстве.

Подводя в последней главе итоги своего исследования, авторы констатируют, что научная историография Первой мировой войны до сих пор разделена на многочисленные национальные школы, развивающиеся по преимуществу обособленно. С конца 1980-х годов появляются книги, авторы которых пытаются выработать «общеевропейский» взгляд на события 1914–1918 гг., а также тематические сборники статей, подготовленные интернациональными коллективами авторов, но такого рода публикации остаются скорее исключением, чем правилом. Дж. Винтер и А. Прост отмечают, что подобные работы обычно пишутся учеными со стажем, пользующимися известностью в академическом сообществе и имеющими хорошую финансовую поддержку, или при участии таких исследователей. Выход за пределы национальной историографии, таким образом, остается довольно непростой задачей, особенно для молодых историков. При написании учебников глобальный подход, напротив, применяется довольно активно и вполне успешно.

Такое положение во многом обусловлено тесной взаимосвязью самих феноменов войны и нации; к тому же опыт разных европейских стран в Первой мировой войне и его последующее восприятие в этих странах довольно сильно различаются. Что для французов было трудной победой с неоднозначными последствиями, то немцы долгое время воспринимали как свою собственную победу, только упущенную в результате «удара в спину»; как

5. Fussell P. The Great War and modern memory. – N.Y.: Oxford univ. press, 1975; Hynes S. A war imagined: The First World War and English culture. – L.: Pimlico, 1992; Idem. The soldiers' tale: Bearing witness to modern war. – N.Y.: A. Lane, 1997.

следствие, первые серьезные научные работы по истории Первой мировой войны появились в Германии только после ее нового поражения в войне 1939–1945 гг. Среди британских исследователей распространено представление о Первой мировой войне как о бессмысленном конфликте, в ходе которого миллионы жизней были растрачены зря; для французского читателя, к примеру, такая точка зрения еще совсем недавно была бы совершенно неприемлемой.

Играют свою роль и различия в исследовательских традициях. Английской историографии свойственна определенная доля иронии, стремление сохранить дистанцию между ученым и изучаемым объектом. Во французской исторической науке, напротив, силен акцент на поиск причинно-следственных связей, восходящий еще к картезианскому наследию. Даже периодизация истории значительно различается в разных национальных школах, а от принятой периодизации зависит и то, в какой контекст будут помещаться описываемые события. Сказываются также различия в организации архивов в разных странах, в степени сохранности фондов (германские архивы пострадали в результате бомбежек во время Второй мировой войны). Определенное влияние на тематику публикуемых работ оказывают и издатели, преследующие собственные коммерческие интересы. «Национальный характер историографии Великой войны, – констатируют авторы, – очень трудно преодолеть. В нашем распоряжении много книг о нациях в войне. У нас нет истории войны на глобальном уровне. Или, точнее, есть успешные концепции войны, которые едва ли вообще возможно совместить между собой» [с. 199].

Первое поколение историков Первой мировой войны, сформировавшееся в 1930-е годы, во многом исходило из историографической традиции XIX в., отсюда его преимущественный интерес к политической и дипломатической истории. Поскольку феномен войны в этот период осмысливался главным образом в духе Клаузевица («Война есть продолжение политики иными средствами»), история боевых действий рассматривалась «глазами генеральных штабов, с их командной иерархией и генералами» [с. 201]. Отчасти это было обусловлено элитарным характером самого академического сообщества.

Поколение 1960-х годов работало уже в ином контексте. Опыт Второй мировой войны заставил историков серьезно переосмыслить сложившиеся представления о войне 1914–1918 гг., ее природе и последствиях. В новых условиях глобального соперничества между двумя сверхдержавами, обладавшими ядерным оружием, крупномасштабные войны утратили свое прежнее значение как средство решения политических проблем насильственным путем. Следствием этого стала смена целевой аудитории историков Первой мировой войны: во второй половине XX в. они обращались уже не к политикам, а к широкой читающей общественности. Изменилась и сфера их интересов – произошел поворот к социальной истории, истории «снизу». История

боевых действий сохранила свое центральное значение в осмыслении конфликта, но из «истории глазами генеральных штабов» она превратилась в большей степени в историю солдат, комбатантов, которым пришлось вынести на своих плечах основные тяготы войны.

Поколение 1990-х годов формировалось в условиях окончания «холодной войны» и набирающей силу европейской интеграции. Национальное государство утрачивает свое прежнее значение, отсюда дальнейшее снижение интереса историков к политическим институтам. Социальная история продолжает активно развиваться, но теперь ее дополнили методы культурной истории и микроистории. Это относится и к собственно военной проблематике: «В определенном смысле, – замечают авторы, – армия оказалась скрыта за индивидуальным и коллективным образом солдата» [с. 205]. Меняется понимание феномена Первой мировой войны в целом, на смену прежним представлениям о ней как о глобальном конфликте между национальными государствами пришла новая концепция «европейской гражданской войны».

Среди многочисленных интерпретаций Первой мировой войны можно, таким образом, выделить три основных модели. Одной из них была война наций; с этой точки зрения события 1914–1918 гг. могут рассматриваться как логическое продолжение – и завершение – «долгого» XIX в. Такой подход был особенно популярен среди первого поколения историков, рассматриваемого в книге. Он имел различные вариации, которые так или иначе можно свести к трем направлениям: либеральному, с его особым вниманием к роли личности в истории; неомарксистскому, отличавшемуся бóльшим уклоном в сторону социально-экономического детерминизма; и, наконец, «гуманистическому», как его называют авторы «за отсутствием лучшего термина» [с. 207], уделявшего дополнительное внимание судьбам простых людей, на долю которых выпала война.

Во второй половине XX в. описанная парадигма отчасти сохранила свое объяснительное значение, особенно в популярной литературе и учебниках, но в исследовательском сообществе ей на смену пришла другая, в рамках которой война рассматривалась уже как конфликт между обществами. Это позволило значительно расширить предмет исследования, проследить, как повлияли на исход боевых действий социально-экономические процессы в странах – участницах войны, раскрыть связь между войной и последовавшими за нею революциями. Данный подход активно использовался вторым поколением историков Первой мировой войны, особенно в Германии; в британской историографии он представлен менее широко. В некоторых странах он популярен и в настоящее время, например в Италии. Его основной недостаток авторы видят в том, что он в целом отличается большей склонностью к детерминизму, нежели предыдущий, а любой детерминизм по-своему опасен, поскольку

может привести к подмене подлинного анализа упрощенными механистическими формулами.

В настоящее время преобладающим направлением является изучение «человека на войне». Нынешнее поколение ученых, с его особым интересом к культурной истории, микроистории, истории повседневности, исследует не «войну наций» и не «войну обществ», а «войну солдат», «войну жертв»; здесь можно проследить некоторые параллели с «гуманистическими» подходами предыдущих десятилетий. Как следствие, наибольший интерес вызывает индивидуальный опыт участников и современников войны, история государственных институтов и социальных групп изучается лишь в той мере, в которой она влияла на этот индивидуальный опыт. Появление подобной парадигмы во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов, общей эскалацией насилия в минувшем столетии.

Авторы подчеркивают, однако, что в их задачи не входило диктовать действующим или будущим исследователям готовые решения, какой из существующих парадигм им следует придерживаться в своей работе. Все описанные подходы имеют свои преимущества и недостатки, разным поколениям людей свойственно задавать различные «вопросы» своему прошлому, и нынешний методологический плюрализм, хотя и приводит к появлению зачастую трудно совместимых концепций истории Первой мировой войны, но зато позволяет ученому применять тот исследовательский инструментарий, который в наибольшей степени соответствует его научным интересам.

М.М. Минц

Гатрелл П.

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. (Реферат)*

Gatrell P.

Russia's First World War: A Social and Economic History. – Harlow, England: Longman, 2005. – XX, 318 p.

Монография профессора Манчестерского университета П. Гатрелла, состоящая из введения, 11 глав и заключения, является комплексным исследованием социально-экономического положения России в годы Первой мировой войны.

Как отмечает П. Гатрелл, участие России в Первой мировой войне продолжалось примерно три года с четвертью – с 19 июля 1914 до 26 октября 1917 г. (по старому стилю). За это время в военных действиях приняли участие примерно 15 млн российских солдат; около 5 млн из них побывали в плену, 2 млн погибли на поле боя, от ран или инфекционных заболеваний. При этом уже в первый год войны потери русской армии превысили 250 тыс. человек.

Первая мировая война в силу своей продолжительности, масштаба, колоссальных запросов со стороны вооруженных сил оказалась чудовищно дорогим делом. По словам П. Гатрелла, «совокупные расходы, связанные с войной, составили для России 38 650 млн руб.; при этом на русско-японскую войну в свое время было потрачено 2295 млн руб. Иначе говоря, расходы на войну были эквивалентны всем правительственным расходам за 12,4 мирных года», исходя из показателей госбюджета на 1913 г. Около 62% этих средств были покрыты внутренними и иностранными ссудами (последние составили

* *Реферат перепечатывается из сборника ИНИОН РАН, подготовленного по гранту РГНФ «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований», проект № 13-01-00061, 2013–2014 гг.*

примерно 20% всех расходов России на войну). «Остальное было профинансировано за счет свободного баланса (7%) и налогообложения» [с. 148–149].

Военная верхушка и высшая бюрократия, начиная с 1915 г., оказались под огнем критики в парламенте и в обществе в целом. Огромные потери, вынужденные перемещения миллионов людей, «политическая суматоха» лета 1915 г. привели лишь к усилению давления со стороны общественного мнения на власть, которая оказалась не в состоянии сделать что-либо для изменения общественных настроений. Доверие к правящей элите стремительно падало, чему способствовали слухи о влиянии «темных сил» на императорскую семью; в этом влиянии общество видело одну из причин не только военных неудач, но и продовольственного и топливного кризисов.

Большинство европейских держав изначально не имело адекватного представления о том чудовищном напряжении, которое привнесет война в социальную и политическую ткань общества; при этом правительства, как и военные стратеги, не рассчитывали на затяжную войну. Российская империя в этом отношении не была исключением. К тому же размеры страны и колоссальные запасы трудовых ресурсов давали основание значительной части элиты рассчитывать на то, что, даже если кампания примет затяжной характер, Россия все равно сможет ее выдержать. Весьма характерной П. Гатреллу представляется позиция выдающегося экономиста М. Туган-Барановского, который утверждал, что более развитые в промышленном отношении державы типа Германии куда сильнее пострадают от затяжной войны, чем остававшаяся преимущественно аграрной страной Россия. Однако гиперинфляция и проблемы, связанные с продовольственным обеспечением, достаточно быстро продемонстрировали несостоятельность подобного рода прогнозов.

По мнению Гатрелла, «солдаты в Российской империи шли на войну с теми же чувствами, что и солдаты других воюющих стран. Они сражались в большей степени за своих товарищей, чем за царя. Они хотели избавить родную землю от вражеских войск» [с. 33]. Конечно, правительственная пропаганда играла определенную роль: используя новые технологии воздействия на общественное сознание, она старалась «объединить фронт и тыл», рассказывая о героизме и самопожертвовании русских воинов. Однако чем дальше, тем больше патриотические чувства уступали место естественной озабоченности теми потерями, которые несла Россия; и эту тревогу правительство было не в силах смягчить.

Первый этап войны показал как сильные, так и слабые стороны государственного механизма Российской империи. Мобилизация военнообязанных прошла относительно гладко, однако уже в первые месяцы на разных участках фронта ощущалась нехватка вооружения и боеприпасов. Эти проблемы в скором времени породили разговоры о закулисных договоренностях промышленников и представителей властных структур с врагом.

Гатрелл не считает правильным преувеличивать глубину кризиса весны-лета 1915 г.; однако по завершении первого года войны от былого оптимизма уже мало что осталось. Неудачные кампании 1914–1915 гг. подорвали репутацию российского генералитета, и только блестящий успех Брусилова в 1916 г. позволил Верховному главнокомандованию, оказавшемуся «в лучах славы» этого военачальника, до некоторой степени вернуть утраченное общественное доверие.

Переход части государственной территории под контроль врага породил вполне объяснимую критику и даже гнев в адрес властей. Особенно болезненно воспринималась потеря известных городов, например Варшавы; поползли слухи о том, что со временем придется сдать Киев и даже Петроград.

Война в очередной раз подтвердила, что точек соприкосновения и взаимного доверия между государственными структурами и «образованным обществом» в России было явно недостаточно. В то же время Гатрелл считает недопустимым и преувеличивать, тем более абсолютизировать этот раскол. В годы войны, по его мнению, «сложилось своеобразное разделение труда между государством, агенты которого несли ответственность за снабжение армии вооружением и боеприпасами, и союзами земств и городов, которые приняли на себя значительную долю ответственности за помощь гражданскому населению, заботу о раненых, а также за удовлетворение некоторых сугубо военных потребностей, например обмундирования для солдат» [с. 55]. Помощь беженцам также осуществлялась не только правительственными структурами, но и общественными организациями; некоторую роль в этом деле играла и частная инициатива. Наконец, в годы войны многие специалисты добровольно перешли на государственную службу – прежде всего, по мнению П. Гатрелла, это относится к медикам, юристам и статистикам.

В то же время, как отмечает автор, наладить по-настоящему конструктивный диалог с правительством земству, органам городского самоуправления и общественным организациям удалось лишь в деле помощи фронту; при этом стремление общественности и муниципальных структур взять на себя полную ответственность хотя бы за помощь беженцам вызывало весьма настороженную реакцию властей. В свою очередь, бездействие правительства в отношении значительной части вынужденных переселенцев, оставшихся без ощутимой поддержки, порождало волну критики в адрес правительства. В такой ситуации легитимность муниципальных структур и общественных организаций, поддержка их общественным мнением существенно возрастали. Однако, по убеждению П. Гатрелла, эти структуры не смогли нарастить свой политический капитал до такой степени, чтобы бросить вызов режиму. Поэтому «они скорее стали бенефициарами кризиса царской власти зимой 1916 г., чем его инициаторами или подстрекателями» [с. 55].

Как это ни парадоксально, те методы, которые использовала власть для мобилизации общественной поддержки – разного рода церемонии, показ кинофильмов, издание пропагандистских брошюр и т.д. – скорее работали на ее разрушение. Пропаганда предоставляла читающей публике основания для размышлений над значением тех или иных сражений, масштабами человеческих потерь и ущерба, понесенного Россией в результате войны. Чрезмерно агрессивная провоенная пропаганда со стороны Русской православной церкви вызывала, по мнению Гатрелла, отторжение у значительной части паствы, тем самым отдаляя ее от церкви.

С каждым месяцем таяла и поддержка Николая II, особенно после того, как в августе 1915 г. царь возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Это решение не вызвало ожидаемой поддержки ни в обществе, ни в армии; представители генералитета в конфиденциальных беседах подвергали сомнению полководческие таланты императора; по их мнению, разделявшемуся огромной частью общества, национальным интересам способствовало бы преобладание принципа профессионализма над династическими соображениями. К чести Николая II, он приложил огромные усилия к тому, чтобы не на словах, а на деле быть ближе к фронту, чем к находившейся во власти интриг столице. Но несмотря на это, «запас лояльности неумолимо таял». Самые искренние патриоты стали размышлять о новом лидере или иных формах национального лидерства, чтобы спасти страну от надвигавшейся катастрофы.

Российская буржуазия в годы войны оставалась фрагментированной. Видные промышленники и финансисты, как и прежде, активно взаимодействовали с правительством. Многие представители крупной и средней буржуазии участвовали в деятельности военно-промышленных комитетов. Но в целом «предпринимательский средний класс был не в состоянии консолидироваться», в частности из-за того, что региональные и этнические различия были в России слишком глубоко укоренены. А «культурная и политическая дистанция между предпринимателями и низшими стратами оставалась непреодолимой. Интеллигенция испытывала отвращение к коммерсантам и не скрывала этого» [с. 56].

Анализируя деятельность военно-промышленных комитетов, Гатрелл подчёркивает прежде всего наличие давних и достаточно устойчивых связей между крупным капиталом и государством. Поэтому, на его взгляд, военно-промышленные комитеты стремились не к усилению роли частного капитала, а пытались внести свой вклад в общее дело в условиях военного времени. Их деятельность в некоторой степени дополняла правительственную политику «индустриальной мобилизации», стремясь задействовать при этом не использованный властями потенциал среднего и мелкого бизнеса. Они исходили из того, что такая мобилизация является слишком важным делом, чтобы дове-

рять его одной лишь бюрократии. Это стремление внести вклад в общее дело охватило все слои общества, и зачастую оно перевешивало частные и классовые интересы. Однако и в этих условиях тесный альянс государства и крупного капитала сохранялся.

Нужды военного времени потребовали также «мобилизации специалистов», экспертного знания. Традиционно российская интеллигенция считала своей миссией служение народу, а не власти, и потому недоверие к правительственным структурам сохранялось и в новых условиях. Со своей стороны, правительство не было готово к кардинальному повышению роли экспертов при принятии управленческих решений. Но все же война дала возможность ученым, инженерам и другим представителям нарождавшейся «технократической страты» добиться определенного повышения своей роли в управлении.

Высшая бюрократия выступала против любых попыток создания некоего общенационального органа, ответственного за экономическую мобилизацию, опасаясь, что такая структура будет использована «образованным обществом» для вмешательства в процесс принятия ключевых политических решений. Большие надежды возлагались на Особое совещание по обороне государства; некоторые его члены надеялись, что оно станет своего рода «экономическим Генштабом». Этим надеждам не суждено было осуществиться. Особое совещание стало структурой, оценивавшей возможности военных заводов, и в соответствии с этим распределявшей правительственные военные заказы. Тем не менее, по мнению Гатрелла, «работа в рамках региональных подразделений этого агентства, как и в структурах других Особых совещаний, дала возможность многим теоретически грамотным специалистам приобрести практический опыт в сфере управления экономикой, который они в некоторой степени смогли использовать после революции» [с. 103–104].

Несмотря на то что российская промышленность достигла немалых успехов к 1914 г., война предъявила ей принципиально новые требования. По мнению Гатрелла, со многими из этих вызовов индустрия справилась в ходе войны. Уже в 1915–1916 гг. было существенно увеличено производство боеприпасов и вооружения, что потребовало от промышленников значительного наращивания инвестиций в основной капитал. В эти же годы происходило широкое внедрение поточного производства, которое должно было не просто помочь индустрии справиться с вызовами военного времени, но и обеспечить укрепление позиций российской индустрии как на внутреннем, так и на внешних рынках в послевоенный период. Российские предприниматели модернизировали старые и открывали новые производства, предвкушая доходы от правительственных военных заказов и новые рынки для своей продукции после завершения войны. П. Гатрелл полагает, что роль российского правительства в этих позитивных сдвигах была не слишком значительной. Гораздо

активнее в поддержке технологических и организационных новшеств были военные и технические специалисты; Гатрелл особо подчеркивает заслуги «полуофициальной организации» С.Н. Ванкова (уполномоченного Главного артиллерийского управления по изготовлению снарядов нового образца, привлекшего в короткие сроки к реализации этой задачи 442 казенных и частных завода. – *Реф.*). Впрочем, в некоторых случаях власти реагировали на вызовы времени, например, признав (хотя и с большим опозданием) ключевую роль станкостроения и приравняв его по значимости к производству вооружений. Были и примеры эффективного государственного регулирования: по словам Гатрелла, «инструменты планирования, впервые примененные комитетами по распределению черных и цветных металлов, впоследствии были взяты на вооружение большевистским режимом» [с. 126]. Однако правительство не смогло справиться с «узкими местами» в нескольких ключевых секторах, вызванными снижением импорта, нехваткой топлива, достигшей критического уровня зимой 1916 г., и другими проблемами.

Что касается привилегированного социального слоя – землевладельцев, то для них, по словам П. Гатрелла, война стала временем тяжелых испытаний. Кризис крупного землевладения в России начался задолго до войны, которая еще более обострила проблемы помещиков, связанные прежде всего с нехваткой рабочей силы. Даже победа едва ли обеспечила бы возрождение их благосостояния и тем более – политического влияния, которое неуклонно сокращалось и до, и после 1914 г. Не могли дворяне-землевладельцы и противостоять антиправительственной и антипомещичьей пропаганде, активизировавшейся в деревне в годы войны.

Гатрелл акцентирует внимание на колоссальных социальных последствиях масштабного перемещения населения в годы войны. Огромное число людей, подвергшихся мобилизации, были вырваны из привычного контекста (регионального, профессионального и т.д.) и оказались в царской армии, где подвергались каждодневному риску. Промышленники вынуждены были принимать на свои предприятия рабочих из числа вынужденных мигрантов и обеспечивать их включение в производственный процесс в условиях, когда даже временная остановка предприятий (прежде всего оборонных) была по понятным причинам невозможна. Военные поражения 1914–1915 гг. породили многомиллионную волну вынужденных переселенцев из западных регионов империи преимущественно в Центрально-Европейскую Россию, что вынуждало власти обеспечивать их размещение, лечение, питание и т.д. Автор монографии подчеркивает усилившееся в годы войны взаимное влияние различных социальных групп: «некоторые из фабричных рабочих, призванных в действующую армию в 1914 г., в 1915–1916 гг. возвращались в свои цеха (притом с новым жизненным опытом). Недостаток промышленных рабочих пополнялся за счет вчерашних крестьян, массово вливавшихся в индустриаль-

ную среду… Солдаты из расквартированных в Петрограде и других городах гарнизонов активно контактировали с местными рабочими. Крестьяне вынуждены были взаимодействовать с размещенными в сельской местной беженцами, часть которых не говорила по-русски и являлась носителем совершенно незнакомой культуры. Эти взаимодействия далеко не всегда были вполне мирными. Так, гнев городской бедноты прорывался наружу в условиях нехватки продовольствия, ответственность за которую возлагалась на крестьян; поводом для возмущения нередко становились ситуации, когда беженцы, как казалось местному населению, оказывались в более благоприятных условиях» благодаря поддержке правительственных структур и местного самоуправления [с. 79].

Война активизировала коммуникации представителей различных социальных и профессиональных групп, которые в прежние времена были достаточно редкими. Гатрелл обращает внимание и на то, что хотя «гендерная иерархия не была ниспровергнута», многим женщинам именно война предоставила новые возможности для самореализации, в частности, они стали гораздо чаще контактировать с представителями бюрократии, причем «в такой манере, которая едва ли была возможна до войны». Тысячи женщин становились медсестрами. Существенные изменения происходили и внутри крестьянской и городской семьи, поскольку женщинам часто приходилось принимать на себя функции главы домохозяйства.

П. Гатрелл отмечает, что война повлияла на политическую жизнь страны во многих отношениях. Помимо того, что условия войны задавали новую повестку дня, поражения царской армии и оккупация противником российских территорий, так же как и огромное количество оказавшихся в плену российских солдат, давали оппонентам старого режима массу дополнительных поводов для критики властей. Однако, по мнению автора, не менее важно было то, что беженцы с оккупированных западных территорий «вместе с собой приносили войну в повседневную жизнь российской провинции. Такими разными способами война изменила контуры и характер российской политики» [с. 103].

По мнению П. Гатрелла, простого ответа на один из ключевых вопросов – насколько существенным фактором краха царизма явилась продовольственная проблема – не существует. «Даже на памяти живших тогда людей были гораздо более острые кризисы – в 1891 и 1902 гг., однако в этих случаях режим сумел выжить». Важным обстоятельством Гатрелл считает то, что ранее в ситуациях нехватки продовольствия власть вместе с церковью были способны убедить значительную часть населения в том, «что проблемы были даны Богом, а не искусственны. Однако ответственность за нехватку продовольствия зимой 1916–1917 гг. невозможно было возложить на неурожай» [с. 169–170]. В этой ситуации общество начало искать виновных, которыми оказывались то посредники, то оптовики, то мелкие торговцы. Немалая доля

ответственности возлагалась на государственный аппарат. «Губернаторы были не в состоянии кормить гражданское население, бюрократы были не в состоянии сформулировать какую-либо последовательную стратегию и в результате придумали бесполезную норму о реквизиции зерна; наконец, ответственные за транспорт были не в состоянии организовать доставку продовольствия… Политика царизма в области продовольственного обеспечения была неадекватной сложившейся ситуации и внесла свой вклад в нарастание в обществе убежденности в некомпетентности властей». Эта неудачная политика, по мнению Гатрелла, стала результатом конкуренции различных подходов, предлагавшихся разными ведомствами. Военное министерство и Министерство сельского хозяйства исходили из того, что государство должно сосредоточиться на снабжении Вооруженных сил. «МВД развивало более циничную "программу", которая поощряла городских потребителей возлагать ответственность за перебои с продовольствием на посредников и владельцев магазинов». Тем временем новое поколение специалистов и представители общественных организаций требовали как расширения административного регулирования, так и общественного участия в деле продовольственного снабжения [с. 170]. А между тем к декабрю 1916 г. государственные запасы зерна составляли лишь одну пятую от их объемов годом ранее.

Это положение отчасти стало результатом того, что железные дороги к концу 1916 г. оказались под «невыносимым давлением» мобилизации и перемещения вооружений, будучи не в состоянии своевременно обеспечивать доставку иных грузов. Кроме того, государственным структурам, «ответственным за поставку продовольствия, противостояла плотная сеть автономных крестьянских домашних хозяйств, роль которых на продовольственном рынке возросла» во время войны из-за тех трудностей, которые испытывали крупные землевладельцы. В этой ситуации крестьяне уклонялись от зернового налога, надеясь выгодно продать свои запасы на открытом рынке, дождавшись еще большего повышения цен. В любом случае у крестьян не было экономических стимулов ни для увеличения объемов производства, ни для наращивания его поставок.

Тем временем горожане надеялись, что правительство сумеет создать механизм обеспечения их продовольствием. Но этим ожиданиям не суждено было сбыться. Долгое время правительство вообще игнорировало гражданских потребителей продовольствия, стремясь обеспечить армию любой ценой. В последние месяцы существования царского режима предпринимались попытки изменить ситуацию, но они оказались бесплодными. «Ни царское, ни Временное правительство так и не "изобрели" продовольственную политику, которая могла удовлетворить пожелания производителей и нужды потребителей. Российские потребители не голодали, но их доступ к продовольствию зависел все более и более от их собственных усилий получить пищу любыми

средствами, включая полуюридические инициативы и прямую конфискацию и перераспределение акций в ходе продовольственных бунтов. Они не могли рассчитывать на гарантированные государством поставки» [с. 171–172].

В феврале 1917 г. 300-летний «старый режим» рухнул. Однако пришедшее ему на смену Временное правительство допустило роковую ошибку, продолжив участие России в войне. Результатом стал приход к власти в октябре 1917 г. большевиков, которые в соответствии с запросами общества провозгласили «мир, хлеб и землю» ключевыми проблемами, требующими немедленного решения.

Таким образом, резюмирует Гатрелл, «различными средствами война обостряла существующие антагонизмы и взращивала новые области социального конфликта. Осенью 1917 г. социальные низы – элементы, которые Н.А. Маклаков в феврале назвал "внутренним врагом" – объявили открытую войну имущей элите и государству» [с. 213].

Участие России в войне стало важнейшей причиной краха старого имперского государства в феврале 1917 г., говорится в Заключении. Временное правительство, пытавшееся справиться с глубочайшими проблемами, порожденными затянувшейся войной и в то же время обеспечить выполнение Россией ее союзнических обязательств, продержалось недолго. Захват власти большевиками привел к выходу России из войны; кем-то это воспринималось как национальная катастрофа, другими – как подлинно освободительная революция и как пример, которому должны были последовать другие воюющие державы.

Насколько события в России в период Первой мировой войны были уникальными? Над этой проблемой П. Гатрелл размышляет в завершающей части своей монографии. По его словам, именно уникальность российского исторического опыта обычно подчеркивалась историками, и связано это было главным образом с тем, что события Первой мировой войны рассматривались обычно как часть ее национальной истории; при этом схожие процессы в других воюющих странах, не приведшие к столь драматичным результатам, обычно не принимались во внимание.

«В начальный период войны для европейского общества было характерно скорее фаталистическое настроение, чем массовый энтузиазм, хотя это и маскировалось потоком официальной пропаганды. Историки, изучавшие общественные настроения, отмечают покорность людей неотвратимой обязанности участвовать в войне, в равной степени характерной для Берлина и Бирмингема, Парижа и Петрограда. Итальянские крестьяне, например, расценивали это как несчастье, над которым, как над засухой или голодом, они были не властны. По крайней мере, в начальный период войны европейские рабочие прекратили использовать такой инструмент защиты своих интересов, как забастовка, отчасти под влиянием патриотических настроений, отчасти потому, что призыв значительной их части на военную службу разрушил сло-

жившиеся отношения внутри трудовых коллективов. Все это было характерно и для царской России» [с. 225].

Так же, как российская армия, все армии на Западном фронте начали испытывать проблемы с боеприпасами примерно к середине ноября 1914 г. Промышленность Германии, Франции и Италии испытывала не меньшие трудности, чем российская индустрия, вследствие потери значительной части квалифицированных работников. Внутриполитические последствия проблем, порожденных войной, везде были крайне серьезными: ключевые члены правительств воюющих стран вынуждены были уходить в отставку, многие ведомства подвергались реорганизации, а парламентская борьба на некоторое время утратила свою значимость. В большей или меньшей степени события в России в начальный период войны укладывались, таким образом, в рамки общеевропейских тенденций.

Потребности военного времени предопределили повсеместное усиление влияния военного руководства на политическую и общественную жизнь. В воюющих странах армейские и связанные с ними структуры существенно расширили административный контроль над всеми сферами общественной жизни, включая высшую бюрократию, владельцев частных предприятий и т.д. Ради наращивания производства вооружений и мобилизации ресурсов в Германии, Великобритании и Франции, так же как и в России, создавались разного рода полугосударственные – полуобщественные агентства; частные предприятия, в том числе средние и мелкие, оказывались под их контролем и были вынуждены перестраивать производство с учетом потребностей войны.

В то же время П. Гатрелл обращает внимание на то, что указанные процессы в России имели и свою специфику. «В Великобритании Конгресс профсоюзов был непосредственно вовлечен в управление военной экономикой, и в качестве ответной меры профсоюзные лидеры поддержали некоторые ограничения прав трудящихся, в том числе трудовой мобильности. В Германии организации рабочих тоже участвовали в переводе экономики на военные рельсы; в то же время они имели возможность в некоторых случаях содействовать освобождению рабочих от воинской повинности; в декабре 1916 г. был принят закон, в соответствии с которым вводились институты арбитража между предпринимателями и работниками; организациям рабочих были предоставлены особые полномочия, ставшие своего рода компенсацией за воинскую повинность и ограничение свободы передвижения» [с. 266]. Во Франции в январе 1917 г. также был создан институт арбитража для урегулирования отношений труда и капитала, решения которого имели обязательную силу; вскоре был введен минимальный размер заработной платы. В этом же духе действовало итальянское правительство.

Однако в России ничего подобного не происходило. Несмотря на призывы общественных организаций к правительству признать роль рабочих орга-

низаций и попытаться привлечь их к общему делу, отношение правительства к профсоюзам не изменилось. Пришедшее к власти после Февральской революции новое поколение политиков попыталось наладить сотрудничество с «организованным трудом», но было уже слишком поздно. В то время как Германия достигла компромисса между трудом и капиталом, в России все закончилось установлением контроля над предприятиями со стороны фабричных комитетов.

Проблема обеспечения населения продовольствием встала практически перед всеми воюющими странами. Великобритания и Франция сумели предотвратить потенциальный продовольственный кризис отчасти благодаря наращиванию поставок из США, отчасти – благодаря тому, что были созданы стимулы для собственных сельхозпроизводителей, побудившие их расширить посевные площади и, соответственно, увеличить поставки продуктов. Германия и Россия не могли предотвратить продовольственный кризис; однако, столкнувшись с ним, немецкое правительство ввело нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьезное недовольство населения и, безусловно, привело к обострению социальной напряженности; однако для властей Российской империи отказ от такой политики обернулся катастрофой.

Россия выделялась среди воюющих стран и масштабами вынужденных перемещений населения. Конечно, подобная проблема вставала и перед другими странами, часть территории которых была оккупирована вражескими войсками; но нигде проблема беженцев не превратилась в такой грозный вызов для центральной и местной администрации, а также общественных организаций, как в России, где необходимость поддержки вынужденных переселенцев ложилась тяжким бременем на провинциальное общество, подрывая и без того работавшие на пределе системы здравоохранения и социального обеспечения.

Итак, тяготы войны испытывали практически все европейские страны. Но в большинстве воюющих государств проявления социального недовольства были направлены, как правило, против отдельных, наиболее болезненных последствий войны; лишь изредка люди выступали против социально-политического строя как такового; но, если такие настроения и проявлялись, они либо оперативно подавлялись государственной властью, либо нейтрализовывались разнообразными реформами. В сознании же российских рабочих и крестьян к 1917 г. желание покончить с войной соединилось со стремлением сокрушить государственную машину и уничтожить систему частнособственнических отношений. Поэтому, в то время как практически повсеместно в Европе завершение войны открывало эру реформ, перед Россией открывалась совершенно иная перспектива.

С.В. Беспалов

Холквист П.

РЕВОЛЮЦИЯ КОВАЛАСЬ В ВОЙНЕ: НЕПРЕРЫВНЫЙ КРИЗИС В РОССИИ 1914–1921 гг. (Реферат)*

Holquist P.

Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. – Cambridge (Mass.), 2002. – IX, 359 p.

Примером новой тенденции в изучении Первой мировой войны является книга Питера Холквиста (Университет Пенсильвании), посвященная событиям на Дону в 1914–1920-х годах. Отправной точкой исследования послужил тезис о том, что русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., при этом рассматривать как длительный процесс, а не отдельное событие, и учитывать те серьезные институциональные, политические и идеологические изменения, которые произошли в стране в эпоху всеобщей мобилизации военного времени. Таким образом, поворотным пунктом в истории России П. Холквист считает 1914-й, а не 1917-й год. Гражданская война (а на самом деле, по мнению автора, множество мелких взаимопересекающихся и накладывающихся друг на друга гражданских войн и национальных конфликтов, которые служили средствами реализации того или иного политического проекта) трактуется им как необходимая и неизбежная составная часть революционного процесса [с. 1–3, 6].

Особое внимание уделяется в книге институтам и политическим практикам эпохи военного кризиса, которые рассматриваются в общеевропейском контексте. Автор отмечает, что все воюющие державы применяли сходные меры для мобилизации населения в эпоху тотальной войны и выявляет российские особенности, обусловленные местной спецификой. Он указывает,

* *Реферат перепечатывается из сборника ИНИОН РАН, подготовленного по гранту РГНФ «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований», проект № 13-01-00061, 2013–2014 гг.*

что мобилизация военного времени привела к возникновению в России так называемых «парагосударственных структур» – полуобщественных, полугосударственных институтов, в которых и государство, и общество были тесно переплетены между собой и где общество наконец-то смогло играть политическую роль, доселе ему недоступную. Однако создавались эти организации в ускоренном порядке, в отличие от Европы, где они формировались на протяжении столетий и были лишь реорганизованы таким образом, чтобы отвечать нуждам военной мобилизации [с. 4]. В результате Февральской революции к власти пришли люди, которые активно сотрудничали в данных организациях, стремясь реализовать с их помощью свои давние мечты по преобразованию общества, пишет автор. Именно эти институты и выработанные в годы войны политические практики государственного насилия (карательные отряды, оккупационные режимы, концентрационные лагеря), применявшиеся против внешних врагов, были перенесены во внутрь страны и явились для политических элит России тем инструментом, при помощи которого они реализовали свои программы. Применение политики военного времени к революционному преобразованию общества, в результате чего насилие привносилось в самое основание политического строя – черта, отличавшая Россию от других воюющих держав, где после войны удалось в общем и целом отказаться от государственного насилия и вернуться к практике управления, свойственной мирному времени [с. 5].

Для исследования «непрерывного кризиса» 1914–1921 гг. П. Холквист подробно описывает события, происходившие в это время на Дону, прослеживая взаимодействие государственной политики и ее реализации на местах, а также ее трансформацию под влиянием местных условий. Он учитывает особенности Области Войска Донского как одной из главных «житниц» страны, а также разнообразие национального и социального состава населения, в первую очередь наличие казачества, на которое делали ставку многие политические силы. Регион подолгу находился под контролем и красных, и белых, и в результате сложилась достаточная для проведения сравнительного анализа источниковая база.

Основной акцент в исследовании сделан на изучении политических практик как инструментов реализации тех или иных идеологических проектов. П. Холквист на материале Области Войска Донского анализирует возникновение и трансформацию трех «векторов деятельности государства», которые в наибольшей степени обеспечивали контакты между населением и государством, в данном случае с «разными претендентами на политическую власть» – царским правительством, Временным правительством, белыми, большевиками, казацкой старшиной [с. 6]. Три вектора – это государственная практика обеспечения продовольствием, использование государственного насилия для достижения политических целей и политический надзор за населением. При-

чем одни и те же политические практики, отмечает автор, могли служить достижению самых разных идеологических целей, так как обнаруживаются параллели и сходные черты в практиках всех перечисленных выше правительств на Дону. А поскольку аналогичные меры применялись в тот период и другими европейскими державами, автор объясняет их необходимостью всеобщей мобилизации, а кроме того, «новыми требованиями государства по отношению к населению», возникшими в эпоху «тотальной войны».

В книге не только скрупулезно фиксируется событийная сторона, но также прослеживается формирование политического дискурса, который оказал решающее влияние на ход событий в крае. П. Холквист указывает на возникновение двух конкурирующих между собой, но в чем-то и перекрывающихся политических нарративов о казачестве – «сословного традиционалистского» и «республиканского». Как отмечается в книге, идентичность казачества претерпевала серьезные изменения в 1880–1910-е годы. Решающими факторами автор считает кампанию против введения земства в Области Войска Донского, которая резко отделила казаков от неказаков, а также споры по земельному вопросу в 1905 г., когда разделение населения на казаков и крестьян приобрело политическое измерение. Кроме того, в период революции 1905 г. в среде казачества оформилось представление о том, что существует разделение на простых (настоящих) казаков и казацкую верхушку. «Традиционалистский» нарратив создавался именно казацкой верхушкой, которая настаивала на сословных привилегиях казачества – «вольностях», заслуженных кровью и верной службой царю и отечеству. Эта концепция, пишет П. Холквист, возникла в среде местных чиновников и интеллигентов, проживавших главным образом в Новочеркасске, многие из которых принадлежали к партии кадетов, некоторые были депутатами Государственной думы. Многие из них уже давно не бывали на Дону, что не мешало им активно пропагандировать идеальные представления о казачестве как опоре российской государственности, самых верных сынах России, что получило серьезное подкрепление в пропагандистских кампаниях в годы Первой мировой войны. Февральская революция вернула казакам их исконные «вольности», отнятые Петром I, что всячески приветствовалось казацкой верхушкой, настаивавшей на административном отделении.

Этому «корпоративному» образу противостоял, в изображении автора, республиканский нарратив, более эгалитарный по своему характеру, представлявший казаков «свободными» людьми, самыми первыми в истории России ее гражданами. Сторонники этой концепции происходили из казачьих общин северной части Области Войска Донского, почти все были фронтовиками, орденоносцами. Политическое оформление республиканский образ казачества приобрел сначала в казачьих исполнительных и полковых комитетах на фронте, а затем в местных советах и военно-революционных комитетах.

Сохраняя сильное чувство собственной идентичности, казаки-республиканцы настаивали на включении казаков в общий универсалистский гражданский строй при сохранении их самобытности [с. 63–64].

Поскольку Временное правительство положило конец сословной структуре Российской империи, традиционалисты должны были найти новые основания для определения казачества и легитимации его особого, отдельного от остального населения положения, пишет П. Холквист. Для этого новые властные институты казачества стали выступать не как сословные органы, а как выражение политической воли народа. Как отмечает автор, казацкие органы власти именно формировали, а не отражали чувства принадлежности к единому политическому коллективу. Таким образом, П. Холквист фиксирует постепенное превращение в течение 1917 г. сословной идентичности казачества в социальное движение современного типа. Он показывает, как стремление казаков к партикуляризму получило неожиданную поддержку извне, и все благодаря мифическому образу казачества как опоры русской государственности. Приписываемый донским казакам идеальный, органический этатизм нашел своих поклонников в среде многих, разочаровавшихся в революции и недовольных нарастающей анархией, в том числе и в самом Временном правительстве. Несмотря на многочисленные жалобы населения Области Войска Донского, оскорбленного ущемлением своих прав казаками, Временное правительство приветствовало казацкую администрацию и не усматривало в ней ни «национализма», ни «сепаратизма». Помимо идеологических причин, важным фактором было и наличие воинских подразделений, на которые правительство, постепенно оказывавшееся в изоляции, могло с уверенностью положиться [с. 65–66].

С февраля 1917 г. напряженность в отношениях казаков с остальным населением Дона – крестьянством, иногородними, рабочими – все возрастала, поскольку оно было исключено из участия в выборах и работе новых органов казацкой администрации. Способствовало нарастанию противостояния и решение Первого войскового круга отозвать казаков из Донского исполнительного комитета и других не казацких органов власти [с. 73–74].

Земельный вопрос также углубил пропасть между казаками и крестьянами. Как указывает автор, земельные захваты в 1917 г. касались в основном не общинных казачьих земель, а частного землевладения, львиная доля которого приходилась на крестьянство. Причем испытывавшая земельный голод крестьянская беднота претендовала не на общинную землю станиц, а на резервные земли, находившиеся во владении администрации, которые, как правило, сдавались в аренду тем же крестьянам. Однако крестьянские требования урезать богатеев были представлены как борьба между казаками и крестьянством. Это представление стало составной частью того политического дискурса, который представлял крестьян и казаков главными действую-

щими лицами революционной драмы, способствуя таким образом структуризации множества мелких конфликтов и превращая их в целенаправленную борьбу [с. 75–77].

Летом 1917 г. по решению Первого донского круга прошли массовые отставки казаков в общегражданских политических структурах и переход их в казачьи органы власти. Автор отмечает ответную реакцию на консолидацию казаков, которая выразилась в изменении социального состава советов (с преобладанием крестьянства) и усилении их антиказачьей направленности. Разъединение населения Дона, пишет он, шло сверху вниз, от Донского исполнительного комитета и Донского войскового правительства к местным политическим структурам на уровне отдельных станиц и деревень. При этом борьба советов за власть на Дону осенью 1917 г. была направлена не против «буржуазных» институтов (земства, думы), а против казачьих органов власти [с. 78–84].

Когда после получения телеграфных сообщений о захвате большевиками власти Донское войсковое правительство при поддержке Новочеркасской городской думы и городского совета объявило себя верховной властью в регионе и ввело военное положение в западных угледобывающих районах, оно рассматривало себя как опору национальной государственности, пишет автор. Именно поэтому оно предложило Временному правительству перебазироваться на Дон и там организовать борьбу против большевиков. И хотя рядовые казаки не разделяли энтузиазма своих лидеров и не были готовы вести борьбу за пределами региона, а общегражданские политические структуры (крестьянские съезды, съезды советов и исполкомы) подвергли суровой критике действия как большевиков, так и Донского правительства, это не помешало возглавлявшему казацкое правительство генералу А.М. Каледину начать активные действия против «большевизма» [с. 114–116].

Подробно описывая ход событий на Дону в ноябре-декабре 1917 г., автор указывает, что главной военной силой в борьбе за власть в регионе в тот момент являлись прибывшие туда из центра студенты, юнкера и добровольцы, которых привлекал образ Дона как «русской Вандеи». Именно собравшиеся на Дону противники большевиков сделали этот образ реальностью, в то время как многие казаки высказывали опасения, что столь активная антибольшевистская деятельность А.М. Каледина втянет Дон в войну со всей Россией, пишет П. Холквист. Таким образом, «та преувеличенная роль, которую Область Войска Донского стала играть в гражданских войнах, была вызвана скорее давними стереотипами, чем реальным поведением казаков» [с. 120].

Характерной чертой 1917 г., по мнению автора, была повсеместно распространенная вера в то, что только партии являются легитимной формой политического представительства. Отсюда – стремление превратить политическую жизнь России в партийную борьбу. Одной из определяющих черт по-

литики 1917 г., пишет автор, была социальная теория представительства, т.е. каждая партия искала и создавала себе поддержку в лице определенных социальных групп, поскольку в то время политика понималась как игра «социальных акторов». Как указывает П. Холквист, политические движения всех мастей, от большевиков до офицеров-монархистов, выставляли себя выразителями интересов отдельных социальных групп и с помощью целого ряда механизмов навязывали свои собственные программы политическому поведению масс, зачастую весьма беспорядочному. При этом «политическое» содержание определяло «социальные» требования [с. 143–144].

В книге показано, как разрозненные конфликты весны 1918 г. постепенно превратились в войну между казаками и большевиками. При этом и простые казаки, и крестьяне часто пытались уклоняться от мобилизации их соответствующими воюющими сторонами. Автор анализирует процесс «приписывания» сословного статуса казаков всем участникам движения, в основе которого лежало мифологическое представление о характере восстания, всячески культивировавшееся руководством в Новочеркасске. Круг спасения Дона принял закон, даровавший статус казаков всем, кто сражался против большевиков, и исключавший из казачьего сословия тех, кто участвовал «в советском движении и большевистских организациях».

Руководители, поднявшие восстание от имени всего казачьего сословия, были, по словам автора, полны решимости принудить казаков к участию в их собственном освобождении. Начались массовые мобилизации, высылались карательные отряды, которые силой заставляли упорствующие в своем нейтралитете станицы присоединяться к движению. За время атаманства Краснова с мая 1918 по февраль 1919 г. военные суды вынесли примерно 25 тыс. смертных приговоров. И хотя реальное количество казней было гораздо меньше, эта цифра, по словам П. Холквиста, «отражает степень официального насилия». Как указывает автор, карательные отряды и военно-полевые суды являлись наиболее грубым инструментом формирования публичного дискурса и организации социальной жизни. Используя насилие как политическую технологию, руководство Всевеликого Войска Донского пыталось заставить казаков действовать в соответствии с его собственными представлениями о казачестве. Восстание 1918 г., таким образом, было «казачьим» не столько по причине того, что его подняли казаки, сколько потому, что они были выбраны в качестве социальной группы, предназначенной для его реализации.

Именно политическая погоня за идеализированным, воображаемым казачеством превратила восстание в «казачье движение», полагает автор [с. 165]. С другой стороны, то обстоятельство, что восставшие ставили знак равенства между поддержкой советов и «большевизмом», невольно содействовало по-

пыткам большевиков притязать на роль единственной партии советского государства.

Последствиями такого положения дел стал ответный шаг Советской власти, которая в 1919 г. взяла курс на «расказачивание», означавший не просто отмену сословного статуса казаков, но также и в соответствии с резолюцией Оргбюро ВКП (б) «тотальное уничтожение» всей «казацкой верхушки» путем «массового террора» [с. 180].

Изучение практики снабжения продовольствием позволяет П. Холквисту более точно определить роль идеологии в формировании конкретных политических практик и формулировании их целей. В контексте «мобилизации» и «организации» своих обществ в ходе тотальной войны, пишет он, все воюющие державы сосредоточили снабжение и распределение продовольствия в руках правительственных организаций. Особенности «русского варианта» заключались в том, что как правительство (и, в частности, чиновники новой генерации в Министерстве земледелия под началом Кривошеина), так и его оппоненты – главным образом кадеты – настаивали на приоритете государства в организации снабжения продовольствием армии и населения. В то время как в Германии и Великобритании ставка изначально делалась на коммерческие структуры, в России была поставлена задача максимально вытеснить частную торговлю и «посредников» из системы закупок зерна и работать непосредственно с производителем.

В начале войны ситуация с продовольствием не внушала правительству особых опасений, и первые его меры в августе 1914 г. были направлены против спекуляции. Только в феврале 1915 г. предпринимаются шаги в области государственного регулирования цен на зерно, а летом, после отступления из Галиции и с ухудшением общей продовольственной ситуации в стране, вслед за военно-промышленными комитетами создаются (по образцу английских и немецких) и другие парагосударственные организации – Особые совещания, в том числе по обеспечению продовольствием. Тем не менее главной мишенью правительственной политики в этой сфере остаются «спекулянты». В 1916 г. активно обсуждается вопрос о введении государственной монополии на торговлю зерном (которую к тому времени ввела у себя Германия), звучат предложения ввести разверстку, но эта программа была реализована уже после февраля 1917 г. Временным правительством.

1917 год стал переломным в деле хлебозаготовок на европейском континенте: весной этого и следующего года Германия проводила реквизиции зерна, тогда же Австро-Венгрия отозвала с фронта 50 тыс. человек для изъятия хлеба в деревнях. В России в начале 1918 г. функционеры-хлебозаготовители, назначенные еще Временным правительством, требовали в свое распоряжение все больше воинских подразделений, оттягивая военные силы с фронта для внутренних нужд.

В деле обеспечения продовольствием Германия служила своего рода маяком, примером эффективности планирования для других стран. Однако если в Германии общественные дебаты по зернопоставкам отражали противостояние между производителями и потребителями, то в России политики и общественные деятели сосредоточивались на критике правительства и беззаконии частной торговли. Когда чиновники Особого совещания признали необходимость опоры на «частника», общественники в Земгоре (Струве, Громан) агитировали за более систематическое вмешательство государства в эту сферу. Они хотели заменить «невидимую руку рынка» государством и к 1917 г. это удалось сделать. Зерно сосредоточилось в руках производителя, и государство оказалось единственным реальным игроком в сфере его распределения [с. 33–36].

Таким образом, введение контроля над экономикой в СССР являлось не только воплощением большевистской идеологии, но также расширением и продолжением той практики, которая получила распространение во всей Европе в годы войны. Свою общность в этом отношении с Европой прекрасно осознавали как дореволюционные чиновники, так и ведущие советские экономисты, занимавшиеся разработкой планового хозяйства. Фиксируя наличие серьезной традиции «научного и рационального» планирования в среде специалистов – бывших сотрудников Министерства земледелия, автор описывает их противостояние реформе атамана Краснова, который ввел в мае 1918 г. на Дону свободную торговлю зерном.

«Этос планирования», пишет он, в годы Гражданской войны получил широкое распространение среди всех ее участников. Все они осуждали спекуляцию и рыночную анархию, принимали меры для борьбы с инфляцией. Тем не менее, прослеживая глубокую общность между царским режимом, Временным правительством и правительствами белых на Дону, П. Холквист выявляет те отличия в целях и форме политической практики снабжения продовольствием, которые присутствовали у большевиков. С присущим ему обостренным вниманием к значению слов и понятий, он отмечает, что термины «запасы» и «излишки» из области экономики перешли в плоскость морально-политическую, поскольку в процесс принятия решения о заготовках включался вопрос о силе и степени сопротивления тех, у кого зерно будет изыматься.

Учитывая, что белые и красные действовали в интересах разных групп населения, они выработали поразительно разную практику обеспечения продовольствием. И те, и другие прибегали к насилию, однако задачи изъятия зерна они понимали по-разному. Если целью белых являлась всего лишь заготовка сданных гражданами «запасов» зерна и более правильное его распределение (как это и происходило в годы войны), то задачи советской власти выглядели совершенно иначе. С точки зрения автора, политика большевиков

по обеспечению продовольствием была нацелена на трансформацию индивида, который должен был усвоить новый смысл своих обязательств перед государством. Именно этим П. Холквист объясняет применение жестоких карательных мер против тех, кто «утаивает излишки» от голодающего народа Республики Советов. Те, кто «уклонялся» от выдачи зерна, объявлялись «врагами народа» их судил военный трибунал. Выездные сессии революционных трибуналов носили характер показательный и воспитательный, широко освещались в местной прессе, приговоры судов распространялись в виде листовок среди населения. Таким образом, вопрос о хлебозаготовках переходил из объективной в субъективную сферу.

Исследуя практику политического надзора, П. Холквист показывает, что контроль за настроениями населения, стремление конструктивно воздействовать на эти настроения носили в XX в. широкий, общеевропейский и даже всемирный характер. В межвоенный период тоталитарные по своей сути мероприятия проводили и нацистская Германия и цитадель либерализма – Англия.

По мнению автора, надзор за настроениями населения следует понимать как вспомогательную функцию политики современной эпохи (одним из вариантов которой является тоталитаризм) и как составную часть глубокого процесса изменения целей управления: процесса перехода от «территориального» государства к «правительственному». В России резкий переход от административного, территориального государства, в котором самодержец управлял территориями, к государству, основанному на правительственном принципе и управляющему населением, произошел в 1917 г., пишет П. Холквист. Политический надзор в этом контексте и представляет собой один из инструментов эффективного управления населением.

Методика политического надзора, приходит к выводу П. Холквист, была разработана еще в царской России, в ходе Первой мировой войны получила широкое распространение и была институционализирована в рамках государственных структур, а в годы Гражданской войны ее активно применяли и красные, и белые. Однако, несмотря на то что методика надзора и осведомления у белых и красных была схожей, специфика большевизма проявилась в формулировке тех целей, ради достижения которых следовало практиковать надзор и содержать осведомителей, пишет автор. Отличительной особенностью советского эксперимента являлось использование общеевропейского набора практических мероприятий политического контроля с целью создания «нового человека» и построения социализма, причем в течение определенного временного периода. Отвергая попытки трактовать приведенные в исследовании факты как доводы в пользу «особости» России, автор указывает, что «задача исследователя должна состоять не в поиске причин, по которым Россию можно было бы считать аномалией, а в определении специфики российского воплощения общеевропейской практики» [с. 222].

Большевистская идеология («склонность привязывать все к социально-экономическим условиям») не объясняет полностью политику советского государства по отношению к населению. Идеология действовала в условиях «революционной политической экосистемы» – термин, заимствованный у Катерины Кларк для описания новых понятийных категорий у всех претендентов на политическую власть в России [с. 144]. П. Холквист считает, что большевиков отличала «та степень, с которой они использовали и трансформировали инструменты, предназначавшиеся для тотальной войны, приспосабливая их к новым целям революционной политики, как во время гражданских войн, так и, в особенности, после их окончания» [с. 287]. Однако сохранение военного государства в мирное время нельзя приписать только идеологии. Из-за слабого развития гражданской сферы в довоенной России институты и практики тотальной мобилизации «стали “кирпичиками” для построения как нового государства, так и нового социально-экономического строя» [с. 286]. Что делало ситуацию в России исключительной, так это тот факт, что в то время как после окончания войны другие страны более или менее успешно вернулись к несколько модифицированной форме старого строя, большевики не отказались от революционной массовой мобилизации. Они хотели переформировать общество, и для достижения этой цели продолжали применять военные методы. Советская система, в понимании П. Холквиста, была перманентной революцией. Эту систему, заключает автор, создали не только идеология большевиков и вековое наследие самодержавия, но также война и революция.

О.В. Большакова

В.Н. Чернега

РОССИЯ И ЕС: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, консультант Совета Европы, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Настоящая статья в известной степени является продолжением другой статьи автора, опубликованной еще в 2000 г. под названием «Шансы России в XXI веке»[1], в которой он попытался обобщить свои размышления по указанной теме после довольно продолжительного периода работы на российской дипломатической службе. Являясь в 2000–2012 гг. штатным сотрудником Совета Европы в Страсбурге, автор, в соответствии с требованиями устава этой международной организации, не мог публиковаться по внешнеполитической тематике, хотя регулярно участвовал в аналитических мероприятиях СЕ по проблемам восточноевропейских стран, в первую очередь Российской Федерации. Опыт работы в СЕ, по большому счету являющемуся политическим инструментом Европейского союза, но включающем Россию и другие постсоветские государства, побудил автора заострить внимание прежде всего на проблеме взаимоотношений РФ с ЕС, все более определяющих судьбу европейского континента и в значительной мере структуру меняющегося сейчас мироустройства.

Несколько лет тому назад германский политолог А. Рар высказал мнение, что доминирующей тенденцией в политике Запада по отношению к России является стремление вытеснить ее из Европы в Азию. В перспективе, заявил он, это может привести к геополитическому разлому мира, похожему на тот, который в свое время вообразил Дж. Оруэлл: «Три громадные империи будут воевать между собой, Трансатлантическая, евразийская, в которой Россия и Китай будут вынуждены объединиться, чтобы противостоять натиску Европы, и халифат. Эти три направления ясно кристаллизуются в мировой поли-

1. «Международная жизнь». – М., 2000. – № 1. – С. 50–58.

тике»[2]. По его словам, авангард сил, которые хотели бы «выдавить» Россию в Азию, составляют Польша, Чехия и прибалтийские государства, но их неявно поддерживают западноевропейские страны, в частности Германия, Великобритания и Франция, ныне самые влиятельные государства – члены ЕС.

Нынешние события на Украине и вокруг нее, в которые оказались вовлеченными Европейский союз и РФ, подтвердили реальность по меньшей мере одного ключевого элемента этого прогноза, а именно: «натиск Европы» в лице ЕС, которому приходится противостоять России. Конечно, к счастью, взаимоотношения между ними этим не ограничиваются. Россия активно сотрудничала и продолжает сотрудничать с государствами – членами ЕС в различных областях, что постепенно создает взаимозависимость, особенно в области энергетики. Есть впечатляющие примеры сотрудничества в космической и военно-технической сферах. В то же время отношения с ЕС в целом, точнее с Европейской комиссией, носили и носят более «жесткий» характер. Еще до кризиса на Украине между ЕС и Россией существовали серьезные расхождения по ряду вопросов, например по Энергетической хартии, так называемому «третьему энергопакету», проблематике прав человека. Однако даже сейчас, когда ЕС в связи с присоединением Крыма к России прибег к санкциям против нее, не говоря уже о жесткой антироссийской риторике, эти отношения все же нельзя назвать откровенно враждебными.

Вместе с тем Россия и ЕС все более ожесточенно конкурируют между собой за влияние на постсоветском пространстве, что особенно ярко проявилось именно на Украине. Причем импульс этой конкурентной борьбы исходит главным образом от Европейского союза, который действительно медленно, но верно превращается в своего рода новую европейскую империю. Пока она еще весьма аморфна, в ней недостает политико-государственных скреп, однако логика внешней экспансии, присущая любой империи, проявляется в ней уже достаточно отчетливо.

До поры до времени эта рождающаяся империя была оригинальной по принципу своего формирования, поскольку новые государства-члены не просто входили в нее добровольно, но осуществляли реформы, чтобы соответствовать критериям вступления. Однако уже в случае с Болгарией, Румынией и в определенной степени с прибалтийскими государствами, которые не соответствовали или не вполне соответствовали этим критериям, на первое место уже вышла логика экспансии. В случае же с Украиной Европейский союз вышел на новый ее этап, поскольку впервые откровенно борется за перспективу включения этой страны в свой состав. Идеологи этой экспансии не скрывают, что другими ее целями на постсоветском пространстве, помимо

2. Независимая газета, 2007 г., 30 января.

Украины, являются Белоруссия, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан. Все эти страны, как известно, включены в проект ЕС под названием «восточное партнерство».

На нынешнем этапе основным двигателем этой экспансии является стремление заполучить новые рынки сбыта для своих товаров и дешевую рабочую силу. Однако в долгосрочном плане речь идет не только об экономическом освоении новых территорий, но и об их включении в политическое, идеологическое и культурное-цивилизационное пространство создающейся империи. Вопрос о включении в военное пространство, который до сих пор решался через НАТО, в связи с жесткой реакцией России на переворот в Киеве, поддержанный ЕС и США, остается пока открытым. Однако в длительной перспективе отнюдь не исключается создание Европейском союзом собственного «военного измерения». Но это произойдет скорее всего тогда, когда ЕС достаточно далеко продвинется по пути создания упомянутых выше политико-государственных скреп и начнет отходить от зависимости от США в оборонной сфере.

В России по ряду причин довольно скептически оценивают эту перспективу. Российские специалисты по-прежнему видят в ЕС главным образом общий рынок, единое экономическое пространство со свободным движением товаров, капиталов и рабочей силы. Введение постов «президента»[3] и «министра иностранных дел»[4] ЕС не вызвало большого интереса. Действительно, эти новые институты пока обладают скорее потенциальной, чем реальной эффективностью, хотя события на Украине, приведшие к активизации деятельности собственно евросоюзовской дипломатии и к выработке единой позиции ЕС по крымской проблеме, несколько повысили их роль.

В целом, однако, значение этих институтов видится по-другому в общем контексте движения ЕС к превращению в конфедеративно-федеративное государственное образование, которое, парадоксальным образом, в результате нынешнего экономического и финансового кризиса отнюдь не прекратилось, а, наоборот, ускорилось. Это происходит, по крайней мере, на уровне его «твердого ядра», представляемого Германий, Францией, Италией и странами Бенилюкса, а также на уровне евробюрократии в Брюсселе, все более превращающейся в самодовлеющую силу. Под разговоры вовне, да и внутри ЕС о «кризисе евро» или «кризисе еврозоны» лидеры этих стран и Европейская комиссия продвигают, хоть и с большим трудом, реформы, направленные на сближение в областях бюджетно-налоговой и банковско-финансовой полити-

3. Председатель Европейского совета.

4. Верховный представитель ЕС по внешним делам.

ки, что должно придать бóльшую прочность «евро», но одновременно создает важнейшую скрепу для политико-государственного единства.

Единая политика и единые стандарты в этих областях неизбежно будут толкать интеграционный процесс в сторону укрепления существующих и создания новых наднациональных механизмов регулирования и управления, по сути, элементов квази-государственности. Это, в свою очередь, ведет к дальнейшему усилению и расширению полномочий фактического правительства ЕС – Европейской комиссии, которая все активнее продвигает унификацию самых различных сфер жизни государств-членов. Один из самых недавних примеров – завершающаяся инкорпорация в законодательство этих государств Директивы ЕС 2011/98 о введение на их территориях единого документа, представляющего собой одновременно разрешение на работу и вид на жительство для иностранных трудящихся. В ведение Европейской комиссии переходят и вопросы усыновления / удочерения иностранных детей в странах ЕС, столь чувствительно воспринимаемые сейчас в России. Именно все более заметное управленческое проникновение никем не избираемой Европейской комиссии в разные сферы жизни государств ЕС вызывает сейчас наибольшие протесты определенной части их населения и выражающих настроения этих людей политических сил.

Это недовольство объективно ведет к усилению роли Европейского парламента как демократического противовеса Европейской комиссии.

Стоит упомянуть и все более заметные усилия, также предпринимаемые прежде всего в странах «твердого ядра» ЕС, направленные на формирование «единой европейской идентичности» или, если позаимствовать в несколько измененном виде формулировку из советского прошлого, «нового европейского человека». Они уже не ограничиваются сферой СМИ, но все больше затрагивают школы, университеты и даже дошкольные учреждения. Речь идет о внедрении не только идеи такой идентичности в самом общем ее виде, но и конкретных цивилизационно-культурных элементов, например, связанных с воспитанием «антисексизма», подавлением «гомофобии» и т.п.

Разумеется, формирование европейского конфедеративно-федеративного государственного образования потребует еще много времени и будет сопровождаться спорами, трениями и конфликтами как между странами ЕС, так и внутри их. Возможно, некоторые государства, в частности Великобритания, даже останутся, по меньшей мере на какое-то время, вне этого процесса. Однако это вряд ли изменит заданный вектор движения в сторону указанного «твердого ядра» во главе с Германией, поскольку диктуется объективными потребностями их экономик. Новые государства-члены будут вынуждены подтягиваться к ним. Вхождение Эстонии и Латвии в «еврозону» подтверждает эту тенденцию.

В создаваемой новой империи уже видны уязвимые места, например увеличивающийся, по мере экспансии, ее «лоскутный» характер, громоздкость в управленческом плане, а также неоднородность с точки зрения уровней социально-экономического развития и культурных характеристик. Формирование «единой идентичности», к примеру шведов и греков, представляется весьма проблематичным.

Во внешнеполитическом плане, как подтвердили события вокруг Крыма, большой проблемой остается согласование интересов всех 28 государств – членов ЕС перед лицом внешних вызовов, хотя, как отмечалось выше, в результате этих событий ЕС все же сделал определенный шаг к усилению механизма достижения единства и в этой области.

Для России экспансия Европейского союза на постсоветском пространстве даже в его нынешнем виде представляет собой вызов стратегического характера. Превращение же ЕС в хотя бы в конфедеративное образование и неизбежное усиление этой экспансии чревато для нее утратой большей части сферы ее жизненных интересов, что объективно толкает ее в сторону Средней Азии и Китая.

Соотношение сил в этой борьбе явно не в пользу России. Речь идет не только о преобладающей экономической мощи ЕС. Хотя все же стоит напомнить, что его совокупный ВВП превышает ВВП России почти в 6 раз при перерасчете по паритетной покупательной способности и более чем в 8 раз по номинальной стоимости, а производительность труда и конкурентоспособность ведущих экономик ЕС в несколько раз превышают соответствующие показатели российской экономики.

Очень важная составляющая мощи ЕС, на которую редко обращают внимание российские специалисты, – высокая степень социальной сплоченности обществ в странах его «твердого ядра», в которых она еще с 50-х годов прошлого века рассматривается как непременное условие устойчивого экономического развития и способности противостоять внешним и внутренним вызовам. Эта сплоченность основывается прежде всего на мощных системах социальной солидарности (социальная защита, социальная помощь), доступности жилья, образования, здравоохранения, а также на уменьшении бедности и последовательном сокращении разрыва между наименее и наиболее обеспеченными слоями населения. Лишь один пример: во Франции в 2000–2008 гг. число бедных (имеющих доход менее 60% среднедушевого дохода по стране) уменьшилось до 7,5% (исторический минимум), а разница в доходах между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных людей уменьшилась с 8,3 раза до 6,7 раза. Среди других «старых» государств – членов ЕС самый большой разрыв был зафиксирован в Португалии (7,9 раза), самый маленький в Швеции (3,3 раза).

Вместе с тем социальная сплоченность в указанных странах зиждется на разделяемых большинством населения ценностях, прежде всего таких, как демократия, правовое государство и права человека. По сути, эти ценности превратились в них в своего рода религию, потеснив религию настоящую, роль которой ослабевает. В любом случае они успешно играют роль идеологической скрепы, без которой не может обойтись ни одно общество и государство.

Конечно, нынешний кризис нанес удар по весьма дорогостоящей соцзащитной компоненте системы социальной сплоченности, поскольку правительства государств – членов ЕС были вынуждены проводить политику жесткой экономии, которая всегда означает прежде всего экономию на социальных расходах. Однако запас прочности, создававшийся десятилетиями, достаточно велик, чтобы выдержать это испытание. Да и экономики этих стран, обладающие необходимой гибкостью, постепенно восстанавливаются и модернизируются, что рано или поздно позволит восстановить и требуемый уровень затрат на поддержание и развитие данной системы. Следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о благотворительности, а о важнейшем условии устойчивого развития самих этих экономик.

Именно «европейская социальная модель» была и остается важнейшим фактором притягательности ЕС для населения тех стран, которые заявляют о своем стремлении продвигаться по пути «европейской интеграции». Другие факторы – достаточно эффективно функционирующая демократия, весьма автономная по отношению к исполнительной власти и пользующаяся доверием населения система правосудия, высокий уровень правовой защищенности индивида, а также сведенная до исторического минимума коррупция в большинстве государств-членов – тоже, разумеется, принимаются в расчет.

Справедливости ради нужно отметить, что привлекательность ЕС в кризисные годы несколько снизилась, в том числе во многих государствах-членах, в частности таких как Болгария и Греция. При всем этом она остается весьма значительной, особенно вовне, и является важнейшим фактором его «мягкой силы». Это следует подчеркнуть, поскольку в России, прежде всего на уровне практиков, существует тенденция сводить и внутреннюю борьбу в разных постсоветских странах, и отношения с этими странами только к отношениям элит и поддержке последних внешними игроками. Глубинные изменения, происходящие в обществе, среди населения, почти не учитываются. На деле, как показали события на Украине еще в момент «оранжевой революции», никакое вмешательство извне, в частности со стороны Запада (которое, несомненно, было, в том числе на стадии подготовки этой «революции), не принесло бы результата, если бы значительная часть украинского общества, особенно самые активные его слои, не добивалась смены режима. Движение

это было столь мощным, что сделало невозможным соглашение известных своей способностью договариваться украинских элит.

Новая украинская «революция», вылившаяся в государственный переворот, только подтвердила значение этого фактора, который на этот раз был еще более активно использован Западом для нового массированного вмешательства во внутриукраинскую борьбу. Конечно, отказ в последний момент президента В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС явилось лишь последней каплей, переполнившей чашу. Основные причины недовольства лежали в социально-экономической области. Однако преуменьшать значение «евроинтеграционной» составляющей, особенно применительно к Западной Украине и Киеву, все же не стоит.

В этой связи принципиальное значение имеет тот факт, что, как показывают опросы общественного мнения, число сторонников «евроинтеграции» в западных и центральных областях Украины не просто больше, чем противников, но продолжает увеличиваться. Такая же тенденция наблюдается и в Белоруссии. Примечательно, что идея «евроинтеграции» особенно популярна среди молодых поколений.

Нынешняя экспансия ЕС в направлении Украины и неизбежная в будущем экспансия в отношении Белоруссии ставит перед Россией очень трудную дилемму. Она не может не реагировать на нее, поскольку речь идет о самой важной части сферы ее жизненных интересов. Вместе с тем Россия не может позволить себе прямую длительную конфронтацию с ЕС, прежде всего по экономическим причинам. К счастью, ЕС, несмотря на принятие ряда санкций в отношении России и антироссийскую риторику, тоже в этом не заинтересован и, судя по всему, будет ее избегать.

Однако политика экспансии при этом вряд ли прекратится. Скорее всего, с учетом событий на Украине, она будет скорректирована, движение «парового катка» сменит более гибкая и более осторожная тактика, рассчитанная на более длительную перспективу. В этом случае Россию ждет конкурентная гонка, основанная со стороны ЕС на принципе постепенного вытеснения противника из стран, вовлеченных в «восточное партнерство». Собственно, смысл последнего, как и соответствующих соглашений об ассоциации, именно в этом.

Очевидно, что если Россия будет втянута в такую длительную гонку, это потребует напряжения всех ее ресурсов.

В краткосрочной перспективе у России, несомненно, есть шансы какое-то время сдерживать этот «натиск Европы». Она располагает рядом необходимых для этого важных «козырей», причем больше всего именно на постсоветском пространстве. «Козыри» эти хорошо известны, это прежде всего энергетические ресурсы мирового значения, огромный внутренний рынок, оставшаяся после советской эпохи взаимодополняемость ее экономики с эко-

номиками большинства других бывших советских республик и не исчезнувшие кооперационные связи, культурно-ментальная близость с ними, особенно с Восточной Украиной и Белоруссией. Россия является страной массовой трудовой миграции из этих республик, занимая второе место в мире по числу трудовых мигрантов после США.

Однако в длительной перспективе все более негативную роль будут играть «факторы слабости» РФ, которые активно используются в проводимой против нее пропагандистской войне на Западе, но отмечаются и в самой России. Эти факторы обычно сводятся к тому, что в политическом плане она застряла где-то между демократией и авторитарным режимом (что предопределяет отсутствие прочной политической стабильности), ее судебная система не независима и неэффективна, Российское государство, в том числе правоохранительные органы, поражено беспрецедентной коррупцией, а права человека в стране защищены очень слабо или незащищены вовсе, в частности в российской глубинке. Все это так или иначе сказывается на социальной стабильности, но также на инвестиционном климате, на инновационной активности и на экономике в целом, остающейся, несмотря на все предпринимаемые, ныне усилия, в основном сырьевой, малоэффективной и неконкурентоспособной. Указывается также на тревожную демографическую ситуацию и наличие огромных проблем в социальной сфере.

Следует отметить, что многое из вышеперечисленного признается и российской властью, которая предпринимает определенные меры в целях улучшения ситуации с демократией (восстановление прямых выборов руководителей субъектов Федерации, облегчение условий для регистрации политических партий, возвращение к смешанной избирательной системе), уменьшения коррупции и развития реального сектора экономики. Делаются попытки придать российской промышленности более инновационный и высокотехнологичный характер. В последние годы больше внимания стало уделяться демографической ситуации и проблеме бедности.

К сожалению, на ряде очень важных направлений принимаемые меры изначально не могут принести желаемых результатов в силу, с одной стороны, недостаточности выделяемых средств, с другой – застарелости, долгосрочности самих проблем. На других направлениях власти явно недостает политической воли.

В первом случае имеются в виду прежде всего демографические тенденции. По прогнозам большинства зарубежных и российских экспертов, население РФ уменьшится к 2030 г. с нынешних 143 млн (или 145 млн вместе с Крымом) до 115–120 млн человек, к 2050 г. до 90–95 млн человек. Речь идет о демографических тенденциях, которые складывались десятилетиями. Для того чтобы их повернуть вспять, нужно не менее 25–30 лет, при условии про-

ведения государством активной демографической политики и огромных затрат.

Российское руководство, как уже отмечалось, в последние несколько лет стало прилагать усилия для улучшения ситуации в этой области, которые позволили несколько повысить рождаемость, уменьшить смертность и увеличить среднюю продолжительность жизни. Средний показатель рождаемости, например, увеличился с 1,21 до 1,34 (на одну среднестатистическую женщину репродуктивного возраста). Однако только для простого воспроизводства населения нужно достичь показателя в 2,1. Рост начинается с показателя 2,2.

Иными словами, достигнутые успехи не являются переломными. Отмечающийся ныне некоторый прирост населения является временным явлением (поскольку новые репродуктивные поколения родившихся в 1990-е годы не могут продолжить его из-за своей малочисленности), при этом в значительной степени он был достигнут за счет более высокой рождаемости на Северном Кавказе и миграции. В перспективе Россию ждет депопуляция, которая затронет прежде всего традиционные русские области.

Таким образом, Россия, которая уже сегодня очень существенно уступает в численности населения ЕС (500 млн человек) и Китаю (1,3 млрд) стоит перед неизбежным и опасным усугублением этого дисбаланса. Сокращение населения России ставит под вопрос даже сохранение ею статуса великой региональной державы. Кроме того, возникает проблема сохранения контроля над всей огромной территорией страны, особенно Восточной Сибирью и Дальним Востоком. Наличие в этих регионах огромных запасов полезных ископаемых и соседство быстро развивающегося Китая, все острее нуждающегося в сырье, может стать главной проблемой безопасности страны.

Стоит также отметить уже ощущающуюся нехватку трудовых ресурсов, побудившую российское руководство принять Концепцию государственной миграционной политики до 2025 г., в которой констатируется, что к указанному году эти ресурсы уменьшатся на 10 млн человек. Концепция предусматривает замещать их главным образом иностранными трудящимися. С учетом уже имеющихся проблем, вызываемой внешней и внутренней миграцией, нетрудно предсказать, что это будет вести к дальнейшему росту напряженности и конфликтам между коренным населением и мигрантами и ослаблять социальную сплоченность российского общества.

Однако больше всего ее подрывает увеличивающееся неравенство в доходах людей, находящихся вверху и внизу социальной лестницы. В этом отношении Россия движется в направлении, прямо противоположном ЕС. В 2000 г. разрыв между 10% самых зажиточных и 10% наименее обеспеченных россиян составлял 8 раз. В 2012 г., согласно официальным данным, он достигал 17 раз. Однако, по данным экспертов различных международных организаций, он составлял не менее 23 раз, а в Москве – более 60 раз. Этот

разрыв неизбежно переносится в жилищную сферу, здравоохранение, область образования.

Рост неравенства сочетается с сохраняющейся проблемой бедности значительной части населения. Российская власть с основанием говорит о сокращении бедности по сравнению с 2000 г., но если за основу подсчета взять не прожиточный минимум (6,5 тыс. руб. в месяц), а критерий ЕС (менее 60% среднедушевого дохода по стране), то число бедных составит все же не менее 40%. Это – самый высокий показатель среди экономически развитых стран, в том числе тех, которые уступают России по объему произведенного ВВП на душу населения.

Прямым следствием неравенства и бедности, оборачивающихся социальной маргинализацией миллионов людей, в том числе молодежи, является ряд печальных рекордов России, характеризующих качество ее социальной системы: первые места в мире по числу лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, первое место в мире по числу абортов, одно из первых мест в мире по числу заключенных. Хорошо известно, в том числе из истории России, что нищета, маргинализация, ощущение социальной несправедливости являются питательной средой для экстремизма и терроризма.

Огромная социальная разобщенность российского общества делает весьма затруднительным продвижение в нем какой бы то ни было «национальной идеи», которая бы играла роль идеологической скрепы. Патриотическое единение вокруг присоединения Крыма не должно обманывать: каким бы мощным оно ни было, оно не может объединить общество надолго.

Наличие указанных проблем отмечается и российской властью. О «высокой дифференциации доходов» по сравнению с европейскими странами и о том, что «каждый восьмой россиянин живет ниже черты бедности», говорил в одной из своих предвыборных статей В. Путин[5]. К сожалению, принимаемые российским руководством меры для их решения носят частичный характер и по определению не могут переломить ситуацию. Для того чтобы добиться этого, нужно прежде всего радикально менять систему перераспределения национального богатства страны.

Как представляется, имеет место недооценка того, насколько указанные проблемы подрывают социальную сплоченность российского общества, политическую стабильность страны и одновременно сокращают возможности ее устойчивого экономического развития. Сам термин «социальная сплоченность» пока даже не вошел в обиход в коридорах власти, а российские элиты не выказывают признаков готовности к необходимым самоограничениям (прежде всего, к уплате высоких налогов на большие доходы и соответст-

5. Комсомольская правда, 13 февраля 2012 г.

вующих взносов в социальные фонды), которые давно стали нормой для элит других развитых стран, в частности ЕС.

Очевидно, что с учетом одной только хрупкости российского социального организма длительное отвлечение значительных ресурсов на внешние цели, в частности на защиту жизненных интересов России в Украине и Белоруссии, других постсоветских государствах чреваты дестабилизацией страны. Ситуация усугубляется тем, что экспансия ЕС поддерживается Соединенными Штатами, которые, как вновь показали события на Украине, проявляют стойкую приверженность политике, направленной на то, чтобы не допустить возрождения России в качестве сильной державы.

Если в этой связи посмотреть на «факторы слабости» России в более широком международном плане, становится очевидным, что они будут со временем оказывать все большее негативное влияние на ее шансы занять достойное место в рамках меняющегося мироустройства. Российская дипломатия всегда отвергала идею «однополюсной» мировой структуры, которую после распада СССР воплощали собой США, и противопоставляла ей концепцию «многополярности». США и сегодня остаются сильнейшей экономической, научной, военной и информационной державой мира. Однако чрезмерный триумфализм после исчезновения главного противника, чрезмерная вера в свои возможности, давний мессианизм привели к тому, что США, вместо того чтобы перестраиваться под вызовы нового и быстро меняющегося мироустройства, стали пытаться подстроить его под себя, в том числе с помощью силы. Результатом стала непомерная растрата ресурсов страны, усугубленная экономическим кризисом. Между тем на горизонте появились новые великие державы, прежде всего Китай и Индия, активизировалась Россия, стали менее послушными многие союзники Америки, например Турция и Пакистан.

Сегодня, как считают большинство политиков и экспертов, США уже не в состоянии обеспечивать «однополярность» мировой структуры, хотя далеко не все из них согласны с тем, что на смену ей пришла «многополярность» в классическом смысле этого слова. Министр иностранных дел Франции Л. Фабиус, например, предпочитает говорить о «нулевой полярности».

Как бы то ни было, теоретически новая складывающаяся мировая структура предоставляет России больше шансов сохранить свой статус великой державы, претендовать на роль одного из центров силы. Активная многовекторная внешняя политика, прагматизм, сочетающийся с твердостью в принципиальных вопросах, до сих пор позволяли ей не только удерживать, но и временами усиливать свои международные позиции. Твердость, проявленная Россией в связи с ситуацией в Сирии, а затем в вопросе Крыма, несмотря на мощнейшее давление США и Запада в целом, вынуждают их больше считаться с ее интересами на международной арене. В то же время проявляемая

Россией готовность искать, там, где это возможно, развязки самых сложных проблем на путях сотрудничества часто позволяет достичь необходимых компромиссов.

Однако какой бы успешной ни была внешняя политика, она не сможет бесконечно долго восполнять недостаточность экономических, социальных и демографических ресурсов в сравнении с другими центрами силы. Речь уже идет не только о ЕС, США, Китае и Индии. К России в экономическом и демографическом плане подтягиваются или начинают приближаться такие страны, как Бразилия или Мексика, на подходе и другие, причем, в отличие от РФ, основным источником роста в них является реальный сектор экономики. Объективно появление новых, динамично развивающихся держав ведет к понижению международного ранга России и ее возможностей влиять на мировые процессы.

Продвижение Россией своих интеграционных проектов – Таможенного союза и ЕврАзЭС, являясь полезным и нужным в плане развития совместной торговли, не может, однако, быть адекватным ответом на эти глобальные вызовы. Партнеры России по этим проектам не в состоянии ни усилить технологический потенциал России, ни помочь ей решить проблему социальной сплоченности, ни тем более модернизировать ее политическую или судебную систему. К тому же вопрос об участии Украины в ТС и ЕврАзЭС больше не стоит, да и в Белоруссии, как уже отмечалось, усиливаются «евроинтеграционные» настроения. В Средней Азии данные проекты будут все больше наталкиваться на увеличивавшееся там влияние Китая. Кроме того, давно сложившиеся узкокорпоративные интересы национальных элит в странах-участницах допускают сближение только до определенного предела. Та настороженность, с которой руководство этих стран отнеслось к присоединению Крыма к России, говорит о многом.

С учетом всех отмеченных внутренних и внешних тенденций для России становится жизненно важным определить альтернативу заведомо проигрышной затяжной прямой конкуренции с ЕС на постсоветском пространстве. Как представляется, такая альтернатива состоит в движении навстречу ЕС. Встречное движение, углубление и расширение взаимозависимости даст ей возможность, с одной стороны, устранить конфронтацию с ЕС, с другой – обеспечить себе возможность постепенно, эволюционным путем, преодолевать внутренние проблемы, надежнее обезопасить свои интересы и территориальную целостность на Дальнем Востоке. Речь не идет о том, чтобы перестать жестко отстаивать свои интересы в диалоге с ЕС по конкретным вопросам сотрудничества и тем более мириться с языком ультиматумов (уважающая себя держава просто не может позволить это). Имеется в виду принятие принципиальной установки на включение в процесс «евроинтеграции» в широком смысле слова, проявление реальной готовности к сближению в

самых различных сферах, в том числе законодательной. Подготовка нового базового соглашения Россия–ЕС, которая сейчас прервана, но, как представляется, будет возобновлена, даст возможность заложить вектор движения в эту сторону.

Разумеется, этот выбор потребует преодоления серьезных препятствий как в самой России, так и в ЕС. Хотя Россия в основном принадлежит к европейской культуре и европейской истории, в силу своей географии и истории она обречена на определенную «евразийскость». Все чаще употребляемый термин «Русский мир» не отрицает еврохристианских основ русской цивилизации, но подразумевает ее бóльшую специфику. По сути, это – «цивилизация в цивилизации» (как «государство в государстве»). Для того чтобы совместить эти особенности с движением по пути «евроинтеграции» понадобится большая политическая воля, длительная адаптационная работа, отход от некоторых привычных стереотипов с обеих сторон.

Несомненно, много времени потребуется для перестройки мышления нынешней правящей элиты России, пока не готовой принять самоограничения, связанные с использованием, даже частичным, «европейской модели». Этим в значительной мере объясняются определенная эйфория, проявленная ею при наступлении кризиса «еврозоны», надежды, связанные с продвижением Таможенного союза и ЕврАзЭС, а также возобновление «евразийского» дискурса, уже имевшего место в прошлом. Отсюда также тенденция рассматривать в качестве противовеса влиянию ЕС сближение с Китаем.

Однако, как уже отмечалось, перспективы Таможенного союза и ЕврАзЭС весьма ограниченны, особенно без участия Украины. Реальное сближение с Китаем представляется маловероятным и не только потому, что основная часть населения и экономического потенциала России сосредоточены в европейской части страны, а ее основным торгово-экономическим партнером является ЕС. Хорошие отношения и сотрудничество с Китаем, которые, естественно, надо продолжать развивать и укреплять, не должны обманывать: создание реального союза с ним возможно только на положении младшего партнера и приведет к усилению угрозы «тихого освоения» китайцами российского Дальнего Востока. Конфронтация России с Евросоюзом и особенно с США до определенной степени выгодна Китаю, ибо она, с одной стороны, ведет к зависимости России от него, а с другой – позволяет ему спокойно наращивать свою мощь в тени этой конфронтации.

Кроме того, пока неясно, сможет ли Китай, не без основания претендующий на роль второй сверхдержавы мира, преодолеть без внутренних потрясений нарастающее противоречие между новой, все более капиталистической экономикой и старой политической системой. Китайская печать уже выражает обеспокоенность набирающей обороты «вестернизацией» нового среднего класса страны.

Сближение с Европейским союзом и формирование «Большой Европы» на основе тесной ассоциации представляется более естественным и, главное, более продуктивным. Только ЕС может быть источником необходимого технологического обновления российской экономики. Связанное с таким обновлением повышение производительности труда могло бы уменьшить потребность в завозе иностранных трудящихся и, соответственно, ослабить напряженность, вызываемую миграцией. ЕС также представляет собой источник социальных технологий, позволяющих восстановить социальную сплоченность российского общества, он располагает большим опытом в строительстве правового государства и в области борьбы с коррупцией.

Конечно, любая ассоциация предполагает определенные обязательства, которые могут восприниматься как некоторое ограничение национального суверенитета – крайне чувствительная проблема, до сих пор не до конца преодоленная частью населения и политических кругов даже в западноевропейских державах. Следует, однако, отметить, что и в случае тесного сближения с ЕС Россия останется крупнейшим государством «Большой Европы», а по мере технологического обновления и укрепления российской экономики ее роль будет усиливаться. Вопрос о том, приведет ли это сближение когда-нибудь Россию к формальному членству в ЕС, лучше оставить на усмотрение грядущих поколений, тем более что к этому не готова и противоположная сторона.

Действительно, возможность вступления России в ЕС, хотя бы в отдаленном будущем, в целом воспринимается сегодня в его государствах-членах и Европейской комиссии как умозрительная гипотеза. Помимо прочего, большую роль в этом сыграла массированная антироссийская пропаганда, сумевшая создать в общественном мнении большинства этих государств крайне негативный образ нынешней России. Следует учитывать также существование внутри западных элит фракций, которым действительно не чужда идея «вытеснения» России в Азию.

Вместе с тем немалое число серьезных западных политиков и экспертов выказывают понимание, что Россия нужна объединенной Европе, что без нее Европейскому союзу будет недоставать стратегической глубины и мощи для того, чтобы в будущем на равных конкурировать с мировыми центрами силы, не говоря уже об обеспечении стабильности на европейском континенте. Парадоксальным образом, принявшее острую форму столкновение интересов России и ЕС на Украине ведет к осознанию того, что обеспечение интересов ЕС на восточноевропейском и евразийском направлениях невозможно без гармонизации их с интересами России и закрепления этой гармонизации в какой-либо договорно-организационной форме. (В более конкретном плане становится ясным и то, что урегулировать украинский кризис в перспективе можно только совместными усилиями.)

В этой связи следует отметить, что тема возможного договорно-организационного формата, который позволил бы России и ЕС существенно сблизиться, оставив за скобками вопрос о членстве, начала обсуждаться в ряде стран ЕС уже некоторое время назад. Самый недавний пример – «круглый стол» на эту тему, организованный в конце 2013 г. специализированным историческим каналом французского телевидения, и выступление на нем В. Жискар д'Эстена. Бывший президент Франции подчеркнул, что «Россия – это, безусловно, европейская страна, которая, однако, обладает значительной территорией в Азии, что является формальным препятствием для ее возможного вхождения в ЕС». В этой связи он призвал найти такую форму «привилегированного партнерства» с ней, которая обеспечила бы «общеевропейское единство».

Россия в своей истории не раз оказывалась перед стратегическим выбором, имевшим для нее судьбоносное значение. «Европейский выбор» уже когда-то был ею сделан, но в XX в. она решила пойти «своим путем». XXI век, похоже, вновь ставит Россию перед необходимостью найти свое место в меняющейся Европе с тем, чтобы обеспечить себе переход к качественно новому этапу развития экономики, государства и общества.

Ван Чэньсин, Ли Син

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ*

Ван Чэньсин – научный ассистент Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета, докторант Института государственного управления Пекинского педагогического университета, стажер факультета политологии МГИМО.

Ли Син – доктор исторических наук, профессор, директор Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета, эксперт Центра по изучению современного мира при Министерстве иностранных связей ЦК КПК, член Экспертного совета Всекитайского комитета по тихоокеанскому региональному сотрудничеству (CPRCC) при МИД КНР.

В последние годы одними из наиболее широко обсуждаемых вопросов как в политической среде, так и в научном сообществе являются евразийская интеграция и проект по созданию Евразийского союза, который был выдвинут В. Путиным еще в 2011 г. Сторонниками евразийской интеграции выступают президенты Казахстана и Белоруссии. Лидеры трех стран официально опубликовали совместную декларацию о евразийской экономической интеграции и объявили, что ее начало связано с формированием Единого экономического пространства (ЕЭП). После возвращения В. Путина на пост президента продвижение евразийской интеграции и создание Евразийского союза рассматриваются как одно из главных стратегических направлений на внешне-

* *Данная статья подготовлена при поддержке Фонда г. Пекина по развитию общественных наук «Связь между "китайской мечтой" и "экономическим поясом" по великому шелковому пути» (北京市2013年社科规划基金项目《"丝绸之路经济带"与"中国梦"关系研究》) и Китайского совета по стажировке (China Scholarship Council).*

политической повестке дня [15] и фундамент для реализации «мечты евразийской сверхдержавы» России [6]. Есть все основания считать, что в последние годы проведение и углубление евразийской интеграции являлись приоритетными внешнеполитическими направлениями России, Казахстана и Белоруссии. Только в 2013 г. президенты этих стран трижды проводили заседания в Астане, Минске и Москве в рамках Высшего евразийского экономического совета. Можно сказать, что проведенные заседания и актуальные вопросы, обсужденные лидерами трех стран, стимулировали развитие евразийской интеграции и создали общую базу для образования Евразийского экономического союза (ЕЭС) в 2015 г.

Китай и постсоветское пространство соседствуют друг с другом. Постсоветский регион, расположенный к северо-западу от Китая, имеет стратегическое значение в китайской внешнеполитической стратегии. Следует отметить, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве, их особенности и влияние постоянно находятся в центре внимания китайского научного сообщества. В этой связи успешное регулирование отношений Китая с новыми силами (как, например, ЕЭС) на постсоветском пространстве, безусловно, будет связано с углублением и расширением реформ и открытости Китая в ближайшие годы.

Рассматривая проект В. Путина по созданию Евразийского союза и нынешние евразийские интеграционные процессы, мы не можем игнорировать современные мирополитические процессы. Во-первых, последствия глобального финансового кризиса оказывают неопределенное влияние на ситуацию в европейской и мировой экономике в целом. Эта ситуация стимулирует интегрирование России, Казахстана и Белоруссии, государств, которые стремятся защитить свою национальную экономическую безопасность от глобальных вызовов и искать новые движущие силы для осуществления всесторонней модернизации. Во-вторых, на сегодняшний день Западная Евразия (Евросоюз) уже достигла высокого уровня в своем развитии, а Восточная Евразия (например, Китай) продолжает развиваться бурными темпами, наращивая потенциал как «жесткой», так и «мягкой» сил. При этом в сравнении с Западной и Восточной Евразиями, Центральная Евразия (Центральная Азии, Кавказский регион и др.) до известной степени является слабым звеном из-за региональной нестабильности и сложных социально-экономических проблем. Россия географически расположена в Центральной Евразии, между развитой Западной Евразией и динамичной Восточной Евразией, и стоит пред лицом прямых или косвенных вызовов с Юга. В этих условиях ей приходится брать на себя ответственность за объединение Центральной Евразии, чтобы выстроить мост из стабильных и процветающих государств, соединяющий Европу и Азию. В-третьих, нам кажется, что Россия сегодня располагает редкими стратегическими возможностями для собственного развития. С геопо-

литической точки зрения можно сказать, что пятидневная война с Грузией в 2008 г. и представленный Россией проект «химическое оружие в обмен на мир» для решения сирийского кризиса в 2013 г. явились поворотными точками для закрепления ее позиций на постсоветском пространстве и в Евразии. С экономической точки зрения по всем показателям Россия является одной из новых растущих экономик мира, она активизирует свою дипломатическую деятельность во внешнеэкономической сфере. Сегодняшняя евразийская интеграция под эгидой России показала свою актуальность и соответствует стратегическому направлению развития как Казахстана, так и Белоруссии. Евразийскому союзу и евразийской интеграции в последние годы большое внимание уделяется не только российскими, но и китайскими экспертами.

1. Стратегическая цель создания Евразийского союза

Стратегическая цель является ключевым элементом любой стратегической планировки. Американский исследователь Алан Берк считает, что без целесообразности любая стратегия неполноценна, оставаясь всего лишь тактическим поведением[1]. Кроме того, стратегия той или иной страны еще должна иметь всеобщее и комплексное значение. По мнению китайского ученого Чжоу Пици (Zhou Pi Qi), если мы раздельно, а не комплексно проанализируем проблемы в стратегической сфере, то это является тактической идеей, а не стратегической мыслью [18, с. 19]. Говоря словами Мао Цзэдуна, «овладение знаниями всеобщего значения позволяет нам более разумно использовать ресурсы частного значения, потому что событие частного значения всегда подчиняется вещам, имеющим всеобщее и комплексное значение» [11, с. 175]. В этой связи, по мнению китайских экспертов, путинский проект по созданию Евразийского союза и активизации евразийской интеграции с полными основаниями могут быть отнесены к комплексной национальной стратегии России в дальнейшем.

С точки зрения ведущего научного сотрудника Китайской академии современных международных отношений Ван Лицзю (Wang Li Jiu), российская стратегия в отношении Евразийского союза характеризуется следующим образом: во-первых, Евразийский союз – это гуманитарный союз, ориентированный на воссоздание исторических социокультурных связей России с бывшими советскими республиками; во-вторых, Евразийский союз – это союз, обеспечивающий традиционный и нетрадиционный виды безопасности в регионе Евразии; в-третьих, Евразийский союз – это немаловажный внешнеполитический инструмент России, который в перспективе позволит ей повы-

1. David M. Abshire, Richard V. Allen, National Security: Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead. – Hoover Institution Publications, 1963. – P. 1.

сить свой статус на мировой арене и защищать себя от вызовов со стороны других держав и блоков стран [1].

Стратегические интересы России в рамках будущего Евразийского союза, по мнению научного сотрудника Исследовательского центра по развитию при Госсовете КНР Лу Байчуня (Lu Bai Chun), заключаются в том, чтобы, во-первых, осуществлять реинтеграцию в рамках СНГ и расширять традиционную сферу влияния; во-вторых, опираясь на Евразийский союз, усиливать свою стратегическую роль в АТР; в-третьих, восстановить статус сверхдержавы и стремиться быть одним из силовых центров в многополярном мире [8, с. 62–64].

Сравнивая евразийскую стратегию России и США, директор Центра евразийских исследований Пекинского педагогического университета профессор Ли Син (Li Xing) полагает, что во втором десятилетии XXI в. Россия и США одновременно приступили к реализации своих стратегических проектов на евразийском континенте. Россия, опираясь на Евразийский союз, стремится укрепить свои позиции в Центральной Евразии. США, реализуя экономический проект «Транс-Тихоокеанского Партнерства» (ТТП) и военно-политическую программу по «возвращению в Азию», сосредоточиваются на периферийных регионах евразийского континента, чтобы перебалансировать расстановку сил в АТР. В отличие от евразийской стратегии США, проект Евразийского союза не несет в себе «агрессивную» составляющую [6]. Директор Центра по изучению России при Восточно-китайском педагогическом университете Фэн Шаолэй (Feng Shao Lei) подчеркивает, что в настоящее время проект В. Путина по созданию Евразийского союза ограничивается сферой экономического сотрудничества, в основе которого лежат принципы рыночной экономики и демократические ценности. С большой долей уверенности можно сказать, что в долгосрочной перспективе отношения Евразийского союза с ЕС и Североамериканским регионом будут сочетать в себе элементы как сотрудничества, так и конкуренции [15].

Исходя из представленных выше мнений китайских экспертов напрашивается вывод о том, что Евразийский союз ставит перед собой цель стать универсальным межгосударственным объединением, охватывающим такие ключевые сферы взаимодействия, как политика, безопасность, экономика, культура и др. В китайском научном сообществе превалирует точка зрения о том, что Евразийский союз и евразийскую интеграцию необходимо рассматривать в контексте всеобщей национальной стратегии России.

2. Движущие силы и препятствующие факторы в процессе создания Евразийского союза

Основываясь на Таможенном союзе (ТС) и ЕЭП, евразийская интеграция постепенно углубляется и расширяется. С 2010 г. товарооборот между Россией, Казахстаном и Белоруссией значительно вырос. В первом полугодии 2013 г. приток российских инвестиций в казахстанскую экономику составил 1 млрд долл. США и увеличился на 40% по сравнению с 2012 г. [13]. В настоящее время повестка дня евразийской интеграции, одним из важнейших направлений которой является создание ЕЭС в 2015 г., одновременно затрагивает сферу институционального строительства и вопросы расширения состава участников, где главными кандидатами являются Армения и Киргизия. Многие китайские исследователи полагают, что экономика представляет собой главную движущую силу в евразийской интеграции.

Ли Син в своей статье [6] отметил, что, во-первых, накопленный опыт из практики Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) создал необходимые условия для ускорения евразийской интеграции; во-вторых, потенциальные экономические возможности стран СНГ до сих пор не полностью раскрыты; в-третьих, будущий Евразийский союз существенно отличается от других интеграционных объединений тем, что он будет построен не в виде прямых отношений между странами-участницами, а на сетевой основе по формату «Союзное государство России и Белоруссии + Казахстан» (2+1).

Ведущий научный эксперт Шанхайского института международных исследований Ли Синь (Li Xin) считает [7], что, во-первых, на постсоветском пространстве интеграция является объективной необходимостью. При помощи интеграции страны СНГ, с одной стороны, могут образовать некий коллективный защищенный механизм в экономической области, с другой – восстановить и поддерживать экономические связи, прервавшиеся после распада СССР. Во-вторых, этот проект не является исключительно российским, его инициаторами являются Россия, Казахстан и Белоруссия. В-третьих, бурное экономическое развитие стран СНГ и их стремление к защите национальной экономики от вызовов глобального финансового кризиса создают возможности для проведения более интенсивной интеграции.

Сравнивая внешнеэкономическую цель России, Казахстана и Белоруссии, научный сотрудник Института России, Центральной Азии и Восточной Европы при Китайской академии общественных наук (КАОН) Ван Чжиюань (Wang Zhi Yuan) пришел к выводу [2, с. 148–158], что, несмотря на совершенно разные внешнеэкономические модели, Россия, Казахстан и Белоруссия придерживаются общего пути развития, а именно – углубления экономической интеграции и стремления к образованию региональной организации более высокого уровня. После вспышки мирового финансового кризиса ухуд-

шение экономической обстановки подтолкнуло Россию к идее объединения стран Центральной Азии, чтобы укрепить свой статус в структуре мировой экономики и подготовиться к большой игре между великими державами в посткризисный период. В качестве крупного экспортера в области энергетики и продовольствия Казахстан намерен тесно сотрудничать с Россией, чтобы занять более выгодное место на мировом энергетическом и продовольственном рынках и повышения своей значимости на международной арене в целом. Участие Белоруссии в работе ТС направлено на снижение пошлин и расширение товарооборота с Россией и со странами Центральной Азии для стимулирования развития собственной национальной экономики.

В качестве движущей силы евразийской интеграции надо отметить высокое взаимное политическое доверие и общие для трех стран демократические ценности. По мнению научного сотрудника Института России, Центральной Азии и Восточной Европы при КАОН Чжан Хун (Zhang Hong) [17], несмотря на то что Россия не разделяет ценности на европейские и национальные, российская концепция «суверенной демократии» все время вызывает критику со стороны Запада. В западном мире третье президентство В. Путина воспринимается как вызов демократии. Как известно, политические режимы Казахстана и Белоруссии относятся к супер-президентским, которые могут оказаться не очень стабильными в будущем. Исходя из обеспечения собственной политической стабильности, Казахстан и Белоруссия вступили в ТС, чтобы вместе с Россией реагировать на политическое давление и вызовы со стороны западного мира.

Анализируя движущие силы евразийской интеграции, китайские исследователи также обращают внимание на черты, препятствующие интеграционным процессам. Во-первых, это проблемы, связанные с самой Россией. Неоспоримым является тот факт, что Россия – ядро евразийской интеграции. Судьба Евразийского союза по большому счету находится в зависимости от России. При этом важны два аспекта.

1. Экономические возможности России. Научный сотрудник Института России, Центральной Азии и Восточной Европы КАОН Чень Ицзюнь (Cheng Yi Jun) считает, что российская экономика не в силах поддерживать высокие темпы роста и нести финансовые расходы, требуемые для Евразийского союза. При этом неопределенность и низкая конкурентоспособность российской экономики в мировой экономике воспринимаются как фактор, существенно препятствующий интеграции на постсоветском пространстве [19]. С точки зрения эксперта из Шаньдунского университета Хуан Деэсюе (Huang Deng Xue), принимая во внимание большую уязвимость сырьевой модели развития экономики, России будет трудно восстановить статус великой державы и стать одним из центров силы в многополярном мире. Важно подчеркнуть, что реализация проекта Евразийского союза в немалой степени зависит от того,

сможет ли сырьевая модель экономики России трансформироваться в наукоемкую, инновационную модель [16].

2. Влияние имперских амбиций России. Россия – страна с сильными имперскими амбициями, которая воспринимает СНГ как зону особых интересов. В этой связи после приобретения независимости многие страны – участницы СНГ, опасающиеся утратить свой суверенитет, еще сохраняют бдительность в отношениях с Россией.

Во-вторых, это региональные вопросы на постсоветском пространстве. В экономическом плане нам известно, что в рамках СНГ уровни социально-экономического развития оказались различными, структура товарооборота между странами – неоптимальной. Поэтому можно сказать, на постсоветском пространстве до сих пор еще не заложена твердая экономическая основа для интеграции, что препятствует углублению и расширению евразийского проекта [3; 6; 7]. Что касается политических аспектов, следует отметить три проблемы. 1. Многие вопросы конфликтного характера не решаются за короткое время [8, с. 62–64]. Например, пограничные споры, водные проблемы, столкновения на национальной почве и др. 2. Нельзя забывать, что в течение более 20 лет постсоветские страны уже сформировали внешнеполитическую повестку с учетом собственных национальных интересов. Россия наряду с Китаем, США, ЕС является для них лишь одним из внешнеполитических партнеров. Например, вступление в европейские интеграционные процессы для Украины является приоритетным; Казахстан и Белоруссия, активно продвигающие с Россией евразийскую интеграцию, одновременно установили отношения стратегического партнерства с Китаем; США в последние годы продвигают проект под названием «Новый шёлковый путь» в регионе Центральной Евразии, чтобы повысить свою стратегическую значимость в этом регионе. 3. В сфере гуманитарных связей русский язык как традиционное звено, соединяющее общую историю и культуру бывших советских республик, постепенно утрачивает свое прежнее доминирующее место в общественной жизни этих стран [16]. Потеряв статус государственного языка, во многих странах – участницах СНГ русский язык является только разговорным языком, языком межнационального общения или вовсе одним из иностранных языков. В качестве примера можно привести Казахстан, который, будучи одним из трех локомотивов евразийской интеграции, решил перейти на латинские буквы к 2025 г. [5].

В-третьих, помимо сказанного выше, китайские исследователи также обращают пристальное внимание на роль западных стран во главе США, которые способны вмешаться в процесс евразийской интеграции [2; 8; 16]. После окончания «холодной войны» и распада СССР западные страны принялись немедленно заполнять и продолжают заполнять в Восточной Европе, Кавказе и Центральной Азии геополитический и геоэкономический вакуум, который

образовался после распада бывшего СССР. Объединенная Центральная Евразия под влиянием России, конечно, не устраивает западные страны. Как отметила бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон, тенденция присоединения бывших советских республик к Евразийскому союзу и ТС под эгидой России характеризуется ресоветизацией в регионе. США должны всеми силами ее прекратить [10].

3. Влияние евразийской интеграции и будущего Евразийского союза на российско-китайские отношения и ШОС

С геополитической точки зрения на сегодняшний день в Центральной Евразии происходит процесс реинтеграции региональных сил, которые будут оказывать большое влияние на другие регионы и страны. Безусловно, влияние евразийской интеграции и Евразийского союза на российско-китайские отношения и ШОС всегда останется в центре внимания в китайском научном сообществе. По мнению большинства китайских экспертов, создание Евразийского союза имеет и позитивную, и негативную стороны.

К позитивной стороне относится, во-первых, то, что создание Евразийского союза ускорит процесс образования многополярного мира, к которому также стремится и Китай. Кроме того, Евразийский союз будет в состоянии сбалансировать отношения России и США и одновременно отчасти нивелировать то влияние, которое может оказать на Китай политика США по возвращению в Азию [8, с. 62–64; 9]. Во-вторых, двусторонние отношения между Россией и Китаем характеризуются стратегическим взаимодействием и партнерством, которое бесспорно создало институциональную базу для сотрудничества Китая с Евразийским союзом. Поэтому есть основания считать, что Китай и Россия являются стратегическими партнерами, а не соперниками или врагами в Центральной Евразии. Обе страны не заинтересованы в возникновении напряженности в этом регионе. Если появляются разногласия и проблемы, Россия и Китай могут открыто их обсудить и найти наиболее адекватные решения в рамках двусторонних отношений. При этом, по мнению Ван Лицзю (Wang Li Jiu), будущий Евразийский союз не будет негативно сказываться на российско-китайских отношениях [1]. В-третьих, ЕЭС нацелен на региональное интегрирование. Цель его сходна с направлением экономической интеграции ШОС, т.е. переход от упрощения в торговле и взаимных инвестициях к экономической интеграции более высокого уровня [14, с. 165–175]. При этом ЕЭС, безусловно, сможет выстраивать взаимодополняющие отношения с ШОС [6].

К негативной стороне относятся в основном экономические вопросы. Во-первых, создание ТС с большой вероятностью может сказаться на торго-

вых отношениях между Китаем и странами – участницами этой организации [2, с. 148–158; 8, с. 62–64]. 1. Единый рынок в рамках ТС упрощает сотрудничество между странами-участницами в сфере взаимных инвестиций. Отсутствие единого рынка повышает сложность и риски для осуществления инвестиционной деятельности Китая в этом регионе. 2. Согласно «Таможенному кодексу» ТС, разработанному на основании ныне действующего «Таможенного кодекса» России, импортная пошлина на 92% товаров ведется по российскому стандарту. Вследствие этого по кодексу ТС Казахстан повысил импортную пошлину для китайских товаров, и китайские товары постепенно утрачивают свое преимущество в цене на казахстанском рынке. 3. В рамках ТС по-прежнему существуют некие барьеры для наращивания инвестиций и факторы регионального протекционизма [12]. Как заявил член Коллегии (министр) по торговле при Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) А.А. Слепнёв, ЕЭК намерена с 2015 г. ввести тарифные квоты. В рамках соглашений ЕЭК будет расширять список товаров, которые будут включены в эти квоты [4]. Во-вторых, у Евразийского союза и ШОС есть совпадающие параметры как по географическому пространству, так и по странам-участницам. Россия и Казахстан являются создателями и Евразийского союза, и ШОС. Киргизия и Таджикистан через какое-то время, может быть, тоже вступят в ТС и примут участие в евразийской интеграции. Кажется очевидным, что все эти факторы будут ослаблять экономическую составляющую ШОС [2, с. 148–158; 8, с. 62–64]. По всей видимости, не занимая относительно преимущественного положения в евразийской экономической конфигурации, Россия не намерена способствовать продвижению экономической интеграции в ШОС, а предпочитает проводить евразийскую интеграцию только под своим лидерством [6].

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что китайские исследователи в основном положительно оценивают проект по созданию Евразийского союза и пришли к выводу, что Евразийский союз – будущая региональная межправительственная организация, с которой Китаю необходимо налаживать, развивать и углублять взаимовыгодные отношения. С нашей точки зрения, в исследовании вопросов евразийской интеграции в китайском научном сообществе существуют следующие недочеты. Во-первых, это отсутствие диверсифицированных научных аспектов. Отталкиваясь от опубликованных научных трудов, заметим, что китайские эксперты зачастую комплексно рассматривают происходящую евразийскую интеграцию либо с точки зрения отношений между великими державами, либо с макрорегиональной точки зрения. Они не обращают должного внимания на пограничное сотрудничество «Россия – Белоруссия – Украина» (РБУ), «Россия – Казахстан» (РК), сотрудничество России, Казахстана и Белоруссии в сферах транспорта, коммуникации, миграции. Во-вторых, это отсутствие диверсифицированных

научных методов. Научный метод представляет собой выбранный исследователем подход к изучению той или иной научной проблематики. Разные научные методы обладают своим полем действия и четкой нацеленностью на раскрытие конкретных проблем [20, с. 20–21]. Выбор правильного или неправильного научного метода влияет на практическую силу полученного вывода. Исследуя евразийскую интеграцию, китайские ученые обычно отдают предпочтение позитивизму и приоритетно останавливаются на вопросах «что?», «как?» и «почему?» Используя данный научный метод, мы часто получаем однозначные выводы и обходим более глубокие проблемы и микроявления – что относится и к изучению современной евразийской интеграции. В настоящее время большой интерес китайских экспертов привлекает связь между евразийской интеграцией и идеей экономического пояса вдоль «Великого шёлкового пути», которая была высказана председателем КНР Си Цзиньпином в ходе государственного визита в Казахстан в сентябре 2013 г. Важно, чтобы в дальнейшей исследовательской работе по проблемам евразийской интеграции китайские ученые уделяли главное внимание многоаспектности и диверсификации методов, особенно междисциплинарным подходам.

Литература

1. Ван Лицзю. Стратегия России в отношении Евразийского союза и ее влияние на китайско-российские отношения // Современные международные отношения. – Пекин, 2012. – № 4.

2. Ван Чжиюань. Региональное объединение стран Центральной Азии в аспекте Евразийского союза // Доклад по развитию стран Центральной Азии (2013) / Отв. ред. Сунь Ли, У Хунвэя. – Пекин, 2013. – С. 148–158.

3. Ван Шучунь, Вань Цинсун. О перспективе Евразийского союза // Российские исследования. – Шанхай, 2012. – № 2.

4. Евразийская экономическая комиссия намерена ввести тарифные квоты с 2015 г. – http://kz.mofcom.gov.cn/article/jmxw/201311/20131100395531.shtml

5. Казахстан перейдет с кириллицы на «современную» латиницу. – http://www.inosmi.ru/middle_asia/20121215/203384574.html

6. Ли Син. О Евразийском союзе Путина // Российские исследования. – Шанхай, 2012. – № 6.

7. Ли Синь. Проект Путина по Евразийскому союзу: Предпосылки, цель и возможность // Современные международные отношения. – Пекин, 2011. – № 11.

8. Лу Байчунь, Сон Юйлиянь. О стратегии и перспективе путинского Евразийского союза // Исследования по евразийскому развитию (2013) / Отв. ред. Ли Фэнлиня. – Пекин, 2013.

9. О Ян Сян Ин. Евразийский союз – перспектива развития России на постсоветском пространстве // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии. – Пекин, 2012. – № 4.

10. Путин подверг Х. Клинтон резкой критике // Глобал таймс. – Пекин, 12.12.2012. – № 2903.

11. Сборник сочинений Мао Цзэдуна. – Пекин, 1991. – Т. 1.

12. Сюй Юнься, Ли Цинь. О факторах влияния на китайские прямые инвестиции в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана // Практика во внешнеэкономических отношениях и торговле. – Ухань, 2013. – № 8.

13. Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. – http://kremlin.ru/news/19597

14. Фу Цюаньчжан. О перспективе Шанхайской Организации Сотрудничества и Евразийского экономического союза по аспекту региональной экономической интеграции // Отв. ред. Ли Фэнлиня. – Пекин, 2013. – С. 165–175.

15. Фэн Шаолэй. Инициативы Путина по созданию Евразийского союза: Перспективу региональной интеграции можно ожидать // Газета общественных наук. – Пекин, 20.09.2011.

16. Хуан Деэсюе. О препятствующих факторах в процессе создания Евразийского союза под эгидой России // Современные проблемы мирового социализма. – Цзинань, 2012. – № 4.

17. Чжан Хун. Путин намерен построить СССР-2 // Мировые знания. – Пекин, 2011. – № 2.

18. Чжоу Пици. Стратегический анализ. – Шанхай, 2009.

19. Чэнь Ицзюнь. Перспектива постсоветской интеграции остается туманной // Вестник российских исследований. – Харбин, 2013. – № 1.

20. Янь Сюетун, Сунь Сюефэн. Практические методы по исследованиям международных отношений. – Пекин, 2007. – С. 20–21.

С.С. Алабян, О.В. Морозенкова

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В СФЕРЕ УСЛУГ

Алабян Сурен Саакович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Морозенкова Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики РАН.

В современной экономике, в результате формирования постиндустриального общества в развитых странах, опережающими темпами расширяется сфера услуг. Торговля услугами растет быстрее торговли товарами. По оценкам Секретариата ВТО, мировой экспорт услуг за 1980–2008 гг. вырос с 381 млрд долл. до 3,8 трлн долл. В 2012 г. объем мирового экспорта услуг достиг 4345 млрд долл., превысив докризисный уровень 2008 г. на 495 млрд долл., или на 12,9% [1; 5].

В 2010–2012 гг. отмечалось сильное замедление роста экспорта услуг как в целом, так и по отдельным видам (табл. 1). В ряде случаев происходило сокращение их объема. Характерной для этих лет была также скачкообразность динамики многих видов услуг.

Как явствует из данных таблицы 1 наибольший объем экспорта услуг приходится на транспорт (21%) и туризм (25,5%). В числе прочих услуг заметный объем составляют финансовые и компьютерные услуги, а также лицензионные сборы.

За период 2006–2012 гг. наиболее быстрыми темпами росли компьютерные и информационные услуги, а также страховые и строительные. Но абсолютный их объем и относительная доля в общем объеме мировой торговли услугами пока невелики.

В 2012 г. наибольший спад коснулся финансовых услуг: их экспорт более всего сократился в Греции (на 29%), на Кипре (на 21%), во Франции (на 20%). В Великобритании он составил 13%, Австрии и Испании – 11, Швей-

царии – 8, США – 4, Германии – 2%. В то же время в Японии и Китае отмечался рост (соответственно на 13 и 58%). В таких азиатских финансовых центрах, как Сингапур и Гонконг, прирост был нулевым в первом случае и 4%-ным – во втором. Экспорт финансовых услуг из развитых стран сократился на 6%, а из развивающихся и СНГ – вырос на 3%.

Таблица 1

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА МИРОВОГО ЭКСПОРТА УСЛУГ

	Экспорт, млрд долл.		*Годовой прирост, %*			*Среднегодовой прирост*
	2011 г.	*2012 г.*	*2010 г.*	*2011 г.*	*2012 г.*	*2005–2012 гг.*
Всего	4170	4345	10	11	2	8
Транспортные услуги	860	885	16	9	2	7
Туристические услуги	1065	1105	9	12	4	7
Прочие услуги	2240	2350	8	12	1	10
В том числе: Услуги связи	110	100	3	10	-3	8
Строительные услуги	100	110	-4	8	3	10
Страховые услуги	85	100	1	0	2	11
Финансовые услуги	310	300	7	12	-4	8
Компьютерные и информационные услуги	250	265	12	14	6	14
Роялти и лицензионные сборы	270	285	8	14	-2	9
Прочие деловые услуги	1070	1145	9	13	2	9
Услуги в области персонального обслуживания, культуры и рекреационные услуги	50	35	14	13	3	7

Источник: [1; 4; 5] http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2012_e/its2012_e.pdf

Отмечалось различие преобладающих тенденций по странам и регионам. Экспорт указанного типа из США вырос на 4%, а из Германии и Франции – уменьшился, соответственно, на 2 и 7%. Существенной тенденцией является резкое сокращение поставок коммерческих услуг в ряд европейских стран: в Италию (-8%), Францию (-10%), Португалию (-16%), Грецию (-18%).

В мире насчитывается 30 ведущих экспортеров и импортеров мировой торговли услугами. В 2012 г. первое место в обоих случаях занимали США.

Россия находилась на 22-м месте по объему экспорта в 58 млрд долл., что соответствовало 1,3% от общемирового экспорта, при годовом приросте экспорта 10%. По импорту услуг Россия заняла 14-е место при объеме 102 млрд долл., что составило 2,5% от мировой торговли и 16% годового прироста.

На мировых рынках услуг наша страна выступает в роли нетто-импортера, постоянно имея в торговле ими отрицательный баланс. Это

объясняется неразвитостью в нашей стране транспортной и туристической инфраструктур, слабостью финансовых, консультационных, аудиторских и иных подобных организаций, что ограничивает возможности предоставления соответствующих услуг иностранным потребителям. По нашему мнению, масштабы пассива российской «невидимой торговли» в определенной степени связаны не с фактическим объемом импортируемого сервиса, а с завышением отечественными фирмами реальной стоимости ввозимых услуг либо оплатой их фиктивного импорта, позволявшего предпринимателям переводить валютные средства за рубеж и уклоняться от налогов. Предпринятые в последние годы в стране меры по укреплению валютного контроля содействовали в определенной мере ограничению этих тенденций.

Анализ географической структуры торговли услугами показывает, что она по существу остается неизменной и ориентированной главным образом на страны дальнего зарубежья. По данным платежного баланса за 2012 г., на их долю в отечественном экспорте приходится 83,3% и в импорте – 90,6%. У стран СНГ аналогичные показатели составляют 16,7 и 9,4% соответственно. Наиболее активно развивается торговля с ЕС, на нее приходится 43,3% российского экспорта и 51,2% импорта услуг (табл. 2). Среди стран ЕС главными торговыми партнерами России как поставщиками, так и потребителями услуг являются Германия, Кипр, Нидерланды, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция. Среди стран АТЭС – США, Китай. В целом со странами дальнего зарубежья и в том числе с вышеперечисленными странами Россия имеет отрицательное сальдо.

Со странами СНГ, начиная с 2006 г., Россия в торговле услугами стала иметь положительный баланс. Основными торговыми партнерами России среди стран СНГ являются Украина и Казахстан.

Таблица 2

СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ ПО ГРУППАМ СТРАН В 2012 г., %

Регион	*Доля в российском экспорте*	*Доля в российском импорте*
Страны ЕС	43,3	51,2
Страны АТЭС	14,7	15,0
Прочие страны дальнего зарубежья	24,5	24,5
Страны ЕврАзЭС	7,3	3,3
Прочие страны СНГ	10,2	5,9

Источник: [2] http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/trade_new_2012.htm&pid=svs&sid=itm_44615

Позиции России на мировом рынке услуг по структуре предоставления, качественному уровню и по способам поставок уступают странам с высоким

уровнем экономического развития. В российской торговле услугами преобладают как и в мировой торговле транспортные услуги и услуги, связанные с перемещением через государственную границу физических лиц – деловые поездки и туризм.

В объеме экспорта на долю этих услуг в 2012 г. приходилось 48,4%, в импорте – 54,4%. При этом, по статье «транспортные услуги» Россия имеет положительный баланс, а по статье «поездки» складывается отрицательное сальдо. Еще одна сравнительно крупная статья торговли услугами «прочие деловые услуги», удельный вес которых составляет в экспорте 26,2% и в импорте 18,2%. Экспорт услуг делового, профессионального и технического характера растет наиболее динамично среди всех видов услуг (табл. 3).

Таблица 3

СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА И ИМПОРТА УСЛУГ, млн долл.

Виды услуг	*Экспорт*		*Импорт*	
	2009 г.	*2012 г.*	*2009 г.*	*2012 г.*
Всего	45 797	62 686	63 397	108 894
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	2006	2166	183	212
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров	1358	1782	513	1527
Транспортные услуги	12 365	19 161	9344	16 443
Поездки	9366	11 187	21 019	42 798
Строительство	4123	4751	4638	7424
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	373	329	854	1288
Финансовые услуги	1032	1312	2169	2757
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	381	664	3987	7629
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	2551	3494	3302	5715
Прочие деловые услуги	11 455	16 410	14 394	19 875
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	348	556	806	1117
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	440	875	2188	2110

Источник: [3] http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/trade-ex-b_new_2012.htm&pid=svs&sid=itm_9828

Под влиянием научно-технического прогресса в мире меняется структура услуг, появляются их новые виды, такие как компьютерные услуги, информационно-коммуникационные сети, глобальные транспортные системы, использующие многие виды транспорта, объединенные в непрерывные транспортные цепочки, логистика, электронная торговля и др. Если 20 лет назад

экспорт и импорт компьютерного программирования или космической транспортировки находились в зародышевом состоянии, то теперь они получили ускоренное развитие. Так, в мировом экспорте удельный вес транспорта и международного туризма сократился с 70% в 1980 г. до 46,2% в 2011 г.[1]

В последние годы удельный вес сферы услуг в ВВП России заметно поднялся. Одновременно наметилась тенденция к расширению ассортимента и повышению качества ряда видов услуг, росту туристических поездок за рубеж, быстрому развитию сотовой телефонной сети, увеличению числа абонентов Интернета, а также деловых и финансовых услуг, опирающихся на рыночные принципы. Данные тенденции связаны главным образом с деятельностью вновь создаваемых частных и смешанных компаний, которые заняли ведущие позиции в ряде секторов сферы услуг. Значительная часть из них установила тесные отношения с крупными иностранными компаниями, что обеспечило получение современных технических средств и освоение зарубежного опыта обслуживания.

Россия 22 августа 2012 г. стала полноправным членом Всемирной торговой организации. В рамках ВТО действует Генеральное соглашение о торговле услугами (ГАТС), представляющее многосторонний свод принципов и правил международной торговли услугами, соблюдение которых обязательно для всех стран – членов ВТО[2].

В число основных документов, которые были необходимы для присоединения РФ к ВТО, входит:

– Доклад Рабочей группы, где изложен весь пакет прав и обязательств, которые страна будет выполнять после присоединения, описание торгового режима присоединяющейся страны и ее законодательства.

– Перечень специфических обязательств по услугам и Список изъятий из РНБ (режим наибольшего благоприятствования)[3].

Обязательства России являются гарантией того, что режим доступа на российский рынок услуг не станет более жестким для иностранных поставщиков. В настоящее время Россия принимает обязательства по 116 секторам услуг (из 155 секторов, предусмотренных классификацией ВТО). Однако в подавляющем большинстве случаев обязательства не предусматривают каких-либо изменений в действующей системе регулирования. Основным исключением из этого правила является сектор страхования, в котором общая квота иностранного участия в секторе должна быть повышена с 25 до 50%, а

1. International Trade Statistics 2012. – http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its 2012_e/its2012_e.pdf

2. http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_C7EAC6C3-50D8-4886-81E7-B189 B002A410.html; Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС).

3. http://www.wto.ru/chto.asp?f=spravka&t=6

лимит на участие иностранного инвестора в капитале компаний, занимающихся страхованием жизни и обязательным страхованием, вырастет с 49 до 51% и отменяется через пять лет[4].

Для каждого сектора, включенного в Перечень, прописываются обязательства, определяющие условия поставки услуг четырьмя основными способами: трансграничная поставка, потребление за рубежом, коммерческое присутствие, перемещение физических лиц.

При формировании проекта перечня российских обязательств преследовалась цель создать нормальную конкурентную среду на национальном рынке услуг, привлечь иностранные инвестиции, с одной стороны, и обеспечить необходимый уровень защиты для тех российских поставщиков услуг, которые пока находятся в неравном положении по отношению к иностранным конкурентам, – с другой[5].

Перспективы развития экспорта и импорта услуг в большой степени зависят от состояния общего экономического климата в стране, прежде всего от улучшения условий для предпринимательской и инвестиционной деятельности. Для дальнейшего развития сектора услуг в России важным представляется обеспечение средствами государственной политики максимально благоприятных условий в тех секторах, где есть реальные возможности в сжатые сроки (3–5 лет) выйти на качественные и ценовые параметры предложения своего сервиса, как минимум не уступающего тем, что достигнуты иностранными конкурентами. Реализация этих возможностей может строиться на имеющихся в отечественной сфере услуг преимуществах в технологиях или в квалификации кадров, на использовании унаследованной от прошлых лет инфраструктуры, на более низких в сравнении зарубежными затратами на оплату труда.

Учитывая быстро растущую роль сферы услуг в современной экономике, России предстоит решить в перспективе комплекс сложных задач. Во-первых, ей необходимо добиваться увеличения объемов и расширения ассортимента современных по классу и доступных по ценам услуг (как отечественных, так и импортных). Во-вторых, необходимо повышение и подтягивание к международному уровню конкурентоспособности производимых в стране услуг, которые могли бы экспортироваться либо замещать импортируемые. В-третьих, требуется модернизация видовой структуры российского экспорта и импорта. И наконец, в-четвертых, нужно создавать предпосылки для

4. http://www.gfskur.ru/news/2106/; Россия 22 августа стала полноправным членом Всемирной торговой организации. Бизнес-ТАСС, 22.08.2012.

5. http://www.wto.ru/russia.asp?f=dela1&t=11; О ходе переговоров по доступу на рынок услуг в рамках процесса присоединения России к ВТО.

существенного сокращения либо даже устранения формирующегося в торговле страны услугами пассивного сальдо.

Литература

1. БИКИ. – М., 2013. – № 40. – 30 мая.
2. Внешняя торговля услугами в Российской Федерации по основным странам-партнерам в 2012 г. (по методологии (РПБ6)).
3. Внешняя торговля Российской Федерации услугами в структуре расширенной классификации услуг (по методологии шестого издания Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции (РПБ6)).
4. International Trade Statistics 2011.
5. International Trade Statistics 2012.

ИСПЫТАНИЕ УКРАИНОЙ

В.А. Радзиевский

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ СУБКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ РОССИИ И УКРАИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств.

В России этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Это непреложный факт, который отметил в одной из своих работ Президент РФ[1], констатируя базовую культурно-историческую реальность: украинцы активно созидали общую, великую Россию как свою единую и любимую Родину. Восточнославянскую субкультурную общность России и Украины традиционно объединяет духовное единство. Особенно выраженно это единство проявляется в культурообразующей и государствообразующей православной вере как в историко-мировоззренческом ядре восточнославянского мира, в близости менталитета, а также в языковом родстве.

Цель статьи – показать общекультурное родство России и Украины, многовековое единство восточнославянской субкультурной общности и сохранение общего древнерусского историко-этнолингвистического корня.

Древнерусское государство Киевская Русь является общим культурным истоком как России, так и Украины. Общая культурно-историческая доминанта и преемственность сохранились в ментальной парадигме, в народной памяти и сознании, отразились во многих базовых константах и концептах, даже во второстепенных обрядах, традициях, обычаях[2]. В Украине некоторые сомневаются в связи Киевской Руси с Российским государством, но в России, а не в ополяченной Украине продолжилась древнерусская традиция постройки срубных жилищ, в былинах сохранились древние богатыри (Илья Муро-

1. Путин В.В. Россия: Национальный вопрос. – soberview.org/politics/putin/russia-national.html

2. Радзієвський В.О. Фітокультура та антианомія як елемент субкультури в ритуалах Середньовічної Русі: нотатки до фітокультурології та юридикокультурології: монографія. – К.: НАКККіМ, 2011. – С. 12–126.

мец, Алеша Попович, Добрыня Никитич и др.), а до 1917 г. в деревне земля принадлежала общине, подобно тому, как это было в Киевской Руси[3]. Даже термин «Киевская Русь» появился в XIX в. в Москве и стал с годами настолько популярен, что на второй план отошли новгородские и иные субкультурные особенности, модусы и влияния Севера и Востока на формирование древнерусской державы[4]. Между тем, как отмечает П. Толочка, «на вечевых собраниях Новгорода и его пригородов выступали киевские послы и князья, а к киевлянам обращались с речью представители Новгорода, Суздаля, Смоленска»[5].

Европейская история сохранила представления о «Малой Греции» (где зародилась греческая цивилизация) и «Великой Греции» (где греки расселились позже); аналогично – о «Малой Польше» и «Великой Польше», «Малой Армении» и «Великой Армении» и т.д. с языковым единством и культурной общностью, но с региональными и иными субкультурными особенностями. Это применимо и к восточнославянскому миру. К. Гуслистый подчеркивает: «В связи с формированием древнерусской народности складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»[6].

Посетивший в 1523–1524 гг. великие княжества Литовское и Московское посол папы Римского Климента VII А. Кампензе писал, что жители как Литовской, так и Московской Руси являются одним народом, поскольку имеют один язык и веру. На засилье «московского языка» в Литве жаловался литовский писатель XVI в. М. Литвин, а польский король Ян Казимир (противник Богдана Хмельницкого), выступая в сейме, указывал, что главная угроза для Речи Посполитой заключается в тяготении населения малорусских и белорусских земель к Москве из-за общности языка и веры. Поэтому усиливается разрушительная польская экспансия, не прекращающаяся и после воссоединения Киева с Москвой. Даже Университет св. Владимира в 1834 г. в Киеве

3. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. – К.: Наук. думка, 1990. – Т. 2. – С. 13.

4. Радзиевский В.А. Православная традиция Новгород-Киевской Руси в историко-культурном и правовом контексте // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: Истоки, традиции, взаимодействие». XII Кирилло-Мефодиевские чтения 17 мая 2011 года. – М.; Ярославль: Ремдер, 2011. – С. 154–159.

5. Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 186.

6. Гуслистый К.Г. К вопросу о формировании украинской нации. – К.: Знание, 1967. – С. 6.

был основан, стараниями Николая I и министра народного просвещения С.С. Уварова, с целью противостояния польскому влиянию.

Со временем в России польское засилье удалось уменьшить, но польская агрессия была поддержана австрийцами. «Пустить русина на русина, дабы они сами себя истребили», – так кратко формулировал эту политику польский граф А. Голуховский[7]. Глава австрийской администрации в Галиции граф Ф. Стадион фон Вартгаузен заявил, что если галичане будут попрежнему считаться одной нацией с великороссами, то власти будут бороться с ними. Сторонников общерусского единства обвиняли в ненадежности, предательстве, шпионаже. Галичане, боясь австро-польского насилия, становились русинами и рутенами.

Получалась метаморфическая история: прадед был русским, дед стал русином (название «русин» употреблялось как архаизм, ведь и тверской купец Афанасий Никитин в «Хожении за три моря» назывался русином), сын – рутеном, внук превратился в австрийского галичанина, правнук – в украинца. Пример другого рода: общерусская позиция галичан М. Шашкевича, Я. Головацкого и И. Вагилевича была столь сильна, что их называли «николаевцами» в честь императора Николая I. Я. Головацкий указывал: «Русины того мнения, что русский книжный язык возник в Южной Руси и только усовершенствован великорусами»[8]. За общерусский литературный язык выступали многие галичане (Б. Дедицкий, А. Петрушевич, В. Площанский, Н. Устиянович и др.).

А. Каревин, следом за Л. Нидерле, отмечает единство веры, множество общих черт в истории, традиции, языке и культуре между малороссами и великороссами, свидетельствуя о них как о двух частях одного русского народа[9]. В XIX в. малороссы, великороссы и белорусы были одной русской нацией, как великополяне, малополяне и мазуры были нацией польской, а пруссаки, баварцы, саксонцы – немецкой. Речь может идти даже не о трех братских народах, а об одном народе в его триедином субкультурном и субэтническом своеобразии. Есть смысл сопоставить русское триединство с различными аналогичными народными разнообразиями (в Италии, Германии, Франции, Испании, Греции, той же Польше). Отдельно можно вспомнить, что и разные государства могут иметь один общий язык (Великобритания и США, Германия и Австрия, Греция и Кипр, и т.д.).

7. Свистун Ф. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Ч. 2. – Львов, 1896. – С. 40.

8. Головацкий Я.Ф. Об отношениях галицких русинов к соседям // Основа. 1862. – № 5. – С. 62–63.

9. Каревин А. Русь нерусская (Как рождалась «рідна мова»). – М.: Имперская традиция, 2006. – 224 с. – http://russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus01.shtml

Субкультурные группы в общекультурном пространстве страны – не редкость. Это подтверждается наличием великопольского, силезского и мазурского наречий в польском языке, моравского наречия – в чешском, рупаланского в болгарском и т.д.[10] Крупнейший ученый, профессор Варшавского университета А. Будилович, подчеркивая единство в триедином субполе русского языка, указывал, что «шваб вовсе не понимает фриза, а нормандец – гасконца, тогда как великорус и малорус всегда поймут друг друга, говоря на своих просторечиях»[11]. «Немец южный тяжелее понимает немца северного, чем "малоросс" москаля», – соглашался известнейший украинофил В. Липинский[12].

Различным недругам исторической Руси (из Польши, Австрии, Германии, США и т.д.) хотелось и хочется разделить (а еще лучше столкнуть между собой) братские восточнославянские народы. Сначала была религиозная составляющая в виде Брестской унии, позднее – попытка размежевать на культурном уровне, в том числе путем трансформации языка. «Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет он ни моим, ни твоим», – сформулировал стратегию польский ксёндз В. Калинка[13]. Польский генерал Мирославский конкретизировал: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат ее. Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть»[14]. Сначала «доброжелатели» хотели перевести письменность галичан на латинский алфавит, но народ воспротивился деруссификации. Тогда принялись за «реформирование» грамматики, изгнав буквы «ы», «э», «ъ» и введя буквы «є» и «ї», ведь австрийским подданным не подходит пользоваться «московским» правописанием. После правописания трансформировали лексику. Изгоняли из украинского языка многие исконно народные слова[15]. Например, слово «город» употреблялось столетиями, оно известно из летописей и зафиксировано в географических названиях: Вышгород, Миргород, Ужгород, Шаргород.

10. Радзієвський В.О. Про теорію та історію субкультур: нариси до субкультурології: Монографія. – К.: Логос, 2013. – С. 234–276.

11. Будилович А. К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси. – Юрьев, 1900. – С. 14.

12. Липинский В. Листи до братів-хліборобів. – Київ–Філадельфія, 1995. – С. 97.

13. Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах. – Мюнхен, 1948. – newzz.in.ua›...dolzhen-znat-kazhdyjj...ukraincakh.html

14. Щёголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. – К., 1912. – С. 50–51.

15. Подробнее: Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. – Киев, 1998. – russian.kiev.ua›books/zheleznyj/pdu2/pdu2.shtml

А. Каревин, ссылаясь на Н. Корниенко, пишет, что со временем многие слова из произведений И. Франко и других украинских писателей, изданные в 1850–1880-е годы, были заменены. Позже И. Франко поддержал изменение (создание нового?) языка, стал очищать от «архаизмов» свои сочинения. В 43 проанализированных экспертами произведениях, вышедших при жизни И. Франко двумя и более изданиями, насчитали более 10 тыс. (!) изменений; его последователи сочли необходимым провести ревизию его творчества, чтобы «научно проверить и исправить язык и стилистику Франко»[16]. «Создатели» нового языка и культуры начали деятельность и в Российской империи. Видный малорусский деятель К. Говорский писал самому Я. Головацкому, что в России поляки, «переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти (малорусские. – *В.Р.*) книжонки; верно пронырливый лях почуял в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги»[17].

В национальном украинском движении вначале доминировали поляки (В. Антонович, К. Михальчук, Б. Познанский, Т. Рыльский и др.). «Все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, нет, но исключительно нашей, русской, чтобы при содействии русских изменников создать новый русско-польский язык», – вспоминал А. Добрянский[18].

Необходимо подчеркнуть (особенно в связи с 200-летием со дня рождения Т. Шевченко в 2014 г.), что почти половина из созданных произведений Т. Шевченко написана по-русски – 319 страниц украинского текста и 315 русского)[19]. Язык Т. Шевченко был полонизирован (на фоне языка Малороссии), ведь полонизация Правобережной Украины, где родился украинский гений, продолжалась до 1860-х годов. Т. Шевченко не знал букв «ї», «є», «ґ», апострофов, используя родной общерусский алфавит с «ы», «э», «ъ» (обратимся к фотокопиям его рукописей). Подкорректировали Тараса Григорьевича «шевченковеды», меняя буквы и слова (букву «с» в приставках на «з», даже слово «кобзарь» на «кобзар» «царь» на «цар» и т.д.).

Приходится согласиться с теми, кто считает, что сегодня подлинный Т. Шевченко скрыт от читателей, исковеркано и творчество И. Котляревского, И. Франко, И. Нечуй-Левицкого. Это побуждает задумываться о значительной фальсификации украинской литературы. В 1860 г. Т. Шевченко составил

16. Цит по: Каревин А. Украинский язык. История становления и развития. – К.: Киевская Русь, 2011. – С. 52.

17. Студинський К. Епізоди боротьби за українство в 1863 р. // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського. Т. 2. – К., 1928. – С. 521–522.

18. Добрянский А.И. О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси. – М., 1885. – С. 11–12.

19. Коряк В. Боротьба за Шевченка. – Х., 1925. – С. 106.

«Букварь южнорусский» для обучения детей грамоте на малорусском наречии, где алфавит был русским без отклонений и «реформ»[20].

А. Каревин апеллирует к оригинальным примерам: у Тараса Григорьевича в творчестве нет даже слов «украинцы» или «украинец». М.П. Драгоманов, боровшийся за то, чтобы украинцы разговаривали на своем языке, «по-украински» переписывался с соратниками, но сестре, Олене Пчилке, писал по-русски. В Галиции в начале XX в. слово «украинец» употребляли в узком кругу. Н. Антоневич описывает, как молодой украинофил, назвав людей украинцами, услышал возмущение и протест, а один даже обиделся: «Прозывают нас украинцами, а ведь мы ничего не украли»[21]. Приехавший в сентябре 1904 г. в Киев украинофил В. Садовский (позже – петлюровский министр) писал: «Киев поразил меня полным отсутствием украинских внешних признаков. Вокруг звучал русский язык, на нем говорили не только интеллигенты. Вспоминаю, как неприятно меня поразил, когда я подъезжал к Киеву, московский язык пригородных рабочих, которые начали садиться на поезд в Фастове, едучи на работу в Киев. Не было сомнения, что они происходили из окрестных сел. Так точно всеохватывающе господствовал русский язык и в университете среди студентов. Лишь кое-где в небольших кружках слышал я временами отдельные украинские выражения и украинский жаргон, но это не был тот литературный язык, которого я искал»[22]. Писатель Михаил Лобода (Лободовский) охарактеризовал новояз как «какой-то жаргон»[23], а иные как «язычие» и «тарабарщину»[24].

Трудно не согласиться с тем, что с 1906 г., с началом финансированного австрийцами «языкового похода», во многих городах Малороссии стали основываться «украиноязычные» СМИ. «В ту эпоху, – вспоминал о времени до 1917 г. секретарь Центральной рады М. Еремееев, – само название “украинец” было еще каким-то чужим и странным… Писалось и говорилось: Украина, украинский, даже очень редко украинка, но термин украинец был в ту эпоху неологизмом, который тяжело входил в жизнь»[25]. «“Украинцы” до сих пор было неизвестное слово, и теперь оно еще не прошло во все слои общества», – говорил в октябре 1918 г. генеральный секретарь Центральной рады,

20. Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. Т. 6. – К., 1964. – С. 367.

21. Антоневич Н.И. Наше нынешнее положение (Эпизоды из новейшей истории). – Львов, 1907. – С. 61.

22. Коряк В. Нарис історії української літератури. Т. 2. – Х., 1929. – С. 220.

23. Радзієвський В.О. Нотатки з субкультури аномії: Монографія. – К.: Логос, 2012. – 368 с.

24. Подробнее: Каревин А. Украинский язык. История становления и развития. – К.: Киевская Русь, 2011. – 232 с.

25. Єреміїв М. За лаштунками Центральної Ради (Сторінки зі спогадів) // Український історик. 1968. – № 1–4. – С. 98.

впоследствии глава Директории УНР (предшественник С. Петлюры) В. Винниченко[26].

Итак, в 1906 г. началась первая галицинизация Южной Руси, вторая была в 1920-х годах, а третья прошла в уже независимой Украине. Ей сопротивлялись даже имперские малороссы, считающие, что украинский язык надо создавать на основе модели киево-полтавского наречия. «Грушевский как будто издевается над языком украинских писателей», – отмечал И. Нечуй-Левицкий[27] и писал далее, что «языковые оборотни» (галичане) стремлением навязать «смешной, чудной и непонятный» псевдо-украинский язык («чертовщину под якобы украинским соусом») вредят развитию украинской культуры «хуже, чем старая цензура»[28]. Полонизация, австриезация и (уже в нынешнее время) американизация, трансформируя и примитивизируя южнорусское наречие, упрощали и огрубляли его. Новые фразы отдаленно напоминали элементы аномийного сленга[29].

Во время Первой мировой войны главнокомандующий австро-венгерской армией эрцгерцог Фридрих писал императору, что у народа Галиции есть «уверенность в том, что оно по расе, языку и религии принадлежит к России»[30] и австро-венгерские войска оказались в «атмосфере предательства», «в собственном краю должны нести потери от шпионажа и измены русофильского населения, а наш враг, который выступал как освободитель, мог, безусловно, рассчитывать на полную поддержку»[31]. Сейчас в Украине о геноциде тысяч и тысяч галичан-русинов в 1914–1917 гг., в том числе в концлагерях Талергофе и Терезине, не говорят. Более 100 тыс. из них погибли в концлагерях из-за условий заключения[32]. Множество галичан-русинов погибли во время депортации в глубь Австро-Венгрии, а при отступлении русской армии в 1915 г. до 400 тыс. человек бежали в Россию.

Нестор Махно вспоминал, что когда украинофилы пропагандировали борьбу с «кацапами – гнобителями мови», то «такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били как врагов братского едине-

26. Цит по: Постернак С. Із історії освітнього руху на Україні за часи революції 1917–1919 рр. – К., 1920. – С. 75.

27. Нечуй-Левицький І.С. Криве дзеркало української мови. – К., 1912. – С. 48.

28. Там же. – С. 88, 63, 65.

29. Радзієвський В.О. Нотатки з субкультури аномії: Монографія. – К.: Логос, 2012. – С. 260–279.

30. Осечинський В.К. Галичина під гнітом Австро-Угорщини в епоху імперіалізму. – Львів: Книжково-журнальне вид-во, 1954. – С. 94.

31. Там же. – С. 97.

32. Там же. – С. 98.

ния украинского народа с русским»[33]. Н. Махно представить не мог, что его «сделают» украинским националистом. Националистов выручили Брестский мир и кайзеровские оккупанты.

«Трудность положения на Украине состоит в том, что Центральная Рада, кроме наших войск, не имеет за собой никого. Как только мы уйдем, все пойдет насмарку», – писал 12 марта 1918 г. начальник штаба германского Восточного фронта генерал М. Гофман[34]. Популярный идеолог украинофилов Вацлав Липинский говорил, что 99% украинцев составляют «денационализированные малороссы»[35] и «большинство украинцев – это как раз наиболее наглядное и яркое доказательство невозможности существования Украины»[36]. Немцы разогнали националистическую Раду, вручив власть гетману П. Скоропадскому, но надежды не оправдались. «Я боюсь только, как бы созданная с таким большим трудом Украина не пошла опять насмарку», – писал Гофман[37]. Но дело немцев продолжили… коммунисты. Видный украинизатор А. Синявский радовался, что из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции, украинский язык превращается в инструмент государственной жизни страны[38]. Большевики создали украинское государство (УСРР, с 1937 г. УССР). Политика украинизации (с 1923 г.) и дальнейшие недальновидные действия способствовали разъединению и ослаблению единства восточных славян.

В октябре 1921 г. советское правительство выделило 500 тыс. руб. золотом на печатание за границей украиноязычных учебников, потом еще 250 тыс. руб.[39]. Тем не менее политика «украинизации» украинцев буксовала. «Я знаю множество фактов, как кое-кто, например из русских или евреев, недавно начав украинизироваться, превзошли на всех участках языковых (а особенно в письменности) “вековечных украинцев”», – говорил ближайший подручный Л. Кагановича М. Сулима[40]. Помощники Лазаря Моисеевича

33. Махно Н. Воспоминания: В 3 кн. – К.: Украина, 1991 (Репринтное воспроизведение изданий 1929, 1936, 1937 гг.). – Кн. 1. – С. 113.

34. Гофман М. Записки и дневники 1914–1918. – Л., 1929. – С. 242.

35. Липинский В. Листи до братів-хліборобів. – Київ – Філадельфія, 1995. – С. 97.

36. Там же. – С. 97.

37. Гофман М. Записки и дневники 1914–1918. – Л., 1929. – С. 247.

38. Синявський О. Коротка історія «Українського правопису» // Культура українського слова. Збірник 1. Х. – К., 1931. – С. 110.

39. Верменич Я.В. Здійснення українізації у 20–30-х роках: Політичні і культурні аспекти проблеми: дис… канд. іст. наук: 07.00.01; Київський педагогічний ін-т іноземних мов. – К., 1993. – С. 27.

40. Сулима М.Ф. Мова нашого студента // Записки Харківського інституту народної освіти. Т. 3. – Х., 1928. – С. 20.

требовали: «Писатели должны выучить язык»[41], и «мова» вычищалась от слов русского происхождения. «Небольшой промежуток времени дал такой широкий размах развитию украинской культуры, что подобного нельзя заметить в истории ни одного другого народа за всю предыдущую историю человечества», – восхищался Н. Скрыпник[42].

Проблема медленного «создания украинцев» беспокоила и диаспору. Это заставляло И. Огиенко вслед за С. Петлюрой называть украинцев «недозрелой нацией»[43]. Даже в сентябре 1939 г. в редактируемом И. Огиенко журнале отмечалось, что единого украинского литературного языка нет[44].

В 1941 г. Галиция была оккупирована гитлеровцами, а украинизация продолжалась. А. Каревин отмечает, что, несмотря на политику антисемитизма, они пропускали хвалебные отзывы об украинских трудах еврейки Елены Курило. Из-за изменившейся конъюнктуры чужими стали полонизмы и «украинско-польское братство», сменившись немецко-украинским. С 1950-х годов в Чехословакии украинизировали и Пряшевскую Русь, введя украинский язык вместо русского.

12 сентября 2012 г. в Киеве на научно-практической конференции «1150-летие образования Древнерусского государства: история и современность» заместитель директора Института социологии НАН Украины Н. Шульга сообщил, что 8% жителей Украины гордятся тем, что являются ее гражданами (в западном регионе страны до 14%, в восточном – 5%). Скорее гордятся, чем не гордятся своим гражданством 35% респондентов (в западном регионе – 48%), не гордятся – 22%. Остальные – затруднились с ответом. Имеет логику суждение о том, что «украинский язык, еще несколько десятков лет назад почти никому непонятный, вызывавший только насмешки и неприязнь, возведен в статус государственного, именуется “рідною мовою”, принудительными мерами внедряется повсеместно. Украинские газеты начала XX в., которые из-за непонятности языка в то время почти никто не читал, ныне в состоянии прочитать любой выпускник средней школы»[45].

Об отсутствии политической украинской нации заявлял не только П. Толочко, но и экс-президент Украины Л. Кравчук (накануне III Всемирно-

41. Українська мова та шляхи її розвою // Життя й революція. 1925. – № 11. – С. 91.

42. Скрипник М. До теорії боротьби двох культур // Статті й промови. – Т. 2. – Ч. 1. – Б.м., 1929. – С. 110.

43. Тернистим шляхом! // Рідна мова. – 1938. – № 1. – С. 1.

44. Дописи прихильників рідної мови // Рідна мова. – 1939. – № 9. – С. 39.

45. Цит по: Каревин А. Русь нерусская (Как рождалась «рідна мова»). – М.: Имперская традиция, 2006. – 224 с. – http://russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus 01.shtml

го форума украинцев в августе 2001 г.)[46]. Президент Российской Федерации В. Путин пишет: «Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ»[47]. Академик НАН Украины П. Толочко в работе «Нас разрывают на части!» отмечал, что каким бы испытаниям ни подвергались отношения русского и украинского народов в прошлом, в конечном итоге их православно-цивилизационная общность и этническое родство оказывались сильнее[48] (добавим еще: единство веры, близость языков, традиций, ментальность)[49].

Таким образом, если новый язык принудительно навязывать нескольким поколениям, то он станет понятным и привычным, но не станет истинно духовным, подлинно историческим и глубоко родным. Полонизация, германизация и вестернизация – все это звенья одной цепи, направленные на разъединение, ослабление и порабощение не только украинцев, но всего славянства и его сердцевины – восточнославянской субкультурной общности России и Украины.

Как основной вывод, следует отметить, что деструктивные действия сил антиславянской ориентации направлены на подрыв нашей традиционной православной цивилизационной идентичности, щедрой и живоносной, богатой и великой украинской культуры.

Восточнославянская субкультурная общность имеет не только общее великое и славное прошлое, она может и должна иметь не менее достойное и значимое будущее. Украинцы и русские – это два ближайших братских народа, чьи культуры, языки, религия и история неразрывно переплетены и взаимосвязаны. Только в единстве сила восточнославянской субкультурной общности.

46. Радзієвський В.О. Субкультура бідності у педагогічному вимірі // Зб. наук. праць Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини. – Ч. 1. – Умань, 2013. – С. 231.

47. Путин В.В. Россия: Национальный вопрос. – soberview.org/politics/putin/russia-national.html

48. Толочко П.П. «Нас разрывают на части!» / Единая Русь. – 15 декабря 2004. – www.edrus.org/content/view/29/47

49. Подробнее: Радзиевский В.А. Избранные произведения к 1025-летию Крещения Руси. – К.: Логос, 2013. – 248 с.; Радзиевский В.А. Православие как альтернатива криминальной субкультуре: Монография. – К.: НАРККиИ, 2012. – 96 с.

В.Ю. Даренский

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Даренский Виталий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, соискатель Института философии им. Г.С. Сковороды Национальной академии наук Украины.

В современной Украине реальная доля ее граждан, говорящих на русском языке, сформировавшихся в пространстве русской культуры (независимо от их этнической принадлежности) и стремящихся защищать свою идентичность, охватывает около половины населения страны. По социологическим данным, они составляют не менее 46% [1, с. 114]; а в 2002 г. при опросе молодых людей от 16 до 34 лет под патетическим названием «Первое свободное поколение на Украине – кто они?» около 60% из них ответили, что считают украинцев и россиян двумя частями одного и того же народа; 61% граждан поддержали курс на реинтеграцию Украины и России в Единое экономическое и военно-политическое пространство (опрос проводился во всех пропорционально представленных регионах страны) [2, с. 46–47]. В годы независимости, несмотря на жесткую украинизацию СМИ и системы образования, продолжался рост русскоязычной части населения. Приведенные данные свидетельствуют о том, что единство больших групп населения, ныне проживающих в разных странах, в рамках единой российской культурно-языковой общности представляет собой «упрямый» факт, а их стремление к дальнейшей реинтеграции – это естественно-исторический процесс, на который не может серьезно повлиять ни языковая политика государства, ни усиленная обработка массового сознания антироссийской пропагандой.

В настоящее время в Украине проживает самый большой за пределами Российской Федерации конгломерат русскоязычного населения – более 20 млн человек. Для этих людей, как правило, свойственна «размытая» идентичность, сочетающая в себе, с одной стороны, лояльность к украинскому государству, а с другой – ощущение своей специфичности, основанной не

только на принадлежности к российской культурно-языковой общности и включенности в российское информационное пространство, но и на особом менталитете, сформировавшемся исторической традицией жизни в большой многонациональной стране. Этот менталитет оказался не только достаточно устойчивым, но, более того, обнаружил способность к возрождению в новых исторических условиях «разочарования» – этим символическим термином в современной Украине называют фрустрацию оптимистических ожиданий быстрого развития страны и ее «вхождения в Европу». И результаты последних выборов, и данные социологических опросов достаточно четко фиксируют тот факт, что около половины населения Украины ныне «заражены евроскепсисом» и ориентированы на российское цивилизационное пространство.

Указанное явление неслучайно, оно четко «вписывается» в новейшую глобальную тенденцию структурирования массовых идентичностей в современном мире. Как справедливо отмечают исследователи этой тенденции, «в будущем гражданство на основе культуры создаст новые миры, границы которых будут проходить там, где будут жить их граждане. Культуры, тем более мировые, вообще не имеют четко определенных границ. Реальностью становится сосуществование мировых суперэтносов, и Россия в силу специфики, вызванной особенностями развития, имеет все шансы реализовать новые геополитические потенции» [3].

Стоит привести суждение авторитетного киевского философа профессора С.Б. Крымского, которого трудно заподозрить в «русофилии». Тем не менее он был вынужден зафиксировать следующий принципиальный факт: «русское сообщество Украины» ныне «представляет собой примерно половину граждан Украины и демонстрирует при этом не вынужденное русскоязычие, а культурную потребность, выработанную историей, духовно-культурной традицией, работать, общаться на русском языке, жить в соответствии с ценностными установками русской культуры. Категорически невозможно применить в определении “русского сообщества” критерии, которые обычно применяются при классификации какой-либо определенной социальной группы людей, например национального меньшинства. Если же исходить из подобного отождествления “русского сообщества” и “национального русского меньшинства”, то мы столкнемся с элементарной логической ошибкой “подмены понятий”. В ситуации же, когда под русским сообществом Украины понимают носителей русской культуры, тем более нельзя говорить о какой-то части украинского населения, потому что в этом случае *русское сообщество будет составлять основную цивилизационную составляющую украинской нации* в современном политическом смысле данного понятия» (выделено нами. – *В. Д.*) [4, с. 150].

Вместе с тем возникает принципиальный вопрос: можно ли это «русское сообщество», ныне являющееся «основной цивилизационной составляющей»

политической украинской нации, т.е. просто совокупности граждан Украины, считать сообществом с особой идентичностью – более того, фактически сохраняющим российскую идентичность в ее особом локальном (диаспорном?) варианте? Позитивно на этот вопрос отвечают, в частности, радикальные украинские националисты, считая русскоязычных граждан страны фактически россиянами и употребляя по отношению к ним целый ряд оскорбительных терминов. (Это агрессивное отношение националистов стало одним из важных факторов политической консолидации русскоязычного населения.) Сами же русскоязычные, как правило, ассоциируют себя с украинской «политической нацией» и термин «россияне» по отношению к самим себе не используют. В этой ситуации, исходя из объективных культурно-языковых параметров этой общности людей, целесообразно определить ее следующим образом: это «фактические россияне, ассоциированные в украинскую политическую нацию».

Такая идентичность, очевидно, с самого начала является *проблемной* и внутренне противоречивой – и именно с этой точки зрения она требует особого исследования для определения ее возможных исторических перспектив.

Идеологи форсированной «украинизации» страны изначально исходят из ошибочных представлений о будущем Украины, избирая тем самым ложные приоритеты культурной политики. В основе этих представлений лежит давно устаревшая геополитическая концепция первых лет независимости, в соответствии с которой смысл бытия Украины как отдельного государства состоит в максимальном дистанцировании от России в надежде на скорое вхождение в Евросоюз. Но очень скоро выяснилось, что такие представления – не более чем продукт PR-технологий. Реальность же состоит в том, что Украину с ее проблемами и уровнем экономики к Евросоюзу не подпускают и близко, а с другой стороны, всесторонняя зависимость от России задана a priori, и по совершенно объективным причинам не может быть не только устранена, но даже сколько-нибудь уменьшена. Это обстоятельство очень быстро было осознано на уровне массового сознания – уже к началу 2001 г., по данным соцопросов, доля граждан Украины, поддерживающих идею вхождения в союзное государство с Россией и Белоруссией, впервые превысила 40% [5, с. 6].

Но среди стран, возникших на месте СССР, едва ли не главной особенностью Украины является то, она представляет собой классический пример «идеологического государства». Официальная украинская идеология, ныне имеющая явно «тоталитарные» претензии «единственно верного учения», основана на догмате о якобы безальтернативности «европейского выбора» и противопоставлении его факту цивилизационного единства с Россией по принципу «или-или». Этот «догмат» не выдерживает серьезной критики уже в свете самых элементарных фактов. Во-первых, так называемое «вхождение

в Европу» в смысле формального присоединения к институтам Евросоюза, если таковое вообще когда-нибудь произойдет, для Украины вовсе не будет означать достижения уровня материального благосостояния «старой Европы»: «золотой миллиард» ради Украины расширяться не будет, более того, он уже начинает сужаться вследствие внутреннего кризиса, который становится все острее. Поэтому, если присоединение Украины к институтам Евросоюза все-таки произойдет, то исключительно ради экономических выгод самой Европы, получающей возможность жесткого контроля над ресурсами и экономикой интегрируемой страны, причем уровень жизни в последней при этом серьезно не изменится или даже еще понизится, что хорошо видно на примере Греции, Румынии и др.

Во-вторых, цивилизационное единство Украины с Россией не только является «упрямым» *естественно-историческим фактом*, но более того, остается единственной предпосылкой *самостоятельного* развития Украины как в экономическом, так и в социокультурном отношениях. Ведь в общеевропейской социально-экономической системе Украина может быть лишь никому не нужным конкурентом – и поэтому ее туда никогда не пустят. Зато в евразийском пространстве у Украины огромные перспективы развития – ее экономика, социальные и культурные ресурсы здесь востребованы и эффективны. Так было всегда и именно такое положение дел определяло нашу историческую судьбу в течение многих веков.

Особенно болезненной является искусственная «украинизация» страны в языковой сфере, прежде всего в образовании и СМИ. Ненормально, когда государство говорит со своими гражданами на неродном им языке. Тем самым человека лишают полноценного чувства Родины, появляется ощущение ущемленности и «второсортности». Именно поэтому в современной Украине уже «80% населения страны считают необходимым повысить статус русского языка, 64% выступают за признание русского языка вторым государственным» [6, с. 42]. Украина – *единственное* государство в современном мире, где около половины граждан не имеют своего языка в качестве государственного – других таких стран в настоящее время вообще нет. Но на этот совершенно скандальный факт почему-то практически никто не обращает внимания. Для сравнения стоит вспомнить, что, например, в Финляндии язык шведов (всего 6% населения этой страны) является государственным, а в Швейцарии даже язык всего лишь каких-то 0,7% (!) населения этой страны – маленького этноса ретороманцев – также является одним из четырех государственных. На этом фоне о какой «демократии», «правах человека» и тем более о «европейских стандартах» вообще может идти речь в современной Украине?

Русский язык, будучи языком примерно половины населения Украины, фактически находится «вне закона». При этом является «табуированной» тема реальных негативных последствий такого положения. В частности, уча-

щиеся искусственно «украинизированных» школ лишены возможности обретать действительно необходимую им грамотность в языке повседневного общения. Несмотря на огромные затраты времени, учащиеся так и не овладевают по-настоящему украинским языком, так как не используют его на практике, но вместе с тем из-за крайне урезанных часов чаще всего не овладевают и письменной русской речью, которая им жизненно необходима. В результате этого *возникает особый феномен «двойной безграмотности» – в обоих языках*. Конспекты едва ли не подавляющего большинства студентов украинских вузов, особенно негуманитарных специальностей, оставляют ужасающее впечатление. В советское время большинство из них из-за безграмотности письма не только не поступило бы в вуз, но даже не закончили бы школу. Конечно, есть и другие причины такого прискорбного положения дел, но эта – главная.

Ситуация усугубляется еще и тем, что помимо своего иноязычия, «украинизированное» школьное образование пытается привить детям такое историческое сознание, которое находится в принципиальном противоречии с их менталитетом и реальной жизненной практикой. Возникает совершенно нелепая ситуация, когда, оставаясь русскими (или хотя бы «советскими») по языку, культуре и семейным традициям дети в течение многих лет приучаются оценивать этот факт (т.е. собственную сущность!) исключительно негативно и постоянно испытывать по этому поводу «комплекс неполноценности», которого раньше никогда не было. Русскоязычные в такой странной роли «поглощаемой народности» оказываются слишком уж многочисленны – и поэтому «поглотить» их все равно не удастся. Однако сами эти бессмысленные попытки лишь вносят постоянный раскол в общество, обрекая «украинскую политическую нацию» перманентно пребывать в состоянии «распада». В этой ситуации совершенно деструктивной становится политика форсированной украинизации системы образования, не считающаяся с общепринятыми европейскими правовыми нормами. Авторы радикально-националистического направления утверждают, что принятие русского языка в качестве второго государственного якобы станет «началом конца украинской мовы». Но такое мнение совершенно ложно, поскольку украинский язык там, где он действительно является родным, существует и будет существовать независимо от того, какую политику будет проводить государство. Однако сама идея о том, что один язык может существовать и развиваться только за счет угнетения и запрещения другого, – не только ложна, но и аморальна.

Более того, многие факты свидетельствуют о том, что политика искусственного ущемления прав русского языка вредит не столько даже русскому языку (люди продолжают говорить на нем, несмотря ни на какие административные ущемления), но более всего именно языку украинскому. Этот вред

двоякий. С одной стороны, срабатывает эффект, который социологи называют «эффектом бумеранга». Суть его в том, что любое усиленно навязываемое нововведение всегда начинает вызывать реакцию отторжения – даже в тех случаях, когда до этого оно воспринималось вполне позитивно. С украинским языком ныне происходит именно это. В частности, для многих людей очень характерна ситуация, которую хорошо сформулировал этнический украинец К. Лущенко в своем письме в газету: «Воистину, за что боролись, на то и напоролись. Лет 10–15 тому назад я бы ни за что не поверил, что со мной станет сегодня. У меня, который родился и вырос на Украине, у меня, влюбленного в украинскую мову, юмор и песни, последние годы, как и у очень многих моих соотечественников, возникло к украинской мове нечто вроде аллергии» [7, с. 83]. Эта «аллергия» усиливается еще и другим обстоятельством: официальный украинский язык весьма далек от реального языка большинства украинцев – от того языка, который они знали с детства. Вплоть до того, что многие из них признаются: им гораздо легче перейти на русский язык общения, чем на тот «эталонный» украинский, на котором говорят СМИ. Реальный язык большинства этнических украинцев, на котором веками говорили их предки (о чем свидетельствует документальная история языка), без всяких на то оснований отныне объявлен «суржиком». С другой стороны, официальный украинский язык в 1990–2000-х годах усиленно наполнялся полонизмами, галицийскими диалектизмами и прочими искусственными заимствованиями с единственной целью – максимально отдалить его от русского языка. Эта операция вполне удалась – однако теперь такой язык перестала воспринимать и большая часть этнических украинцев. И последним ничего другого не остается, как просто переходить на русский язык общения, раз уж их изначальный язык все равно объявлен «суржиком». Тем самым существованию украинского языка именно в период независимости был нанесен больший вред, чем когда бы то ни было ранее.

В рамках нашей проблемы в современной Украине стоит выделить две группы населения, причастных к российской идентичности. Первая из них – это этнические украинцы, говорящие на русском языке и интегрированные в российское культурно-информационное пространство. Вторая группа – это в основном люди со смешанным этническим происхождением (таковых в Украине более 12 млн), а также этнические великороссы (около 5 млн) – это исторически, т.е. изначально русскоязычная часть граждан, в основном населяющая юго-восточную половину страны и почти полностью русскоязычный Киев. Поскольку юго-восточная половина Украины имеет историческое наименование «Новороссия», то в последнее десятилетие стала явной тенденция говорить о «новороссах» как особой общности.

Относительно первой группы очевиден явный абсурд: когда значительная часть этнических украинцев *уже* перешла на общерусский язык и сделала

его своим, как тут же людей понуждают совершить обратный переход. Причем переход намного более трудный и болезненный, поскольку он теперь совершается не на реальный разговорный язык предков, а на искусственно полонизированный по галицийским и «диаспорным» образцам фактический «новояз». Но очевидно, что самое элементарное соблюдение прав человека в данном случае предполагает, что любое нормальное государство должно в такой ситуации просто исходить из сложившегося status quo языковой практики населения, и поэтому всякую силовую попытку ее изменения следует квалифицировать не иначе как политику лингвокультурных репрессий. Кроме того, если переход на общерусский язык был в свое время не только объективным и естественным процессом, шедшим «снизу», без всякого принуждения, но и имел огромное культурное значение, приобщая народ сразу же к мировым достижениям русской культуры XIX–XX вв., то теперь «украинизация» обычно прямо сопряжена с глубокой провинциализацией, с самыми дикими проявлениями национализма и «хуторянского» шовинизма. Культурно-деструктивный характер этого процесса совершенно очевиден. Тем самым сложившаяся в Украине культурная и языковая политика государства находится в глубоком противоречии с нормами и критериями гражданского общества. Без радикальных изменений в этой сфере Украина никогда не достигнет соответствия этим нормам и критериям, оставаясь авторитарным государством-«нациократией». В предшествующие эпохи переход на русский разговорный язык большинства населения Украины имел чисто *спонтанный* характер и *намного опережал* те административные меры, которые теперь принято называть «руссификацией». Именно этим и объясняется тот факт, что с 1991 г., несмотря на все усилия по «украинизации», процент русскоязычного населения все равно продолжал неуклонно увеличиваться, о чем четко свидетельствуют соцопросы. Непредвзятый взгляд на историю, в том числе и самую недавнюю, показывает, что интеграция населения Украины в единое с Россией языковое и культурное пространство представляет собой устойчивый естественно-исторический процесс, который обусловлен лишь объективными причинами (общность социальных процессов, экономики, информационной сферы, менталитета и исторической судьбы), и поэтому вообще очень мало зависит от каких-либо административных мер, в каком бы направлении они ни предпринимались – будь то «руссификация» или «украинизация».

Приведем лишь несколько показательных фактов в подтверждение этого. В 2001 г. журнал «Дніпро» опубликовал полную подборку документов, связанную с пресловутым «Валуевским циркуляром» 1863 г., запретившим школьное образование на тогдашнем украинском языке. Предлогом к такому решению было польское восстание, во время которого распространялись антиправительственные листовки на народном языке. Но даже сам по себе

этот факт еще не стал бы причиной каких-либо запрещений. Однако началось межведомственное исследование вопроса, в ходе которого уже и сам министр народного просвещения А.В. Головнин выступал за развитие книгопечатания и образования на местном языке. По этому поводу он даже вступил в конфликт с министром внутренних дел. Скорее всего, победила бы позиция А.В. Головнина, но дело получило широкую огласку в самой Украине, откуда активно стали поступать письменные петиции местной интеллигенции. В них утверждалось, что сам народ «охотно, и даже с любовию, учится по книгам русским и церковнославянским и в помысле не имеет искать для себя какого-либо еще особого языка… Есть даже признаки, – отмечалось далее, – что народ смотрит враждебно на непрошенные заботы о нем местных патриотов и обижается на замену образованного русского языка малорусским наречием. “Недавно, – говорит профессор Киевского университета Гогоцкий, – в одной сельской школе помещик, чтобы испытать желание учеников и их родителей, начал давать иногда в своей школе малорусские книги вместо русских. Что же вышло? Из восемнадцати учеников шестнадцать перестали ходить в школу”» [8, с. 72–73]. (Интересно отметить, что это тот самый С.С. Гогоцкий, который ныне отнесен к «классикам украинской философии».) Тот факт, что «Валуевский циркуляр» был вовсе не результатом так называемой «руссификаторской политики царизма», а наоборот, *результатом давления на правительство «снизу»*, со стороны самих тогдашних украинцев, замалчивается и фактически игнорируется современными украинскими историками и идеологами.

Еще ярче и шире эта тенденция проявилась в период первой попытки создания украинского государства в 1918 г. Например, в воспоминаниях М. Могилянского «Трагедия Украины» читаем: «Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи “украинизации” и “сепаратизма”, то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением “украинизации” для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции… Доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе, и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой» [9, с. 121–122].

В названых фактах, впрочем, нет ничего удивительного, поскольку они четко обусловлены тем национальным самосознанием предков современных

украинцев, которое существовало не менее тысячи лет, вплоть до первой половины XX в. Отличая себя на бытовом уровне от жителей северной и восточной Руси, наши предки тем не менее также всегда считали себя частью единой русской нации. Как известно, само понятие «украинец» в качестве национальной самоидентификации получает широкое распространение только в 20–30-х годах XX в., главным образом через систему образования и политическую пропаганду, причем в УССР этот процесс шел даже быстрее, чем в западных землях. С конца XIX в. украинцами себя называла очень небольшая прослойка интеллигенции, а до этого такое слово вообще отсутствовало в языке. До начала XX в. население основной части территории Украины называло себя «руськими», что лишь фонетически отличалось от самоназвания населения Великороссии, а на западных землях было самоназвание «русины», еще и теперь кое-где сохранившееся.

Все эти явления объясняются, естественно, отнюдь не «низким уровнем национального самосознания» в тот период, как утверждает официальная украинская историография, но как раз наоборот – его самым высоким и устойчивым развитием, опирающимся на тысячелетнюю традицию единства триединой Руси. Как известно, сама «украинская» идентичность в качестве *феномена массового сознания* является специфическим продуктом советского периода истории: «именно победа большевиков и их национальной политики обеспечила формирование отдельной украинской национальной идентичности и закрепила раскол русской нации» [10, с. 73]. Этот фундаментальный слом в массовом историческом сознании и национальном самосознании был смягчен и опосредован идеологией «единого советского народа», имевшей под собой вполне реальную почву и удовлетворявшей стремление к осознанию сверхэтнического единства. Когда же к концу XX в. тысячелетняя общерусская идентичность была окончательно забыта, а «советский народ» перестал существовать – «украинская» идентичность стала практически безальтернативной. «Русскими» отныне официально называются только великороссы, а попытки возродить тысячелетнее самосознание яростно клеймятся как якобы «рецидивы великодержавности». Тем не менее осознание сверхэтнического единства сохраняется даже в современных условиях – когда уже нет в языке отдельного слова для обозначения этой единой общности, не говоря уже об усиленной обработке массового сознания официальной идеологией. Самоидентификация людей с помощью термина «украинец» становится все более номинальной: например, в Луганской области процент людей, которые на переписи назвали себя украинцами в 1989 г., был 52, а в 2001 – 58%; но в 1989 г. украинский язык считали родным 35% жителей этой области, а в 2001 г. – уже только 30% (а повседневно разговаривает на нем, хотя бы в самом «суржиковом» варианте – всего несколько процентов) [11, с. 3]. Своеобразные «ножницы» между явным сохранением сознания общерусского

единства и восприятием номинальной украинской идентичности, обычно не обусловленным даже реальной языковой практикой, объясняются в первую очередь тем, что массовое сознание находится под сильным прессом антироссийской пропаганды, распространяемой СМИ и системой образования.

До настоящего времени действует и очень мощный ментальный фактор, вследствие которого русский язык оказывается *важнейшим культурным достоянием* для любого жителя Украины. Об этом факторе хорошо пишет кировоградский культуролог С.Н. Сидоренко: «Исторические обстоятельства на Украине сложились таким образом, что подавляющее число украинцев развивались не в одной, а в двух параллельно влияющих культурах – и в этом факте следует видеть не недостаток, а скорее достоинство. Поэтому по меньшей мере неразумно… оставлять украинца с одной составляющей его культурного облика, отбросив другую, которая являлась и в обозримой перспективе будет являться для украинцев единственным каналом, через который возможен доступ к богатствам мировой культуры» [12, с. 48].

Характерно, что такая роль русского языка вовсе не является следствием долгого пребывания в составе единого русского государства. В частности, точно такую же роль русский язык в свое время играл и для русинов австро-венгерской Галиции, о чем существует масса забытых ныне свидетельств. Например, в октябре 1914 г. М.М. Пришвин, служа фронтовым фельдшером, записывал в дневнике: «Когда я попал в Галицию… я почувствовал и увидел в пластических образах времена инквизиции» – речь идет о геноциде русинов австрийским режимом, обусловленном их симпатией к России; но «в Галиции есть мечта о великой чистой прекрасной России. Гимназист, семнадцатилетний мальчик, гулял со мной по Львову и разговаривал на чистом русском языке. Он мне рассказывал о преследовании русского языка, не позволяли даже иметь карту России, перед войной он принужден был сжечь Пушкина, Лермонтова, Толстого и Достоевского. – Как же вы учились русскому языку? – Меня потихоньку учил дедушка… А я учил других, и так пошло. Мы действовали как революционеры, мы были всегда революционерами» [13, с. 66–67]. Перед Первой мировой войной именно «москвофильство» имело самую массовую народную поддержку, поэтому неудивительно то, с какой радостью русины встречали войска генерала Брусилова в 1914 г., и какой геноцид устроили им вернувшиеся австрийцы в 1915–1916 гг. По разным данным, от 30 до 100 тыс. русинов Галиции, исповедовавших свою принадлежность к единой русской нации, погибли в концлагерях Терезин, Талергоф и Освенцим (вот когда началась его история), что стало первым в XX в. прецедентом геноцида по национальному и идеологическому признакам.

В советский период, несмотря на фактически принудительный характер изучения украинского языка и литературы в школах УССР («освобождение» от этих предметов, как мы помним, было получить очень трудно, но этого

хотели очень многие школьники в русскоговорящих городах и регионах), несмотря на огромные тиражи украинских книг и газет (почти в 10 раз большие, чем в настоящее время), часто шедших просто в макулатуру, к 1970–1980-м годам русский язык стал языком почти половины населения Украины. Именно поэтому уже с конца 1950-х годов государство было вынуждено идти на сокращение доли украиноязычного образования и издания печатной продукции в силу их *невостребованности* населением (а вовсе не в силу мифической «руссификации», как заявляет официальная украинская идеология).

Вторая группа населения – «новороссы» – изначально формировалась как русскоязычная и поэтому без всяких оговорок может считаться «россиянами за пределами Российской Федерации». Для ее идентичности, помимо языкового признака, очень важен и фактор исторической памяти, фактор *нравственного* отношения к своей истории. Ведь Новороссия – исключительный продукт Российской империи: она возникла исключительно благодаря гению Екатерины Великой и ее «орлов»-сподвижников. И нынешнее возрождение памяти о ней, установка памятников в Одессе, Севастополе, затем и в Луганске – отрадный факт, свидетельствующий о возрождении подлинного исторического сознания у проживающего здесь народа. В Новороссии существуют сотни населенных пунктов, основанных именно благодаря указам Екатерины Великой. Особым «жизненным миром», «ландшафтом» этой новой общности новороссов, обусловившим закономерность его появления, является *новое индустриальное пространство*: рабочие поселки, стройки, мегаполисы и вообще все новые поселения эпохи модерна. Подлинной Родиной современных новороссов с самого начала являлось и является ныне не какая-либо этническая территория, но именно огромное Государство – носитель цивилизационного проекта всемирно-исторического масштаба. Такое мироощущение настолько глубоко вошло в саму душу новороссов, что оказавшись с 1991 г. в пространстве «маленькой национальной державы», они теперь ощущают себя попавшими в некое «гетто», выброшенными из большой Истории. Поэтому устойчивое неприятие «новороссами» нынешней «украинской идеи», основанной на агрессивной русофобии и перечеркивании практически всей исторической памяти, совершенно естественно и неизменно. Население Новороссии, сформированное в эпоху интенсивного общеевропейского модерна, отличается самым высоким среди населения Украины развитием рационально-критического мышления именно на уровне массового сознания. Благодаря этому оно остается наиболее устойчивым перед попытками любых идеологических манипуляций. Этим, в частности, объясняется тот факт, что именно Новороссия стала центром сопротивления событиям 2004 г. «Оранжевая» мифология, рассчитанная на эксплуатацию атавизмов домодерного мышления (утопизм, «образ врага», «культ личности», эмоции

толпы и т.п.), именно здесь натолкнулась на самый мощный иммунитет к такого рода манипулятивным технологиям.

Полностью дискредитировавший себя проект «однополярного» мира предполагал недопустимость воссоздания самостоятельного цивилизационного пространства Евразии, которое чем-либо выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом, «народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненных маргиналов нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом» [14, с. 185]. Современная Украина является характернейшим примером реализации всего перечисленного. Но упомянутый проект находил поддержку русскоязычного населения этой страны лишь до тех пор, пока сохранял иллюзию возможности вхождения в число стран «золотого миллиарда» (на Украине это называют «вхождением в Европу»). Однако когда иллюзорность этих мечтаний стала очевидной большинству населения, его цивилизационные ориентации начинают принципиально меняться. В условиях неизбежной реинтеграции общего евразийского социально-экономического и культурного пространства в новых условиях становления многополярного мира само понятие «российской идентичности» столь же неизбежно приобретает более широкий смысл, охватывая большие группы населения, ныне проживающие в разных странах, в рамках единой культурно-языковой общности. Воссоздание такой общности является условием самостоятельного инновационного развития этих групп.

Цивилизационные трансформации XXI столетия, в чем бы они ни состояли в будущем, неизбежно будут происходить под знаком глобальной борьбы за выживание. «Благоденствие» потребительской цивилизации будет весьма недолгим, учитывая перспективу сначала подорожания, а затем и почти полного исчерпания энерго- и биоресурсов. Этот процесс уже начался, и снижение потребительских стандартов внутри самого «золотого миллиарда» уже приводит к социальным потрясениям и коллапсу «общества потребления». Мир становится принципиально многоукладным, и созданная Западом модель цивилизации, основанная на экономике сверхпотребления глобальных ресурсов, – это лишь локальное во времени и пространстве явление; ныне пик его расширения уже пройден, и в дальнейшем оно будет только сужаться до состояния дискретных регионов. Населению же стран, не попавшему в эти регионы, придется выживать как-то иначе, создавая свои особые общности.

Как показывает опыт истории, к российской цивилизации население близких ей регионов мира приобщаются не только через любовь к великим достижениям русской культуры, но не в последнюю очередь и в силу чисто экономических причин. Ныне этот процесс резко активизируется в условиях нарастающего глобального кризиса. В частности, академик Ю.Н. Пахомов, директор Института мировой экономики и международных отношений Национальной академии наук Украины, отмечает основной тренд возможного развития уже ближайшего будущего следующим образом: «Просматривается возможность не только реанимирования и обновления технологий, но и возрождения фундаментально-научного и научно-технологического потенциала наших стран. А тут без России Украине вообще не состояться. Ведь Украина как таковая развивать фундаментальную науку и форсировать на этой основе наукоемкие технологии в одиночку не сможет. Большая наука – это удел лишь нескольких стран, в том числе России. Научно-технологическое взаимодополнение тем более важно, что, *как мы сполна убедились за годы независимого существования, ни высокие технологии, ни фундаментальную науку никто из западных партнеров с нами развивать не будет*. Так что мы, Украина и Россия, кроме как друг другу, во всех этих смыслах никому больше не нужны… До сих пор в российско-украинских взаимодействиях дает себя знать та уникальность, которая была следствием прорывов в условиях закрытости и изоляционизма. Поэтому движение Украины к модернизации с опорой на лучшее прошлое (научные школы, научно-технологические заделы) реально лишь при взаимодействии (и взаимодополнении) с Россией» [15, с. 21]. В этих условиях, очевидно, актуализируется и российская идентичность большой части населения Украины, сохраняя при этом свою «диаспорную» специфику.

В современном мире возникает новый тип цивилизации – открытое (сетевое) сообщество, имеющее глобальный охват и основанное на общих ценностях и общей культурно-мировоззренческой традиции. Войти в такое сообщество может по своему свободному выбору человек из любой точки земного шара, независимо от своего происхождения – ведь в современной цивилизации «индивид... выталкивается из прочих ниш социальной, исторической, кастовой детерминации»; «нарастает новый всеобщий социум… форма свободного общения людей в силовом поле культуры» [16, с. 38, 42]. И к настоящему времени российская цивилизационная общность уже приобрела новый модус своего существования в виде глобального открытого сообщества, представители которого находятся практически во всех регионах земного шара. В середине 2000-х годов началось возрождение интереса к русскому языку как к одному из мировых, завершилось формирование устойчивых сообществ русскоязычного населения в десятках стран мира. На этом фоне тем не менее русскоязычное сообщество Украины всегда будет сохра-

нять свой особый исторический статус и свою особую современную значимость – и не только в силу своей многочисленности, но и в силу своей «проблемности». Находясь в постоянном конкурентном сосуществовании с украиноязычной общностью, имеющей радикально иные идеологические и цивилизационные ориентации, русскоязычное сообщество Украины самим своим существованием утверждает ценность российской идентичности и ее креативный потенциал.

Литература

1. См.: Шульга Н.А. Родной язык // Русский мир Украины. Энциклопедический словарь. – К.: «Радуга», 2008.

2. Филатов А.С. Российский социокультурный фактор на Украине и в Крыму // Сб. мат. научно-практич. конф. «Крым в контексте Русского мира: Язык и культура» / Отв. ред. А.С. Филатов. – Симферополь: Таврия, 2004.

3. Итоговая резолюция международной конференции «Русский міръ – проблемы и перспективы» (Санкт-Петербург, ноябрь 2002 г.) // Режим доступа эл. ресурса: http://www.russkymir.org/?p=135

4. Крымский С.Б. Русское сообщество Украины (РСУ) // Русский мир Украины. Энциклопедический словарь. – К.: Радуга, 2008.

5. Грабовський С. Українська трагедія // Українське Слово, 18–24 січня 2001.

6. См.: Кудрявцева Л.А. Русский язык в зеркале «оранжевой революции» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2005. – № 2.

7. Цит. по: Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия в Украине. – С. 83.

8. Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття. – 2001. – № 1–2.

9. Могилянский Н.М. Трагедия Украины // Революция на Украине. Сборник материалов. – К.: Дніпро, 1991.

10. Бондаренко Д.Я. Украинский национальный проект: История становления // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. – М.: МГУ, 2008.

11. Самолевський В. І знов про перепис 2001 року // Вечерний Луганск. – 2004. – № 3.

12. Сидоренко С.Н. Украина – Россия: Преодоление распада. – Симферополь: «МиП», 2006.

13. Пришвин М.М. Дневники. – М.: Правда, 1990.

14. Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии // Москва. – 2004. – № 4.

15. Пахомов Ю.Н. Мировые цивилизации и отечественный парадокс // Софія. Культурологічний журнал. – 2005. – № 2–3.

16. Библер В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. – 1989. – № 6.

В.Н. Бабенко

УКРАИНА В ПАУТИНЕ НАЦИОНАЛИЗМА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Российской правовой академии Минюста РФ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

В паутину национализма Украину втягивали как внешние, так и внутренние политические силы. Националистические тенденции остро проявлялись особенно в переломные исторические периоды (Октябрьская революция, Гражданская и Великая Отечественная войны). Однако после распада СССР националистические организации заявили о себе вновь и заметно обострили внутриполитическую обстановку в стране не только в период «оранжевой» революции 2004 г. и в годы правления В. Ющенко, но и во время последующих парламентских и президентских выборов на Украине.

Особую остроту проблемы национализма приобрели в ноябре 2013 г., когда после отказа В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с Евросоюзом в центре Киева были возведены баррикады и начался захват административных зданий. Ядром сил самообороны майдана стали отряды ультранационалистических и откровенно неонацистских организаций, объединившихся затем в «Правый сектор».

Понять и оценить происходящие в настоящее время на Украине события можно только осознав сущность и исторические корни такого явления, как национализм, который превратился в паутину, опутывающую политическую жизнь в стране. Еще в годы Великой Отечественной войны Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА) не только открыто сотрудничали с нацистами и боролись с Красной Армией, но и принимали активное участие в репрессиях против мирного населения. Отношение этих националистических движений к представителям других народов нашло отражение в «Отчете отделения ОУН (Бандеры) о политическом положении и деятельности организации на территории Каменец-

Подольской обл.». В нем указывалось, что «местные украинцы сильнее ненавидят поляков, чем москалей» и уважают их за что-то высшее, склоняя «голову перед великим народом – россиянами, которые произвели на свет “такого великого человека, как Пушкин”» [11, с. 501]. Как видим, еще в годы войны украинские националисты понимали, что украинцы и русские имеют общую историю и культуру, тесные многовековые традиции и связи. И вытравить все это из сознания украинского населения стало их главной задачей. К сожалению, после распада СССР руководство суверенной Украины начало реализовывать эти идеи на практике.

Недальновидная политика находившихся у власти в постсоветский период политических элит фактически уже привела к возникновению регионального национализма, главной целью которого является разделение государства на отдельные национально-территориальные единицы, где проживают преимущественно схожие по своим историко-культурным традициям народы, с последующим объявлением их независимости. К примерам проявления регионального национализма можно отнести самопровозглашенные республики Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье и Косово.

Эволюцию проблем национализма на Украине необходимо рассматривать с учетом исторической ретроспективы и в рамках отношений России и Евросоюза, а также США. Каким же образом различные аспекты национализма воздействуют на политическую и экономическую ситуацию в Украине, на ее внешнеполитическую деятельность?

Следует отметить, что в период президентства Л. Кучмы (1994–2004) был принят закон о языках, применение которого сопровождалось грубым ущемлением права использования русского языка, на котором говорила большая часть населения Украины. Именно при Кучме были образованы националистические партии и организации, антисемитскую и русофобскую деятельность которых нередко поощряла официальная власть. Это подтверждает и книга бывшего президента Украины Л. Кучмы «Украина – не Россия» [5]. В ней он упрекает россиян в непонимании и неприятии тех изменений, которые произошли в политической и социально-экономической сферах украинского общества.

Л. Кучма лукавит, когда говорит о разных исторических судьбах двух государств, разных самоощущениях и совершенно не схожих культурно-языковых ситуациях и т.п. Если бы это действительно было так, то Украина уже смогла бы добиться создания сильного унитарного государства и безболезненно вступить в Евросоюз и НАТО. Вместо этого ее в последние годы потрясают серьезные политические кризисы. А это может свидетельствовать только о недооценке и неспособности руководства страны решать многие из перечисленных выше проблем.

Пытаясь найти различия между Украиной и Россией и обосновать свою позицию, Л. Кучма пишет: «В России отсутствуют параллели к целому ряду специфически украинских проблем – таких как не преодоленный постокраинный синдром, незавершенность формирования национального сознания, борьба вокруг государственного языка, последствия Чернобыля, напряженность между греко-католиками и православными, раскол в православии, резкое несходство западных и восточных регионов, продолжающееся выяснение отношений с прошлым (включая далекое прошлое), проблема ветеранов УПА, энергозависимость, поддержание необходимой частоты в электрических сетях» [5, с. 507].

Рассуждая о проблемах совершенствования украинской государственности, Л. Кучма ставит определенные задачи, не забывая при этом напомнить о различиях между нашими государствами: «Нашим законодателям необходимо помнить о том, что в силу несходства Украины и России державотворчество в наших странах, хочешь не хочешь, должно ощутимо различаться». При этом он подчеркивает, что копируя Россию, «мы будем обрекать себя на вторичность, чтобы не сказать на второсортность» [там же, с. 509]. Хочется спросить бывшего президента: а разве копируя западные образцы государственного устройства, Украина сможет претендовать на первичность и первосортность?

Среди комплекса проблем Л. Кучма выделяет важнейшую из них, связанную с самоидентификацией и психологией украинской нации. Признавая, что процесс консолидации украинской нации не завершен, Л. Кучма подчеркивает, что «одна из важных составляющих украинской самоидентификации как раз и заключена в формуле “Украина – не Россия”. Кроме того, он считает, что «самоотождествление украинцев в возрождающейся независимой Украине просто невозможно без четкой инвентаризации в головах и душах: это – Украина, а это – Россия». В то же время Л. Кучма вынужден признать: «Среди моих соотечественников есть люди, для которых национальная самоидентификация Украины сводится к лозунгу: “чтобы все было не как у москалей”». Называя это ложным путем, он тем не менее отмечает, что непременно выступает «за органичный путь Украины к себе» [там же, с. 23–24].

Следует отметить, что название книги Л. Кучмы «Украина – не Россия» трансформировалось в лозунг, размещавшийся часто во время противостояния на Крещатике на плакатах националистов, готовых любыми средствами бороться против «москалей» и против всего, что связано с Россией. Все это в конечном итоге привело к проявлению крайне агрессивной формы национализма, основанной на русофобии и антисемитизме.

Украинский исследователь В.Р. Секачев отмечает, что такие националистические организации как Украинская национальная самооборона (УНСО) и Украинская национальная ассамблея (УНА) после распада СССР были заре-

гистрированы министерством юстиции Украины в качестве одной политической организации под общим названием УНА-УНСО. В статье, вышедшей еще в 2005 г., он подчеркивает, что «за шумными пропагандистскими акциями вскоре последовали террористические действия: избиения неугодных журналистов, налеты на офисы политических оппонентов, нападения на православные приходы Московской патриархии с целью их передачи "национальным церквам"...» [10, с. 327].

Члены УНСО участвовали в военных действиях в Чечне на стороне Дудаева. «Своей целью УНСО объявляет повсеместную борьбу с русским империализмом – от Прибалтики до Дальнего Востока ("Зеленого Клина") – и создание Украинской империи. Большая Украина, по мнению руководителей организации, должна включить в себя все земли бывшего СССР, где украинцы составляли большинство населения: части России, Белоруссии, Казахстана и т.п.» [там же, с. 323–324].

В 1991 г. в западных областях Украины начала действовать Социал-националистская партия Украины (СНПУ), которая стала выступать с крайне националистическими лозунгами. В начале XXI в. блок В. Ющенко «Наша Украина» объединил оба крыла движения «Рух», Конгресс украинских националистов, а также партию «Реформы и порядок», отражавшие интересы национал-демократов Галичины. Это позволило блоку «Наша Украина» на парламентских выборах в 2002 г. победить в 15 областях (Галичина – 70%, Волынь – 56%, Правобережье – от 24 до 35% голосов) и завоевать 118 из 450 мест в Верховной раде Украины [там же, с. 339].

Характеризуя особенности политической борьбы на Украине и роль в ней националистических партий и движений, В.Р. Секачев обвиняет президента Л. Кучму в том, что именно он стал «носителем» современного национализма на Украине. Президент нередко использовал, указывает он, «умеренную националистическую риторику для отстаивания интересов олигархической элиты русскоязычной Юго-Восточной Украины, к которой и сам принадлежит». Результаты такой политики оказались, подчеркивает он, плачевными. Особенно это отразилось на статусе русского языка и положении русскоязычного населения. «Во время правления Кучмы с 1996 по 2000 г. количество учеников, обучающихся на русском языке, сократилось на Украине на 579 тыс. человек, число русскоязычных школ – на 541, причем это происходит даже в русскоязычных областях (кроме только Донбасса)». А в восьми областях Западной Украины, где проживают 740 тыс. русских, осталось лишь 13 школ с обучением на русском языке [там же, с. 341].

Рассматривая украинский национализм и украинское национальное сознание в качестве явлений, возникших на разной почве и противоречащих друг другу, автор обращает внимание на то, что на Украине «интегральный национализм выходит за рамки политического движения, превращаясь в

инструмент государственной политики». Дальнейшее насаждение национализма «с помощью рычагов, которыми располагает украинское государство, может иметь самые катастрофические последствия для русско-украинских отношений, для будущего как Украины, так и России» [10, с. 342–343]. Это предвидение, сделанное в 2005 г., сбылось в марте 2014 г., когда в Крыму был проведен референдум о провозглашении независимости и его вхождении в состав Российской Федерации.

Затрагивая проблему возможного распада Украины, профессор Одесского университета им. И. Мечникова В.А. Дергачев пишет: «“Оранжевый бунт” на Украине и приход к власти “честных” демократов усилил вероятность распада страны. Вместо приобретения статуса буферного нейтрального государства между ЕС и Россией, Украина может разделиться на множество “самостийных” образований». Сыграв роль «пятой колонны» Запада, она стала, по мнению исследователей, родиной «мыльных» проектов «дезинтеграции геоэкономического пространства Восточной Европы (ГУАМ, энергетические и другие коридоры)». Кроме того, новое поколение российской политической элиты, «лишенное чувства ностальгии к славянской дружбе», рассматривает Украину как страну, которая «подворовывает российские материальные и интеллектуальные ресурсы и одновременно осуществляет недружественную политику в отношении русского языка и культуры» [3, с. 110].

Рассматривая появившиеся в российских и западных средствах массовой информации публикации о том, что ЕС и НАТО нужна лишь «украинская Украина», а России – «русская Украина», В.А. Дергачев называет это заблуждением, так как парламентские выборы 2006 г. разделили страну на три части: Украину «истинных украинцев» (Галичину), занимающую площадь в 50 тыс. км^2 с населением 4,7 млн человек; «Украинскую Украину» – 280 тыс. км^2 и 18 млн жителей; «Русскую Украину» – свыше 260 тыс. км^2 и 23 млн жителей [там же, с. 111]. Государственный переворот, произошедший на Украине 22 февраля 2014 г., провозглашение независимости Крыма и вхождение его в состав России во многом подтверждают его рассуждения.

В. Ющенко во время президентских выборов 2004 г. широко пользовался поддержкой националистических партий и организаций. «В бытность президентства Ющенко националисты почувствовали вкус власти и ощутили, – как отмечает украинский политолог С. Лунев, – свою безнаказанность, когда заполоняли своими флагами митинги в честь государственных мероприятий» [6].

Президент В. Янукович фактически не реагировал на выходки националистов из партии «Свобода» 9 мая 2011 г. во Львове, когда они издевались над пожилыми людьми, пожелавшими почтить память погибших советских солдат и офицеров. Все это привело к тому, что на парламентских выборах

2012 г. националистическая партия «Свобода» получила более 10% голосов избирателей.

Абсолютно прав С. Лунев, считающий, что после обретения Украиной независимости «нацизм в обществе взращивался, культивировался средствами массовой информации», а новая система образования способствовала воспитанию «своими учебными программами всех этих “свободовцев”, “необандеровцев” и “тризубовцев”, героизировала их предшественников и по умолчанию оправдала поступки потомков». Он приходит к выводу, что «независимая Украина фактически собственными руками вырастила убийц своей государственности, поскольку молодые и ничего не желающие знать националисты сегодня готовы к противостоянию с властью, что в конечном итоге может привести к фактическому расколу страны» [6]. Государственный переворот, совершенный 22 февраля 2014 г. при помощи националистических и неонацистских группировок, воочию подтверждает его вывод.

Очевидно ошибался в сентябре 2010 г. украинский политолог О. Бузина, утверждая, что после победы на президентских выборах В. Януковича «Украина Бандер и Шухевичей, Юль и Вить, майданов и атаманов» останется лишь в воспоминаниях. «Невозможно больше убедительно голосить о преступлениях коммунистического режима далекого прошлого, когда на глазах очевидцев при попытке внедрить в жизнь националистический рай исчезли 6 млн украинских граждан (больше, чем евреев во время Холокоста!), развалилась армия, сгнил флот, “незалежна держава” к 2009 г. окончательно превратилась в марионетку США, а ее “элита”, лицемерно проклиная советское прошлое, “приватизировала” все, построенное в жуткие времена тоталитаризма, оставив народу только квартиры» [4].

В. Янукович, к сожалению, продолжил политику балансирования между Евросоюзом и Россией, став, по существу, «восточно-украинским Ющенко», повторяя его основные ошибки. При этом он нередко опирался на поддержку националистических организаций и движений. В. Янукович не понимал, что политика балансирования между Евросоюзом и Россией, а также заигрывания с националистическими организациями «может привести к очередному крайнему обострению внутриполитической ситуации в стране, а население второю «“оранжевую” революцию не выдержит». Как отмечалось в 2010 г. в одном из прогнозов, такая политика может спровоцировать раскол Украины по крайней мере на три государства[1]. Дальнейшее развитие событий показало, что после выхода из состава Украины Крыма такой процесс начался. А мас-

1. См.: Бабенко В.Н. Украина–Россия (1991–2010 гг.): Через противостояние к сотрудничеству?: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. – М., 2010. – С. 77.

совые выступления населения юго-восточных областей служат сигналом о необходимости федерализации страны.

Принятое 21 ноября 2013 г. решение правительства Украины о приостановке процесса подготовки к подписанию соглашения с ЕС об ассоциации вызвало волну возмущения среди значительной части населения. А отказ президента В. Януковича подписать 29 ноября 2013 г. Соглашение об ассоциации с ЕС и зоне свободной торговли на тяжелых условиях для Украины вызвал бурю негодования как со стороны стран ЕС, так и США. Их активная помощь украинской оппозиции привела к возникновению так называемого «евромайдана», крайне обострившего внутриполитическую обстановку на Украине. В его организации и проведении протестных акций наряду с представителями партий «Наша Украина» и «Удар» сыграли большую роль националистические партии и движения. К последним относятся, прежде всего партия «Свобода» и националистическая организация «Братство», представители которых организовали попытку захвата Администрации президента и Кабинета министров, что привело к серьезным столкновениям с силами правопорядка. Они принимали также активное участие в захвате здания городской администрации Киева и Дома профсоюзов.

Выступая 1 декабря 2013 г. на майдане лидер националистической партии «Свобода» О. Тягнибок прямо призывал к захвату власти, подчеркивая, что сотни тысяч граждан «готовы раз и навсегда положить конец господству режима Януковича». Заявляя, что революция 1991 г. не была завершена, а идеалы революции 2004 г. были преданы, он призвал пойти до конца и «совершить социальную и национальную революцию». В заключение он добавил: «Надо заблокировать все государство, чтобы снести долой антинародную власть!» [7].

Вину за безнаказанность националистов ряд политологов и публицистов возлагают на президента Украины. Отмечается, что на майдане «в силовых действиях европутчистов наиболее активное и агрессивное участие принимали боевики Тягнибока и его “Свободы”, но слишком многое свидетельствует о том, что предвыборная кампания этой, многими считающейся профашистской, организации проводилась при почти нескрываемой поддержке Партии регионов и администрации Януковича» [12].

Еще более конкретно и амбициозно, чем О. Тягнибок, объявил главную цель националистической организации «Братство» ее лидер Д. Корчинский: «Мы хотим превратить Украину в славянскую Чечню – создать тотальный офшор под ядерным зонтом» [1]. К сожалению, таких лидеров националистических профашистских организаций поддерживают известные западные политики. Многие высокопоставленные чиновники Евросоюза и США (Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, заместитель госсекретаря США В. Нуланд, сенатор США Дж. Мак-

кейн, министр иностранных дел Польши Р. Сикорский и др.) присутствовали на майдане и высказывали поддержку лидерам оппозиции А. Яценюку, В. Кличко и О. Тягнибоку, а также осуждали политику В. Януковича. Налицо прямое вмешательство официальных лиц во внутренние дела суверенного государства. Кроме того, они упрекали украинские власти в чрезмерном применении силы в отношении националистических групп, стремившихся захватить здания Администрации президента и Кабинета министров Украины.

Невозможно представить себе, чтобы полиция США уговаривала американцев, намеревавшихся захватить Белый дом или другие правительственные учреждения, и не применила бы в их отношении самые жесткие меры. В данном случае ярко проявляются двойные стандарты, которые бесцеремонно применяются США и их союзниками к странам, где любыми средствами пытаются навязать западные ценности.

Крайним проявлением национализма были высказывания бывшего премьер-министра Украины Ю. Тимошенко. В телефонном разговоре с бывшим заместителем секретаря Совета национальной безопасности и обороны Н. Шуфричем по поводу ситуации вокруг Крыма она заявила, что «надо брать уже оружие в руки и идти мочить, этих, блин, кацапов чертовых вместе с их руководителем». Она обещала также приложить все силы для того, чтобы «от этой России не осталось даже выжженного поля». Относительно 8 млн русских, проживающих на Украине, она со злостью заметила, что их надо «расстреливать из атомного оружия»[2].

Согласно опросам, проведенным в декабре 2013 г. компанией Research & Branding Group, 45% украинцев не поддерживали евромайдан, а 48% – считали, что у В. Януковича были основания не подписывать соглашение об ассоциации с ЕС. В то же время только 35% полагают, что таких оснований не было[3].

Что касается России, то как бы ни пытались некоторые политики обвинить Россию в шовинизме и имперских амбициях, она базируется в своем развитии и в построении отношений с другими государствами на сохранении общей системы нравственных ориентиров. В связи с этим Президент РФ В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г. высказал уверенность, что «всем политическим силам страны в интересах украинского народа удастся договориться и решить все накопившиеся проблемы», но еще в мае 2013 г. «Украина изъявила желание и присутствует на всех встречах “тройки” в качестве наблюдателя, участвует в дискуссиях и неодно-

2. См.: Шестаков Е. Одна Юля сказала… // Российская газета. – М., 2014. – № 68, 26 марта. – С. 10.

3. См.: «45% украинцев не поддерживают евромайдан» // Известия. – М., 2013. – № 235, 13 декабря. – С. 7.

кратно заявляла ранее о своей заинтересованности в присоединении к отдельным соглашениям Таможенного союза» [10]. Он также выразил надежду, что «реальные достижения евразийской интеграции только повысят интерес к ней со стороны других наших соседей, в том числе и со стороны украинских партнеров» [10].

После подписания 17 декабря 2013 г. в Москве соглашений о скидке в 1,5 раза цены на газ и размещении в ценных бумагах украинского правительства 15 млрд долл. из Фонда национального благосостояния России ситуация на так называемом «евромайдане» могла измениться. Однако руководители оппозиционных партий О. Тягнибок («Свобода»), В. Кличко («Удар») и А. Яценюк («Наша Украина») продолжили требовать отставки правительства и подписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС.

Бездействие руководства Украины привело к тому, что в рамках движения «Правый сектор» консолидировались наиболее подготовленные боевые отряды националистов, главной задачей которых был захват власти. Все это привело к тому, что, пойдя на очередной компромисс с оппозицией, президент Янукович при посредничестве министров иностранных дел ФРГ, Франции и Польши подписал 21 февраля 2014 г. соглашение, в соответствии с которым он согласился на все требования оппозиции (досрочные выборы Верховной рады и президента, возврат к Конституции 2004 г., вывод из Киева милиции и отрядов внутренних войск). В то же время представители майдана должны были освободить все захваченные здания, разоружиться и покинуть центр столицы. Президент Янукович выполнил свои обязательства, а оппозиция не только не освободила раннее захваченные учреждения, но и захватила резиденцию президента и здание правительства.

На Украине был совершен, как отметил Президент РФ В. Путин, «антиконституционный переворот и вооруженный захват власти» [2]. 25 февраля 2014 г. было сформировано при непосредственном участии националистов новое правительство в составе 29 министров. Сам факт одобрения его состава участниками майдана перед официальным утверждением на заседании Верховной рады говорит о его сомнительной легитимности. Так, в него вошли девять министров, проходивших в предшествовавший период по уголовным делам. Причем как минимум шесть министров выражают интересы националистической партии «Свобода». Кроме того, большое влияние на деятельность некоторых министров оказывает лидер неонацистского «Правого сектора» Д. Ярош, официально зарегистрированный кандидатом в президенты Украины. Он является также руководителем организации «Тризуб» им. Степана Бандеры, вошедшей в «Правый сектор». Это ему принадлежит высказывание: «Не на словах, а на деле можем показать, что бандеровщина не вче-

рашний день, это настоящее и будущее, ибо подходят те часы, о которых мы мечтали 20 лет»[4]. Эти слова были подкреплены актами открытого насилия, совершавшимися «Правым сектором» на майдане и в западных областях Украины.

Свергнутый Президент Украины В. Янукович 28 марта 2014 г. в обращении к украинскому народу подчеркнул, что лидеры майдана «пришли к власти на плечах нацистских штурмовиков», а по стране разъезжают тысячи вооруженных молодчиков, «пытаясь устанавливать новый порядок» [8].

Заявления некоторых официальных кандидатов на пост президента Украины показывают, что их предвыборная риторика ничем не отличается от крайне агрессивных националистических и откровенно нацистских лозунгов и призывов, звучавших на майдане. Примеры освобождения с должности губернаторов, прокуроров и руководителей других ведомств боевиками «Правого сектора» свидетельствуют о том, что украинская власть находится под большим влиянием экстремистских группировок. Попытка не совсем легитимной Верховной рады по инициативе националистической партии «Свобода» лишить русский язык статуса регионального языка, а также назначение губернаторами восточных областей олигархов, являвшихся спонсорами майдана, вызвали массовые выступления в Донецкой, Луганской и Харьковской областях. Их жители обоснованно требуют провозглашения русского языка вторым государственным и проведения референдума о федерализации.

Произошедшие на Украине события повлекли за собой и серьезные правовые последствия. Широкое применение так называемого «майданного» права привело к параличу власти во многих регионах Украины. Ускоренное принятие не всегда хорошо подготовленных законов и внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты приводит к дисбалансу правовой системы Украины и возникновению вакуума права.

Литература

1. Братство Д. Корчинского. – Режим доступа: http://fktu.info/2009-11-01-17-38-11/130-brotherhood-d-korchinsky (дата обращения: 16.12.2013 г.).

2. Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/transcripts/20366

3. Дергачев В. Последствия цунами бездумной демократии // Мир перемен. – М., 2006. – № 2. – С. 98–113.

4. Истории от Олеся Бузины: Три народа Украины и прагматичный национализм. – Режим доступа: http://www.segodnya.ua/politics/power/istorii-ot-olecja-buziny-tri-naroda-ukrainy-i-prahmatichnyj-nationalizm.html (дата обращения: 16.12.2013 г.).

5. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М., 2004. – 559 с.

4. См.: Козлова Н. От суда не уйдет // Российская газета. – М., 2014. – № 75, 3 апреля. – С. 9.

6. Лунев С. Совершеннолетие украинского национализма. – Режим доступа: http:www.vremia.ua/rubrics/problemy/173.php (дата обращения: 5.11.2013 г.).

7. Олег Тягнибок: Настало время совершить социальную и национальную революцию. – Режим доступа: http://tiyahnybok.info/news/comments/00008467/ (дата обращения: 16.12.2013 г.).

8. Полный текст обращения президента Украины Виктора Януковича к украинскому народу. – Режим доступа: http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1081560

9. Послание Президента Федеральному Собранию. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/19825 (дата обращения: 16.12.2013 г.).

10. Секачев В.Р. Украинский национализм и украинцы // Социальное согласие против правого экстремизма. – М., 2005. – Вып. 3–4. – С. 313–343.

11. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: В 2 т. / Под ред. А.Н. Артизова. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 1. – 878 с.

12. Черняховский С. Евросоюз готовит Украине такую же участь, как Гитлер – Австрии. – Режим доступа: http://www.rm.ru/world/3013/12/02/viktor-yanukovich/726622-evrosoyuz-gotovit-ukraine-takuyu-zhe-uchast-kak-gitler-avstrii (дата обращения: 16.12.2013 г.).

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

С.А. Королёв

АРХИВ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ: МЕТАМОРФОЗЫ И ТРЕНДЫ

Королёв Сергей Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Взаимоотношения события и документа, воспоминания и памяти, истории и архива – один из глобальных, «вечных» философских сюжетов. Об этом написано немало ярких и оригинальных работ. Примечательно, что философов интересуют, прежде всего, грани конфликта архива и истории, документа и события; одним из следствий этого конфликта, по мнению ряда авторов, является кризис исторического знания, чреватый не чем иным, как *исчезновением истории.* Об этом писали, в частности (с разных позиций и в рамках различных исследовательских парадигм), Мишель Фуко, Элиас Канетти, Жан Бодрийяр [19; 21]. Речь идет, разумеется, об истории как о науке или, во всяком случае, особого рода знания, т.е. совсем не в том смысле, в каком о конце истории говорится в нашумевшем некогда тексте Ф. Фукуямы.

1. Множественность против единства? Архив и история

Высказывается мнение, что роль архива в этом процессе эрозии «традиционной истории» далеко не последняя. (Под архивом мы далее будем подразумевать не только институциональный архив, архив-учреждение и его «содержимое», совокупность архивных фондов, но архив в широком смысле слова, архив как некую завершенную, прежде всего фактом смены исторического времени, или незавершенную совокупность собранной и систематизированной документальной, в широком смысле этого слова, информации.)[1]

1. В частности, возможно говорить об архиве тоталитаризма, архиве фашизма, советском архиве, о поле архива и т.д. В то же время понимание архива, которое отстаивает М. Фуко в своей знаменитой работе «Археология знания», представля-

Более того, нередко речь идет о подавлении истории архивом, о поиске способов выживания истории, но уже в новом, радикально трансформированном виде, в форме *историй*, вытесневших историю в прежнем ее понимании и тем самым давших историческому знанию новую яркую жизнь. В то время как глобальное описание собирает все феномены – принцип, смысл, дух, ви́дение мира, формы совокупности – вокруг единого центра, новая, или тотальная, история разворачивается в виде *рассеивания*, отмечал Фуко [19, с. 12]. Причем, подобный процесс, во всяком случае в рамках фукианской традиции, рассматривается, скорее, как позитивная стадия развития знания. Приведу весьма характерный фрагмент из текста Валерия Подороги «К философии архива»: «...Настоящее время не в силах противостоять интеллектуальной силе, бьющей просто-таки через край в современной экспозиции архива. Архив захватывает Историю, отказывая ей в патерналистской роли... Настоящее время, которое не может ничего противопоставить времени архива, обречено на то, чтобы повторять все другие времена (идеи, дискурсы, символы). Однако это не значит, что ничто не противопоставляется этому вызову. Напротив, противопоставляется теперь не единая и всеобщая история, а истории... Не архив и история, а архивы и истории. Множественность – против единства, индивидуальность – против коллектива и института. <...> Появился и все время расширяется плацдарм отдельных историй, которые вовлекают в оборот “свои” архивные свидетельства, они даже и не соприкасаются друг с другом. <...> *Конец истории не в том, что она кончилась, а в том, что история полностью подавлена архивом*» (выделено мной. – *С. К.*) [15, с. 253].

И далее: «Помимо архивных работников (хранителей, классификаторов, реставраторов, систематиков) есть и поэты, мистики, политики, мистификаторы Истории. Антиинтеллектуализм стал столь завораживающе эффективен. Никаких теорий, только факты. <...> Мы оказались в мире историй. История стала Вымыслом. История же, как логическая идея исторической истины, если и не отвергнута, то, во всяком случае, атакуется с разных сторон» [15, с. 253].

Подавление истории архивом – это, собственно говоря, следствие подавления события документом. И Фуко, и вполне солидарный с ним в этом вопросе Подорога указывают на ограниченность «делания» истории с опорой на *первоначальные очевидности*, которые являются одновременно и инструментами, и объектами исторического познания, прежде всего на «документ» как таковой. Подобный подход, свойственный, как подразумевается, «тради-

ется слишком специфическим, что ли, и с трудом транслируемым за рамки отстаиваемой в упомянутом произведении парадигмы.

ционным историкам», показывает, что последним, в сущности, малоинтересна природа события, ведь прошлое должно остаться пассивным объектом исследования. Более того, сторонники традиционного подхода к истории стремятся, по мнению Подороги, вовсе *устранить событие*, заставить «эту невидимую магическую субстанцию» проявиться в поле видимых, уточняемых, поддающихся собиранию, классификации, датировке, описанию и текстологической обработке документов. Такой подход разрушает историю, ибо здесь уже «не событие производит документальную массу, а, напротив, событие прошлого может произойти только в согласии с документом» [15, с. 249–250].

Насколько можно судить, прислушиваясь к пафосу цитированных высказываний, пересмотр отношения к документу как к некоей гиперреальности, переосмысление методов работы с документальными рядами может если не прекратить или предотвратить наступление архива, этого вместилища документов, на историю как определенный род знания и, шире, сферу общественного сознания, то, во всяком случае, создать некую новую парадигму исторического исследования.

Как представляется, здесь нет необходимости доказывать, что логическая идея исторической истины является ценностью, или полемизировать с упомянутыми выше мистификаторами истории. Тем более неуместным было бы включаться в полемику постмодернистов и сторонников традиционной истории и каким-либо образом интерпретировать фукианский подход к конфликту истории / события, с одной стороны, и архива / документа – с другой, хотя полемика с данной позицией, наверное, возможна, как и с любой другой. Все это – особые темы, которые требуют особой мотивации. Для нас важно зафиксировать некий, и весьма существенный, тренд во взаимоотношениях архива и истории.

2. Документирование повседневности. Архив становится историей

Повседневность значима сама по себе. Понимание этого все более проникает в сознание исследователей самых разных специальностей: философов, историков, социологов, филологов и т.д. Автор также отдал дань этой проблематике, попытавшись выработать специфические социально-философские, отличные от феноменологических, методы анализа и интерпретации повседневности [13, с. 162–201; 10; 6]. Однако материалы, отражающие эту сторону жизни социума, в подавляющем большинстве своем не входят в номенклатуру документов, принимаемых на хранение в государственные и ведомственные архивы. И какой-то пласт информации, уже оформленной, уже зафиксированной на бумажных (а с недавнего времени и на

электронных) носителях информации остается архивом в широком, философском смысле слова, архивом повседневности, архивом эпохи, но проходит мимо институционализированного архива, не оседает в архивных фондах. И это притом, что информация о повседневности, хроника микрособытий помимо всего прочего дают также возможность реконструировать общие контексты существования индивидов в ту или иную эпоху, механизмы действия власти, прорастающей в ткань повседневной жизни, в ткань социальности.

Не ставя под сомнение необходимость теоретического знания, «теорий», и в то же время воспринимая как несомненную ценность архив, это вместилище и хранилище следов минувший событий, доносящее до нас документы, факты, высказывания, могущие стать материалом как для истории, так и для «историй», хочу обратить внимание на то, как может быть дифференцирован взгляд на архивный документ, как он может быть выведен за рамки узко понятой событийности и как может быть сопрягаема разработка отдельных, частных, не выстроенных в традиционную хронологическую цепочку сюжетов, создание отдельных «историй» с контекстом «большой» истории. Это возможно сделать, если избрать не самую традиционную позицию ви́дения, в частности использовать ряд фукианских идей (прежде всего, специфическое понимание того, *что* есть власть и как она действует).

Хочется, однако, отметить, что и вне фукианской парадигмы реально существует традиция своего рода «критически-креативного» подхода к постмодернистским интерпретациям истории вообще и идеям Фуко. Эта традиция очевидным образом связана со стремлением либо взять из постмодернистских концепций, отразивших определенный, причем вполне реальный кризис исторического знания, нечто важное, либо даже синтезировать два этих подхода. Сошлюсь здесь хотя бы на известные у нас публикации Габриель Спигел и Робера Кастеля [18; 4]. Г. Спигел, в частности, замечает: «Хотя мы должны, по моему глубокому убеждению, отвергнуть постмодернистское расщепление истории и поглощение ее текстологией, мы можем – и должны – научиться использовать то, чему постмодернизм учит нас путем актуализации сложных сопряжений, формирующих постмодернистский мир» [18, с. 219].

Действительно, архив дробит историю, отсылая нас к отдельному конкретному документу, от которого путь к событию может быть труден, долог и порой неосуществим, – и в то же время, во всяком случае потенциально, *собирает* события, аккумулирует истории в контексте не только «большой» истории, истории традиционной, но и в контексте того, что Фуко называл *событием большой длительности*. Если хотите, речь идет об изучении *поля архива* (мне нравится этот термин) одновременно с его содержанием. Это создает определенные предпосылки – или возможности – для того, чтобы

единство истории не было уничтожено множественностью, а множественность не была, в свою очередь, подавлена единством.

Попытаюсь пояснить, что имеется в виду, на ряде конкретных примеров. Мне уже доводилось анализировать оказавшуюся в моем распоряжении часть архива филиала Дома студентов МГУ второй половины 60-х – начала 70-х годов и даже опубликовать материал, где этот анализ нашел свое отражение [11]. Это была отчасти история микрокосма, очень частная история, возможно, одна из «историй» в том смысле этого слова, в каком использует его Фуко. В то же время это была попытка социально-философского анализа внутренней структуры этого микрокосма как микрокосма архетипического, прежде всего с точки зрения того, как власть формировала и ре-формировала эту архетипическую структуру.

И в то же время это – нечто такое, что имеет отношение к нам сегодняшним, поскольку история процедур власти, история дисциплинирования людей, реконструируемая на базе имеющегося архива, – это та история, которая еще не закончилась и длится по сей день, частью в тех же, частью в иных формах.

Возьмем типичный документ, коих в «советском архиве» имеются тысячи, – объяснительную записку, в данном случае объяснительную записку студента МГУ: «3 декабря я и еще несколько студентов из 6[-го] корпуса играли в снежки, где и были замечены комендантом, были им предупреждены и вскоре прекратили игру. 9.XII.68 г. Ж-цев А.»[2]. И еще один аналогичный документ: «3 декабря 1968 года с 23.30 до 00.30 мы играли в снежки перед корпусом № 6. При этом поддерживался порядок. После игры, возвращаясь в корпус, мы были остановлены комендантом, которая записала фамилии нескольких из нас. Предупреждение, сделанное нам во время игры, способствовало ее окончанию. 9 декабря 1968 г.».

С точки зрения узко понятой событийности, с точки зрения факта – бросания снежков – зафиксировано нечто абсолютно ничтожное. А вот как типовая реакция администрации – запись, истребование объяснений по факту записи – это заслуживает внимания, это, пусть и мельчайший, штрих к кумулятивному облику советского общества, свидетельство длящейся властной стратегии, непрекращающейся практики дисциплинарной записи, свидетельство того, насколько глубоко, в какие мельчайшие поры социальности проникала практика дисциплинирования в СССР. Акт фиксации события, алгоритм выбора происшествий, подлежащих фиксации, парадоксальным образом могут стать равнозначными собственно происшествию-факту-событию,

2. Здесь и далее используются материалы из личного архива автора. Фамилии фигурантов не приводятся по этическим соображениям.

отображенному в тексте, а в определенных условиях – и несравненно более значимыми, чем это событие.

Еще один фрагмент из архива студенческого общежития, еще одна выписка из журнала дежурных администраторов ФДС: «19/II-68 г. Во II-м корпусе произошло ЧП. Студентка 3 курса – химик 528 ком. Ж-ва Оля покончила жизнь самоубийством, отравилась, видимо, химикатами, принесенными из лаборатории. В 17 час. ее видели в библиотеке, а в 19 час. ее уже увезли в морг. При ней находилась медсестра из 1 кор[пуса], делала все возможное, чтобы спасти, но было поздно, она при ней умерла. Родителям подано две телеграммы о случившемся. Ответная получена ночью от отца, извещающая о выезде».

Сопоставив три приведенных выше фрагмента, мы можем заметить, что дисциплинарная запись одинаково бесстрастно фиксирует акт бросания снежков поблизости от общежития и экзистенциальный факт смерти человека. Но если реакция на факт нарушения дисциплины в контексте действующих властных технологий отработана, причем обоюдно отработана (и администрацией, и студентами, знающими, как написать необходимые, адекватные по содержанию и приемлемые по стилистике покаянные объяснения), то на неординарный факт смерти студентки администрация не знает, как реагировать.

Ушедший из жизни человек оказывается вне дисциплинарных практик и технологических (властных) механизмов. И эти выводы, следующие из документов, чрезвычайно важны и провоцируют нас на осмысление их в рамках *теоретической* истории.

Другой пример, взятый на этот раз из архива, отражающего деятельность жилищно-коммунальных структур советского общества, архива, который объединяет с предыдущим, с массивом материалов студенческого общежития, то, что и здесь, и там речь идет о неких микрокосмах власти, типичных для этого общества. В домкоме при ЖЭКе разбирается конфликт между соседями по коммунальной квартире. Время действия – конец декабря 1985 г. Присутствуют председатель домового комитета, члены домкома, председатель товарищеского суда, члены товарищеского суда, участковый милиционер... Ведется протокол (благодаря которому факт и подробности мероприятия и стали частью *архива*). Председатель домкома зачитывает заявления соседей по квартире. Некто Коз-ская А.И. жалуется, что соседи без ее разрешения сделали полку в туалете, и ей не дали места на ней; в ванной комнате ей теперь некуда прибить вешалку для полотенца, так как соседи заняли всю стену. На кухне тоже ей не оставлено места, чтобы поставить холодильник в угол, а не к двери, и наконец, дверь в туалете соседи оклеили этикетками от винных бутылок, а телефон поставили к себе в комнату. В свою очередь ее соседка Гор-ева Т.Н. жалуется, что Коз-ская держит в коммунальной кварти-

ре кошку без их разрешения, хулиганит, оскорбляет их, часто пребывает в нетрезвом состоянии.

Заслушивается Коз-ская. Происходят прения. В ходе прений председатель товарищеского суда сообщает, что квартира, где разворачивается конфликт, «была обследована общественностью»; в ходе обследования было выявлено, что дверь в комнату Коз-ской перевешена и открывается в коридор. В то время как в коммунальных квартирах в целях противопожарной безопасности двери комнат должны открываться внутрь. Кроме того, сообщается: общественность во время посещения квартиры сделала замечание Гор-евой и попросила ее смыть все наклейки в туалетной комнате, что та уже и сделала. А также Гор-ева сообщила, что сняла параллельный аппарат в своей комнате (ставить который без согласия соседей тоже не разрешалось). В конце концов выносится решение: 1. Коз-ской убрать из квартиры кошку, перевесить дверь так, чтобы она открывалась вовнутрь (срок исполнения 10 дней); 2. Гор-евым – освободить одну полку в шкафу в туалете, не курить и не разрешать своим гостям курить в квартире, не ставить без разрешения Коз-ской телефон в своей комнате.

Если мы пишем историю жилищно-коммунальных структур как специфического сегмента советского общества [9], то мы, опираясь на архивный документ, лишь расщепляем глобальную историю на множество частных фрагментов. Но если мы пытаемся осмыслить эволюцию власти, историю выработки и воспроизводства механизмов властного контроля над человеческим существованием, если мы воспринимаем документ не только как след «маленького события», а как материальное проявление власти, то мы оказываемся в контексте «большой» реальной истории, которая побуждает нас переосмыслить мелкие детали квартирной склоки и осознать отразившиеся в них базовые вещи. Например, понять, что контролирует пространство тот, кто устанавливает правила обращения индивидуумов в этом пространстве и порядок сообщения между собой зон этого пространства.

Задумаемся, что, в сущности, представляет протокол заседания домкома? Это дисциплинарная запись власти, не более и не менее. Практика, заставляющая вновь и вновь вспоминать известный тезис Фуко о «власти записи» как существенно важной детали механизмов дисциплины: «превращение реальных жизней в запись более не является процедурой создания героев; оно оказывается процедурой объективации и подчинения» [20, с. 280–281].

Примеры, приведенные выше, намеренно выбраны таким образом, чтобы на фоне ничтожных по значению событий (или событий значительных, но выламывающихся из социального поля власти, как смерть) показать, как видится подоплека, смысл событий при некотором смещении позиции ви́дения – или, скорее, при создании еще одной, параллельной позиции. Но эти же

смыслы можно выявить и при анализе документов, виденных нами десятки раз и отразивших глобальные, символические события.

Возьмем известные киносъемки взрыва храма Христа Спасителя в Москве. Снимали, источая гордость за совершаемое, в предвкушении того, что потомки будут восхищаться ими, что это – символический акт победы нового, социалистического мира над косным «старым режимом». В страшном сне не могло привидеться людям, действовавшим от имени этой власти, что они своими руками создают разоблачающий их архив, архив, который, по выражению бывшего германского канцлера Шрёдера, станет в какой-то момент «аптекой против диктатуры».

И они фиксируют не только акт, факт, событие – они фиксируют ментальность власти: да, это власть, которая запечатлевает для истории свои собственные преступления и настолько вышла за пределы добра и зла, что не осознает, даже в первом приближении, что именно она творит...

Известны многочисленные кино- и фотосъемки казней, сделанных нацистами. Нацистский оператор или офицер-фотолюбитель, таскавший свою «лейку» по дорогам оккупируемого Советского Союза, фиксирует факт смерти точно так же, как современные богатые люди фиксируют факт убийства льва или антилопы на сафари где-нибудь в Юго-Восточной Африке.

3. Посмертный и прижизненный. Архив вне истории

Другой пласт советского / постсоветского архива – совокупность индивидуальных, как правило, неинституциональных архивов (притом архивов прижизненных и имеющих весьма мало шансов уцелеть сколько-нибудь долгое время в качестве архива посмертного). Этот тип архивов находится за пределами «большой» истории и имеет очень мало перспектив в нее вписаться. Тем не менее их ценность для понимания определенных сторон человеческого существования и постижения той или иной исторической эпохи во всей ее целостности вряд ли можно ставить под сомнение. «Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоит “Писем Тургенева к Виардо”... Это – *другое*, но это такая же ось мира и в сущности такая же поэзия», – писал В.В. Розанов [16, с. 326]. И был по-своему прав. Важно не только реконструировать биографии людей известных и знаменитых, повлиявших на вектор развития человечества и отдельных государств, но и понять логику и внутренние смыслы жизни «людей никому не известных и ничем не примечательных» [3, с. 4]. Без этого нет понимания исторической эпохи и истории как таковой.

Разработка этого архивного пласта может, при выборе верной позиции ви́дения, рассказать нечто весьма существенное не только о рядовых людях, но и об обществе, его культуре, менталитете и т.д. Самый простой пример:

великое множество любительских фотографий, где некто в пижаме и / или утесовской войлочной шляпе с широкими полями позирует на фоне южных пальм и скульптурных деталей причерноморских дворцовых ансамблей, в советское время – всесоюзных здравниц. Этот человек-в-пижаме (в которой в дореволюционное время представители так называемых высших классов спали) или в майке, казалось бы, может быть интересен только семье, родным, близким друзьям. Но будучи рассмотрен с иной позиции ви́дения (даже независимо от того, превращен ли прижизненный архив в архив посмертный, т.е. стали ли воспоминания конкретного индивида социальной памятью), объект-документ источает некие дополнительные смыслы, выходящие за пределы чистой визуальности. Эти фото фиксируют многое чрезвычайно важное для нас с точки зрения истории. Способы самоутверждения индивида (трудящегося, поскольку нетрудящиеся индивиды были выкорчеваны) в советской системе. Уровень, тип и направленность культуры. Исключительность ситуации пребывания в здравнице и вытекающий отсюда факт хранения этих фотодокументов до конца жизни. Некое стремление к частной жизни, отделенной от обычных трудовых будней (хотя бы антуражем). Это – фрагменты некой нескончаемой летописи советского общества, в которую лишь мелкими крапинами включены островки частного, индивидуального бытия.

Наконец, последнее. Рассмотрим самиздат, некую, проявившуюся в полной мере в 60–70-е годы XX в., форму существования текстов. Хотя бы произведения того же Солженицына. Перед нами переплетенный, подобно диссертации, роман, самиздат в полном смысле этого слова. Причем под диссертационной коленкоровой обложкой заключен 4-й или 5-й экземпляр перепечатанного на пишущей машинке текста. Буквы не очень четкие, но читаемые. Титульной страницы, где должно быть обозначено имя автора и название произведения, нет... В этом объекте грань между документом и вещью, архивом и музеем, стирается совершенно. Этот объект мыслим как в экспозиции архива, так и в музейном пространстве.

Очевидна субъективная ценность объекта для его владельца, и не как текста, а именно как *предмета*, как вещи, как материальной реликвии. Неизвестный владелец решился выбросить самиздатовский том в помойку лишь в 2003 г., когда Солженицын уже 12 лет как был издан в России (а может, это сделали неблагодарные потомки владельца уже после его смерти – для них этот фолиант мог не иметь ровно никакого личностного смысла). Более десяти лет он хранил этот том не как текст романа, а как память о чем-то чрезвычайно для него значимом в личностном отношении.

Конечно, этот предмет имеет отношение к истории страны, к биографии Солженицына. Он имеет, безусловно, отношение к власти и к *насилию* власти, в том числе и к насилию, осуществляемому через запреты на интеллектуальную деятельность и потребление определенного рода информации.

Но в равной, если не в большей степени – к истории общества как таковой и к феномену сопротивления в российской истории, важному, краеугольному ее измерению, по-настоящему еще не изученному. Если хотите, к внутреннему, незримому сопротивлению.

Судьба этих семейных архивов зависит от множества обстоятельств, не в последнюю очередь даже от того, что исторически семья в СССР / России жила не в просторных частных домах, а в маленьких квартирах или даже комнатах, где просто нет места для хранения документов. Эти квартирки буквально отторгают даже не столь значительные архивные собрания.

Между тем этот стихийно формирующийся архив гражданского общества, постоянно уничтожаемый и воспроизводящий себя, – не только одна из призм, сквозь которую можно восстановить историю власти и человека-подвластью. Важно и иное: власть оказывает существенное, хотя и опосредованное воздействие на формирование этого архива, т.е. прежде всего на судьбу всей безграничной совокупности индивидуальных прижизненных архивов. В сознании советского человека сформировалась некая презумпция, гласящая, что важно (в историческом плане) лишь то, что имеет отношение к государству, его институтам, «большой», т.е. политической истории. Все относящееся к конкретному, «маленькому» человеку (в том смысле, в каком употреблялось это понятие в русской литературной критике) – малозначительно: «голос единицы тоньше писка». Естественно, эта презумпция сохранилась и в постсоветской ментальности. Это взращенное и сформированное властью сознание и служит регулятором того, что́ человек сохраняет, а от чего он избавляется, как от ненужного бумажного мусора. И зачастую альбомы со старыми семейными фотографиями, письма, дневники, школьные тетради оказываются на помойке – а пожелтевшие газеты с информационными сообщениями о том или другом «историческом» пленуме ЦК КПСС сохраняются долго и трепетно, буквально до пожелтения. Можно поэтому счесть уничтожение личных документов многими владельцами закономерностью, а сохранение их и введение в научный оборот – чистой случайностью, стечением обстоятельств.

Но возвратимся к проблематике, заявленной в начале статьи: подавляет ли архив историю? Когда мы читаем сохраненные в архиве или *в качестве архива* тексты, когда мы пытаемся осмыслить не-текстовые материальные находки, мы читаем / видим / чувствуем эти документы, плюс 30–40–50 лет, прошедшие после их появления. Архив уже не существует только в «своем» времени, он становится частью нашего времени; происходит то, что В.А. Подорога называет *темпоральной инъекцией*. Рискну все-таки предположить, что такого рода темпоральная инъекция для истории, «большой» и единой, во всяком случае единой хронологически истории, не смертельна, а скорее благотворна. Это, скорее, прививка против косности и инерции, и именно процесс постоянной реактуализации различных исторических планов

и смены позиций ви́дения является гарантией выживания исторического знания, возможно, независимо даже от его методологических оснований, пусть это знание идентифицирует себя как история традиционная, посттрадиционная или нетрадиционная.

Итак, если институциональный архив – не только память, социальная память, но еще и фундаментальная история, то личный архив – это пока не история, это только память и фрагменты историй жизни тех, кого принято считать простыми и заурядными людьми.

4. Феномен социальных сетей. Архив без истории

Интернет – это огромный, не имеющий аналогов по масштабам, архив: тексты, изображения, видео, аудио… В то же время это, если говорить о содержании, далеко не всегда оригинальный архив. Многие тексты книг и статей, фотографии, новости доступны на других носителях, в других формах, через другие инструменты коммуникации. Мы может прочитать новости с монитора, а можем познакомиться с ними в «традиционной» газете или прослушать их по радио / телевизору. С точки зрения содержания это, если абстрагироваться от некоторых нюансов, в основном тот же самый архив.

Интернет-архив оригинален в том своем сегменте, который является специфически интернетовским. Он интересен и ценен тем, что есть в виртуальном мире и чего нет в мире реальном. Но эта оригинальность содержания и смыслов еще не отлилась в историю – слишком коротко время существования Всемирной сети, социальных сетей, в частности.

Типологически архив социальных сетей – в той же «корзине», где располагаются личные, семейные, «народные» архивы, где так называемая устная история. Этот пласт информации еще нельзя назвать историей, даже историей современности. Скорее, это фрагменты *историй*, которые надо собирать, как пазл. Но это не только некая фактография, открывающая нам путь к реконструкции и постижению события, но и социокультурная характеристика общества: язык, психология, ментальность. Историк В.П. Булдаков, изучавший письма рабочих и крестьян вождям Советской России, нашел для языка этих писем точное определение – «язык хаоса» [2, с. 16]. Язык социальных сетей, Твиттера в особенности, Фейсбука и Живого журнала в чуть меньшей степени – это тоже своего рода «язык хаоса». Попытка адаптации к новым реальностям, новым инструментам коммуникации, поиск путей и средств самовыражения во вновь осваиваемом публичном пространстве ведут к резким и с точки зрения хронологии стремительным трансформациям. И этот язык, его фиксация, понимание, что определенного рода посыл может быть выражен только определенным языком, важны и для нас, исследователей, обозревающих взглядом первооткрывателя живописный ландшафт соцсетей.

В среде историков и архивистов зреет понимание того, что архив социальных сетей – нечто важное и необходимое для понимания современности, облика человека и человечества начала XXI столетия. В 2010 г. представители Twitter объявили, что каждый публичный «твит», опубликованный с момента его создания в 2006 г., будет сохранен в Библиотеке Конгресса США. Сотрудники библиотеки полагают, что эти записи являются своего рода зеркалом жизни современного общества, точно так же, как издания книг, газет, журналов и законодательных актов. К началу 2013 г., как сообщал специализированный научно-исследовательский центр в Вашингтоне, были завершены сбор и архивация более 170 млрд сообщений. Как утверждается, Библиотека Конгресса уже получила запросы от более чем 400 исследователей, которые хотели бы работать с этим весьма специфическим массивом информации. Весьма примечательно также, что, согласно договору с Twitter, Библиотека Конгресса будет предоставлять доступ только к публичным «твитам», опубликованным более шести месяцев назад, и только ученым, не связанным с какими-либо коммерческими проектами.

Подобная постановка вопроса весьма близка автору данных заметок – именно на записях в социальных сетях построено его исследование так называемых «дисциплинарных» сновидений, где использовано более 200 записей из социальных сетей: ЖЖ, Твиттер, Фейсбук, ВКонтакте, Лайвинтернет, Мейл.ру и т.д. [8].

5. «Архивная контрреволюция». История против архива

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в СССР / России началась своего рода «архивная революция»: для исследователей были открыты весьма значительные комплексы документов. Период, который сторонники определенной политической тенденции именуют «лихими девяностыми», стал временем, когда, несмотря на серьезные материальные и финансовые проблемы, произошел серьезный прорыв в архивном деле и были созданы такие возможности для работы ученых, которых в СССР / России не существовало никогда ранее и которые вскоре начали медленно, но неуклонно сокращаться.

Общий тренд современной эпохи (обозначившийся, впрочем, еще во второй половине 90-х годов) – ограничение доступа исследователей к документам, особенно связанным с деятельностью специальных ведомств или отражающим достаточно неприглядные страницы отечественной истории. Происходит искусственное торможение процесса рассекречивания документов. Более того, во многих случаях происходит повторное засекречивание. Многие документы, открытые в начале 90-х, снова оказались недоступны для ученых: было объявлено, что они рассекречивались с нарушениями установ-

ленной процедуры, и на период нового, теперь уже «законного» рассекречивания они были вновь закрыты для исследователей.

Другим инструментом ограничения доступа к архивным документам стал массовый отказ в предоставлении документов исследователям со ссылкой на возможное нарушение тайны личной жизни, а затем, с изменением законодательной базы и лексики, – на наличие в них конфиденциальных персональных данных.

Историк Н.В. Петров назвал все это «архивной контрреволюцией» [1]. Полагаю, данная метафора имеет право на существование, поскольку речь идет о своеобразном реванше, о возрождении охранительной тенденции, о введении в тех или иных формах цензуры на архивные материалы. Как представляется, за «архивной контрреволюцией» стояли:

а) примитивный политический расчет, презумпция, что ограничение доступа к архивам так или иначе способствует самосохранению власти;

б) проникновение рыночных отношений, причем именно теневого рынка в пространство архива, ибо, как замечает один из исследователей, «“архивные документы” и “архивные сведения” – вполне конвертируемый продукт свободного рынка» [17];

в) ментальность самих архивистов (заметим, что в руководстве многих архивных служб и объединений было немало выходцев из спецслужб с соответствующим опытом и сознанием);

г) стремление власти использовать идеологизированную псевдоисторическую мифологию как инструмент индоктринации населения и тяготение к историческому мифу самого «народа». Так, А. Левинсон связывает этот процесс с глобальными социокультурными трансформациями в российском обществе, с тем, что он называет «широким процессом сужения символического разнообразия» [12].

Порой возникает естественный вопрос – почему же власть не уничтожает архивы, которые на протяжении всей писаной истории человечества свидетельствуют о ее ошибках, ограниченности и преступлениях? Архивы как таковые, все, целиком? Зачем она, власть, оставляет *следы*?

Возможно, потому что хочет контролировать не только настоящее, но и прошлое, иметь в своем распоряжении всю совокупность карательных и дисциплинарных записей? А также потому, что без архива у власти не может быть никакой, даже мифологизированной истории – может быть только историческая мифология? А история – хотя бы в какой-то степени легитимная версия истории, признаваемая таковой значительной частью общества, попрежнему остается необходимым инструментом власти?

Вдобавок ко всему прочему, властные структуры имеют возможность фильтровать архив, уничтожать его выборочно. По свидетельству историков, Сталин приказал уничтожить все, что касалось его юности и начала револю-

ционной деятельности в Закавказье, Хрущёв – то, что касалось его участия в репрессиях на Украине. Вообще, архивы бывшего КГБ в середине 50-х годов подверглись серьезной чистке. По имеющимся данным, из 5 млн 713 тыс. единиц хранения, которые насчитывал центральный оперативный архив ведомства в марте 1954 г., т.е. на момент образования КГБ СССР, к 1991 г., согласно вполне официальным сведениям, представленным в Госкомиссию по архивам КПСС и КГБ, в Центральном архиве КГБ осталось лишь 654 300 дел [14, с. 20–21]. В 1989–1991 гг., в бытность В.А. Крючкова председателем КГБ, было уничтожено подавляющее большинство дел оперативного учета (досье на граждан) и сохранившихся в архивах личных и рабочих дел агентов органов госбезопасности [14, с. 22].

Примерно с 1995 г. либерализация архива, ставшая реальностью после 1991 г. и ряда нормативных актов начала ельцинской эпохи, сворачивается. Передача ведомственных архивов государству, что было главным содержанием архивной политики после 1991 г., в частности архивов КГБ и МИДа, фактически останавливается. Процесс рассекречивания дел максимально затрудняется и постоянно замедляется. Многие рассекреченные ранее архивные материалы, как уже было сказано, засекречиваются заново. Иными словами, то, что происходит с российскими архивами в последние полтора десятилетия, надлежит рассматривать не в контексте концепта «исчезновения истории», оказавшейся не в состоянии выдержать бьющую через край интеллектуальную силу архива, а, скорее, как реванш не просто традиционной, а заскорузлой, фальшивой, идеологизированной истории, которая зиждется на лжи и сокрытии содержимого архивов. Речь идет об истории, в процесс создания и освоения которой вмешивается политическая власть, ставящая перед ней определенные установки, например писать историю, вызывающую гордость за прошлое страны, не допускать «очернения» этого прошлого и т.д. Парадокс заключается в том, что в то время как историки и философы спорят, подавляет ли архив историю, *у нас в России адепты идеологизированной, мифологизированной истории зримо, стремительно, фактически на наших глазах подавляют архив*.

Конечно, уничтожение архивных документов и предельное ограничение доступа к ним как технологии весьма архаичны и могут быть сравнимы, скажем, с методами сохранения египетскими жрецами и средневековыми религиозными сектами сокровенного знания от непосвященных. В наше время это своего рода бессилие, признание своей неспособности решить проблему архива иными средствами.

Письменные источники любого рода могут быть трансформированы властью в инструменты применения властных технологий, но в то же время могут быть сохранены, защищены и использованы обществом как противовес

власти и ее давлению. Архив здесь – лишь одно из многих полей противоборства между властью и гражданским обществом.

* * *

Сегодня, если говорить о России, мы подходим к некой переломной точке в бытии архива. Очевидны два тренда. Первый – разрастание архивов разного рода, институционализированных и неинституционализированных. В информационном обществе или на подходах к нему, в период расцвета цифровых технологий едва ли не все становится или потенциально может стать архивом. И второй – ограничение места архива в структуре гражданского общества, отсечение его от истории, попытки трансформировать историю в историческую мифологию.

Институциональные архивы в России все больше ограничивают возможности исследователей, хотя исследователи борются, работают и, не сомневаюсь, будут бороться и «делать историю» и впредь. Что касается личных, семейных архивов, то их ценность не осознается подавляющим большинством рядовых граждан, даже их владельцами, не говоря уже о потомках и наследниках. И архивные обретения обнуляются при переходе от одного поколения к другому. При этом рвется связь времен, как говаривал принц Гамлет. Но даже если предположить, что осознание ценности этого массива документов все-таки присуще хоть какой-то части их обладателей, все равно трудно отделаться от мысли о конечной обреченности этих скромных документальных собраний. А вместе с ними обречены на вымывание и какие-то сегменты человеческой памяти, просто памяти, не связанной с «большой» историей.

Возможно, одним из способов если не решения этой проблемы, то хотя бы минимизации потерь, является создание институций типа Центра документации «Народный архив». Этот архив – негосударственный и призван аккумулировать как раз следы повседневного опыта обычных людей, формировать тот самый архив повседневности, о котором мы писали выше. «Возникновение архива такого рода – результат изменения представлений о том, что такое исторический источник, – отмечала Н.Н. Козлова. А по большому счету о том, что есть история и общество» [5]. С другой стороны, подобная форма является своего рода эманацией гражданского общества и симптомом его формирования в России.

Что же касается стихийно складывающегося архива жизни XXI столетия, ежедневно формируемого миллионами записей в социальных сетях, то он еще не вполне осознан как новая документальная реальность. Понимание значения социальных сетей как мегаархива лишь начинает утверждаться в среде архивистов, историков и вообще представителей социально-гуманитарного знания. Технические методы классификации, формализации и консерва-

ции только вырабатываются, подходы к работе с ним по большому счету еще не найдены. И сохранение этого пласта исторической памяти – задача настолько дорогостоящая, что едва ли она может быть решена вне специальных государственных программ.

Тем не менее жизнь в начале XXI в. архивируется непрерывно и как никогда ранее интенсивно. Это объективная реальность. Проблема заключается в том, кто и как будет контролировать этот процесс архивирования действительности и какова здесь будет роль власти, а какова – гражданского общества.

Литература

1. «Архивная контрреволюция». (Интервью Н.В. Петрова редакторам «НЛО») // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74.

2. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012.

3. Илизаров Б.С. И Слово воскрешает.., или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. – М.; СПб.: Летний сад, 2007.

4. Кастель Р. «Проблематизация» как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия. – СПб., М.: Европейский университет в С.-Петербурге, Летний сад, 2001.

5. Козлова Н. Советский архив: Чтение и переписывание // Индекс / Досье на цензуру. – 2001. – № 14.

6. Королёв С.А. Власть и повседневность: Социально-философский взгляд // Россия и современный мир. – 2008. – № 3.

7. Королёв С.А. «Дисциплинарные сны» как феномен «общественного подсознания». Опыт систематизации // Психология и психотехника. – 2012. – № 10.

8. Королёв С.А. Коммунальные структуры переходного времени: Власть вне контроля? // Россия и современный мир. – 2003. – № 2.

9. Королёв С.А. Повседневность и власть: В поисках социально-философской методологии // Философия и культура. – 2008. – № 3.

10. Королёв С.А. Студенческое общежитие «периода застоя». Эрозия регламентирующих технологий // Свободная мысль–XXI. – 2003. – № 7.

11. Левинсон А. Архив и простота // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74.

12. Новые идеи в социальной философии / Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 2006.

13. Петров Н. Десятилетие архивных реформ в России // Индекс / Досье на цензуру. – 2001. – № 14.

14. Подорога В. К философии архива // Индекс / Досье на цензуру. – 2001. – № 14.

15. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Соч. в 2 т. Т. 2. Уединенное. – М.: Правда, 1990.

16. Сорокина М. Реплика инсайдера // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74.

17. Спигел Г. К теории среднего плана: Историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. 1995. – М.: Наука, 1995.

18. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-центр, 1996.

19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

20. Baudrillard J. L'Illusion de la fin ou la grève des événements. – Paris: Galilée, 1992.

Д.И. Рублёв

ОПЫТ ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ: ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ УПЛОТНИТЕЛЬНОЙ ЗАСТРОЙКИ В МОСКВЕ, 2007–2008 гг.

Рублёв Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета природообустройства (МГУП).

В 2000-е годы в результате благоприятной экономической конъюнктуры и роста уровня доходов населения в ряде крупных городов России возник строительный бум, особенно заметный в Москве. Строительство офисных зданий, торговых центров, элитных жилых домов стало прибыльной сферой капиталовложений. Последствием было ухудшение экологической ситуации, вызвавшее к жизни движение жильцов против «уплотнительной», «точечной» застройки[1]. Эти термины, появившиеся в начале 2000-х годов, обозначали строительство объектов на внутриквартальных территориях, вблизи домов, в ущерб общественным зонам. Представители власти не употребляли их в официальных документах[2], признавая лишь несоответствие планов строительства требованиям, закрепленным в законах [5, с. 181]. Только в Москве на ноябрь 2007 г., по данным С. Митрохина, насчитывалось до 500 объектов застройки, угрожающих соседним домам[3]. По данным главного архитектора Москвы А. Кузьмина, в период с 30 августа 2007 г. по 19 февраля 2008 г. таких объектов было 544[4].

«Антизастроечная» борьба ведет свою историю с 2002 г.[5] В 2007–2008 гг. разрозненные инициативы впервые слились в единое движение, добившееся

1. Протасенко Т. Уплотнительная застройка. Запретить нельзя строить. – http://www.idelo.ru/346/11.html

2. http://www.estate.spb.ru/news/21990/index.html

3. http://www.mitrohin.ru/index.phtml?id=980

4. http://kupimetr.ru/news/archive/6

5. Протасенко Т. Указ. соч.

ликвидации части строек, а в итоге – запрета уплотнительной застройки в Москве. Затем оно пережило спад, реакцией на который была попытка институционализации. Будучи участником движения, освещая его деятельность как журналист [6], автор наблюдал описываемые процессы изнутри.

История движения укладывается в концепцию О. Рамштедта, описавшего восемь фаз закономерного развития социальных движений: от возникновения кризисной ситуации, которая не может быть разрешена обычными методами, до превращения движения в «институт истеблишмента». Социальные движения вырастают из стремления граждан к преодолению кризисных явлений. Важную роль в их развитии играет изменение соотношения между сознанием участников, формами и методами действий, мерами государства и общественной реакцией на них. Каждая стадия предполагает альтернативные пути развития. Социальный кризис вызывает реакцию затронутых лиц: они могут распространять информацию о его последствиях или впасть в социальный аутизм, отказаться от сопротивления. При распространении информации затронутые группы населения переходят к выражению протеста или реагируют в духе социального фатализма. После перехода к протесту наступает фаза интенсификации действий. Движение может принять идеологию, предлагающую полномасштабное решение общественных проблем через изменение системы социально-экономических и политических отношений. Но оно может сохраниться и в виде неидеологизированных инициативных групп, ориентированных на решение узкопрактических задач. Выработав идеологию, движение расширится или замкнется. Расширившись, оно создает собственную организацию, входит в одну из существующих или распадается. Организация становится институтом истеблишмента или превращается в вариант контрвласти [7, с. 141–168].

«Антизастроечное» движение развивалось от локального к общегородскому масштабу [3]. Деятельность инициативных групп начиналась с оборонительных действий против планов застройщика, чреватых разрушением экологической среды микрорайона и комфорта жителей. Это потенциальное затенение соседних домов, угроза разрушения их фундаментов; ликвидация строителями зеленых насаждений, детских площадок, зданий общественного назначения (детских садов, поликлиник), гаражей и пространств для парковок; загрязнение окружающей среды и сильный шум строительной техники.

Вначале активисты ограничивались сбором документации и экспертных заключений. Затем собирали подписи под петициями, обращались в муниципальные и городские органы власти, в прокуратуру и суд. Игнорирование просьб, противодействие вели к отсеву тех, кто не мог пересмотреть свое отношение к властям, но способствовали переосмыслению стратегии борьбы. Активисты осознавали единство экономических интересов строительных компаний и городских чиновников. Не имея опыта борьбы и массовой под-

держки жильцов, они искали помощи вовне – у депутатов муниципальных собраний, Московской городской думы, партий и неправительственных организаций. Пытались для обмена опытом выйти на другие инициативы. Весной-летом 2007 г. в результате акций протеста, проведенных при поддержке политических активистов, оформилось единое движение. 4 июля 2007 г. был провозглашен Совет инициативных групп (СИГ), неформальная коалиция, объединившая первоначально 10[6], а к ноябрю 2007 г. около 30 «антизастроечных» инициатив[7]. Среди них получившие общероссийскую известность жители Южного Бутова, группы из Жулебино, Митино, с проспекта Косыгина. Совет координировал действия групп, согласованно лоббировал их интересы, наладил обмен опытом, организовал совместные акции, выпускал листовки и газету «Достали».

Стихийно формировалась идеология движения, помимо экологической составляющей включавшая антикоммерческие и антибюрократические элементы. Антикоммерческий характер идеологии протестующих был связан с противодействием попыткам свести градостроительную политику к рыночным отношениям, при которых главное значение имеет прибыльность проекта. Антибюрократическая составляющая была связана со стремлением расширить права местного самоуправления и граждан в градостроительной области, выведя ее из-под безраздельной власти правительства Москвы. Эти составляющие протестных настроений характеризуют лозунги антизастроечных уличных акций в Москве 2007–2008 гг.: «Дома жильцам, а не дельцам»[8] и «Выйди на улицу – верни себе город!»[9]. Позднее некоторые из них использовались для легитимации политики правительства. Так, спикер Государственной думы Б. Грызлов заявил в беседе с журналистами: «Я разделяю сомнения, высказанные в ходе недавнего Президиума Госсовета, в том, что к ТСЖ надо относиться как к коммерческим организациям. Это все-таки товарищества **жильцов, а не дельцов**»[10].

Часть активистов симпатизировала идеям самоуправления квартальных советов, основанных на принципах делегирования и персональной ответст-

6. В Москве создан летучий отряд по борьбе с застройщиками. – http://www.ikd.ru/node/3249/print

7. http://akno.lipetsk.ru/SS290907.html

8. http://www.golosa.info/node/1873; http://kras-ait.over-blog.com/article-7119903.html

9. «Вор-строй» на мыло. – http://www.rufront.ru/materials/46C098556A0D9.html Этот лозунг впервые использовали анархисты, участвовавшие в акциях «Против ментовского беспредела» 2007–2008 гг.

10. Борис Грызлов: «Главное направление модернизации ЖКХ – это приход частного бизнеса». – http://gryzlov.ru/index.php?page=events&id=5314

венности депутата перед избирателями[11]. В дискуссиях во время собраний СИГ звучала идея о его реорганизации на основе делегирования, контроля инициатив за делегатами, отказе от поста председателя. Структура Совета летом и, отчасти, осенью 2007 г., соответствовала принципам самоорганизованного социального движения. В его состав могла войти любая антизастроечная инициатива. Отсутствовали уставные документы. Совет действовал на основе устной договоренности. Допускалось самопредставительство групп. Допускалось участие политических организаций, но приоритетное право выступления на собраниях имели участники инициатив [5, с. 200]. Летом 2007 г. соблюдалась очередность руководства собраниями со стороны координаторов, утвержденных представителями инициатив.

Были попытки жителей явочным порядком создавать органы самоуправления. Они руководствовались Законом г. Москвы № 26-77 о местном самоуправлении, допускающим возможность контроля жильцов за действиями властей на прилегающей к домам территории. Требовалось пройти процедуру определения границ территории, собрать подписи жильцов, избрать делегатов на учредительную конференцию для выработки устава общины. Уже в 2004 г. жители ряда домов на ул. Удальцова создали территориальную общину, стремясь не допустить строительства многоэтажного дома на месте сквера[12]. Их борьба не имела результатов, но и в 2007–2008 гг. община действовала. Летом 2007 г. на волне борьбы против «точечной застройки», предотвратив планировавшийся для строительства элитного жилья снос пяти жилых домов по ул. Исаковского, жители 15 домов в Строгино создали состоявший из выборных делегатов «Совет общественных организаций жильцов»[13]. Эта инициатива вступила в СИГ. Принципы коллективной собственности граждан на землю, «партисипативной демократии», выборности чиновников, независимости судебной власти были выражены и в списке вопросов, в декабре 2007 г. выдвинутом СИГ для предполагавшегося общемосковского референдума[14].

«Антизастроечное» движение оказалось под контролем политических организаций. Тенденция передоверить их лидерам представительство интересов постоянно усиливалась. Постепенно руководящие функции СИГ (ведение

11. Речь идет о представителе инициативы Ангелова переулка (Митино) А.В. Кульпине, активистах из Жулебина, Строгина и Юго-Запада Москвы.

12. http://irvara.narod.ru/to_udal.html

13. Воронцов А. Союз общественных объединений жителей района Строгино поздравляет с Новым годом и отчитывается перед жителями. – http://www.ikd.ru/node/4842/print

14. См.: Избирком Москвы удовлетворил ходатайство Совета инициативных групп о проведении общегородского референдума. – http://old.moskprf.ru/stati/moskovskomu-referendumu-byt.html

собраний, представительство интересов инициатив на переговорах с чиновниками) сосредоточились в руках самовыдвинувшегося в качестве руководителя С. Удальцова, обеспечившего таким образом рост своего влияния, так как «Авангард Красной Молодежи» уже утратил популярность в молодежной среде. При отсутствии у многих участников инициативных групп опыта самоорганизации, антибюрократический настрой и отторжение по отношению к партии «Единая Россия» служили причиной роста симпатий к оппозиционным организациям, рассматривавшим движение как средство найти сторонников, либо как силу, способную воплотить в жизнь их программные принципы. Участие в движении принимали анархисты (Конфедерация революционных анархо-синдикалистов – КРАС и «Автономное действие»), комсомольцы (АКМ и Союз коммунистической молодежи), социал-демократы (Левое социалистическое действие – ЛСД), либералы («Яблоко», Объединенный гражданский фронт – ОГФ, Российский народно-демократический союз – РНДС). Участвовали в акциях отдельные члены Национал-большевистской партии (НБП) и «Армии воли народа», но националистические идеи не имели заметного влияния на действия, лозунги и требования движения. Эпизодически участвовали троцкисты[15]. Не участвовали лишь проправительственные партии и откровенно фашистские группировки. Со стороны последних были случаи противодействия. Так, 10 октября 2007 г. в районе Чистых прудов профашистские хулиганы напали на участвовавших в работе СИГ комсомольцев [6].

Часть лидеров инициативных групп имела сформировавшиеся политические взгляды. В Жулебино и на «Зелёной горке» это были члены ОГФ Т. Кадиева и С. Зильберман, в Митино (Ангелов переулок) – член КПРФ А. Кульпин, в «Таганской инициативе» – радикальный националист Ю. Падалко. Некоторые затем стали профессиональными политиками. Так, А.В. Кульпин, один из основателей и лидеров СИГ, к лету 2008 г. прекратил участие в движении и стал помощником депутата Государственной думы от КПРФ В.Д. Уласа. Другой пример – лидер инициативной группы в Нагатино-Садовники Е.Б. Бороновский, в 2009 г. выдвинутый в списке кандидатов от РОДП «Яблоко» на выборах в Московскую городскую думу[16]. В выстраивании отношений между инициативными группами и «политиками» большую роль играл расчет на помощь. Так, депутаты Московской городской думы С. Митрохин («Яблоко»), С. Никитин (КПРФ) и их помощники лоббировали интересы движения в органах власти, добивались освобождения задержанных

15. Некоторые отрицательно оценивали протесты. Так, в беседе со мной на сходе жильцов, лидер Революционной Рабочей Партии назвал «борьбу за свою песочницу» «реакционным» явлением.

16. http://www.mosyabloko.ru/files/2008/1-25_01/resh_4.doc

милицией активистов. Политические организации за счет своих участников обеспечили массовость ряда сходов и митингов. АКМ, анархисты, ОГФ, НБП имели опыт уличных акций (перекрытия улиц, дорог) и сопротивления милиции. Так, анархисты, участвовавшие в экологических кампаниях, объясняли жильцам на улице Удальцова, как нужно шиповать деревья, чтобы не допустить вырубки. Члены КРАС, имеющей связи с зарубежными социальными движениями, пытались популяризировать опыт борьбы жильцов в Европе и Латинской Америке. С этой целью, а также стремясь наладить обмен информацией между инициативами в августе 2007 г. группа анархистов выпустила бюллетень «Гражданская автономия»[17]. Хотя часть инициативных групп восприняла его, как «свою газету», после выхода первого номера издание прекратилось. Причиной было увлечение одного из издателей собственной деятельностью в рамках СИГ.

Большинство участников инициативных групп не интересовали разногласия политиков. Так, многие активисты не понимали стремления анархистов сделать движение независимым от структур политического представительства. Автор участвовал в дискуссии на заседании СИГ, проходившем после столкновения анархистов с членами АКМ. Причиной конфликта было нарушение комсомольцами договоренности о непартийном характере акции и недопустимости поднятия флагов организаций. Удальцов пытался использовать акцию в свою пользу. Было поднято пять флагов, предупреждения организаторов проигнорированы. Те применили силу. В ходе потасовки анархисты заставили комсомольцев убрать флаги[18]. Представители инициативных групп, слушая спорящих, приходили к убеждению, что речь идет о том, кто получит пространство для саморекламы.

В рамках движения шла выработка общей стратегии борьбы. Акцент делался на противодействии конкретным случаям «точечной застройки». Многие активисты опасались дискредитации протестов посредством отождествления их с «экстремизмом». Так, участвуя в заседании СИГ в августе 2007 г., автор стал очевидцем переговоров о проведении митинга инициатив в районе бульвара Рокоссовского («Зелёная горка»). Представитель местной инициативной группы требовал не приводить молодых политических активистов (виновников «шума и беспорядка»), не допускать перекрытия путей к стройке и сопротивления милиции. Главным фактором успеха он считал присутствие депутатов и представителей телевидения. Такая тактика снижала активность протестующих, понимавших бессмысленность «разговоров» и «бумаг» в то время как застройщики, поддерживаемые властями, делали свое дело.

17. Гражданская автономия. № 1. Август 2007.

18. В Москве на акции в защиту социальных прав задержаны 10 человек. – http://www.ikd.ru/node/5015

Необходимость силовых акций отмечалась на учредительном собрании СИГ: «Опыт показывает, что зачастую только прямое физическое противодействие незаконным действиям строителей способно заставить их отступить»[19]. Общая стратегия, применявшаяся уже рядом инициатив (например, в Южном Бутове), предполагала сочетание ходатайств с силовым противодействием застройке. Так действовала, например, инициативная группа в районе улицы Удальцова (владение 8, дома 4, 6 и 10), примкнувшая к СИГ в августе 2007 г.

Проект строительства элитного жилого комплекса в марте 2004 г. здесь оформили как реконструкцию двухэтажного здания стоматологической поликлиники с пристройкой двух жилых секций высотой в 19 и 21 этаж. Экспертное заключение Научно-исследовательского, проектно-изыскательского и конструкторско-технологического института оснований и подземных сооружений (НИИОСП) им. Н.М. Герсеванова показало, что из-за деформаций грунта при строительстве возможно обрушение новых корпусов и самой поликлиники. Власти не выдали застройщику все необходимые бумаги, но и не запретили «реконструкцию». После объявления Ю. Лужковым моратория на «точечную застройку» строительные компании попытались придать участку статус «начатого строительства». В ответ жители организовали дежурства, блокировали путь въезда грузовых машин, мешали рубить деревья и ставить бытовки. Установленные застройщиком заборы и временные постройки сносились ночью. Выиграв время, жильцы подали жалобы в административные инстанции. Властям и застройщику было проще не начинать стройку. После присоединения группы к СИГ, сходы и акции стали посещать активисты Совета и политических групп. Была организована издевательская акция. На месте планируемой стройки посадили деревья, назвав посадки «сквером им. Ю.М. Лужкова». Стройка была сорвана. Компании-застройщики перепродали убыточный проект, а в декабре 2007 г. он был признан несоответствующим нормам градостроительства[20].

Летом-осенью 2007 г. активисты СИГ пытались придать протестам массовый характер. «Они боятся двух вещей: толпы и прессы», – отмечал активист из Южного Бутова. Инструментом мобилизации жителей были сходы. Их созыв рассматривался СИГ как условие поддержки инициатив. Совет стремился пробуждать солидарность через взаимопомощь. На сходах и собраниях использовался лозунг: «Помогаешь другим – помогаешь себе!» На учредительном собрании СИГ была поставлена задача по созданию из своих

19. В Москве создан летучий отряд по борьбе с застройщиками. – http://www.ikd.ru/node/3249/print

20. http://stroikanet.livejournal.com/

активистов «мобильного отряда быстрого реагирования» для участия в акциях по препятствию незаконному строительству[21].

В ходе акций частично или полностью сносились ограждения вокруг строек, блокировались подъездные пути. Для привлечения внимания СМИ и властей *использовались перекрытия дорог в районе строек и коллективные шествия к учреждениям правительства Москвы*. Акции нередко сопровождались столкновением с охраной строек и милицией, задержаниями и избиениями активистов. Походы к мэрии по Тверской улице, сопровождавшиеся задержаниями, прошли 30 августа 2007 г. и 24 апреля 2008 г. В каждом из них участвовали до 100 человек[22].

Движение не было массовым. В работе крупных инициатив участвовали до десяти активистов. Обычная численность схода – 50–100 человек. Самые многочисленные акции собирали несколько сотен. Так, сопровождавшийся столкновениями с милицией и перекрытием проезжей части, сход в районе дома 41 по Чертановской ул. насчитывал до 300 участников. Из них 30–40 – политические активисты [6]. Основная масса участников – люди среднего и старшего возраста. Участие неполитизированной молодежи было редким. В акциях не могли регулярно участвовать работающие люди. Между тем строительные работы велись днем, и в ряде случаев стройплощадки блокировали небольшие группы, преимущественно из политических активистов.

На наш взгляд, низкий уровень активности объясняется атомизацией населения в современном индустриальном обществе. Ее последствия проявляются «в виде неспособности людей коллективно отстаивать свои нужды и интересы» [2, с. 74]. Истоки разрушения способности к солидарным действиям – в осуществленном в 1990-е годы переходе от «патерналистских» отношений советского общества к современной рыночной модели. Через восприятие населением индивидуалистическо-конкурентных жизненных ценностей формировался потребительский эгоизм [2, с. 74, 77]. Эту мысль иллюстрирует наблюдение американского социолога С. Грина: «Московские тротуары и дворы непрерывно “приватизируются”: всякий, кому понадобилось припарковать автомобиль, относится к ним как к своей собственности. Общественные природные заповедники превращаются в частные охотничьи угодья любого лица, имеющего в своем распоряжении вертолет, а леса страны захламлены мусором от бесчисленных пикников, как будто сам лес является предметом одноразового пользования» [1, с. 9].

21. В Москве создан летучий отряд по борьбе с застройщиками. – http://www.ikd.ru/node/3249/print

22. Общегородской сход жителей у Московской мэрии вынудил власть идти на попятную. – http://www.ikd.ru/node/3689/print; Поход жителей к мэру закончился милицейским погромом. – http://www.ikd.ru/node/6007/print

Люди готовы объединиться для отпора вторжению в сферу их личного комфорта, но не очень склонны к действиям за пределами «приватизированной» среды: «Одно дело – выходить к себе во двор, другое – ехать на другой конец города, чтобы принять участие в акции с незнакомыми людьми... Чтобы спасти свой двор, люди готовы к таким действиям, как круглосуточное дежурство во дворе, блокада стройки, снос забора, организация митинга, перекрытие улицы и так далее» [5, с. 186]. Осознается и угроза утраты комфорта, приобретенного через интеграцию в систему неформальных социально-экономических связей. Так, многие деятели инициативных групп, не возражая против сноса ограждений или порчи техники, из соображений безопасности не решались делать это сами, но были готовы принять чужие действия. Неслучайно массовые акции, сопровождавшиеся противодействием строительству, проходили в присутствии депутата, журналистов, активистов политических организаций. Их воспринимали как защитников от милиции и преступных групп.

Эффективной стратегией нейтрализации активистов было силовое давление со стороны властей и застройщиков. Во-первых, милиция подавляла уличные акции. Порой задержания сопровождались избиениями [6][23]. Участники акции на ул. Косыгина 26 июля 2007 г. отметили случай стрельбы в воздух из пистолета, сопровождавшейся угрозами[24]. По одной версии это был сотрудник милиции в штатском, по другой – сотрудник охраны стройки. На активистов нападали работники охранных структур и неизвестные лица[25]. Имели место иски строительных компаний по обвинению активистов в нанесении материального ущерба[26]. Ядро инициативных групп составляли люди пожилые и среднего возраста, помнившие вооруженное подавление выступлений в октябре 1993 г., провал организованных независимыми профсоюзами

23. См. также: Следствия митинга. На митинге против «точечной» застройки задержаны около 40 активистов. – http://www.rufront.ru/materials/479628CA1A05F.html; Антиточечная борьба на улице маршала Бирюзова, 41: Задержания и избиения. – http://www.jilsolidarnost.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=118&pop=1&page=0

24. Битва на улице Косыгина. – http://ru.indymedia.org/newswire/display/16983/index.php; Москва: Акция против незаконной стройки на улице Косыгина закончилась стрельбой. – http://udaltsova.livejournal.com/121145.html См. видеоматериал: Выстрелы в Москве. Милиция разгоняет сход жильцов. – http://www.youtube.com/watch?v=6cJsBjf5REw

25. Жесткие методы. – http://www.rufront.ru/materials/46CC780979D4F.html; Все за одного. – http://www.rufront.ru/materials/46D7F8E9A0CB0.html

26. Строительная фирма требует взыскать с лидера инициативной группы 200 тыс. руб. – http://www.mosyabloko.ru/archives/219; Зверское избиение борца с «точечной» застройкой. – http://www.mosyabloko.ru/archives/256

в 1990-е годы рабочих выступлений, террор преступных группировок. В 2000-е годы правящие круги России развернули в СМИ кампанию против «экстремизма», подкрепив ее законодательной базой и показательными репрессиями против участников «маршей несогласных», членов НБП и других «радикалов». В результате у граждан возникало ощущение бесполезности и опасности силовой конфронтации с властями, акции лишались массовости, которая была фактором психологической защиты.

Социальную неоднородность населения микрорайонов, как одну из причин низкого уровня солидарности, отметил участвовавший в движении анархо-синдикалист: «Теперь же сплошь и рядом бок о бок, в соседних квартирах живут рабочий, учитель, мелкий предприниматель и менеджер. <...> У них уже слишком разные интересы, чтобы они могли действительно сплоченно и единодушно бороться за “общие” цели»[27].

В результате репрессий, провала ряда акций, падения численности их участников с октября 2007 г. радикализм выступлений пошел на спад. К концу года большинство первоначальных участников СИГ потеряли веру в возможность остановить строительство. Наблюдалась текучка состава групп. Усилилась роль сторонников «подзаконной» стратегии, обращений в суд и другие органы власти.

Весной 2008 г. движение вступило в фазу институционализации. На общемосковской конференции 26 апреля 2008 г. СИГ оформился в централизованную организацию с уставом. Решения конференции стали обязательными для исполнения. Устав закрепил принцип независимости от политических партий, но в Совет имели право войти и «политические объединения». Как и инициативы, они имели по два голоса. Своей целью СИГ определял «объединить усилия» общественных и политических организаций «для решения основных проблем жителей Москвы». Его основными задачами стали совершенствование законодательства, разработка правовых актов, обеспечение юридической защиты инициатив. Свои действия СИГ ограничил рамками законов РФ. Движение переориентировалось с акций «прямого действия» на партнерство с оппозицией. От борьбы с уплотнительной застройкой Совет перешел к экологическим проблемам и к борьбе за сохранение исторического облика города. В июле 2009 г. СИГ вошел в состав «Моссовета»[28], объединения социальных инициатив, общественных организаций и партий, призванного координировать действия социальных движений Московского региона. Одним из направлений его деятельности стала борьба за возвращение выбор-

27. В.Г. Конец движения жильцов? // Прямое действие. – № 28 (1). – 2008. – С. 6.

28. http://www.rusolidarnost.ru/novosti/glavnoe/2009-11-30-sostoyalas-ii-konferentsiya-obshchestvennogo-dvizheniya-moskovskii-sovet

ности губернаторов и отставку мэра Ю.М. Лужкова, что означало определенную политизацию инициатив.

Движение граждан против точечной застройки, пережившее пик роста в 2007–2008 гг., показало, что в современной России возможны успешные проявления общественной самоорганизации. Но оно выявило кризисные явления, характерные для социальных движений России: низкий уровень солидарности, ограниченность массовых акций локальным уровнем, «клиентелистские» настроения. Последняя тенденция проявилась в стремлении инициатив искать источники успеха не столько в самоорганизации и «прямом действии», сколько в поддержке влиятельных политических сил. В рамках движения складывался союз политических партий, НКО и низовых социальных инициатив, проявивший себя позднее в ходе выступлений оппозиции в декабре 2011 – июне 2012 г.

Литература

1. Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. № 1–2 (51). Январь–апрель 2011.

2. Дамье В.В. Атомизация общества и социальная самоорганизация: Российский контекст // Рабочие России: Исторический опыт и современное положение. – М., 2004.

3. Закирова М. Образы города в мобилизации городского общественного движения (на примере Санкт-Петербурга). – http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/milyausha-zakirova-obrazy-goroda-v-mobilizacii-gorodskogo-obschestvennogo-dvizheniya-na-primere-sankt-peterburga

4. Карачурина Л. Урбанизация по-российски // Отечественные записки. Т. 3 (48). – М., 2012.

5. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М., 2010.

6. Рублёв Д.И. Социальный протест: Чертановский опыт. – http://www.apn.ru/publications/article18299.htm

7. Rammstedt O. Soziale Bewegung / Rammstedt O. – Frankfurt am Main, 1978. – S. 141–168.

И.Н. Лаврикова

МАССОВЫЙ ПРАЗДНИК: ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

Лаврикова Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент.

> *Манипуляторы систематически имитируют сознательную жизнь личности, выдавая предрассудок за рассудок, аффект за трезвый выбор, немотивированный поступок за акт высокой общественной зрелости… [4, с. 278].*

В связи с современной мировой тенденцией к гуманизации, с ростом социальных притязаний на повышение качества жизни возникает необходимость в исследовании праздника, как самого древнего и самого устойчивого к общественным реконструкциям порождения человеческой культуры, воплощающего стремление людей к общению на волне радостных чувств.

В праздничной культуре особенно значимым в XX в. стал политический праздник[1]. Подобное положение дел объясняется рядом причин, а именно: трансформациями политической культуры, изменением политических технологий, все большим разнообразием форм политического манипулирования, в том числе совершенствованием инструментов влияния на сознание индивида и на массовое сознание. Нельзя сбрасывать со счетов, что праздник, в условиях постиндустриального развития, перерос свою изначальную суть – на короткое время «перебивать» повседневность, и стал активно использоваться властью в целях формирования идеологически востребованных норм поведения; он неуклонно трансформируется в эффективнейшее по силе влияния политическое действо. С другой стороны, феномен праздника, имея столь давнюю историю возникновения и существования, обладает неким внутренним ресурсом, который создает преграду столь мощной трансформации: даже при

1. Об этом более подробно см.: Лаврикова И. Политический праздник: Культурфилософская интерпретация. – Saarbrűcken, Germany: LAP, 2012; Лаврикова И. Политический праздник в системе культуры. – 2-е изд., доп. – Тверь, 2013. – 241 с.

тщательно выверенном сценарии и проверенных кадрах ход праздника не удается контролировать в той мере, которая необходима заказчикам. При малейшем недосмотре, даже при выверенном балансе праздничного и силового на «территории праздника», он способен перерасти в иное, далеко не праздничное, не запланированное власть предержащими. С этой точки зрения интересующий нас феномен превращается в нечто свободоносное, неуправляемое и неконтролируемое. Понимая всю сложность управления праздничными процессами, политические силы усиливают внимание к их природе. Фактически такой праздник – политический, он нечто большее, чем «здесь и сейчас», он сопряжен со всеми сферами человеческой жизни.

К сожалению, в нашей стране к историческому, в том числе праздничному, наследию должного уважения не проявляется. Становится все более заметным, что присутствующие на празднике не всегда превращаются в празднующих, люди смутно представляют регламенты и каноны праздника, как «старого», «привычного», так и недавно узаконенного властью. Важно отметить, что властные структуры предпринимают попытки всячески, пусть не всегда удачно, способствовать сохранению этого культурного института, прекрасно понимая его идеологический и манипулятивный ресурс, особенно как действа зрелищного и массового.

Характеризуя политическое действо как инструмент управления, представляется значимым сделать акцент на праздничной символике. Она оживляет и усиливает идеологическое воздействие праздника, концентрируя внимание на ключевых моментах сбора (ценностях, идеалах, программе), что способствует в конечном счете задаче мероприятия – объединить собравшихся во имя конкретной цели. С точки зрения инициаторов, праздник может быть признан состоявшимся, если пролонгация его воздействия на общество будет ощутима в последующих буднях.

В случае политического праздника мы должны четко представлять, что пользование символикой на его «территории» категорически исключает «приблизительность» и случайность: политический праздник предполагает отрежиссированный набор конкретных действий с конкретными предметами. В конечном счете, благодаря атрибутам, своего рода «игрушкам» политического праздника, с точки зрения генерального замысла духовное и телесное наслаждение, переживаемое празднующими, должно усиливаться. По сути, *праздник становится своего рода «узлом-индикатором»* состояния общества в сфере политики, идеологии, экономики, воспитания, образования и т.д.

В сознании множества людей, благодаря систематическому потреблению идейной «нищенской похлебки» – смеси, призванной удовлетворить пресловутую жажду «хлеба и зрелищ» – вырабатывается склонность к потребительскому паразитизму. К сожалению, праздник стал своего рода и поглотителем «продукта», и оформителем-диктатором спроса на «продукт». Более того,

«правильные» развлечения в атмосфере праздника способствуют формированию «нужных» (с точки зрения власти) поведенческих стереотипов.

Вместе с тем если в обществе зреют оппозиционные настроения и есть структуры, способные объединить вокруг себя людей, поддерживающих тенденции перемен, то праздник, подобно зажженному фитилю, может «подогреть» бунтарские настроения и инициировать начало общественного переворота.

В этой связи обратимся к книге Э. Канетти «Масса и власть» [6]. Автор, которого занимал совершенно другой, отличный от праздника предмет, подспудно оценил именно его исключительность, особое, неповторимое влияние как на аккумуляцию, так и на управление социальной энергией. Вот как он моделирует праздник: «…Изобилие неисчерпаемо. *Никто и ничто не угрожает, не настораживает, не побуждает к бегству – на время праздника жизнь и наслаждение гарантированы. …Это атмосфера расслабленности, а не разрядки* (выделено мной. – *И. Л.*). Отсутствует единая для всех цель, к которой все должны стремиться. Цель – это *праздник*, она уже достигнута. …Праздники *призывают* новые праздники, и благодаря плотности вещей и людей приумножается жизнь» [6, с. 72].

По Э. Канетти, праздник является гарантом и покоя, и отсутствия угроз для жизни, и наслаждения; на время праздника непременно снимаются механизмы запрета, и поэтому совершается неожиданное сближение людей; праздник расслабляет, снимая агрессию и провокации, не разряжая, он способствует именно релаксации человека, включенного в действо; делается акцент на праздничной бесцельности. Э. Канетти обходит конкретные причины, вызывающие праздник к жизни, его событийный смысл и посвящение. Наоборот, праздник понимается как цель в себе, т.е. праздник устраивается ради праздника; праздничные отношения уравнивают всех в желаниях и удовольствиях, поэтому каждый сам определяет для себя стратегию поведения в этих отношениях, а групповое движение к одной цели перестает быть главенствующим. Таким образом, на время снимается диктат власти, наступает эра идеологического «бесцелья» или умышленного «идеологического вакуума».

Как представляется, предложенная концепция эклектична: в ней карнавальный «обжирающийся» разгул от М.М. Бахтина [1], а также гармония и умиротворение, описанные в «Утопии» Томаса Мора [9] сочетаются с фантазиями о праздничных отношениях без вмешательства властного «ока», хотя бы локально-временно на территории праздника. Сценарий его праздника аполитичен, а основной лозунг выглядит следующим образом: «Дайте людям наконец-то порадоваться и спокойно отдохнуть!»

Углубимся в историю, чтобы уточнить значение зрелищного в праздничной структуре. Его многовековая практика фиксируется со времен Великих Дионисий. Известно, что регламент действа свято соблюдался и передавался

из поколения в поколение, были предусмотрены торжественные шествия, культовые церемонии, часы безмятежного народного веселья, и действительно «…каждому была предоставлена полная свобода веселиться, как он хотел…» [5, с. 19–44].

Но уже в Древнем Риме праздники разделялись на элитарные и массовые. Система ритуалов и обрядовых действий на указанных празднествах жестко регламентировалась государственным аппаратом, а за четкость их проведения несли ответственность отобранные профессиональные кадры. Фактически, ключевое «Хлеба и зрелищ» прошло интересную эволюцию: праздники Рима были превращены в средство манипулирования массами, в то время как античная Греция считала подобные мероприятия привилегией свободного народа.

Что касается эпохи феодализма, то, согласно А.И. Мазаеву, официальные празднества церкви и феодального государства постепенно обрели функцию прославления существующего социального порядка и величия власти: а «поначалу скромная религиозная процессия, служившая отправлению культа, превращается в организованное пышное шествие» [8, с. 99]. Однако не следует забывать, что одновременно развивался народный праздник – карнавал, который существовал в качестве антипода официальному празднеству, и, по словам М.М. Бахтина, был «формой второй жизни народа, вступившего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [1, с. 14].

Празднествам Великой Французской революции на короткий срок удалось объединить обе линии – официальную и народную. Несмотря на их некоторую помпезность, по сути эти праздники воплощали народное содержание. Мероприятия, кроме прочего, имели методическую ценность, так как «в них впервые в полном объеме присутствовал сценарий, в котором тщательно разрабатывалось все праздничное действие… Главную часть всех празднеств Французской революции составляли торжественные шествия народа» [3, с. 1].

В картине европейских праздников XX в. специфическое место заняли праздники Италии и Германии 1930–1940-х годов. Фашизм полностью подчинил себе этот институт общественных отношений: «Устраивая факельные шествия, милитаристские парады, массовые песнопения и объединения, …он возродил …принцип принудительности» [2, с. 67], первостепенной стала регуляционная функция праздника. Государственные структуры утверждали праздничные регламенты – жесткие ритуалы и обрядовые действия – и неукоснительно следили за их исполнением. Огромные средства тратились на организацию чествований лидеров (с особой помпезностью отмечались дни рождения Гитлера). Важно отметить, что пристальное внимание германский фашизм уделял организации досуга детей и молодежи. Благодаря выверенной

организации подобных кампаний у подрастающего поколения воспитывались «нужные» ценности и идеалы. Неслучайно в сценарий детского праздника вводили игрища военного характера, например помпезно обставленные массовые шествия с барабанным боем, оркестрами, красочной символикой и т.п. Все это, естественно, имело психологическую направленность, создавало массовый психоз подростков, особое «праздничное» настроение, запланированное организаторами подобных мероприятий. Кроме того, яркая военная одежда детей, удачное публичное подражание взрослым производили впечатление не только на непосредственных участников празднества, но и на толпы наблюдающих [2, с. 67–68].

Что касается России, то ее правящую элиту не оставил равнодушным опыт Древнего Рима с его знаменитым, уже упоминавшимся лозунгом. Уместно вспомнить, что в царской России, особенно во второй четверти XIX в., властные структуры активно «внедряли в народ» всевозможные праздничные увеселения «нужного» характера. По этому поводу интересны статьи и фельетоны В. Слепцова [11], который, описывая современные ему праздники, пытался давать происходящему собственную, чаще всего нелицеприятную политическую оценку. В частности, он указывал на растущее «охлаждение» к предлагаемым удовольствиям вследствие изменений качества народной жизни.

Колоссальный размах приобретают праздники молодой Советской России, которые, безусловно, носили зрелищный характер. Известно, что обрядовая сторона мероприятий была представлена митингами, манифестациями, шествиями, демонстрациями, и все это происходило, предпочтительно, под маршевую музыку духового оркестра. Большевики придавали важное значение формам массовой политической самодеятельности, расценивая ее как эффективное средство партии, чтобы, говоря словами В.И. Ленина, «пробудить и поднять… общественные “низы”.., наименее подготовленную массу трудящихся, и, что этими средствами постоянно пользовались большевики на всех этапах революции, склоняя массы на свою сторону…» [7, с. 201–202]. Специальая комиссия Совнаркома под руководством А.В. Луначарского проделывала гигантскую работу, разрабатывая «другие-иные-новые» символы, ритуалы и праздники, призванные прижиться в народе. В тот исторический момент, когда Российское государство было отягощено разрухой, нищетой и голодом, его руководители сумели выкраивать финансы для развития целой развлекательной отрасли с немалым штатом сотрудников – это было непросто, но обещало значительные и политические дивиденды.

Вспомним, что декрет «О введении в Российской Республике западноевропейского календаря» отменил религиозные и старорежимные праздники, но узаконил на государственном уровне «Кровавое воскресенье» (22 января), День памяти Либкнехта и Люксембург (17 января), День Красной Армии (23 февраля), День работницы (8 марта), День памяти Парижской коммуны

(18 марта), «Приезд Ленина в Петроград» (16 апреля), Первомай, «Июльские дни» (16 июля), Октябрьскую годовщину, День памяти московского вооруженного восстания (22 декабря) и др. Перед «молодым» советским массовым праздником ставилась конкретная задача: стирать различия между «возможным» и «желаемым», «настоящим» и «будущим», «будничным» и «праздничным».

В целом Ленину и его соратникам удалось направить «волну праздничного настроя» в «русло социального творчества», грамотно использовать особую, «праздничную энергию» на благо революционных перемен. Эффект от преобразований, как показала история, «продержался» семь десятилетий. Свидетельства кино- и фотохроники передают, насколько мощными были заряд энтузиазма и искренняя вера в истинность совершаемого. Только постановочным образом такого состояния добиться невозможно, но все же можно сказать, что большевики освоили науку управления резонансным настроением. Советская власть с первого и до последнего момента своего существования не оставляла ни одного сегмента праздничного пространства без должного контроля. Митинги, манифестации, демонстрации, символика процессий, возможные и невозможные инновационные технологии и нововведения, атрибутика, инструментарии, напрямую или косвенно относящиеся к праздникам, кажется, абсолютно все – подвергалось цензурированию, не говоря уже о фильтрации кадров.

Очевидно, чем более праздник подконтролен, тем в нем меньше игры, тем более он непонятен и, следовательно, тем больше снижается степень настроя и удовольствий от него получаемых. Изыскивая основания народных празднеств, М.М. Бахтин сделал крайне важное обобщение: «…Живое ощущение народом своего коллективного исторического бессмертия составляет самое ядро всей системы народно-праздничных образов» [1, с. 359]. Но в то же время вот какую любопытную особенность русского праздничного обряда отмечает В.Я. Пропп: «В русских праздниках не момент воскресения, а, наоборот, момент растерзания, утопления и сожжения сопровождается ликованьем, веселым смехом и фарсовыми действиями…» [10, с. 112].

К сказанному добавим: не стоит забывать, что государственный аппарат России целенаправленно уничтожал культуру скоморохов и юродивых, функция которых заключалась в том, чтобы быть постоянными, необходимыми носителями праздника в обычной жизни[2]. В наши дни создается впе-

2. Шуты» и «дураки» всегда и повсюду, где бы они ни появлялись, несли особую форму взаимоотношения с жизнью, форму пограничья между реальным и идеальным. Очевидно, сосуществование с этими не просто чудаками или глупцами в бытовом понимании придавало жизни особую «перчинку», остроту, подобно камертону поддерживало необходимый позитивный настрой, готовность откликнуться на радость.

чатление, что празднично-природное постепенно в народе вырождается, уходит. Этот вид коммуникации перестает радовать, скорее превращаясь в имитацию радования. Теряется естество игрового, а большая часть праздничного пространства активно заполняется политическим и не менее целесообразным экономическим содержанием. Не секрет, что массовые мероприятия продуманно обеспечиваются «допингами» веселья в обильном количестве.

Тем не менее у организаторов современного праздничного действа откровенно не получается создавать праздники политического характера, аналогичные временам Советского Союза. Символические шествия и демонстрации чаще всего представляют собой акции протеста против тех или иных решений властей. Если же и организуются праздники массового уровня, то идея, способная объединить большое количество людей (т.е. идея близкая и понятная большинству), выражается крайне примитивно.

В этой связи проанализируем «картинки» столь популярного сейчас «Дня города», при этом заметим, что «Дни» любого города выглядят крайне однотипно. Попробуем выделить социальные составляющие такого мероприятия. Празднующая масса на указанных праздниках, главным образом, представлена толпой, сосредоточенно жующей и наблюдающей за профессиональными артистами. Встречаются и небольшие группы подростков, которые бесцельно побродив, отовариваются едой и примыкают к толпе. Есть еще хаотически перемещающиеся граждане, которые в поисках «чего-нибудь необычного», будучи разочарованными похожестью режиссерских «ходов», очень скоро покидают «поле битвы за счастье». Практически ни у кого не возникает ощущения большой радости и со-причастности к происходящему. И даже самый нетребовательный индивид задается вопросом: «А где же праздник?»

Если всеобщая коммуникация и реализуется, то лишь в метафоре праздника как огромной столовой, где все присутствующие в едином порыве что-то жуют. Разнообразие в эту картину вносят времена года: в осенне-зимний сезон предлагаются мандарины и салат оливье, в зимне-весенний – блины, в летний – мороженое и окрошка.

Современный нам праздник демонстрирует крайнюю степень его «изуродованности»: объединяющее «духовное» организаторами извлекается, заменяясь вторичным, материальным, съестным. Все, что происходит в этой сфере, выглядит болезненным, где-то даже умирающим; праздник, как хороший диагност, свидетельствует о болезнях общества. Как важно тем, кто организует праздник, понять, что репетируется лишь сценарный «остов», а весь праздник, как система, «пишется набело» и его не переиграть; ощущение от не возникшей радости или от ожидавшейся, но не пережитой праздничности сохраняется в памяти людей надолго, если не навсегда.

Ниже вниманию читателя предлагаются в качестве приложения результаты опроса на тему радости и праздников в современной жизни, проведенного автором десять лет назад, но актуального и поныне. Анкетировались силовики – люди, которые нацелены на конкретную задачу и сознательно (в основной массе) идут на риск, обменивая свою единственную жизнь на покой сограждан.

НЕМНОГО О РАДОСТИ…
(По материалам опроса курсантов Тверского филиала Московского университета МВД России[3], февраль-март 2003 г.)

Всего в анкетировании принимали участие 445 человек, из них 111 человек (25% от общего числа опрашиваемых)[4] в возрасте 17 лет, 196 человек (44%) в возрасте 18 лет, 98 – 19-летних (22%), 21 – 20-летних (5%), 9 (2%) – в возрасте 21 года.

Из опрошенных 3 (1%) человека имеют высшее образование, 18 (4%) человек окончили техникум, остальные 424 (95%) – среднюю школу.

Социальное положение представлено следующим образом: из семьи рабочих – 216 человека (49%), из семьи крестьян – 8 человек (2%), из семьи служащих – 221 (49%).

Основная масса – холостые – 434 человека (97%), состоят в браке – 7 (2%) человек, разведены – 4 (1%).

На вопрос: «Верите ли Вы в Бога?» – атеистов оказалось 59 человек (13%), «Верую» – ответили 372 курсанта (84%), 14 (3%) – неопределившихся. Из верующих: 9 человек (2%) – буддисты, 42 (9%) – исламисты, 320 (73%) – христиане.

Один из ключевых был вопрос: «Что Вас чаще всего радует?» с предложением выбора: 1) удачная карьера, 2) достойный доход, 3) гармония личных отношений. Относительное большинство отметило, что это – «гармония личных отношений» – 171 человек (39%). «Достойный доход» назвали 90 (21%), «удачную карьеру» – 81 человек (19%). 45 курсантов (десятая часть) не смогли ответить однозначно, назвав сочетание карьеры, дохода и гармонии в личных отношениях. Интересны некоторые собственные варианты ответов: «дети», «отсутствие проблем», «уважение к себе», «шаг к цели».

3. На волне реформирования системы МВД и сферы образования вуз, в котором были проведены указанные исследования, в 2011 г. после празднования его 65-летия, был закрыт.

4. Примечание: здесь и далее в скобках даются цифры, соответствующие процентному отношению данных к общей массе опрашиваемых.

Далее следовал вопрос: «С кем чаще всего Вы делитесь радостью?» Предложенный выбор: 1) не делюсь, 2) с семьей, 3) с друзьями, 4) с любимой (любимым). Самым популярным был ответ «с друзьями», так ответили 107 курсантов (25%). Другие ответы: «с семьей» – 99 (22%), «с семьей и друзьями» – 64 (14%), «с семьей, друзьями и любимой» – 57 (13%), «с любимой» – 38 (9%). Встречались и собственные варианты ответа: «кому доверяю, кто понимает», «радости мало». Интересно, что только 5% ответили «не делюсь» и 1% затруднились с ответом. Очевидно, институты семьи и дружбы в нашей стране еще достаточно крепки.

Среди *радующих семейных праздников* чаще всего называли «день рождения» – 204 раза (47%), «Новый год» – 108 раз (25%), с ответом затруднилась пятая часть опрошенных – 91 человек, ответ «радуют все праздники» дали 26 курсантов (6%), про Рождество вспомнил только один человек.

К *радующим общественным праздникам* (привожу примеры самых популярных ответов) отнесли: «Новый год» – 134 раза (30%); четверть опрошенных затруднились с ответом – 113 человек; 37 (8%) обозначили День Победы; равнодушно «Радуют все праздники» ответили 35 человек (8%). Про «День города» вспомнили 24 опрошенных (5%), приблизительно такое же количество курсантов вспомнили День Армии, Международный женский день, праздник Мира и труда. Профессиональный праздник – «День милиции» назвали 2% опрошенных, «День Конституции» – 3 (1%). Вспомнились также дни студента, дурака и влюбленных, единично прозвучали Масленица, Пасха, Рамадан, Сагалган.

На вопрос: «Необходимо ли сопровождать всяческими “веселящими средствами” указанные праздники?» 233 курсанта (53%) ответили «да»; 156 (36%) – «нет»; приблизительно в равных долях встретились ответы «поразному», «иногда», «без ответа».

Для ответа на вопрос: «Как Вы используете выходные дни в светские и религиозные праздники?» предлагались следующие варианты:

1) я – «трудоголик»: считаю, что выходных слишком много, они мешают бизнесу, карьере, поэтому по возможности в праздничные дни работаю;

2) активно отмечаю: если праздник светский, то подключаюсь к общественным мероприятиям, если религиозный, то иду в церковь и т.д.;

3) радуюсь возможности отдохнуть от трудовых будней, активно бездельничаю.

Варианты ответов распределились следующим образом: 309 человек (70%) ответили, что «бездельничают», 104 (23%) – «активно отмечают», 19 (4%) считают себя трудоголиками.

Резюмируя результаты опроса, отметим, что российское общество проходит очередную проверку на прочность, и не только физическую, но и ценностную. Трудно предсказать, что поможет молодому человеку в его

становлении, но хочется верить, что не пропадут бесследно вековая российская удаль, доброта, великодушие и терпимость, преданность делу и верность Родине, т.е. все то, что делает русского русским.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
3. Генкин Д.М. Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975.
4. Гуревич П.С. Философия культуры. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
5. Каллистов Д.П. Античный театр. – Л., 1970.
6. Канетти Э. Масса и власть. – М.: AD, MARGINEM, 1997.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – Т. 11.
8. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М.: Наука, 1978.
9. Мор Т. Утопия. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.
10. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – М.: Лабиринт, 2006.
11. Слепцов В. Неизвестные страницы. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Д.В. Родионов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ТЕАТРА

Родионов Дмитрий Викторович – генеральный директор Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина, доцент Российского университета театрального искусства.

В 1913 г. в истории русской культуры произошло знаменательное событие: статус научного государственного учреждения получил литературно-театральный музей, основанный в Замоскворечье в 1894 г. Алексеем Александровичем Бахрушиным (1865–1929). Это он 25 ноября 1913 г. в присутствии Станиславского, Немировича-Данченко, Яблочкиной, Ермоловой, Южина передал свою коллекцию в дар Императорской академии наук и Москве. Выходец из купеческого сословия, потомственный почетный гражданин Москвы, крупный промышленник, почетный член Императорской академии наук, гласный городской Думы в течение многих лет, один из основателей и руководителей Русского театрального общества, он еще в 1880-х годах начал собирать театральную коллекцию, которая превратилась в главное дело его жизни.

Началом новой коллекции стали приобретенные Бахрушиным в лавчонке грошового антиквария на знаменитом Сухаревском рынке 22 маленьких портрета с изображением людей в театральных костюмах. Бахрушин предположил, что его находка относится к XVIII в. В тот же день он поехал в художественный магазин Аванцо на Кузнецком мосту, где портреты были промыты, отреставрированы и вставлены в общую дубовую раму. Режиссер Малого театра Кондратьев высказал предположение, что на этих портретах изображены крепостные актеры Шереметевского театра. Эта гипотеза подтвердилась, когда потомок владельца этого театра граф П.С. Шереметев, осматривая бахрушинское собрание, пораженный, остановился у «сухаревской находки». Оказалось, что эти портреты у Шереметевых были украдены. Вскоре граф прислал еще несколько портретов, случайно не попавших в число похищенных. «Чтобы не разрознивать коллекцию», – объяснил он.

Указом Императора А.А. Бахрушин был назначен пожизненным попечителем и директором музея. При советской власти этот Указ был сохранен, музей получил статус государственного, и ему было присвоено имя его основателя. А.А. Бахрушин был директором музея до самых своих последних дней.

Сегодня Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина – один из крупнейших музеев страны, фонды которого насчитывают 1,5 млн экспонатов. Это – архивы театральных деятелей, портреты выдающихся актеров, певцов, режиссеров, драматургов, балетмейстеров, артистов балета, композиторов, художников; костюмы, личные вещи и реквизиты, живопись, графика, эскизы и макеты декораций, афиши и программы, фотографии, видео- и киноматериалы, редчайшие книги по театральному искусству. Сюда необходимо добавить девять филиалов – дома-музеи и музеи-квартиры, – где жили А.Н. Островский, М.Н. Ермолова, М.С. Щепкин, Вс.Э. Мейерхольд, Г.С. Уланова, В.Н. Плучек, актерская семья Мироновых–А.С. Менакера, театральную галерею на Малой Ордынке. Среди музейных экспонатов есть невзрачный деревянный брусок. Посетители с удивлением узнают, что вырезан он из подмостков рабочими Малого театра и подарен Марии Николаевне Ермоловой в день ее прощания со сценой.

Новая стратегия управления музеями, разрабатываемая в настоящее время Министерством культуры России, заставляет нас быть в фарватере новаций. Музей готов к переменам и принимает в них самое деятельное участие. Основные направления его работы – это сохранение, популяризация и пополнение коллекции. А ее масштаб определяет и масштаб работы музея.

Сохранение культурного наследия – важнейшая исследовательская задача, включающая научную инвентаризацию коллекции. Стремительное внедрение в жизнь музея программы электронного учета «КАМИС» позволило только за три года ввести в нее сведения почти о 700 тыс. предметов. Повышение в этом году зарплаты научным сотрудникам до уровня средней зарплаты по Москве также стало мощным стимулом для повышения эффективности работы и в этом направлении.

Перевод коллекции в электронный формат важен и для взаимодействия с Госкаталогом, задуманным в целях обладания оперативной информацией о состоянии музейного фонда Российской Федерации. Электронный каталог должен быть доступен каждому человеку, чтобы он, даже не приходя в музей, мог получить необходимую информацию о любом предмете нашей коллекции. Года через три, если нам удастся сохранить набранный темп, эта работа будет завершена, и наша попытка прорваться из XIX в. в век XXI будет таким образом реализована.

Особенности хранения в музее им. А.А. Бахрушина обусловлены еще и тем, что экспонаты коллекции жанрово очень отличаются друг от друга. Ко-

лоссальный архивный рукописный отдел – личные архивы деятелей театра и культуры. В каждом не только бумаги, документы, но и художественные произведения, фотографии и мемориальные вещи.

Коллекция музея универсальна и состоит из множества фондов. Фонд афиш и программ – в нем более полумиллиона предметов, и его временной диапазон – от середины XVIII в. до сегодняшнего дня. В этот фонд входит и единственное в России дореволюционное собрание афиш всей российской провинции от Варшавы до Сахалина. Коллекцию собрал сам А.А. Бахрушин, и на сегодняшний день она дает полную картину театральной жизни российской провинции второй половины XIX в. На ее основе музей планирует издать книгу – хронику постановок пьес А.П. Чехова в России до 1904 г., подтверждающую его всероссийскую востребованность как драматурга еще при жизни. В коллекции музея также хранятся уникальные фолианты афиш императорских театров, они дают полное представление об их репертуаре на протяжении всего XIX в. Это редчайшая источниковедческая база, по которой сверяются все исследователи, занимающиеся историей ведущих театров страны.

Фонд декорационных изобразительных материалов включает в себя живописные и графические работы, литографию и книжную графику. В этом собрании более 100 тыс. предметов, в том числе колоссальное собрание театральных эскизов советского периода, позволяющее наиболее полно реконструировать историю театра этого периода.

В фонде кино-, видео- и аудиоматериалов хранятся записи от трехмиллиметровой пленки до видеокассет VHC и записей на CD и DVD, в частности кинохроники, связанные с именами Мейерхольда, Таирова, Станиславского и т.д. Эти материалы постоянно востребованы. В этом году был открыт совместный онлайн проект с сайтом Colta.ru и журналом «Театр», в рамках которого уже представлены интернет-аудитории материалы по биомеханике Мейерхольда с серьезными комментариями и чудом сохранившиеся записи отрывков из пяти спектаклей Камерного театра.

Через такие формы передачи информации коллекция «выводится» во внешний мир. Помимо этого, естественно, каждый человек имеет право прийти в музей, работать в фондах, с первоисточниками, архивами и т.д. К сожалению, возможности этой работы ограничены теснотой наших помещений. Но при поддержке Министерства культуры РФ было отреставрировано и введено в эксплуатацию помещение для временного фондохранилища на Тверском бульваре, что несколько расширило наши возможности по работе с отечественным и мировым научным сообществом. На Тверском бульваре располагаются три исключительно ценных и интересных фондовых отдела. Огромный фонд фото-негативных материалов, – от первых российских фотографий, в числе которых есть и первое фото Михаила Семёновича Щепкина,

до работ, которые закупаются у современных фотохудожников. Уникальна коллекция стеклянных негативов. Там же размещены библиотека и Фонд редкой книги: издания по истории театра, составляющие одно из самых интересных и ценнейших в России собраний по этой тематике, а также книги XVII и XVIII вв.

Третий фонд – новый, разместился он на Тверском бульваре. История его такова. В 2003 г. был ликвидирован музей детских и кукольных театров – молодой музей, коллекция которого насчитывала около 40 тыс. предметов по истории детского театра и театра кукол. Он находился в бывшем здании церкви, и, когда стали возвращать церковные здания, музей оказался в буквальном смысле выброшенным на улицу. Тогда приказом Министерства культуры его коллекция была передана в наш музей.

На территории главной усадьбы также размещен мемориально-вещевой фонд: театральные костюмы, мемориальные вещи, начиная от обстановки квартиры или дома, где жили деятели театра, которые они лично передали в коллекцию музея, либо передали их наследники. Это мемории: от чернильницы, ручки до галстука, бабочки, шляпы, цилиндра. Большая коллекция в основной своей части совершенно уникальна. В нее входят, например, подлинные декорации Константина Коровина к «Золотому петушку», полный комплект костюмов от обуви до всех аксессуаров. Если сейчас ставить спектакль, можно «одеть» его целиком из этой коллекции. К нам она поступила из Франции, а завещал ее Бахрушинскому музею внук В.Д. Поленова – А.А. Ляпин, который активно собирал материалы по истории русского театра, покупал их на аукционах и затем передавал в российские музеи. Все переправлялось нам из Парижа в громадных ящиках и в них же много лет хранилось. Два года назад готовился юбилей К. Коровина, Третьяковская галерея задумала грандиозную выставку, ГЦТМ им. А.А. Бахрушина был ее партнером, так как обладает большим собранием коровинских театральных эскизов. И настоящие декорации к «Золотому петушку» стали изюминкой этой выставки. Мемориально-вещевой фонд уникален, разнообразен и очень востребован в нашей экспозиционной деятельности. В целом сегодня музей организует и проводит около 70–90 выставок в год, это весьма значительная цифра.

Музей проводит большую работу по консервации и реставрации памятников. У нас есть свои мастерские, где работают специалисты широкого профиля, занимающиеся реставрацией мебели, живописи, книг, тканей и т.д. Все материалы, которые готовятся к показу на выставках, проходят через руки наших мастеров.

Второе главное направление деятельности музея – это популяризация коллекции, среди как можно более широкого круга людей. В год у нас проводится более 500 мероприятий: вечера, концерты, лекции, мастер-классы,

встречи с деятелями культуры. Особое внимание уделяется детской аудитории: праздники, фестивальные мероприятия. Работа с детьми – одна из главных задач деятельности музея, занятия с ними, как правило, носят интерактивный характер. Устраиваются мастер-классы, на которых детей учат рисовать, постигая творчество театральных художников. Дети или разыгрывают спектакль, или осваивают образовательную программу – «Знакомство с театральными профессиями», – когда мы приглашаем в музей театрального гримера, портного, суфлера, заведующего постановочной частью. Они рассказывают детям о своей работе, а потом совместно гримируются, пытаются что-то сшить, смастерить. Это совершенно другой взгляд на театр, на его закулисную жизнь, на тех людей, которые «делают театр», но на сцену не выходят. Занятия рассчитаны на прямой контакт в малочисленных группах. Они проходят в лектории главного дома, и на месте постоянной экспозиции, и в наших филиалах: Доме-музее М.С. Щепкина и в Театральной галерее на Малой Ордынке. Там замечательный сотрудник Карина Оганджанова приобщает детей к театру, используя музыкальные формы. Она превосходный пианист, и рассказ о театре сопровождается живой музыкальной иллюстрацией. Такие занятия должны быть именно камерными, тогда есть возможность уделить внимание каждому ребенку. Тут количественные показатели противопоказаны. Конечно, есть события, когда мы собираем большую детскую аудиторию. Так было на X Бахрушинском фестивале в театре им. Н.И. Сац, в зале на 1100 мест, где был показан спектакль «Пиноккио».

В Доме-музее им. М.С. Щепкина работает Домашний театр. Молодые ребята, выпускники ГИТИСа и Щепкинского училища, будущие актеры и театральные художники объединились вокруг режиссера Анатолия Ледуховского. Спектакль, который они сыграли на открытии Дома Щепкина после многолетней реставрации, назывался «Гоголь. На обратной стороне Луны». Очень необычная и яркая постановка, современная по форме, что очень нравится молодой публике.

Об интерактиве можно говорить и на примере последней «Ночи в музее», для которой была разработана специальная программа – «Вечером в гости в музей». Реализовывалась она в мемориальных музеях-квартирах. Это предельно личное, камерное пространство, где мы не можем принимать больше 15 человек одновременно для проведения экскурсии. Эти квартиры, как правило, не пользуются популярностью у массовой аудитории и мало посещаются. Мы стремились привлечь внимание к таким маленьким музеям, которые дают совершенно неповторимое ощущение подлинной жизни того или иного человека, ощущение, которого больше нигде не получишь.

А в мемориальной мастерской театрального художника Давида Боровского мы показали спектакль «Насмешливое мое счастье» по пьесе Л. Малюгина. К нам приехали звезды украинской и русской сцены из киев-

ского театра Леси Украинки. Премьера спектакля состоялась еще в 1966 г., и трое из прибывших актеров были заняты в той премьере. И, если бы вам удалось побывать в это время в музее Боровского среди 50 человек, которые с трудом в нем разместились, вы бы совершенно не ощутили возраста этих людей. Спектакль построен на переписке Чехова с Ликой Мизиновой, О.Л. Книппер-Чеховой и старшим братом Александром Павловичем. В новом пространстве постановка стала мощным театральным впечатлением. Это подарок и самому театру, который не ожидал, что при смене формата, при изменении расстояния диалога актеров со зрителем он станет подлинным театральным событием.

В последние годы музей весьма активно осваивает пространство Интернета. Так, по заказу Министерства культуры к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова мы создали портал «Весь Чехов». К сожалению, деньги были выделены только на создание портала, поэтому сейчас музей поддерживает его за счет собственных средств. Приступили также к обновлению сайта музея, чтобы он был современным и с более мощным информационным полем. Думаем сейчас об открытии интернет-продаж билетов в музей на все наши мероприятия.

Огромная задача, стоящая перед музеем – это пополнение коллекции, которое происходит двумя основными способами: либо приобретением за деньги, либо получением в дар от людей или организаций различных документов и материалов. Преобладает, естественно, вторая форма пополнения коллекции по той простой причине, что Министерство культуры на закупку дает очень небольшие деньги. Впрочем, за последние годы эта сумма увеличилась практически в 3 раза. В этом году музей сумел пополнить свою коллекцию примерно на 3,5 млн руб. Это позволило купить порядка 800–900 предметов. А в дар мы получаем в среднем в год 8–10 тыс. предметов. Естественно, встает проблема фондохранилищ. В Бахрушинском музее катастрофически не хватает помещений, из-за чего нарушены все нормативы хранения фондов.

В 90-е годы XX в. были резко прерваны централизованные поступления материалов, фиксирующих хронику театральной жизни России. 90-е годы – провал в коллекции. Понятно, что он связан объективно с историческими условиями. Тем не менее музей свою миссию не выполнил, не пополнил коллекцию, не зафиксировал это переходное время. Поэтому сегодня мы особенно стараемся не упустить важных театральных событий и действующих лиц. Выделение главного, яркого, истинно художественного – это всегда вопрос интуиции, а также выбора приоритетов, иногда субъективных, иногда опирающихся на мнение критики, театрального сообщества или тех же премий, которые определяют лучшие спектакли, актеров, режиссеров.

Одним из результатов научной деятельности музея стали наши издания. Например, из самых последних: «Шаляпин», «Воспоминания Ю.А. Бахрушина»,

альбом к выставке «Чехов», «Дом-музей Островского в Замоскворечье». К 450-летию со дня рождения Шекспира издали книгу художника Отари Кандаурова, иллюстрированную материалами из наших фондов по истории постановки «Гамлета» на русской сцене. Недавно получили из типографии воспоминания Елизаветы Котовой, легендарного завлита «Современника». Вышло второе издание воспоминаний и прозы Давида Боровского «Убегающее пространство».

В Министерстве юстиции РФ мы недавно зарегистрировали Фонд развития музея Бахрушина, главная задача которого – сбор средств на поддержку программ музея. Сегодня Фонд развития уже начал работать. Мы разработали программу под символическим названием «Сохраним историю русского театра для потомков». Содержание этой программы в том, что Фонд заключает индивидуальный договор с каждым российским театром, по которому музею должен быть предоставлен материал по истории и сегодняшнему дню работы этого театра. Музей научно обрабатывает эти материалы и включает их в госколлекцию. А чтобы собрать деньги на эти акции, мы придумали форму благотворительных марок. На каждый театральный билет наклеивается марочка в символическую сумму – 10, 15 или 20 руб. в зависимости от региона и театра, с которым заключен договор. Эти деньги получает театр, а часть их он перечисляет Фонду, который платит людям за работу с архивами. Таким образом, мы сохраняем архив, его обрабатываем, затем включаем материалы с полноценной научной обработкой в Госколлекцию. Материалы забираем в Москву не полностью, оставляем театру возможность заявить о себе зрителям с помощью выставок, которые обычно устраиваются в фойе театра. Фонд развития нашел и другие возможности для приобретения средств. Так, в настоящее время готовится создание первой в Москве музейной карты. В эту деятельность сейчас вовлечено большое число московских музеев. Нашли деньги, это ведь очень дорогое удовольствие – издавать такие карты. Сейчас они уже в стадии печати. Карты должны принести серьезные пополнения в бюджет Фонда, они будут в аэропортах, гостиницах, турбюро и т.д. За это сфера обслуживания готова платить деньги.

Сегодня развитие музея связано прежде всего с наличием полноценной инфраструктуры. Ее отсутствие – главная проблема музеев в России. Редкий музей имеет сегодня возможность предоставить комфортные условия для приема своих посетителей, к которым современный человек уже привык и считает их непременным атрибутом общественных учреждений. Что означает инфраструктура на примере нашего главного дома? У нас всего два туалета и гардероб на 50 номерков. Соответственно, когда проходит вернисаж и приходят 200 человек, мы не знаем, где их разместить, сделать так, чтобы люди не испытывали дискомфорт даже чисто физиологический. Человек должен где-то посидеть, поработать на ноутбуке, выпить кофе, пообщаться с ребен-

ком и т.д. Все это неотъемлемая часть современного культурного центра, включающего музей. Наша мечта, чтобы мы могли перейти на такой уровень современных цивилизованных отношений с посетителями, когда публика не будет испытывать никакого дискомфорта. У нас есть перспектива развития, есть, к счастью, земельный участок на главной усадьбе размером в 6 тыс. $м^2$. Освоение этого участка означает для нас переход на качественно новый уровень общения с публикой. Там будет три зоны: зона фондохранилища, зона временных выставок и третья зона – универсальный театрально-концертный зал на 150–180 мест. Театральный музей без такого зала существовать не может. Мы должны приглашать режиссеров, художников, артистов – представителей всех театральных профессий, иметь возможность прямого диалога с ними, фиксировать для истории, записывать и т.д.

Масштабы деятельности музея сегодня достаточно велики, несмотря на ограниченную пропускную способность. Наша совокупная зрительская аудитория за 2012 г. составила более 1,5 млн человек. Это убедительно доказывает, что Государственный центральный театральный музей активно востребован обществом и давно заслужил новых качественных условий для обеспечения своей деятельности и общения с аудиторией.

В.В. Леонидов

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ЛЕОНИДА ПАСТЕРНАКА В ОКСФОРДЕ

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, главный библиотекарь Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына.

Когда они переехали границу, дочка сказала матери: «Какие здесь мрачные люди. И почему так все уныло и голо за окном. Какие старые, развалившиеся дома». «Молчи, – сказала ей мать. – Молчи, не надо ничего говорить».

Все происходило в начале лета 1960 г. Пассажирками были Лидия Леонидовна Пастернак и ее дочь Анн-Элизабет, которую близкие называли просто Лизой. В страшные дни, когда стал ясен смертельный ход болезни Бориса Леонидовича Пастернака и газеты всего мира публиковали бюллетени о его здоровье, сестры поэта Лидия и Жозефина, давно жившие в Англии, метались у ворот советского консульства в напрасной надежде получить визу. Сыновья Пастернака Евгений и Александр обратились к Хрущёву, чтобы решить этот вопрос, сегодня кажущийся смешным и непонятным. Однако визу долго не давали, а когда наконец смилостивились, то все было кончено. Лидия Леонидовна и ее дочь даже не успели на похороны.

Впечатление у Лизы от встречи со страной, которую все ее родные называли Родиной (а дома говорили только на русском), было огромным. У новообретенного дяди Александра она увидела папки с рисунками его отца, ее деда, великого русского импрессиониста, любимого иллюстратора Льва Толстого Леонида Осиповича Пастернака. «А у нас тоже есть много его рисунков и разных вещей. Целая комната. И картин на стенах тоже много», – сказала она ему.

Впоследствии Анн-Элизабет, ныне профессор Оксфордского университета, одна из лучших специалистов по литературе шекспировского времени, говорила, что именно тогда у нее зародилась мысль о создании музея.

Леонид Осипович переехал в Лондон из Германии в 1938 г. В стране Гейне и Гёте наступил фашизм, набор очередной книги о художнике, готовив-

шейся к выходу, рассыпали, картины спрятали в советском посольстве и готовили к отправке в СССР. Оставаться среди нацистов еврейской семье было просто невозможно.

Художник, живший с женой, в прошлом блистательной пианисткой Розалией Исидоровной Кауфман, и дочерьми в Берлине с 1921 г., никогда не сдавал советский паспорт. Он думал с женой поехать в Лондон, чтобы повидаться с дочерьми, жившими там с мужьями и детьми, а оттуда навсегда возвратиться в СССР. Но пакт Молотова–Риббентропа и начавшаяся война переменили все планы.

В Англии его встретили Лидия и Жозефина. Лидия, биохимик, работавшая, к слову, в Германии в одной лаборатории с будущим героем гранинского «Зубра» Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, уехала на берега туманного Альбиона в 1935 г. к мужу, английскому психиатру Элиоту Слейтеру. Впоследствии вместе со своим супругом, троюродным братом, банковским служащим Федором Пастернаком, туда же перебралась и Жозефина.

Итак, в 1938 г. все Пастернаки, жившие в Германии, стали жителями Англии. В 1939 г. они перебрались в Оксфорд, где поселились в старом доме на тихой улице Парк Таун, 20.

Вскоре после переезда на землю Британии не стало Розалии Исидоровны. В своих записках, которые он вел по настоянию дочерей, Леонид Осипович вспоминал: «…72 лет отроду, случилось ей после долгих, долгих лет публично сыграть ее любимый шумановский концерт (40 лет не играв его) в доме директора Британского музея в Лондоне… И с каким блеском, силой и прежним обычным юным подъемом …сыграла она в последний раз, за месяц с лишним до своей смерти. Так догоревшая свеча вспыхивает ярким пламенем в последний раз, чтобы погаснуть навеки».

В ряде статей и исследований, посвященных Леониду Пастернаку, говорится, что в последние годы, особенно после смерти обожаемой жены, Леонид Осипович тихо угасал. Но с этим, к примеру, не согласен известный английский искусствовед Давид Бакман. В своей книге «Леонид Пастернак: Русский импрессионист» (Лондон, 1974) он напоминает, что именно в оксфордские последние годы были созданы такие шедевры, как «Бах и Фридрих великий», «Юный Мендельсон дирижирует Баха», новый портрет Льва Толстого, «Пушкин и няня». По странной иронии судьбы, одной из последних работ мастера стал портрет Ленина, сделанный по наброскам еще 1919 г. К слову, именно публикация в «Неделе» в 1965 г. о неизвестных портретах вождя мирового пролетариата очень помогла возвращению творчества Пастернака в духовную жизнь его Родины, именовавшейся тогда СССР.

31 мая 1945 г., успев все-таки дожить до Победы, Леонид Осипович умер на руках у Лидии. Ему было 83 года.

Смерть мастера не осталась незамеченной на Родине. Естественно, требовалось особое обрамление для сообщения в советской печати, и Игорь Грабарь его выполнил блестяще: «Живя за границей, Пастернак продолжал считать себя советским художником. Смерть застала художника в его мастерской в Оксфорде за незаконченным портретом Ленина на мольберте и серией композиций на ленинские темы».

«…Гигантские его заслуги не оценены и в сотой доле, меж тем как мне приходится сгорать от стыда, когда так чудовищно раздувают и переоценивают мою роль», – писал Борис Леонидович Пастернак сестрам, узнав о смерти отца, которого не видел почти четверть века.

Правда, в этой разлуке была возможность встречи. В 1935 г. Борис Пастернак получил возможность выехать за границу для участия в Антифашистском конгрессе. Он проезжал на поезде через Берлин, но не нашел душевных сил, чтобы увидеть обожаемых родителей. Трудно сказать, что было этому причиной. Николай Пастернак-Слейтер в своей статье «Пастернаки в Оксфорде», опубликованной в сборнике докладов Международной научной конференции «Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.)», состоявшейся в Доме русского зарубежья, ныне носящего имя Александра Солженицына, писал: «Несмотря на щемящую тоску по родителям, которых он 13 лет не видел, несмотря на их горячую надежду на встречу с ним – он от этой встречи отказался, чувствуя себя так физически и душевно расстроенным в тот момент, что не в силах был справиться с встречей».

Надо сказать, что и Жозефина, и Лидия своей жизнью явили образец служения памяти отца. Так же как посвятил последнюю часть жизни Борису Пастернаку его сын Евгений Борисович, подготовивший к печати огромный массив наследия великого поэта.

В 1956 г. дочери Леонида Осиповича открыли большую его выставку в Оксфордском музее Эшмолиан, и успех был грандиозный. Затем последовали экспозиции в Лондоне, Мюнхене, Базеле. Но главной целью родных было возвращение в Россию. «Мы с сестрой чувствуем себя виноватыми за то, что никак не удается “воскресить” его память, как мы ни стараемся, все всегда разбивается о полнейшее безразличие или даже враждебность», – писала Лидия в 1961 г. своей знакомой, работавшей в Третьяковской галерее.

И все же несмотря на всю свистопляску вокруг имени Бориса Пастернака, когда саму фамилию порой произносить боялись, свершилось чудо. В 1969 г. в Доме художника на Кузнецком мосту открылась выставка Леонида Осиповича. В 1975 г. в издательстве «Советский художник» вообще случилось событие, абсолютно небывалое для наследия эмигранта. Там с предисловием Жозефины и с комментариями ее брата Александра увидела свет книга Леонида Пастернака «Записи разных лет».

В 1979 г. наконец-то состоялось триумфальное возвращение художника в Россию. Грандиозная выставка мастера открылась в Третьяковской галерее.

И все эти годы шла напряженная работа в Оксфорде, в доме на Парк Таун. Огромное собрание рисунков, холстов, записок Леонида Осиповича было реставрировано и тщательно учтено. Анн-Элизабет, ее мать, тетя, а потом и муж, поэт Крейг Рейн день за днем методично приводили все в порядок. В процессе работы были просто фантастические открытия. К примеру, зарисовки Альберта Эйнштейна. Или рисунки, которые набрасывал Федор Иванович Шаляпин, позируя Леониду Осиповичу для своего портрета. Также были найдены зарисовки, запечатлевшие Антона Григорьевича Рубинштейна, конечно близких художнику Льва Николаевича Толстого и Александра Николаевича Скрябина. Особенно интересна была история с картиной «Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов». После рентгеновского анализа оказалось, что ряд лиц коммунистических вождей, впоследствии перемолотых сталинской мясорубкой, были Леонидом Осиповичем закрашены. Собираясь возвращаться, престарелый мастер хорошо понимал, что не все туда можно везти.

И вот настал день открытия. При огромном стечении народа 4 мая 1989 г. музей был открыт. В доме, где умер великий мастер и где сегодня живут Анн-Элизабет со своими сыновьями. Там, в специально выделенных затененных комнатах, с особой подсветкой, гостей встречали портреты Эйнштейна, Толстого, пейзажи России, силуэты русских церквей, лица родных художника, в том числе, конечно, и бронзовый профиль великого сына. Возвращение Леонида Пастернака продолжается.

Литература

1. Backman D. Leonid Pasternak. Russian impressionist. – London, 1974.
2. Пастернак Л.О.Записи разных лет. – М., 1975.
3. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Пастернаки в Англии // Наше Наследие. – 2001. – № 58.
4. Пастернак-Слейтер Н. Пастернаки в Оксфорде // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.): Международная научная конференция. – М., 2002.
5. Леонидов В.Оксфордский музей русского импрессиониста // Вестник истории литературы и искусства. – Т. V. – М., 2008.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

Ю.С. Пивоваров. Россия: Четырнадцатый год
Yu.S. Pivovarov. Russia: The Year Fourteen

Ключевые слова: история России, Россия и Первая мировая война, Россия в начале XXI в., российская власть, конституционная легитимность.

Keywords: Russian history, Russia and World War I, Russia in the early 21st century, Russian government, constitutional legitimacy.

Сегодня у нас есть возможность оценить недавнее прошлое нашей страны и одновременно сделать осторожное предположение, куда она может пойти. Как мы хорошо знаем, в социально-исторической жизни народов решающую роль играет свободная воля человека. Это величайший дар, который получили мы, скажем метафорически, от Бога. XX – начало XXI в. показали, что развитие государства и общества не предопределено, но во многом зависит от того, на каких основаниях происходит утверждение нового порядка. В последние 100 лет происходила очень активная перекройка политической карты Европы. Если ранее мы знали три основных типа легитимности: сакральную, правовую и историческую, то теперь к ним добавились некоторые иные.

Today we have an opportunity to appraise our country's recent past and at the same time make a careful assumption as to where it might move. As we well know, the socio-historical life of peoples is greatly determined by the free will of man. This is the greatest gift which we, metaphorically speaking, have received from God. The 20th Century and the start of the 21st Century demonstrated that the development of the state and society is not pre-determined and largely depends on the conditions of the new order assertion. In the last one hundred years Europe's political map has undergone a turbulent change. If earlier we knew three basic types of legitimacy – sacral, legal and historical, nowadays they are supplemented by some new ones.

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова. Российские реформаторы 1990-х годов: Общественно-политический портрет

R.Kh. Simonyan, T.M. Kochegarova. The Russian Reformers of the 1990's: A Sociopolitical Portrait

Ключевые слова: Россия, 1990-е годы, посткоммунистические реформы, шоковая терапия, социальные последствия, Т. Гайдар и его окружение.

Keywords: Russia, 1990's, post-communist reforms, shock therapy, social aftermath, T. Gaydar and his team.

По критерию приоритета государственных интересов российские реформаторы 1990-х годов оказались абсолютно несостоятельными. У них не оказалось ни той морали, ни той мотивации, которая была характерна для их предшественников предыдущих веков (М. Сперанского, С. Витте, П. Столыпина и др.). В отличие от своих предшественников они были лишены чувства идентичности со своей страной и по этому важнейшему критерию не представляли элиту своего народа. Это была всего-навсего лишь новая постсоветская номенклатура.

Judging by the criterion of national interest priority, the Russian reformers of the 1990's appear absolutely invalid. They lacked both the ethical grounds or motivation which were immanent in their predecessors of previous times (M. Speransky, S. Witte, P. Stolypin and others). As different from those predecessors, they lacked also the sense of identity with their country and by this major criterion they did not represent the elite of their people. They were just a new post-soviet nomenklatura.

Д.В. Ефременко. Нормальная катастрофа: Еще раз об исторических развилках 1980–1990-х годов

D.V. Yefremenko. A Normal Catastrophe: Again on Historical Crossroads of the 1980–1990's

Ключевые слова: перестройка, распад Советского Союза, системная катастрофа, исторические развилки, М.С. Горбачёв.

Keywords: Perestroika, USSR dissolution, system catastrophe, historical crossroads, M.S. Gorbachev.

Была ли обречена советская система? Несомненно, да, если принять во внимание наличие целого ряда «встроенных» в нее механизмов саморазрушения, ее ригидную иерархическую организацию, насилие и устрашение как основные методы ее функционирования. Но этого могло и не случиться в 1991 г., если бы действия политического руководства не вызвали системные сбои и запуск механизмов саморазрушения. И «китайский вариант» трансформации системы, и возможность сохранения Союза в усеченном виде оказались упущенными.

Was the Soviet system doomed to peril? Undoubtedly, yes – counting quite a number of built-in mechanisms of self-destruction, also its rigid hierarchical organization, violence and intimidation as the key methods of its functioning. But this could happen later than 1991 if the actions of the political leadership would not have caused system failures and started the self-destruction mechanisms. Both the «Chinese version» of system transformation and the possibility of retaining the Soviet Union however fragile were lost.

В.Н. Крутько. Демографические проблемы России: Сетевой проект решения

V.N. Krut'ko. Russia's Demographic Problems: A Network Solution Project

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., качество жизни, здоровье населения, рождаемость, смертность, сетевое решение.

Keywords: Russia, early 21st century, life quality, population health, birth rate, dearth rate, network solution.

Продолжительность жизни россиян все еще существенно отстает от развитых стран (на десять и более лет). По демографическим прогнозам, Россия практически в течение всего XXI в. будет испытывать последствия демографической катастрофы 90-х годов прошлого века, выразившейся в резком снижении рождаемости и резком росте смертности, в первую очередь когорты трудоспособного населения.

Life duration in Russia is still substantially behind the developed countries (for ten years and more). According to various demographic forecasts, Russia will practically during the whole 21st century experience the consequences of the demographic catastrophe of the 1990's including a sharp decline in birth rate and an equally sharp rise of death rate, among the working strata of the population.

И.И. Глебова. В поисках утраченной войны: Первая мировая в российской истории и памяти

I.I. Glebova. In the Search of the Forgotten War: World War I in the Russian History and Memory

Ключевые слова: Первая мировая война, война и революция, послевоенный мир, память о Первой мировой войне.

Keywords: World War I, war and revolution, post-war world, memory of World War I.

«Забытая война» – так все чаще стали у нас определять последнюю войну Российской империи 1914–1918 гг. в преддверие ее столетнего юбилея. В народе ее называли сначала «германской», потом – «империалистической», а с разворачиванием военного конфликта 1939–1945 гг. она получила имя Первой мировой. Все эти определения верны: они точно указывают, как в разные времена воспринималась у нас та война. Для нынешних россиян Первая мировая – «забытая», «чужая» война. Ее как бы нет в национальной памяти, она не является чем-то важным, тем более установочным для нации.

«Forgotten War» became the widely used name of the last war waged by the Russian Empire in 1914–1918 on the eve of its hundred year anniversary. People called it «German» at first, «imperialist» later and First World War when the military conflict of 1939–1945 took place. All these definitions are correct: they exactly reproduce the comprehension of that war at different times. To Russians today it is a «forgotten», «alien» war absent in the national memory, unimportant to the nation.

Т.Г. Леонтьева. Православное духовенство в годы Первой мировой войны

T.G. Leontieva. The Orthodox Clergy in the Years of World War I

Ключевые слова: Первая мировая война, русский фронт, православное духовенство, патриотизм, священники на фронте и в тылу.

Keywords: World War I, Russian front, Orthodox clergy, patriotism, clergymen at front and in the rear.

В массе своей лица духовного звания оставались с народом, разделяя с ним тяготы невиданной войны. В 1914–1918 гг. почти 40 священников по-

гибли, около 400 получили ранения или контузии, более 200 оказались в плену. Война обернулась крушением многовекового союза государства и православной церкви. Как часть государственного механизма, РПЦ развалилась. За отлучением ее от государства при большевиках последовали жесточайшие гонения.

Most clergymen were at one with their people in sharing the burden of the war. In 1914–1918 almost 40 of them perished, some 400 were wounded or got contusions, over 200 were captured by the enemy. The war brought the collapse of centuries-old union of the state and the Orthodox church. As part of the state mechanism the church was broken. After its separation from the new Bolshevik state it was subjected to most cruel repressions.

В.Н. Чернега. Россия и ЕС: Проблема исторического выбора
V.N. Chernega. Russia and the EU: The Problem of Historical Choice

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, отношения в начале XXI в., экономическое партнерство, постсоветское пространство, восточная политика ЕС.

Keywords: Russia, European Union, relations in the early 21st century, economic partnership, post-Soviet space, EU eastern policy.

Сближение с Европейским союзом на основе тесной ассоциации представляется более естественным и, главное, более продуктивным, чем другие альтернативы. Только ЕС может быть источником необходимого технологического обновления российской экономики, которое могло бы увеличить производительность труда и уменьшить потребность в завозе рабочей силы. ЕС также представляет собой источник социальных технологий, позволяющих восстановить социальную сплоченность российского общества, как и большого опыта в продвижении правового государства и борьбы с коррупцией.

The rapprochement of Russia and the EU on the basis of a close association appears more natural and more productive than other alternatives. Only EU can be a source of adequate technological innovations in the Russian economy which would raise labor productivity and decrease the demand in the import of workforce. The EU also is a source of social technologies allowing to restore the social cohesion of the Russian society, as well as great experience in advancing the state of law and fighting corruption.

Ван Чэньсин, Ли Син. Евразийский союз в оценках китайских исследователей

Wang Chenxing, Li Xing. The Eurasian Union as Seen by Chinese Researchers

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., СНГ, евразийская интеграция, ЕврАзЭс, Таможенный союз, ШОС, китайская научная литература.

Keywords: Russia in the early 21st century, CIS, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Customs Union, Shanghai Organization of Cooperation, Chinese scholarly literature.

С геополитической точки зрения в Центральной Евразии происходит процесс реинтеграции региональных сил, которые будут оказывать большое влияние на другие регионы и страны. Влияние евразийской интеграции и Евразийского союза на российско-китайские отношения и ШОС находится в центре внимания китайских исследователей. По мнению большинства из них, создание Евразийского союза имеет и позитивную, и негативную стороны.

From a geopolitical point of view the Central Eurasia witnesses the process of re-integration of the regional forces which will substantially affect other regions and countries. The impact of the Eurasian integration and the Eurasian Union on the Russian-Chinese relations and the Shanghai Organization of Cooperation is in the core of attention of Chinese scholars. Most of them believe that the creation of the Eurasian Union has both positive and negative sides.

С.С. Алабян, О.В. Морозенкова. Внешнеэкономическая деятельность России в сфере услуг

S.S. Alabyan, O.V. Morozenkova. Russia's Foreign Economic Activities in the Services Sphere

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., внешнеэкономическая деятельность, внешняя торговля, сфера услуг, мировая конкурентоспособность.

Keywords: Russia in the early 21st century foreign economic activities, foreign trade, services sphere, world competitiveness.

Торговля услугами в РФ развивается так же стремительно как и во всем мире, опережая темпы роста торговли товарами. России необходимы прежде всего увеличение объемов и расширения ассортимента современных по клас-

су и доступных по ценам услуг (как отечественных, так и импортных), а также повышение и подтягивание к международному уровню конкурентоспособности производимых в стране услуг.

Services trade grows in Russia as vigorously as in the world leaving behind products trade in the rate of growth. Russia needs first of all an increase in volumes and range of up-to-date and affordable services (both domestic and imported) as well as the rise of home-made services competitiveness close to international standards.

В.А. Радзиевский. Восточнославянская субкультурная общность России и Украины: Исторический и этнолингвистический экскурс
V.A. Radzievsky. Eastern Slavic Subcultural Entity of Russia and Ukraine: An Historical and Ethno-Linguistic Excursion

Ключевые слова: Россия и Украина, славянская идентичность, общая история, Древняя Русь, русский язык, украинский язык.

Keywords: Russia and Ukraine, Slavic identity, common history, ancient Russia, Russian language, Ukrainian language.

Цель статьи – показать общекультурное родство России и Украины, многовековое единство восточнославянской субкультурной общности и сохранение общего древнерусского историко-этнолингвистического корня, несмотря на засилье, особенно на Украине, чужеродных западных традиций.

The aim of the study is to reveal common cultural affinity of Russia and Ukraine, the centuries old unity of Eastern Slavic subcultural identity and preservation of common ancient Russian historical and linguistic roots despite the domination, especially prominent in Ukraine, of alien Western traditions.

В.Ю. Даренский. Русская идентичность в современной Украине: Проблемы и перспективы
V.Yu. Darensky. Russian Identity in Contemporary Ukraine: Problems and Prospects

Ключевые слова: современная Украина, русское население, русский язык, русская идентичность.

Keywords: contemporary Ukraine, Russian population, Russian language, Russian identity.

Русскоязычное сообщество Украины всегда будет сохранять свой особый исторический статус и свою особую современную значимость. Во-первых, речь идет о примерно 20 млн человек – это почти половина населения всей Украины. Во-вторых, находясь в постоянном конкурентном сосуществовании с украиноязычной общностью, имеющей радикально иные идеологические и цивилизационные ориентации, русскоязычное сообщество Украины самим своим существованием утверждает ценность российской идентичности и ее креативный потенциал.

The Russian-language community in Ukraine will always keep its specific historical status and special current importance. First, it is roughly twenty million people – almost half of the whole population of Ukraine. Second, the Russian language community, living in a permanent competitive coexistence with the Ukrainian language community which has radically different ideological and civilizational orientations, asserts the value of Russian identity and its creative potential by its very existence.

В.Н. Бабенко. Украина в паутине национализма: Политические и правовые последствия
V.N. Babenko. Ukraine in the Web of Nationalism: Political and Legal Consequences

Ключевые слова: Украина в XX в., современная Украина, политические движения, национализм, правый радикализм, государственный переворот в феврале 2014 г.

Keywords: Ukraine in the 20th century, contemporary Ukraine, political movements, nationalism, rightist radicalism, coup d'etat in February 2014.

В паутину национализма Украину втягивали как внешние, так и внутренние политические силы. Националистические тенденции остро проявлялись особенно в переломные исторические периоды (Октябрьская революция, Гражданская война и Великая Отечественная война). Особую остроту проблемы национализма приобрели в ноябре 2013 г. после отказа В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с Евросоюзом.

The web of nationalism was embracing Ukraine with the help of both external and internal political forces. Nationalist tendencies sharply revealed themselves at historical crossroads like the October Revolution of 1917 followed by the civil war and the Great Patriotic War. Nationalistic trends acquired specific sharpness in November 2013 when Ukrainian President V. Yanukovich refused to sign an association agreement with the European Union.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 2–2014 (83)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 10.06.2014 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 22,9 Уч.-изд. л. 17,5
Тираж 900 экз. Заказ № 72

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9